

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

• 15(2) • 2022

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах "Scopus", Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России.

Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (Россия).

Вайц Р. – Старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра исследований политических элит ИМИ МГИМО МИД России (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией geopolитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию — руководитель аппарата ректора МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэлслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорд У. – профессор им. Энрико Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (RAS).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Professor, Department of Applied Politics, National Research University – Higher School of Economics, Saint Petersburg (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Senior research fellow of Center for Political Elite Studies, MGIMO University (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malgin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development - Chief of the Rector's Office, MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Professor, chair of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru
e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.
ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Беленков В.Е., Гожина А.В.,
Захарова Е.А., Кузнецов Д.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО
МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 20,65 усл. п.л. Заказ № 571

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregestered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;
e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.
ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 15(2) • 2022

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

История международных отношений

- 7 Черникова Т.В. – Социокультурная система Московского царства и своеобразие петровской европеизации
- 37 Линькова Е.В. – Внешняя политика Петра I в оценках российских консерваторов XIX в.
- 51 Артамонов В.А. – Провозглашение Всероссийской империи – на пути к великодержавному статусу
- 69 Топычканов А.В. – Укрепление международного престижа России в условиях Северной войны: институты и инструменты российской дипломатии
- 85 Федюкин И.И., Новикова А.Д. – Письма Фридриха Христиана Вебера Джону Робесону из России 1718–1719 гг.

Международная безопасность

- 108 Вершинин А.А. – Противоречия модели коллективной безопасности: современная историография об эволюции Версальской системы международных отношений в 1930-е гг.

- 141 Кожокин Е.М. – Борьба за влияние на Крыше мира
- 164 Мамедова А.О. – США и Великобритания на ГА ООН: голосование по важным для США резолюциям (2001–2019 гг.)

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 209 Сухомлинова В.В. – Новый «момент» для китайской диаспоры?
- 218 Калугина Т.Н. – Внешняя политика и деглобализация
- 226 Балматова Т.М. – Роль культурного наследия в современной мировой политике

Table of Contents • 15(2) • 2022

RESEARCH ARTICLES

History of international relations

- 7 Chernikova T.V. – Tsardom of Muscovy Traditional Culture and Peter's Westernization Project
37 Linkova E.V. – Peter the Great's Foreign Policy in the Assessments of Russian Conservatives of the 19th Century
51 Artamonov V.A. – Proclamation of the All-Russian Empire – the Beginning of the Way to the Great Power Status
69 Topychkanov A.V. – Strengthening Russia's International Prestige during the Northern War: Russian Diplomatic Institutions and Instruments
85 Fedyukin I.I., Novikova A. D. – Letters of Friedrich Christian Weber to John Robeson from Russia, 1718-1719

International security

- 108 Vershinin A.A. – Contradictions of Collective Security Model: Modern Historiography on the Evolution of the Versailles System of International Relations in the 1930s

- 141 Kozhokin E.M. – The Struggle for Influence on the Roof of the World
164 Mamedova A.O. – U.S.-UK Voting Cohesion in the United Nations General Assembly: Important Votes (2001 – 2019)

BOOK REVIEWS

- 209 Sukhomlinova V.V. – A new Chinese "Diaspora Moment"?
218 Kalugina T.N. – Foreign Policy and the Age of Globalization
226 Balmatova T.M. – The Role of Cultural Heritage in Modern World Politics

Социокультурная система Московского царства и своеобразие петровской европеизации

Т.В. Черникова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Статья посвящена изучению вопроса о «революционности» европеизации России эпохи Петра I в контексте наиболее значимых отличий социокультурной системы России второй половины XV – начала XVIII вв. от западноевропейских аналогов этого времени. В первой части статьи автор выясняет, какую особенность социокультурной системы России западноевропейцы второй половины XV–XVI вв. считали главным отличием от европейских государственных устройств. Было обнаружено, что таким отличием считалось соединение в руках государя не только высшей политической власти, но и права быть верховным собственником ресурсов страны, что вело к выстраиванию всех общественно-политических отношений по линии «государь – холопы». Именно на этом основании ренессансная западная политическая мысль «не приняла» Московию в «Европу».

Автор, рассматривая различные подходы к описанию Московии второй половины XV–XVII вв., показывает, что существовал как благожелательный подход в описании России в сочинениях Иогана Фабри, Павла Иович, Альберта Кампензе, так и критическое отношение к русскому социально-политическому укладу большинства, писавших о Московии (Матвей Меховский, Сигизмунд Герберштейн и др.). Также рассматривается дискуссия правоведов середины – конца XVI в. на предмет легитимности государственного устройства России, в частности, у Герберштейна, Флетчера и Бодена.

В статье указывается, что названных выше учёных мужей Ренессансной Европы справедливо считать основоположниками концепции патrimonialной монархии (вотчинного уклада) в России, которую впоследствии развивал ряд отечественных и зарубежных историков (В.О. Ключевский, П.Н. Милюков, Р. Пайпс, Э. Каррер д'Анкосс и другие).

Во второй половине статьи анализируется понятие «европеизация» («вестернизация») России и представлена периодизация данного явления. Автор полагает, что отсчёт поверхностной европеизации как системы механического регулярного заимствования Россией новшеств модернизирующейся Западной Европы в военной, технической, культурной и других областях можно начинать с рождения единого Московского государства. Петровская европеизация была новым этапом освоения западноевропейского опыта, т. к. сняла государственный и церковный барьер в общении русских людей с западноевропейцами и не только поощряла

УДК: 94, 327

Поступила в редакцию: 11.11.2021 г.

Принята к публикации: 15.01.2022 г.

обучение в западных странах и интерес к западной науке и культуре, но и открыла путь к становлению светского образования и науки в России. Успехи в этих областях стали бесспорными предпосылками для начала процесса модернизации России.

Но несмотря на то, что петровский этап (петровская европеизация) отличался от прежнего не только количеством заимствований, это не повлияло кардинально на суть политической системы России. Вотчинный уклад в эпоху Петра достиг своего апогея.

Ключевые слова: патrimonиальная монархия, вотчинный уклад, окончательное «закрепощение сословий», вестернизация, преодоление Средневековья

Петровская эпоха занимает особое место в российской истории. Именно с неё начинается отсчёт Нового времени и процесс превращения России в великую европейскую державу. Неслучайно внимание историков первоначально приковывал к себе именно процесс европеизации страны и его «революционность» по отношению к старомосковским временам. Однако к концу XIX – началу XX в. в трудах В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова и П.Н. Милюкова оформился критический взгляд на характер, методы и итоги внутренних преобразований Петра I. Анализ историографии эпохи Петра I можно найти в ставших классическими работах Е.Ф. Шмурло (Шмурло 1889, 1912) и датского историка Х. Багтера (Баггер 1985), историографических обзорах Н.И. Павленко (Павленко 1976), в оригинальной по структуре книге С.В. Бушуева (Бушуев 1994), а также в работах американского историка Н.В. Рязановского (Riasanovsky 1992) и историографических обзорах историков XXI в. (Большакова 2006; Китайев 2008; Соловьев 2009; Kosheleva 2018).

Со временем соотношение «старого» и «нового» в контексте понимания модернизации как главной национальной задачи России в Новое время стало ключом к осмыслинию петровских реформ. В.О. Ключевский показал, как европеизация Петра вытекала из западного влияния, охватившего Россию в XVII в. (Ключевский 1988), и констатировал: «Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозою власти вызвать самодеятельность в порабощённом обществе и через рабовладельческое дворянство вдворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешённая» (Ключевский 1989: 203). Современный историк А.П. Богданов нашёл в царе Фёдоре III прямого по замыслу реформ предшественника Петра, причём более вдумчивого (Богданов 2009). С.Ф. Платонов счёл возможным свести Петра с пьедестала «революционера на троне», показав родственность его внутренней политики курсу Романовых XVII в. Автор концепции «реформы без реформатора» П.Н. Милю-

ков пришёл к выводу: «Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейских держав» (Милюков 1905: 546), при этом её будущее, связанное с началом внутренней модернизацией, было, по сути, отдалено.

Критический анализ итогов и значения петровской реформы господствовал в исследованиях конца XX – первых десятилетиях XXI в. Мы можем наблюдать два прямо противоположных по смыслу подхода. Первый – это возврат к историософии и публицистике славянофилов и почвенников с отрицанием необходимости европеизации, а, по сути, и модернизации культурно-духовной сферы русской жизни (Багдасарян 2006, Киселев 2017, Реснянский 2009). Второй указывает на часто поверхностный характер петровской европеизации, которая где-то готовила почву для внутренней модернизации России, а где-то сдерживала её начало (Анисимов 1997, 2017; Каменский 2007). Последней позиции придерживается практически вся зарубежная историография русского XVIII в., и прежде всего видные представители англоязычной русистики Л. Хьюз (Hughes 1998), Р. Пайпс (Pipes 1974), Р.К. Масси (Massie 1981), Ю. Кракрафт (Cracraft 2003), Р.С. Уортман (Wortman 1995, 2004).

Московия – это Европа? Западноевропейские представления о России XV–XVII вв.

В XIV – первой половине XV в. о Великом княжестве Московском в Западной Европе знали мало, отчего эту часть русского пространства часто называли «Тартарией». Представления о Руси ассоциировались тогда с южно- и западнорусскими землями, которые входили в Великое княжество Литовское. Поэтому когда немецкий путешественник-авантюрист Николай Попель попал в Москву Ивана III, он поспешил сообщить императору Священной Римской империи германской нации о наличии «другой Руси», за которой вскоре в записках иностранцев закрепилось название «Московии». В этой неведомой прежде Московии Империя и Святой престол надеялись найти союзника для обуздания османской экспансии в Европу, а также проводника идеи церковной униони.

В отличие от Германии в итальянских государствах, особенно в Милане, Генуе, и Венеции, о Московии знали с середины-конца XV в. Об этом свидетельствуют документы миланского архива Сфорца и книги венецианцев Ио-сафата Барбаро и Амброджо Контарини¹. Барбаро побывал в Москве где-то

¹ Барбаро и Контарини о России. К истории итalo-российских связей в XV в. Вступ. статья, подг. текста, пер. и комм. Е.Ч. Скрябиной. Ленинград: Наука, 1971. Первый раз книга И. Барбаро «Viaggi fatti da Venetia, alla Tana, in Persia, in India et in Constantinopoli: con la descrizione particolare di Citta, Luoghi, Siti, Costumi, et della Perta del gran Turco etc.» увидела свет в издании Антония Мануцио в 1543 г., позже была переиздана в 1559 и 1606 г. Контарини опубликовал свои записки «Viaggio de misier Ambrogio C., ambassador al gran-signore Ussum-Cassan, re di Persia» («Путешествие Амброджо К., послы светлейшей Венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану») в 1488 г.

между 1436–1452 гг. и в 1479 г., а Контарини находился в Москве с 26 сентября 1475 г. по 21 января 1476 г. Оба весьма благожелательно описали Московию, не увидев в ней ни отсталости (варварства), ни невежества. Контарини хвалил русского дипломата Марка, спасшего его от рабства и вывезшего в Москву с татарского Востока. Правда, он отметил, что обычаи Московии ему чужды и тяжелы, поэтому он был обрадован, когда великий князь Иван III отпустил его на родину.

Ещё до вояжа Контарини в Москву в 1472 г. в Италии с восторгом встретили инициированный Папой Павлом II брак московского государя Ивана III с воспитанной в Риме племянницей последнего византийского императора Софьей Палеолог. С 1470-х гг. в Италии ждали отвоевания московитами хотя бы части земель канувшей в Лету Византии.

В первой половине XV в. небольшая часть католического духовенства считывала на унию старых церквей против новой «протестантской ереси»: эти надежды стали причиной появления на свет идеалистических трудов о Московии немецкого богослова Иоганна Фабри, итальянского писателя-гуманиста Павла Иовия и жившего при дворе Папы Адриана VI литератора Альберта Кампензе, родом нидерландца.

Оппозицию им составляли воззрения на Россию Матвея Меховского и других польских авторов, чьё негативное отношение к Московии легко объяснить острым geopolитическим соперничеством Польши и Литвы с Великим Московским княжеством.

Постепенно выяснялось, что ожидание антиосманского союза с Московией и преодоления церковной схизмы оказалось иллюзией. Добродушие дальних «соседей» сменилось досадой и стихийно формировавшимися стереотипами о России как о чужой Европе и варварской стране. Западная Европа быстро менялась в сравнении с временем, когда Барбаро и Контарини побывали в Москве. Ренессанс и Реформация уводили западноевропейцев всё дальше от их Средневековья, а Московская Русь оставалась типично средневековой страной. На Западе XV–XVII вв. средневековый идеологический концепт «христианского мира» начал перерабатываться в концепт «Европы» как эпицентра цивилизации. Ренессансные авторы, читающая их образованная публика, и даже простые обыватели в своей картине мира осмысливали вопрос, какие страны и народы входят в «Европу». Этот дискурс присутствовал и в заочной полемике названных выше почитателей Московской «Святой Руси» с их оппонентами.

Настоящим прорывом в этом споре стали «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна. Сочинение оказалось настоящей энциклопедией русской жизни для западноевропейцев не только XVI, но и XVII–XVIII вв.

Герберштейн посетил Россию в 1517 и 1526 гг. в качестве имперского и австрийского посла-посредника в русско-литовско-польских переговорах. Но как учёный своей задачей Герберштейн считал составление всестороннего научного

трактата о прошлом и настоящем столь мало известной Московии с описанием её территории, климата, религии, состава населения. «Сверхзадачей» Герберштейна было осмысление государственной системы России.

Государственный строй Московии Герберштейн назвал тиранией, и это означало отрицательный вердикт. В рамках политического учения Аристотеля тирания рассматривалась как незаконная форма организации государственной власти, т. к. она превращает подданных в рабов. Он писал, что Василий III всех свои подданных «одинаково гнетёт он жестоким рабством». «Властью, которую он применяет по отношению к своим подданным, он легко превосходит всех монархов всего мира ... Он применяет свою власть к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно и по своей воле жизнью и имуществом всех... Они открыто заявляют, что воля государя есть воля Божия... именуют его ключником и постельничим Божиим... Неизвестно, или народ по своей загрубелости требует себе в государы тирана, или от тирании государя сам народ становится таким бесчувственным и жестоким»².

Взгляд Герберштейна на Московию как на тиранию, подобную Османской империи, закрепился в большинстве трактатов на правовые, политические и исторические темы. Показательны в этом плане многочисленные записки англичан, членов Лондонской Московской компании, ведшей прибыльную торговлю с Россией во второй половине XVI в. Образ рождённого рабом московита, прославляющего своё рабство, вошёл даже в английскую литературу (поэзия Джорджа Тербервилля и Филиппа Сидни, пьесы Уильяма Шекспира).

Основным жанром сочинений о Московии с 1560-х гг. стали памфлеты, бичевавшие личные пороки московского «тирана» Ивана Ужасного и «варварскую жестокость» его внутренней и внешней политики. Через «Летучие листки», выпускаемые противниками России, в период Ливонской войны русско-польско-литовский конфликт стал восприниматься как защита Речью Посполитой Европы от натиска азиатского «варварства». Апогея такой подход достиг в памфлетах немца Павла Одерборна и веронца Александра Гваньини – авторов, связанных с Речью Посполитой. В царской и советской России цензурой был фактически наложен запрет на перевод и изучение их сочинений, за исключением упоминаний о них как об антирусских пасквилях.

Во Франции, раздираемой борьбой католиков и гугенотов, стереотип «московской тирании» присутствовал в дискуссиях обеих сторон относительно поиска правильного государственного строя Франции. К примеру, в 1570 г. вышла «Всеобщая история мира» Франсуа де Бельфорэ, где московиты и турки были представлены верными рабами своих монархов-тиранов. Во «Всеобщей космографии», изданной в 1575 г. королевским космографом Андре Тевэ о Василии II, говорилось: «Этот герцог пользовался абсолютной властью, как над епископа-

² Герберштейн С. 2008. Записки о московских делах. Пер. А. И. Малеина. Москва: ЭКСМО. С. 63, 65.

ми, так и над другими, распоряжаясь имуществом и жизнью каждого по своей прихоти...»³. Анонимный памфlet «Иск к тиранам», который вышел во Франции на латинском языке в 1579 г., а на французском в 1581 г., упоминал тирании Османскую империю и Московию (Самотовинский 2014: 145).

Однако именно во Франции была продолжена традиция Иоганна Фабри, Павла Иовия и Альберта Кампензе. Только вместо конструкции «Святой Руси», страны искренних наивных христиан, управляемых сильной властью христианского монарха, приверженность которого к схизме Фабри, Иовий и Кампензе объясняли кознями коварных греков, новый вариант позитивного взгляда на Московию был основан на отказе от выводов Аристотеля о законном государстве как устаревших или пригодных только для античной Греции. Всесилие московского государя над подданными трактовали как одну из главных причин внутренней стабильности России, её военной мощи и успехов внешней экспансии как на восток (завоевание Казанского, Ногайского и Астраханского ханств), так и на запад (отъём у Литвы части её русских владений). Французские авторы не видели угрозы от Московии Европе. В 1540-е гг. знаток стран Востока профессор Гийом Постель в своём труде о государственной системе Турции⁴ заявил, что «христианское государство московитов вот уже больше двухсот лет не даёт ... татарам сделать набег на Европу»⁵. А писатель-гуманист Луи Ле Руа нашёл, что существует связь между формой организации государственной власти в Московии – деспотией – и тем, что московиты по их военному могуществу вошли в число «первых и самых славных народов мира»⁶.

Так военная мощь и успехи экспансии стали причиной компромисса при теоретической оценке форм государственного устройства стран «неевропейских», прежде всего, России и Турции. Такой подход в XVI в. особенно свойственен французу Жану Бодену, одному из самых востребованных авторов Ренессансной Европы, писавших на политические и правовые темы: «...за многие столетия не нашлось до сегодняшнего дня никого, кто бы объяснил, что является лучшей формой государства»⁷. «Я называю монархией государство, в котором верховной властью наделён один человек, в результате чего получается либо полновластие, либо безвластие. Последнее называется тиранией, первое – королевством... По Аристотелю, король становится тираном, когда его управление,

³ Цит. по: Самотовинский Д.В. 2014. «Тирания» или «законная монархия»? Политические порядки Московии во французской этнографической, политической и исторической литературе эпохи религиозных войн. *Известия вузов*. Серия «Гуманитарные науки». 5(2). С. 144.

⁴ Par Guillaume Postel. 1560. *De la republique des Turcs et la ou l'occasion s'offrera, des meurs et loy de tous Muhamedes*. Poitiers: par Enguilbert de Marnef.

⁵ Цит. по: Колпаков М.Ю. 2015. «Московия» французских интеллектуалов и «Россия» французских путешественников: трансформация образа русских на рубеже XVI–XVII вв. Метаморфозы истории. Вып. 6. Псков: Изд-во Псковского государственного университета. С. 74.

⁶ Там же. С. 75.

⁷ Боден Ж. 2000. Метод легкого постижения истории. Пер. М.С. Бобковой. Москва: Наука, С. 135.

и без того не отличающееся мягкостью, противоположно желанием народа. Но это неверная оценка, потому что при такой системе... сам Моисей, наиболее мудрый и справедливый правитель, может быть заклеймён как величайший тиран, потому что он приказывал и запрещал своему народу всё, действуя против его воли⁸. В реальности всегда существовало, говорит Боден, «два вида государств. Первый утверждается силой, а второй – справедливостью. Ко второму типу относятся королевство, аристократия и демократия, к первому – тирания, олигархия и охлократия... Но так как империи, в которых побеждает тирания, не могут удержаться без справедливости, то тираны сами начали культивировать эту добродетель, не для себя, конечно, но для народа»⁹. Во французском (1576) и латинском (1586) изданиях главного труда Бодена, «Шести книгах о государстве», где была окончательно сформулирована его теория государственного суверенитета, автор отдалил, так сказать, неправильную для «Европы» (т.е. романо-германской её части) форму единовластия – «тиранию», от варианта «законной деспотии», широко распространённого, по его мнению, в Азии, к примеру, в Турции и Московии. «Отличительным признаком *la monarchie seignueriale* является то обстоятельство, что “король делается господином достояния и личности своих подданных... управляет ими наподобие того, как глава семьи управляет своими рабами”... народы Западной Европы такого правительства не потерпели бы»¹⁰. Однако поскольку и Османская, и Московская «сенюриальные монархии» (деспотии) достигли благодаря поддержанию внутреннего спокойствия большой военной силы и внешних успехов, их можно отнести к легитимным типам государственных систем.

В конце XVI столетия в заочный спор с нейтральной оценкой московской государственной системы Бодена вступил англичанин, доктор гражданского права, член Парламента и дипломат Джильс Флетчер¹¹. Его книга имела длинное по моде того времени название «О Государстве Русском, или образ правления Русского Царя (обыкновенно называемого Царём Московским)¹², с описанием нравов и обычаев жителей этой страны». Это был исторический трактат, где

⁸ Там же. С. 179.

⁹ Там же. С. 191.

¹⁰ Jean Bodin. 1962. The Six Books of a Commonweal (1606). Cambridge, Mass., Book II. Ch. 2. P. 197-204. Цит. по: Пайпс Р. 1993. Россия при старом режиме. Москва: Независимая газета. С. 92.

¹¹ Последнее время современные отечественные авторы именуют Флетчера Джайлсом, что ближе к английскому произношению его имени. К примеру: Карапуза И. Россия и Англия в зеркале книги Джайлса Флетчера: из истории общественного самосознания и национальных комплексов. Но мы используем форму «Джильс», которая с XIX в. закрепилась в российской историографии.

¹² Флетчер Дж. 1906. О государстве русском. Изд. 3-е. Пер. Д. И. Гиппиуса. Санкт-Петербург: Изд-во А. С. Суворина. 162 с.

Флетчер Дж. 2003. О Государстве Русском. Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Пер. с англ. Н. Белозерской, Ю. Готье. Пер. с нем. И. Анонимова, И. Полосина. Смоленск: Русич. С. 14–151. В отличие от труда Герберштейна, сочинение Флетчера было мало известно современникам. По просьбе английских купцов, ведших торговлю с Москвией, английское правительство приказало сжечь весь тираж книги Флетчера из опасения, что негативная характеристика России, данная автором, лишил Английскую Московскую компанию её привилегий в России.

фактическая информация, почерпнутая из трудов Герберштейна, Меховского и английских авторов, дополнялась личными наблюдениями Флетчера. В сравнении с Герберштейном трактат Флетчера был скорее политологическим сочинением, лейтмотивом которого была трактовка России как нелегитимной тирании. «Образ правления у них весьма похож на турецкий, которому они, по-видимому, стараются подражать, сколько возможно по положению своей страны и по мере своих способностей в делах политических. Правление у них чисто тираническое: все его действия клонятся к пользе и выгодам одного царя и, сверх того, самым явным и варварским образом»¹³. Социальной политике московского государя, по мнению Флетчера, было свойственно то, что он назвал «софизмом»: с одной стороны, наблюдалось «угнетение дворянства и простого народа, без всякого притом соображения их различных отношений и степеней»; с другой – «дворянству дана несправедливая и неограниченная свобода повелевать простым, или низшим, классом народа и угнетать его... особенно там, где они имеют свои поместья или где определены царём для управления»; а с третьей стороны, «простолюдинам сделана также некоторая маловажная уступка тем, что они могут передавать свои земли по наследству любому из сыновей... Несмотря, однако, на это, оба класса, и дворяне, и простолюдины, в отношении к своему имуществу являются не чем иным, как хранителями царских доходов, потому что всё нажитое ими рано или поздно переходит в царские сундуки...»¹⁴.

Явная гиперболизация Флетчером неприглядных для него сторон русского самодержавия, свойственная всем английским авторам, может быть объяснена тем, что Англия с её «Великой хартией вольности» от 1215 г. и «торговыми мужиками» в парламенте, так возмущавшими в своё время Ивана Грозного¹⁵, продвинулась к концу XVI в. в модернизационных процессах Нового времени дальше иных европейских государств.

В XVII в. западноевропейцами были написаны сотни новых сочинений о России, но в теоретическом плане они не произвели никаких «революций». Все полагали Россию страной неевропейской. Условно, «линию Бодена» развивали побывавшие в России голландские дипломаты (Бальтазар Койет) и отчасти итальянцы. «Линию нелегитимной тирании» в научном плане развил голштинец Адам Олеарий и многие другие «немцы».

¹³ Флетчер Дж. 2002. О государстве русском. Пер. М. А. Оболенского. Москва: Захаров. С. 41.

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Мы думали, что ты в своём государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государевой чести и выгодах для государства, — поэтому мы и затеяли с тобой эти переговоры. Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах и о чести, и о выгодах для страны, а ищут своей торговой прибыли. Ты же пребываешь в своем девическом звании, как всякая простая девица». (Письмо Ивана IV к королеве Елизавете I от 24. 10. 1570).

Развитие концепции вотчинного уклада Московской Руси в исторической науке

Зачем мы совершили экскурс в область оценок западными современниками природы «старомосковского» уклада? Конечно, не только для того, чтобы показать неоднозначность представлений о Московии. Гораздо важнее, что это были оценки русскому Средневековью из эпохи Нового времени, когда рационализм уже обрушил монополию религиозной схоластики.

Причина доминирования критической оценки государственного и общественного строя Московии у большинства западноевропейских авторов лежала не в некой «извечной враждебности» Запада к России¹⁶, а в несходстве системы идеалов и ценностей средневекового москвитянина и смотрящего на Москвию из раннего Нового времени европейца. Особенно остро расходились они и в трактовке смысла существования государства, и в долге человека, и в правильном с их точки зрения устройстве общества.

Наиболее значимо для оценки европеизации Петра I посмотреть, что происходило с тремя чертами социокультурной организации России, которые Боден и его многочисленные оппоненты согласно выделили как «несхожести» с «Европой»:

1) Россия принадлежит к миру менее развитому в цивилизационном плане, нежели «Европа». Выражалось это в оценках Московии как «тирании», а её народа – как «варварского и дикого», т. к. в России нет ни западного бытового комфорта, ни развитых ремёсел и прочих хозяйственных занятий, школ, университетов и науки;

2) Близкой к Московии по своему устройству западноевропейцам представлялась Османская империя, а потому многим западным интеллектуалам XVI–XVII вв. показалось логичным отнести Россию к государствам азиатским. Сама Московия конца XV–XVII вв. с её склонностью к изоляционизму и религиозному мессианству не скрывала недоверия, презрения, а то и открытой враждебности к Европе. Даже поворот части русской социально-политической элиты «бунтшного XVII века» к западу не сделал Россию в умах россиян «Европой»;

3) Русское общество и центральная власть существуют в системе, не похожей на западноевропейские социально-политические конструкции как XV–XVII вв., так и западноевропейского прошлого, не говоря уже об античных греческих или римских временах.

¹⁶ Подобная версия, популярная в российской современной консервативной публицистике, была впервые рельефно представлена Николаем Данилевским в его «России и Европе» (1869). 150 лет назад польза от такого подхода заключалась только в том, что он помог выдающемуся теоретику Данилевскому параллельно с Тойнби открыть цивилизационный подход к пониманию прошлого и настоящего.

Оказалось, что достижения древних греков и римлян¹⁷ мало заботят московитов, русские законы не имеют отношения к римскому праву, непререкаемо авторитетному на Западе, что вкупе с суровыми природными условиями определяет образ жизни и характер народа, а заодно и деспотизм государей.

Концепт «Россия – не Европа» столь прочно закрепился в стихийно выработанных стереотипах самого русского менталитета, что в отечественной историографии традиционно использовался термин «европеизация», а не его западный аналог – «вестернизация».

То, что авторы XVI–XVII вв. определяли как «тиранию», «деспотию» или «сенюриальную монархию», в науке XIX – начала XXI в. преобразовалось в понятие *служилого вотчинного государства*, стремящегося к «закрепощению словий» (терминология классиков отечественной исторической и правовой наук В.О. Ключевского и К.Д. Кавелина). В западной историографии такой тип социокультурной системы называется *вотчинным укладом*. Макс Вебер называл присущий вотчинному укладу тип государства патrimonialной (вотчинной) монархией. В середине – второй половине XX в. анализ вотчинного уклада можно найти в работах американского историка-концептуалиста Ричарда Пайпса и заслуженной представительницы французской россики Элен Каррер д’Анкёсс, а также в работах многих зарубежных историков – Маршалла По, Майкла Ходарковски, Стефана Мунда и др. Взгляд Матвея Меховского, который одним из первых применил термин «иго» к зависимости северо-восточной Руси от Орды и увидел в этом одну из главных причин установления в Московской Руси государственного порядка, несвойственного «Европе», был развит в современной историографии в нескольких враждующих между собой концепциях, сходных во мнении, что «Москва – Второй Сарай».

Основным признаком вотчинного уклада был статус государя как не только носителя верховной политической власти, но и верховного собственника всей земли и ресурсов страны. В общественном сознании такое положение отражалось как религиозно-политическая догма, вытекающая из сакральной роли монарха в качестве наместника Бога на земле.

Концепция «вотчинного уклада» Пайпса базировалась на идеях авторов раннего Нового времени, а также развивала оценки историков критического направления российской государственной школы В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера и др. Подобно названным отечественным исследователям

¹⁷ На Западе в период даже раннего феодализма, когда господствовало обычное право, сохранялась память и о римском праве. В XI–XII вв. его штудируют во многих школах. С XIII в. им интересуются светские монархи и феодалы, купцы и прочие горожане, лишь отдельные церковные деятели тревожатся на предмет наличия в римском праве скрытого языческого духа. Но вскоре и церковь поощряет интерес к римскому праву и включение его принципов и норм в текущее законодательство по всем западноевропейским странам, ибо это способствовало защите интересов самих католических прелатов, являвшихся крупными феодалами, сеньорами и вассалами. С началом эпохи Возрождения интерес к античному наследству становится разносторонним и всеохватывающим.

телям, Пайпс выводил корни московского вотчинного уклада из удельного княжества-вотчины времён Великого княжения Владимирского и его зависимости от Орды в XIII – первой половине XV в. «Происходили ли великие князья Владимирские из Москвы, Твери или какого-нибудь иного удельного княжества, они всегда рассматривали свои владения как вотчину, то есть свою безусловную собственность. Их власть над своими владениями может быть уподоблена власти держателя *dominium*'а в римском праве, определяемой как “абсолютная собственность, исключающая иные виды собственности и подразумевающая за сим обладателем право пользования, злоупотребления и уничтожения” (Vinogradoff 1926: 30) ... с середины XV в. в связи с укрепление могущества московских князей и их переходом к открытой борьбе за установление верховной власти над всей Русью, значение термина расширилось и стало обнимать всю страну» (Пайпс 1993: 91), включая со временем не только русские территории, но и завоёванные земли других народов.

Вывод о включении всех присоединённых к Москве территорий в «наследственную отчину» московских Рюриковичей мы можем встретить на страницах любого труда, посвящённого становлению единого Московского государства. К примеру, дореволюционный историк Н.Г. Устрялов отмечал, что ломка при Иване III и Василии III новгородских и псковских общественно-политических устоев, как и изъятие вотчин у потомков удельных князей и переселение их в Москву с наделением землевладениями в неродных для них уездах России, было связано с тем, что самодержавие московского государя могло быть обеспечено только объявлением всей Руси «наследственной отчиной» великих князей Московских, ибо в представлении русских людей того времени «власть государя... в наследственной отчине... была неограниченна» (Устрялов 1997: 195).

Пайпс подчёркивал, что, в отличие от Запада Европы, в Московии стремление государя не видеть разницы между частной собственностью владельца, собственностью государства и собственностью подданных было реализовано на практике. Одним из стандартных критериев, использовавшихся западной мыслью для различия законного короля от деспота, было то обстоятельство, что первый уважает собственность своих подданных, а второй – нет (Пайпс 1993: 91–93).

Пайпс полагал, что торжество вотчинного уклада продлилось в Московской Руси до середины XVII в., когда само правительство начало процесс вестернизации. Из всех держав, организованных по принципу вотчинного уклада, Россия первой начала его сворачивать, будучи страной христианской и преимущественно славянской, к тому же расположенной ближе прочих «великих вотчинных государств» к Западной Европе – главному центру модернизации. В силу этих причин Россия «первой ощутила пороки своего жёсткого, негибкого устройства. Россия первой из незападных стран пережила период неверия в свои силы..., вызванный осознанием того, что, какой бы недостойной и негодной не казалась западная цивилизация, ей удалось завладеть секретом мо-

гущества и богатства, который надобно перенять тем, кто хочет с ней успешно тягаться» (Пайпс 1993: 151–152).

Внешне кажется, что Пайпс пересказывает идеи Ключевского, однако в позициях этих историков есть принципиальная разница. Ключевский, как всякий русский либерал-западник, не считал Россию чуждой Европе. Он предполагал, что по мере созирания русских земель вокруг Москвы Россия объективно вырастала за пределы вотчинного уклада, превращаясь в «государство – народный союз». Процесс этот шёл не без влияния Запада, но имел и внутренние корни.

Рассуждая о причинах Смуты, Ключевский назвал «вотчинный взгляд» на Московское царство русских людей XVII в. «недоразумением», связанным «с общей скучностью или неготовностью политических понятий». По мнению учёного, применительно к началу XVII в. русское государство «было уже союзом великорусского народа и даже завязывало в умах представление о всей Русской земле как о чём-то целом; но мысль ещё не поднялась до идеи народа как государственного союза... В общем сознании... Московское государство всё ещё понималось в первоначальном удельном смысле, как хозяйство московских государей, как фамильная собственность Калитина племени, которое его завело, расширило и укрепляло в продолжение трёх веков... такой вотчинный взгляд на государство был не династическим притязанием московских государей, а просто категорией тогдашнего политического мышления, унаследованной от удельного времени. ... Им представлялось, что Московское государство, в котором они живут, есть государство московского государя, а не московского или русского народа. Для них были нераздельными понятиями не государство и народ, а государство и государь ... ни скорее могли представить себе государство без народа, чем государство без государя» (Ключевский 1988: 48–49).

Многие историки, которых мы не можем отнести к разработчикам концепции «вотчинного служилого государства», сходились во мнении, близком к озвученному выше. К примеру, один из крупнейших специалистов по истории Средневековой Руси, советский учёный Л.В. Черепнин, вынужденный (в силу монополии принципа универсализма исторического развития в марксизме) вписывать становление единого Московского государства в ряд возникновения в Западной Европе централизованных национальных государств, отмечал, что, в отличие от Западной Европы, особенностью политического мышления русских людей было восприятие государства как «вотчины самодержавного государя» (Черепнин 1960: 15).

А.Б. Каменский на основе лингвистического и контекстового анализа трудов историков конца XIX – начала XXI вв. (И.И. Срезневского, О.В. Хархордина, М.М. Крома, А.В. Толстикова и др.) и исторических документов XV – начала XVII вв. пришёл к выводу, что после закрепления с конца XV в. термина «государь» утвердился и взгляд населения на Русское государство «как вотчину, в которой всё, включая имущество подданных, принадлежит лично» московскому государю. Кроме того, словом «государство» обозначалась функция управле-

ния. И.И. Срезневский, открывший первое упоминание слова «государство» в русских источниках в 1431 г.¹⁸, отметил, что в дальнейшем этот термин употреблялся в сочетании с великими князьями и с притяжательными местоимениями «их» и «ваше». Ещё «значение слова государство можно прочитать как государствоование, т. е. как функцию великих князей...» (Каменский 2007: 14). «Словарь русского языка XI–XVII вв.», ссылаясь на тексты начала XVI в., толкует слово «государство» как «правление, царствование, власть государя». М.М. Кром пришёл к выводу, что в летописях XVI в. все смысловые оттенки слова «государство» «объединяются вокруг единого семантического ядра – государя: ведь это его государство-власть, его государство-территория и т.д.» (Каменский 2007: 13–15).

В силу вышесказанного мы позволим себе не согласиться с Ключевским относительно того, что для XVII в. подобные взгляды русских людей были уже «недоразумением». На наш взгляд, они были зеркальным отражением социально-политических реалий Московского государства XV–XVII вв. Хотя после Смуты, как заметил Ключевский и что было подтверждено исследованиями других учёных, понятия «государь» и «государство» разделились, вотчинный уклад не исчез. Первые Романовы не утратили права забрать в любой момент у любого подданного по любому поводу его имущество, лишить его прежнего общественного статуса, а то и жизни. Русские поместья и вотчины не были аналогами западных феодов или аллодов, будучи двумя формами вторичного землевладения из рук государя. Различались они лишь степенью распоряжения. С поместья можно было только жить и служить. Немощный дворянин или его вдова с малолетними детьми получали в прожиток лишь часть поместья. Но-ники, верстаясь в службу, наделялись не родительскими поместьями. Если они получали несколько поместных дач, то, как правило, в разных концах Русского государства. В итоге дворянин средней руки был привязан не к месту, где располагались его имения, а к государю, который через Разрядный и Поместный приказы определял его имущество и доход. Поместная форма землевладения превалировала в XVII в. В отличие от поместья вотчину можно было продавать, закладывать, дарить, дробить и наследовать, но право монарха забрать вотчину не позволяет признать её частной собственностью русского служилого человека. Появившаяся при Алексее Михайловиче практика с согласия Поместного и Разрядного приказов новикам служить с поместья отцов, а также разрешение дворянам в ряде случаев меняться поместьями и вотчинами, не меняло существа дела, т. к. государство не теряло, а наоборот подтверждало своё верховное право распоряжаться имениями служилых людей.

Именно в едином Русском государстве второй половины XV–XVII в., а не в Удельный период, отношения подданничества приобрели ясность и жёсткость,

¹⁸ Срезневский И.И. 1989. Словарь древнерусского языка. Москва: Книга. Т. 1. Ч. 1. Стб. 572.

выстроились по оси «государь – холопы». Исчезло прежнее фиксируемое княжескими рядами правило – «а боярам и слугам вольным воля», т. к. исчезли сами уделы великого княжения Владимирского, куда законно можно было переходить на службу от одного князя к другому. С оформившейся при Иване III претензией московских государей на «всю Русь» как их «отчину» бежать можно было разве что в Литву, становясь изменником.

С.А. Нефедов полагал, что петровский абсолютизм был явлением совершенно новым по отношению к прежней социокультурной системе России и возник как следствие военной революции под воздействием культурной диффузии с Запада. Становление московского государства конца XV–XVI вв. историк считал подражанием османскому устройству. «До края Европы исходившая из Франции диффузионная волна распространения рыцарской кавалерии так и не дошла. Не достигнув Русской равнины, эта волна остановилась в пределах Речи Посполитой: так же как на Западе, в Польше установился рыцарский строй, при котором дворянство закрепостило крестьян и ограничило власть монарха словесными собраниями. Россия же подпала под влияние другой диффузионной волны – распространявшейся с юга волны османских заимствований. В XVI в. Османская империя была самым могущественным государством Евразии, и её порядки приходилось копировать многим странам... Русская поместная система в деталях совпадала с системой тимаров – она была заимствована у османов в правление Ивана III. Таким образом, русские воины-«помещики» принципиально отличались от европейских рыцарей: они не владели своими поместьями и не могли распоряжаться крестьянами» (Нефедов 2014: 42).

Конечно, в России, как и во Франции времён Бодена, присутствовало осмысление колossalных успехов турок в их экспансии в Европу, Азию и Африку. Но стоит помнить, что становление русской поместной системы началось ещё в середине XIII–XIV вв., её истоком были земельные дачи в начале XIII в. княжеским слугам-«милостникам» на срок их службы. Предпосылки же становления патrimonиальной монархии на Руси уходят корнями в особенности «окняжения» Ростово-Сузdalской земли в XII в. Всё это никак не могло быть связано ни с османским влиянием в целом, ни с созданием при Орхане I (1326–1359) первых тимаров. Схожесть Московии и Османской империи, отмеченная западными наблюдателями XVI в., проистекала из вотчинного уклада обеих стран. Историк XIX в. К.А. Неволин первым указывал, что на юридическое оформление системы тимаров, как и на оформление русской поместной системы в Судебниках 1497 и 1550 гг., оказала влияние византийская прония. При этом К.А. Неволин и А.Д. Градовский связывали рождение русской поместной системы с развитием идеи о государе как о «верховном собственнике и его неотчуждаемой собственности» (Зимин 1959: 130).

Система подданничества при патrimonиальной монархии захватывает всех светских подданных от тяглецов до служилых, включая фамильную знать. Для всех служилых людей по отечеству (бояр, дворян, сынов боярских) их ста-

тус вытекал не из условий владения землёй, а из наследственного сословного долга служить государю бессрочно. Наделение всех их поместьями или, реже, вотчинами вытекло из натурального аграрного характера экономики Москвы, не позволявшей по-иному обеспечить их выход на войну «конно, людно и оружно». При этом, если западный вассалитет гарантировал зеркальную связь прав и обязанностей вассалов и сеньоров, то подданничество сосредотачивало большую часть прав в руках монарха.

Сложней вотчинному государству было выстроить своё господство над монастырским землевладением, достигавшим 40% площадей, отданных в XVI в. государем для «прокорма» служилым и церкви. Наличие монастырского землевладения вносило дисгармонию в логику вотчинного уклада, хотя с этих земель тоже отбывали «ратную повинность» в государственном войске церковные слуги, получившие поместья на вотчинной монастырской земле. Государи XV–XVI вв. провалили попытки секуляризировать хотя бы часть монастырских вотчин, удалось лишь запретить продажу монастырям и заклад светских вотчин, да ограничить отход их на помин души. Однако государи всея Руси, переориентировавшись на иосифлян с первоначальной своей симпатии к нестяжателям, выиграли в стратегическом плане. Нестяжатели, составлявшие меньшинство русского духовенства, несли в себе идею наднациональной вселенской церкви, в то время как защитники церковных вотчин были куда гибче в вопросе идеологического сопровождения нужд московского государства. Последнее проявилось и в разработке концепции «Москва – Третий Рим», и в эпизоде с разводом Василия III. Иосифлянская церковь становилась всё более национальной, что создавало большие возможности для постепенного подчинения её «государю-вотчиннику». Неудивительно, что уже Алексей Михайлович не только через Монастырский приказ перекачивал часть доходов с монастырских вотчин в казну, но и вышел победителем из противостояния с патриархом Никоном. Не-понятный для Святого престола отказ всех московских монархов начать разговор о церковной унии имел не только идейно-духовную, но и политическую подоплётку, требующую подчинённого положения национальной церкви в рамках вотчинного уклада.

Итак, суть «неевропейства Московии», как его поняли в Ренессансной Европе и с чем впоследствии согласилась часть историков, заключалась в её средневековом вотчинном укладе.

Понятие «европеизации». Роль европеизации в строительстве России как империи

Изменения, приближающие социокультурную систему России к западноевропейским образцам, условно можно назвать «европеизацией» (как утверждалось в нашей традиции), но лучше определить как «вестернизация» (свойственно зарубежной науке).

В современной зарубежной науке присутствуют оба термина. Аналогом «европеизации» является «westernization», понятие, используемое при анализе причин, хода, итогов и значения заимствований западноевропейского опыта Россией и другими странами мира с XV в. по настоящее время. Но с 1990-х гг. в работах прежде всего политологов появляется и понятие «europeanization». Спектр его применения гораздо уже. Концепция «europeanization» появилась в поисках ответа на вопрос о влиянии интеграции в рамках Европейского союза (Громогласова 2010).

О сути европеизации (вестернизации) России до сих пор продолжается острая дискуссия. Американский историк А. Янов полагал, что во времена Ивана III и реформ Избранной рады Россия была обычной «европейской страной», её «ориентализацию» с долгосрочными последствиями Янов начинал с Опричнины. С.Ф. Платонов вёл отсчёт поверхностной европеизации с XVI в. Б.Ю. Кагарлицкий замечал: «Вопреки представлениям позднейшей “западнической” публицистики Московия никогда не была изолированной от Запада – ни дипломатически, ни экономически. В противном случае немыслимо было бы и существование в Москве знаменитой Немецкой слободы, где юный царевич Пётр учил немецкий и голландский языки и перенимал европейские манеры. Но в то же время власть, возникшая в России после поражения в Ливонской войне и потрясений Смуты, действительно сознательно выбрала изоляцию, только не экономическую, а культурную, идеологическую» (Кагарлицкий 2009: 95).

Далее мы предложим своё видение проблемы, основанное на наработках В.О. Ключевского. Он выделял три этапа взаимодействия России и модерниzierющейся Европы, в ходе которого российская сторона в нарастающем режиме черпала и осваивала западноевропейский «новины»:

Середина XV–XVI вв. – этап «общения», начало регулярного освоения новшеств западных пороховой и военной революций, различных ремесленных технологий, западных строительных и архитектурных достижений через призыв на русскую службу западноевропейских специалистов;

Большая часть XVII в. – этап «влияния», «когда общество, его воспринимающее, начинает сознавать превосходство среды или культуры влияющей и необходимость у неё учиться» (Ключевский 1988: 241);

Третий этап, начатый реформами Петра конца XVII – первой четверти XVIII в., кардинально поменял вектор русского развития, т.к. сутью его стало не прежнее, хотя и массовое, заимствование западного опыта, а старт глубинных институциональных трансформаций всех сторон русской жизни, связанных с вступлением России в процесс её внутренней модернизации.

Что объединяет все три этапа? Регулярный и нарастающий от века к веку процесс заимствования Россией разнообразного западноевропейского опыта. Это и есть самое широкое толкование понятия «европеизации» («вестернизации»). Подробнее обоснование такого определения и рассмотрения существа вопроса автор изложила в своих монографиях (Черникова 2019).

В сущности, первые два этапа представляют собой единый процесс. Шло механическое освоение всё большего числа западных военных, технических и культурных «новин» при посредничестве нанятых на русскую службу иностранцев – военных, инженеров, врачей, придворных, переводчиков, дипломатов, художников, музыкантов, мастеров разных профессий, причём не только западноевропейцев – «немцев» и «французов», но и греков, а также «поляков» и «литвинов», в число которых часто заносили и выходцев из православных земель Речи Посполитой. Западный опыт приживался (достаточно взглянуть на Московский кремль, шатровые церкви или вспомнить идею Рима как идеала вселенской империи), но, за исключением архитектурно-художественной традиции и отчасти литейного дела, не развивался далее. Между тем Европа всё время продуцировала инновации. Ради внешней безопасности надо было овладевать ими, и понимание этого правительством вновь и вновь инициировало «погоню», как, говоря о Годунове, выразился С. М. Соловьёв, за новыми западными кадрами. Иноземцев «старого выезда» или родившихся в России выдавливали через обращение в православие в число полных подданных московской короны, а упиравшихся в вере часто ждала опала или запись в служилые люди по прибору.

Применение новшеств пороховой и военной революций, соединяясь с возможностью «государя-вотчинника» мобилизовать большие силы и средства, давали на выходе рост конкурентоспособности России на международной арене. В конце XV – начале XVI вв. стало возможным начать борьбу за «всю Русь» отвоеванием у Литвы части западно- и южнорусских земель. В середине – конце XVI в. был обеспечен триумф русской экспансии в Среднее и Нижнее Поволжье, началось покорение Сибири, завершившееся в XVII в. Если при Иване III и Василии III Россия родилась, как потенциальная империя, пусть и периферийная, то при последних Рюриковичах, Борисе Годунове и первых Романовых она превратилась в особый тип сухопутной империи. К 1505 г. площадь Московии составила 2,2 млн кв. км, к 1584 – 4,1 млн кв. км, к 1613 – 8,6 млн кв. км, к 1645 – 12,4 млн кв. км, к 1676 – 14,5 млн кв. км, что сделало Русское царство самым большим в мире по территории государством (Черникова 2019: 520).

В современной историографии понимание Московского царства как империи (с разным подтекстом самого понятия «империя») достаточно распространено. «Точнее всего Россию в XVI–XVII вв. можно охарактеризовать как развивающуюся патриархальную империю, управляемую царём, чья власть благодаря завоеванию новых земель становилась всё более и более абсолютной» (Кревельд 2006: 325–326). Пётр, конечно, не был отцом «империостроительства» (достаточно взглянуть на карту и сравнить масштаб петровских приобретений с прращениями прежних московских государей).

А.Б. Каменский справедливо замечает: «Исследователи Российской империи, кажется, едини в том, что официальная дата её рождения – 1721 г. – весьма условна, а её реальная история начинается значительно раньше, по меньшей

мере с рубежа XV – XVI вв., и уж определённо – с середины XVI в., когда, по выражению А. Каппелера, Москва приступает к “собиранию земель Золотой Орды” (Каппелер 1997), и Московская Русь превращается в полиэтническое и поликонфессиональное образование» (Каменский 2007: 10).

Возвращаясь к периодизации взаимодействия Московской Руси с Европой по Ключевскому, логично объединить два первых этапа в один ряд *поверхностной европеизации России*. При этом вотчинный уклад как главная отличительная черта Московии не только не разрушался, а наоборот креп, главным образом, потому что через заимствование новин пороховой и военной революций наращивал свою конкурентоспособность на западных рубежах и достиг многоного в экспансии на восточных.

Особенности петровской европеизации

Правы ли Ключевский и большинство историков, начинающих именно с петровской европеизации отсчёт Нового времени в России? Прояснить здесь нужно два момента. Какое отношение реформы Петра имели к модернизации, т. е. к выходу России из средневекового традиционного социума в сторону индустриального общества? И шёл ли, выражаясь языком Пайпса, процесс сворачивания вотчинного уклада?

Стоит констатировать, что рост западных новшеств при Петре явно перешёл из «арифметической прогрессии в геометрическую», повинуясь воле царя, желавшего разом преодолеть средневековую отсталость посредством копирования западных форм во всех сторонах жизни.

У этого стремления была своя «парандая сторона», воспетая историком М.П. Погодиным: «Да, Пётр Великий сделал много в России. Смотришь и не веришь, считаешь и не досчитаешься ... Мы просыпаемся. Какой ныне день? 1 января 1841 года — Пётр Великий велел считать годы от Рождества Христова, Пётр Великий велел считать месяцы от января. Пора одеваться — наше платье сшито по фасону, данному Петром Первым, мундир по его форме. Сукно выткано на фабрике, которую завёл он, шерсть настрижена с овец, которых развёл он. Попадается на глаза книга — Пётр Великий ввёл в употребление этот шрифт, и сам вырезал буквы. Вы начнёте читать её — этот язык при Петре Первом сделался письменным, литературным, вытеснив прежний, церковный. Приносят газеты — Пётр Великий их начал. Вам нужно искусить разные вещи — все они, от шёлкового шейного платка до сапожной подошвы, будут напоминать вам о Петре Великом: одни выписаны им, другие введены им в употребление, улучшены, привезены на его корабле, в его гавань, по его каналу, по его дороге. За обедом от солёных сельдей и картофелью, который указал он сеять, до виноградного вина, им разведённого, все блюда будут говорить вам о Петре Великом. После обеда вы идёте в гости — это ассамблея Петра Великого. Встречаете там дам — допущенных до мужской компании по требованию Петра Великого. Пойдём в

Университет — первое светское училище учреждено Петром Великим. Вы получаете чин — по табели о рангах Петра Великого. Чин доставляет мне дворянство — так учредил Пётр Великий. Мне надо подать жалобу — Пётр Великий определил ей форму. Примут её — пред зерцалом Петра Великого. Рассудят — по Генеральному Регламенту. Вы вздумаете путешествовать — по примеру Петра Великого; вы будете приняты хорошо — Пётр Великий поместил Россию в число Европейских Государств и начал внушать к ней уважение» (Погодин 1846: 337–338). Славянофилов образы Погодина не убедили, они продолжали вглядываться в обратную сторону европеизации и видели грубый насильственный напор власти.

Всё это вместе взятое, как указывал ещё С.Ф. Платонов, создало вокруг петровской европеизации иллюзию революционного переворота. «Народ не мог уловить в деятельности Петра исторической традиции, какую ловим теперь мы, и поэтому считал реформу не национальной и приписывал её личному капризу своего царя» (Платонов 1994: 102). Однако сама практика регламентации царскими указами одежды, причёсок, брадобрития, определения к службе молодых дворян, принуждения их учиться угрозой запрета на брак или вечной записью в матросы, менявшиеся по царской воле трактовки образов святых, системы летоисчисления, отмена прежних празднеств и ввод новых с символикой, чуждой абсолютному большинству населения — и всё под угрозой штрафа или кнута, демонстрировало полное презрение монарха к мнению подданных, что мало напоминало практику западного абсолютизма, лавирующего между вторым сословием и городской частью третьего и дарующего и тем, и другим правовую защиту их социально-экономических интересов. Презрение Петра к общественному мнению выросло, конечно, не из знакомства царя с теорией общественного договора Т. Гоббса или идеей «общего блага»: оно вытекало из понятий прежней «старомосковской» практики, с её быстрыми перепадами от патернализма к деспотическому произволу. «С другими европейскими народами, — утверждал Пётр в беседе с иностранцами, — можно достигать цели человеколюбивыми методами, а с русскими не так: если бы употреблял строгости, то уже давно не владел бы русским государством и не сделал бы его таким, какое оно теперь. Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделать в людей» (Волков 2013: 41). «Наш народ яко дети, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневольны бывают...» (Пётр Великий: *pro et contra* 2003: 365).

Показательно, что идеалом государя, Пётр выбирает не своего «тишайшего» отца, а Ивана Грозного, известного в Европе под прозванием «Ужасный». «Сей государь — есть мой предшественник и образец — сообщает царь зарубежным собеседникам, — я всегда представлял его себе образцом моего правления в гражданских и воинских делах, но не успел ещё в том столь далеко, как он»¹⁹.

¹⁹ Голиков И.И. 1838. *Деяния Петра Великого*. Т. 9. Москва: Тип. Николая Степанова. С. 59–60.

В чём действительно состоялась ревизия прежних представлений о власти, так это в создании настоящего культа государства, в котором государю отводилось место «первого слуги». Кроме западных идей, тут были и русские наработки. Бедствия Смуты заставили россиян разделить понятия «государь» и «государство» («отечество»), что позволило на рубеже 1612/1613 гг. восстановить центральную власть через выборную Земскую монархию Михаила Романова. При Петре «иерархия, существовавшая в русской средневековой идее государства: царь служит богу – народ служит царю, сменилась новым соотношением: и царь, и подданные служат Отечеству, “общему благу” государства» (Черная 1989: 43). Однако роль «первого слуги» не отняла у царя возможности быть олицетворением государства. Подношение Сенатом титулов «императора», «великого», а главное «отца Отечества» – лучшее тому доказательство. В пропагандистской риторике петровской эпохи «общее благо», почерпнутое из западной рациональной философии, трактуется чаще всего как интерес государства. В беседе с Лейбницем в Торгau в 1697 г. Пётр, услышав, что «общее благо» состоит в защите права и свободы граждан, ответил: «Свободу произрастим через просвещение и промышленность. Правда, теперь свобода ничего не значит и имеет только внешние очертания. Им недостаёт внутреннего существа – людей просвещённых»²⁰.

Пётр, подобно любому монарху своего времени, осознавал войну как главное средство продвижения интересов своего государства вовне. Баталии и прежде всего достижение победы в Северной войне были для Петра тем «общим благом», во имя которого он ни своего «живота», ни «живота» подданных не жалел. Всё прочее, как блестяще показано в трудах, к примеру, таких «критиков» Петра, как П.Н. Милюков и Е.В. Анисимов, и такого «апологета» Петра, как Н.И. Павленко, пошло как «побочный продукт» военных нужд. Отсюда и парадоксы внутреннего курса Петра.

Что же до вотчинного уклада, то именно он дал Петру средства мобилизации людских и материальных ресурсов в борьбе за «общее благо» в его понимании и обеспечил царя методами, способными сломить ропот недовольных, утопить в крови мятежников.

Шквал западных заимствований в быту, европеизация высокой культуры ускорили обмирщение повседневной жизни. Здесь вестернизация стала не причиной, а катализатором процесса, начавшегося ещё в XVII в.

Но западные бытовые новшества не вызвали в народном обиходе той подвижки к современности, которая возникла среди дворянства и части горожан. В своей духовной жизни народ остался в средневековой традиции. Тормозом перемен здесь стало расширение вглубь и ширь крепостного права. После введения

20 Цит. по: Василенко С.А. 2018. Абсолютный монарх в мировоззрении Петра I: к постановке проблемы. *Общество: философия, история, культура*. Научный журнал. № 6. С. 37.

в 1724 г. подушного налогообложения всё крестьянство перешло в разные разряды крепостных. Бывшие лично свободные черносошные стали государственными крепостными, о чём свидетельствует выплата ими не только подушной подати и выполнение работ в пользу государства, но и обложение их оброком, приравненным казной к доходу, приносимому помещикам их крепостными. В крепостные были переписаны холопы, гулящие люди, не действованные в церковной службе поповичи. Паспортная система, введённая Петром, привязала весь тяглый люд к определённой местности и роду занятий, которые нельзя было изменить без соизволения государства. Многотысячные разряды приписных и посессионных крестьян отбывали барщину на двухстах мануфактурах. Россия дала миру феномен крупной крепостной промышленности, убившей раннюю буржуазную российскую мануфактуру-концессию XVII в., чем на века была заложена технологическая отсталость отечественной промышленности. Все эти «новшества», затронувшие более 90% населения, не имели никакого отношения к модернизации хозяйства и социальной структуры России, а аналогии их мы можем найти не в Западной Европе, а на её колониальной периферии.

Реформы органов государственной власти растянулись на всё царствование Петра и отличались спонтанностью. Обращение к западным практикам создало их внешнюю схожесть с трендами развития западной государственности. Так, созданная по западным образцам Табель о рангах 1722 г., выстроила иерархию четырнадцати военных, придворных и штатских чинов, отразив процесс становления в России, как и на Западе, бюрократии – института безличной политической машины «модерного государства».

Однако создание Сената, коллегий, Синода, Главного магистрата, органов местной власти в рамках двух областных реформ не вело к изъятию у «первого слуги государства» и «отца Отечества» права на деле оставаться «хозяином земли русской». Отрывать купцов от их дел продажей «заповедных» (государственных) товаров, разорять их ролью ответственных сборщиков налогов, забирать в казну частные мануфактуры, создавать казённые заводы, чуть позже вручать их купцам, часто без их на то согласия, разрушая старые торговые сотни, делить горожан на «регулярных» и «подлых» людей, потом опять переустраивать, выводя часть «регулярных» в цеха для направления их труда на нужды армии, превращать черносошных свободных селян в крепостных государства или крепостных своих сподвижников, конфисковывать имущество и казнить реальных и мнимых оппонентов – этим Пётр мало отличается от «старомосковских» государей.

Восприятие царя как верховного собственника позволило провести в жизнь указ о Единонаследии 1714 г. Вотчина была приравнена к поместью, и её владельцы лишились прежних привилегий. Теперь никто не мог ни продавать, ни закладывать свои имения. Дарованное сверху право оставить имение одному из детей мало что дало не только бывшим вотчинникам, но и бывшим помещикам, т. к. все прочие сыновья не получали, как в старомосковские времена, поместий от государства и за свою обязательную, бессрочную и ставшую ныне

постоянной службу, а должны были довольствоваться сравнительно скромным жалованием. Можно в этой реформе увидеть сходство с западным майоратом, с той разницей, что майорат как часть института частной собственности обеспечивал экономическую мощь и социально-политический авторитет аристократии, а единонаследие служило методом борьбы с «нетчиками», побуждало скрывающихся от службы самим её искать.

Как мы видим, основы вотчинного уклада были скорректированы лишь идеологически, а сохранение его парадоксально привело к тому, что западная идея «регулярного государства», воплощённая в западной практике разве что в прусской модели «полицейского государства», «в России времён Петра получила своё наиболее полное, если не сказать – противоестественное и вульгарное, развитие» (Анисимов 2001: 8).

Но если петровская европеизация не уничтожила вотчинный уклад, в чём же заключалась её связь с модернизацией как важнейшей национальной задачей России?

Главное «новое» стоит искать в создании предпосылок для будущей интеллектуальной революции, хотя этот процесс затронет в XVIII в. сознание не более 6% населения. Начнётся он с обрушения при Петре барьера на пути знакомства верхушки русского социума с западноевропейскими реалиями, с рождения светского образования и привнесения на русскую почву наук. Последнему способствовало открытие Санкт-Петербургской Академии наук и художеств, которая состояла первоначально из западноевропейских учёных за неимением отечественных.

Прежде царская власть стремилась не допускать общения православных с инославными за пределами официальной службы или торговых дел. Ещё решительнее была настроена русская церковь XV–XVII вв., поддерживаемая средневековыми изоляционистскими взглядами восточных православных иерархов. Показательно «Завещание» патриарха Иоакима (1690), призвавшего Ивана V и Петра I изгнать всех «немцев-еретиков» из России. Пётр по смерти следующего патриарха Адриана в 1700 г. заменил патриарха местоблюстителем, а в 1721 г. учредил для руководства церковью Синод, возглавляемый прокурором-мирянином, и превратил церковь в часть государственной бюрократической машины. Значительная часть церковных доходов к этому времени перекачивалась в казну через восстановленный Монастырский приказ, функции которого в 1721 г. перешли к Синоду.

Такое насилие над церковью оказалось в долгосрочной перспективе бедствием, не позволившим духовной жизни народа выйти за рамки традиционного менталитета через привычные ему и оживлённые в XVII в. религиозные искания. Тактический успех состоял в том, что ропот духовных консерваторов не препятствовал открытию светских цифирных и гарнизонных школ, училищ, ориентированных на подготовку русских военных специалистов, были сняты духовно-нравственные барьеры для получения образования за границей, взаи-

модействия русских людей с европейцами разных наций и конфессий, русское высокое архитектурное и изобразительное искусство стало частью общеевропейской культуры.

Преодоление старомосковского изоляционизма как одного из столпов государственной идеологии и мироощущения российской элиты можно также отнести к позитиву петровских реформ. Однако наметившийся ещё в XVII в. конфликт между средневековой культурой и становлением русской культуры Нового времени под воздействием крепостничества, заморозившего не только социально-экономическое, но также умственное и духовное развитие низших сословий, только углублялся. По мере развития петровской модели европеизации он грозил принять форму хронического социокультурного раскола, более глубокого, чем церковный раскол «бунтажного века».

Европеизация и модернизация культуры русской элиты способствовали развитию государственных институтов. Неслучайно Мартин ван Кревельд, связывающий понятие «государства» с формами организации политической власти в Новое время, назвал «настоящими государствами» в Западной Европе конца XVII – начала XVIII вв. Францию, Испанию, Португалию, Великобританию, составные части Священной Римской империи, страны Скандинавии и Голландию; в Восточной Европе лишь Россия «стала государством или чем-то вроде того» (Кревельд 2006: 326). Кревельд связал становление российского государства с петровскими преобразованиями и определил его форму как «самодержавную (автократическую) империю» (Кревельд 2006: 331). Если учесть, что термин «империя» ван Кревельд трактует как организацию власти, предшествующую настоящему государству («модernому государству»²¹), то Россия Петра в рамках его теории являлась неким квази-государством. Аналога государственно-общественным формам Запада не получилось²², т. к. в России не появилось предпосылок для возникновения гражданского общества (Кревельд 2006: 331).

* * *

Пётр не был родоначальником процесса европеизации. Во многом он продолжил традицию поверхностной европеизации, которая оставалась одной из характерных черт отечественной патrimonиальной монархии с момента становления единого Московского государства.

²¹ Истоки концепции «модерного государства» (государства Нового времени) относятся к творчеству немецкого социолога Макса Вебера (1864–1920). Исследования «модерного государства» широко представлены в современной зарубежной историографии и либеральной отечественной историографии начала XXI в.

²² Не все историки согласны с мнением ван Кревельда. К примеру, М.М. Кром считает, что черты генезиса «модерного государства» обнаруживает в Московской Руси XV–XVII вв. М. Вебер полагал, что «модерное государство» складывается по мере формирования бюрократии с её служением не конкретному лицу, а безличным функциональным целям государства, в результате чего появляется «безлично ориентированное бюрократическое господство».

Связь Петра со старомосковскими традициями выразилась также в упрочении через европеизацию государственного механизма патримониальной монархии, усилившей своё всестороннее доминирование над обществом.

Модель европеизации конца XVII – первой четверти XVIII в. будучи суррогатом модернизации, способствовала мобилизации сил в ходе Северной войны, стратегическая значимость победы в которой состояла в возможности превращения России в одну из великих европейских держав.

На пути к этой цели Пётр довёл до завершения процесс государственно-го «закрепощения всех сословий». Это убедительно показано в трудах К.Д. Ка-велина, Б.Н. Чичерина, В.И. Сергеевича, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, Н.И. Павленко, Е.В. Анисимова и других историков вне зависимости от того, употребляли они понятие «закрепощение сословий» или нет.

Трансформация в духе Нового времени культуры и общественного сознания элиты, а также быта дворянства и отчасти горожан заложила предпосылки для дальнейшей реальной модернизации России.

Методы петровской европеизации, априори игнорировавшие настроения сословий, проис текали из старомосковского опыта колебания курса патримониальной монархии между патернализмом и государственным деспотизмом.

Заимствованная на Западе идея «общего блага» приобрела в России форму культа интересов государства. С понятием «государства» ассоциировалось и понятие «Отечество».

В итоге «регулярное государство» Петра I оказалось реинкарнацией старомосковского государства-вотчины, но с той разницей, что оно декларировало себя частью Европы и на деле уже стало важным звеном международной европейской системы как в культурном, так и в geopolитическом смыслах.

Об авторе:

Татьяна Васильевна Черникова – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: tchernikova1961@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94, 327
Received: November 11, 2021
Accepted: January 15, 2022

Tsardom of Muscovy Traditional Culture and Peter's Westernization Project

T.V. Chernikova
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-2-83-7-36](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-2-83-7-36)

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: The article studies Peter the Great "revolutionary" westernization project of Russia by reviewing the most significant differences in the socio-cultural system of Russia centuries compared to its Western European counterparts in the second half of the 15th – early 18th century. The first part of the article identifies the distinctive features of the socio-cultural system of Russia, which the observers from the Western European saw as the most different from the "correct" European norms and institutions in the second half of the 15th-16th centuries. The most distinctive feature was the concentration in the hands of the Moscow sovereign not only of the state political power but also the property rights on all the country's resources. It resulted in the development of the public sphere in Russia along the line of "sovereign vs slaves", which precluded the Renaissance Western political thought "to accept" Russia into "Europe".

The author examines two main Western description of Muscovy (Muscovia) in the 15th – 17th centuries: a benevolent approach adopted by Johannes Fabry, Paolo Giovio, Alberto Campense; and a critical approach taken by most authors analyzing Muscovy (Matvey Melkhovsky, Sigismund Herberstein, etc.). These two approaches were also reflected in the dispute between the jurists of the late 16th century about the legitimacy of the state power in Russia – "illegitimate tyranny" by Herberstein and Fletcher and "legitimate despotism" by Boden. These debates in Renaissance

Europe informed and shaped the concept of the patrimonial monarchy (patrimonial system) in Russia, which was subsequently developed by Russian influential historians (V.O. Klyuchevsky, P.N. Milyukov and others) and foreign experts (R. Pipes, E. Carrer d'Ancausse and others).

The second half of the article analyzes the concept of "Europeanization" ("Westernization") of Russia and offers a periodization of this phenomenon. The start of early Europeanization, when Russia began borrowing military, technical, cultural, and other innovations from Western Europe can be dated from the birth of a unified Moscow state. Peter's Westernization was indeed a new stage in adopting European experience because he removed the state and church barriers in the communication of Russian people with Western Europeans and encouraged not only going to the West for education and science, but also opened the way to the creation of secular education and science in Russia. These were prerequisites for the beginning of the modernization of Russia.

In other matters, Peter's westernization differed from the previous periods only in the number of cultural and institutional adoptions. Peter's political system was the apogee of the patrimonial culture in Russia.

Keywords: patrimonial monarchy, patrimonial, final "enslavement of estates", westernization, overcoming the Middle Ages

About the author:

Tatiana V. Chernikova – Doctor of History, Professor of the Department of World and National History of Moscow State Institute of International Relations (University). 76 Vernadsky avenue, Moscow, 119454, Russia. E-mail: tchernikova1961@mail.ru

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Cracraft J. 2003. *The Revolution of Peter the Great*. Cambridge University Press. 192 p.
- Hughes L. 1998. *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven, CT; London: Yale University Press. 602 p.
- Kosheleva O. 2018. Contemporary Russian Historiography on the PrePetrine Era: New Aspects. *Quaestio Rossica*. 6(1). P. 269–289.
- Massie R.K. 1981. *Peter the Great: His Life and World*. New York: Ballantine Books. 900 p.
- Pipes R. 1974. *Russia Under the Old Regime*. Cambridge, Massachusetts. 360 p.
- Riasanovsky N.V. 1992. *The image of Peter the Great in Russian History and Thought*. Oxford: Oxford University Pres. 352 p.
- Vinogradoff R. 1926. *The Legacy of the Middle Age*. Oxford: Oxford University Press. 549 p.
- Wortman R.S. 1995. *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy*, vol. 1: *From Peter the Great to the Death of Nicholas I*. Princeton: NJ. 512 p.
- Ellul J. 1956. *Histoire des institutions*. Paris: Presses Universitaires de France. 887 p. (In French).
- Anisimov Ye.V. 1997. *Gosudarstvennyye preobrazovaniya i samoderzhaviya Petra Velikogo v pervoy chetverti XVIII veka* [State Transformations and Autocracy of Peter the Great in the First Quarter of the 18th Century]. St. Petersburg.: Dmitriy Bulanin. 331 p. (In Russian).
- Anisimov Ye.V. 2001. *Put' k svobode v Rossii XVIII veka* [The Path to Freedom in Russia in the 18th Century]. St. Petersburg: Zhurnal «Zvezda». 28 p. (In Russian).
- Anisimov Ye.V. 2017. *Potr Pervyy: blago ili zlo dlya Rossii?* [Peter the Great: Good or Evil for Russia?]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. 272 p. (In Russian).
- Bagger Kh. *Reforma Petra Velikogo: obzor issledovaniy* [Reform of Peter the Great: A Review of Research]. Moscow: Progress. 1985. 197 p. (In Russian)
- Bagdasaryan V. E. 2006. *Traditsionalizm i tsivilizatsionnaya identichnost' Rossii* [Traditionalism and Civilizational Identity of Russia]. Moscow: Sobraniye. 239 p. (In Russian)
- Bogdanov A. P. 2009. *Nesostoyavshysya imperator Fedor Alekseyevich* [Failed Emperor Fedor Alekseevich]. Moscow: Veche. 320 p. (In Russian)
- Bol'shakova O.V. 2006. *Novaya politicheskaya istoriya Rossii: sovremenennaya zarubezhnaya istoriografiya. Analiticheskij obzor* [New Political History of Russia: Modern Foreign Historiography. Analytical Review]. Moscow: RAN, INION. (In Russian)
- Bushuyev S.V. 1994. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. Istoriko-bibliograficheskiye ocherki XVII-XVIII vv.* [History of Russian Goverment. Historical and Bibliographic Essays of the 17th-18th Centuries]. Moscow: Izdatel'stvo «Knizhnaya palata». 416 p. (In Russian)
- Vasilenko S.A. 2018. *Absolyutnyy monarkh v mirovozzrenii Petra I: k postanovke problem* [The Absolute Monarch in the Worldview of Peter I: to the Formulation of the Problem]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. Nauchnyy zhurnal*. № 6. P. 35-38. (In Russian)

- Volkov A. A., Minnabayev B.I. 2013. Sotsial'nyye preobrazovaniya Petra I [Social Transformations of Peter I]. *Voprosy istoricheskoy nauki: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (Chelyabinsk, May 2013)*. Chelyabinsk: Dva komsomol'tsa. P. 41-43. (In Russian)
- Gromoglasova Ye.S. 2010. Kontseptsiya yevropeizatsii v zarubezhnoy politologii [The Concept of Europeanization in Foreign Political Science]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25. Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika*. №4. P. 27-42. (In Russian)
- Zimin A.A. 1959. Iz istorii pomestnogo zemlevladeniya na Rusi [From the History of Land Ownership in Russia]. *Voprosy istorii*. №11. Noyabr'. P. 130-142. (In Russian)
- Kagarlitskiy B.Yu. 2009. *Periferiynaya imperiya: tsikly russkoy istorii* [Peripheral Empire: Cycles of Russian History]. Moscow: Algoritm, Eksmo. 573 p. (In Russian)
- Kamenskiy A.B. 2007. Poddanstvo, loyal'nost', patriotizm v imperskom diskurse Rossii XVIII v.: issledovatel'skiye problem [Citizenship, Loyalty, Patriotism in the Imperial Discourse of Russia in the 18th Century: Research Problems]. Preprint WP6/2007/04. Seriya WP6. *Gu-manitarnyye issledovaniya*. Moscow: HSE. 48 p. (In Russian)
- Kappeler A. 1997. *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya: Vozniknoveniye, istoriya, raspad* [Russia – a Multinational Empire: the Emergence, History, Decay]. Moscow: Progress-Traditsiya. 344 p. (In Russian)
- Kiselev A.F. 2017. Protivorechiya yevropeizatsii Rossii [Contradictions of the Europeanization of Russia]. *Vyssheye obrazovaniye segodnya*. №6. P. 31-34. (In Russian)
- Kitayev V.A. 2008. *XIX vek: puti russkoy mysli* [19th Century: Ways of Russian Thought]. N. Novgorod: N. Novgorod University Publ. 355 p. (In Russian)
- Klyuchevskiy V.O. 1988. *Kurs russkoy istorii. Lektsiya XLIII* [Russian History Course. Lecture XLIII]. Op. in nine volumes. Part III. M.: Mysl'. P. 46-61. (In Russian)
- Klyuchevskiy V.O. 1988. *Kurs russkoy istorii. Lektsiya LIII* [Russian History Course. Lecture LIII]. Op. in nine volumes. Vol. III. Moscow: Mysl'. P. 241-264. (In Russian)
- Klyuchevskiy V.O. 1989. *Kurs russkoy istorii. Lektsiya LXVIII* [Russian History Course. Lecture LXVIII]. Op. in nine volumes. Vol. IV. Moscow: Mysl'. P. 183-204. (In Russian)
- Krevel'd M. van. 2006. *Rastsvet i upadok gosudarstva* [Rise and Fall of the State]. Moscow: IRISEN. 542 p. (In Russian)
- Massi R.K. 1996. *Petr Velikiy. V 3-kh t* [Peter the Great. In 3 volumes]. Smolensk: Rusich. Vol. 1. 464 p. Vol. 2. 464 p. Vol. 3. 480 p. (In Russian)
- Milyukov P.N. 1905. *Gosudarstvennoye khozyaystvo Rossii v pervoy chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo* [The State Economy of Russia in the First Quarter of the 18th Century and the Reform of Peter the Great]. 2nd edition. St. Petersburg. 687 p.
- Nefedov S.A. 2014. Proiskhozhdeniye «regulyarnogo gosudarstva» Petra Velikogo (Prodolzheniye) [The Origin of the "Regular State" of Peter the Great (Continued)]. *Voprosy istorii*. №2. P. 42-58. (In Russian)
- Platonov S.F. 1994. *Lektsii po russkoy istorii* [Lectures on Russian history]. Part 2. Moscow: Vlados. 336 p. (In Russian)
- Resnyanskiy S.I. 2009. Tserkovno-gosudarstvennaya reforma Petra I: protestantskaya model' ili vizantiyskoye preymstvo [Church-state Reform of Peter I: Protestant Model or Byzantine Succession]. Moscow: YUNIPI/ 253 p. (In Russian)
- Grosul V.Ya. (eds) 2000. *Russkiy konservativizm XIX stoletiya. Ideologiya i praktika* [Russian Conservatism of the 19th Century. Ideology and Practice]. Moscow: Progress-traditsiya. 440 p. (In Russian)
- Samotovinskiy D.V. 2014. «Tiraniya» ili «zakonnaya monarkhiya»? Politicheskiye poryadki Moskovii vo frantsuzskoy etnograficheskoy, politicheskoy i istoricheskoy literature epokhi religioznykh voyn ["Tyranny" or "Legitimate Monarchy"? Political Orders of Muscovy in the

French Ethnographic, Political and Historical Literature of the Age of Religious Wars]. *Izvestiya vuzov. Seriya «Gumanitarnyye nauki»*. 5(2). P. 142-150. (In Russian)

Solov'yev Ye.A. 2009. *Petr Pervyy: metamorfozy obrazu (konets XVIII – nachalo XX veka)* [Peter the Great: Metamorphoses of the Image (Late 18th - Early 20th Century)]. Moscow: RUDN Publ. 288 p. (In Russian)

Ustryalov N.G. 1997. *Russkaya istoriya do 1855 goda, v dvukh chastyakh* [Russian History until 1855, in Two Parts]. Petrozavodsk: «Folium». 957 p. (In Russian)

Uortman R.S. 2004. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii* [Power Scenarios. Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy. T. 1. From Peter the Great to the death of Nicholas I. M]. Moscow: OGI/ 605 p. (In Russian)

Cherepnin L.V. 1960. *Obrazovaniye Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV-XV vv. Ocherki sotsial'no-ekonomiceskoy i politicheskoy istorii Rusi* [Formation of the Russian Centralized State in the XIV-XV Centuries. Essays on the Socio-Economic and Political History of Russia]. Moscow: Sotsekviz. 899 p. (In Russian)

Chernaya L. A. 1989. *Ot idei «sluzheniya gosudaryu» k ideye «sluzheniya Otechestvu» v russkoy obshchestvennoy mysli vtoroy poloviny XVII — nachala XVIII veka. Obshchestvennaya mysl': issledovaniya i publikatsii* [From the Idea of "Serving the Sovereign" to the Idea of "Serving the Fatherland" in Russian Public Thought in the Second Half of the 17th – early 18th Centuries]. Moscow: Nauka. P. 28–43. (In Russian)

Chernikova T.V. 2019. *Rossiya i Yevropa. Nachalo dialoga. Konets XV- XVI vv* [Russia and Europe. The Beginning of the Dialogue. End of the 15-16 Centuries]. Moscow: «Akademicheskiy proyekt», Izdatel'stvo «Kul'tura». 438 p. (In Russian)

Chernikova T.V. 2019. *Rossiya i Yevropa. «Vek novshestv».* XVII v. [Russia and Europe. "Age of Innovation". 17th Century]. Moscow: Izdatel'stvo Publ. 665 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Анисимов Е.В. 1997. *Государственные преобразования и самодержавия Петра Великого в первой четверти XVIII века*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 331 с.

Анисимов Е.В. 2001. Путь к свободе в России XVIII века. *Империя и либералы*. Санкт-Петербург: Журнал «Звезда». 328 с.

Анисимов Е.В. 2017. *Пётр Первый: благо или зло для России?* Москва: Новое литературное обозрение. 272 с.

Багтер Х. 1985. *Реформа Петра Великого: обзор исследований*. Москва: Прогресс. 197 с.

Багдасарян В.Э. 2006. *Традиционализм и цивилизационная идентичность России*. Москва: Собрание. 239 с.

Богданов А.П. 2009. *Несостоявшийся император Федор Алексеевич*. Москва: Вече. 320 с.

Большакова О.В. 2006. *Новая политическая история России: современная зарубежная историография*. Аналитический обзор. Москва: РАН, ИНИОН.

Бушуев С.В. 1994. *История государства Российского*. Историко-библиографические очерки XVII–XVIII вв. Москва: Издательство «Книжная палата». 416 с.

Василенко С.А. 2018. Абсолютный монарх в мировоззрении Петра I: к постановке проблемы. *Общество: философия, история, культура*. Научный журнал. № 6. С. 35-38.

- Волков А.А., Миннибаев Б.И. 2013. Социальные преобразования Петра I. Вопросы исторической науки: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, май 2013 г.). Челябинск: Два комсомольца. С. 41–43.
- Громогласова Е.С. 2010. Концепция европеизации в зарубежной политологии. Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. № 4. С. 27–42.
- Зимин А.А. 1959. Из истории поместного землевладения на Руси. Вопросы истории. № 11. Ноябрь. С. 130–142.
- Кагарлицкий Б.Ю. 2009. Периферийная империя: циклы русской истории. Москва: Алгоритм. Эксмо, 573 с.
- Каменский А.Б. 2007. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы. Препринт WP6/2007/04. Серия WP6. Гуманитарные исследования. Москва: ГУ ВШЭ. 48 с.
- Каппелер А. 1997. Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад. Пер. с нем.: С. Червонная. Москва: Прогресс-Традиция. 344 с.
- Киселев А.Ф. 2017. Противоречия европеизации России. Высшее образование сегодня. №6. С. 31–34.
- Китаев В.А. 2008. XIX век: пути русской мысли. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета. 355 с.
- Ключевский В.О. 1988. Курс русской истории. Лекция XLIII. Соч. в девяти томах. Ч. III. Москва: Мысль. С. 46–61.
- Ключевский В.О. 1988. Курс русской истории. Лекция LIII. Соч. в девяти томах. Т. III. Москва: Мысль. С. 241–264.
- Ключевский В.О. 1989. Курс русской истории. Лекция LXVIII. Соч. в девяти томах. Т. IV. Москва: Мысль. С. 183–204.
- Кревельд М. ван. 2006. Расцвет и упадок государства. Москва: ИРИСЭН. 542 с.
- Масси Р.К. 1996. Пётр Великий. В 3-х т. Смоленск: Русич. Т. 1. 464 с. Т. 2. 464 с. Т. 3. 480 с.
- Милюков П.Н. 1905. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. Санкт-Петербург. 687 с.
- Нефедов С.А. 2014. Происхождение «регулярного государства» Петра Великого (Продолжение). Вопросы истории. № 2. Февраль. С. 42–58
- Павленко Н.И. 1976. Пётр Первый. 2-е изд., испр., Москва: Молодая гвардия. 384 с.
- Пётр Великий: pro et contra. 2003. Санкт-Петербург: Изд-во Рус. Христ. Гум. ин-та. 1024 с.
- Платонов С.Ф. 1994. Лекции по русской истории. Ч. 2. Москва: Владос. 336 с.
- Реснянский С.И. 2009. Церковно-государственная реформа Петра I: протестантская модель или византийское преемство. Москва: ЮНИТИ. 253 с.
- Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. 2000. В.Я. Гросул и др. Москва: Прогресс-традиция. 440 с.
- Самотовинский Д.В. 2014. «Тирания» или «законная монархия»? Политические порядки Московии во французской этнографической, политической и исторической литературе эпохи религиозных войн // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 5(2). С. 142–150.
- Соловьев Е.А. 2009. Петр Первый: метаморфозы образа (конец XVIII – начало XX века). Москва: Изд-во РУДН. 288 с.

Устрялов Н.Г. 1997. *Русская история до 1855 года*, в двух частях. Петрозаводск: «Фолиум». 957 с.

Юртман Р.С. 2004. *Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии*. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. Москва: ОГИ. 605 с.

Черепнин Л.В. 1960. *Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси*. Москва: Соцэкиз. 899 с.

Черная Л.А. 1989. От идеи «служения государю» к идее «служения Отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII — начала XVIII века. *Общественная мысль: исследования и публикации*. Вып. 1. Москва: Наука. С. 28–43.

Черникова Т.В. 2019. *Россия и Европа. Начало диалога. Конец XV–XVI вв.* Москва: «Академический проект», Издательства «Культура». 438 с.

Черникова Т.В. 2019. *Россия и Европа. «Век новшеств». XVII в.* Москва: «Академический проект», Издательство «Культура». 665 с.

Черникова Т.В. 2019. История России с древнейших времён до конца XVIII в. / *История России в четырёх томах*. Т. 1. Москва: Аспект-Пресс. 667 с.

Шмурло Е.Ф. 1889. *Петр Великий в русской литературе. (Опыт историко-библиогр. Обзора)*. Санкт-Петербург. 136 с.

Шмурло Е.Ф. 1912. *Петр Великий в оценке современников и потомков*. Санкт-Петербург. 161 с.

Внешняя политика Петра I в оценках российских консерваторов XIX в.

Е.В. Линькова

Российский университет дружбы народов

В настоящей статье автор обращается к реконструкции и анализу воззрений российских консерваторов на то международное положение, которое занимала Россия при Петре I, а также на те изменения в курсе внешней политики, которые были инициированы императором и получили своё развитие в дальнейшем. Отмечается, что внешнеполитический курс Петра I, его военные победы и успехи на дипломатическом поприще вызывали интерес со стороны консервативных общественно-политических деятелей. Именно консерваторы XIX в.: Н.М. Карамзин, Ф.И. Тютчев, М.П. Погодин, С.С. Татищев, В.И. Ламанский и др. обратились к изучению международного положения России в конце XVII – начале XVIII в., дифференцировали основные черты петровской дипломатии, предприняли попытку сравнить внешнеполитические методы и принципы Петра I и его потомков. Примечательно, что отечественные консерваторы, порой критикуя императора за слом исторической традиции и копирование Запада, за усиление социокультурного раскола в обществе, между тем высоко оценивали внешнеполитический вектор политики императора, объясняя военные победы не только полководческими талантами Петра I, но и национально ориентированным курсом, стремлением защищить коренные геополитические и стратегические интересы России. Личность и внешнеполитическая деятельность Петра I явилась своего рода призмой, сквозь которую консервативные мыслители проанализировали характер внешней политики в эпоху «дворцовых переворотов», Екатерины II, Александра I и Николая I. В то время, как Пётр I «в сношениях с иностранными державами... руководствовался исключительно сознанием наших народных польз и нужд, строго оберегая при этом честь и достоинство государя и государства», наследники императора всё более отказывались от национальных интересов в угоду общеевропейским. Осознание данного факта вызывало беспокойство и отрицательно оценивалось консерваторами на всём протяжении XIX столетия. Исследование эпистолярного наследия российских консерваторов даёт возможность определить основную направленность дискуссий мыслителей и государственных деятелей о Петре I как о дипломате, так и о направлениях внешнеполитического курса, получивших развитие в эпоху его правления.

Ключевые слова: консерватизм, внешняя политика, Пётр I, Россия – Запад, Восточный вопрос, общественная мысль

УДК: 94, 327

Поступила в редакцию: 10.12.2021 г.

Принята к публикации: 12.02.2022 г.

Личность и масштаб государственной деятельности Петра Великого привлекал неизменный интерес отечественных мыслителей и государственных деятелей. В петровской эпохе они пытались найти те опорные точки, которые предопределили вектор развития России и усиление её международного положения. Известно, что петровское наследие и его влияние на ход российской истории стали фактором оживлённой общественной полемики, дискуссий на исторические и историософские темы, развернувшихся в XIX в. Отношение к петровской модернизации явилось своего рода лакмусовой бумажкой, позволяющей дифференцировать идеиную направленность того или иного представителя общественной мысли России. Однако данное утверждение представляется наиболее справедливым для внутренней политики Петра I, в то время как оценки внешнеполитического курса императора не отличались противоречивостью и крайностью позиций. Целью настоящей публикации является как выявление данных оценок, так и анализ взглядов, представленных в трудах деятелей консервативного направления.

Полемика о внешней политике Петра I в консервативном дискурсе России до настоящего времени не являлась предметом специальных исследований. Однако данный сюжет упоминался в работах тех историков, которые занимались анализом представлений консерваторов о личности и государственной деятельности императора (Павленко 2003; Хевролина 1999; Арсланов, Линькова 2018).

Представляется, что данная проблема требует дополнительного анализа и изучения, т.к. позволяет расширить рамки научных исследований как о консервативной идеологии в целом, так и о политике Петра Великого, вызывавшей резонанс в русском общественном сознании.

При подготовке настоящей публикации автор опирался на обширную источниковую базу, представленную в основном материалами личного происхождения – письмами, мемуарами, полемическими статьями, опубликованными в периодических изданиях, специальных сборниках и собраниях сочинений. Помимо опубликованных источников были привлечены архивные документы, позволившие наиболее презентативно продемонстрировать всю полноту и специфику взглядов консервативных авторов на характер внешнеполитического курса и дипломатию Петра I.

Среди основных методов и подходов, которые способствовали выявлению и анализу основных оценок консерваторов, можно выделить общенаучные принципы научной объективности и историзма, а также сравнительный и социокультурный методы, системный подход. Дифференцировать элементы консервативного дискурса в отношении петровского наследия, а также сопоставить точки зрения мыслителей в отдельные периоды развития отечественного консерватизма, проследить за трансформацией оценок и суждений в зависимости от изменения внешнеполитической ситуации помог сравнительный метод. Системный подход предполагает определение отдельных элементов консервативного дискурса. В настоящем исследовании в рамках данного подхода ре-

конструировались и изучались идеи консерваторов, в частности, в отношении международного курса Петра I.

В целом, благодаря применяемым методам было составлено представление об основных аспектах внешнеполитических представлений консервативных мыслителей, выявлены оценки, которые были присущи для консервативного дискурса как на всём протяжении XIX в., так и те элементы, которые являлись своего рода реакцией на текущие события. Представляется, что привлечённая источниковая база, а также методологические основания, позволили констатировать особую роль, которую сыграла петровская эпоха как в развитии российской общественно-политической мысли, так и отдельных её направлений.

Эпоха Петра I и развитие консервативной мысли России

С именем российского императора была связана не только первая попытка модернизации страны, но и изменение её положения на международной арене. Данные перемены нашли своё отражение в политических дискуссиях XIX в., развернувшихся на почве полемики о путях развития России и её взаимоотношениях со странами Запада. Царствование Петра I явилось переломным моментом как в плане выработки курса внешней политики, так и стимулировало генезис и эволюцию общественной мысли России. Становление консервативного и либерального дискурса происходило в условиях социокультурной трансформации русского дворянства, начатой Петром I и продолженной во второй половине XVIII вв. Петром III и Екатериной II. Вестернизация, но при этом сохранение экономики, основанной на крепостничестве, традиции и новаторство в управлении страной, – все эти аспекты оказывали воздействие на сознание дворянства, на изменение его социального статуса и установок. В данных условиях дилеммы внутренних процессов и тенденций происходило формирование основных направлений общественной мысли, в том числе консерватизма, зародившегося как ответ на распространение идей либерализма, которые явились популярными в просвещённый век Екатерины II.

Важно отметить, что речь идёт не только об историософских или общественно-политических, но и внешнеполитических построениях консерваторов. В период петровского и екатерининского царствования Россия уверенно заявляла о себе на мировой арене, выходила на новые рубежи, присоединяла обширные территории. В этой связи неслучайным является тот факт, что начало эпохи активной и продуктивной внешней политики, направленной на защиту национальных интересов и учитывающей потребности экономического развития страны, отечественные консерваторы связывали именно с именами Петра I и Екатерины II. Поэтому, анализируя характер и особенности становления geopolитических установок России, мыслители обращались, прежде всего, к петровскому времени.

Наконец, само появление консерватизма в общественном сознании России также было связано с эпохой Петра I. Как уже было отмечено выше, благодаря европеизации в России получили распространение западноевропейские идеи. Это стало возможно в том числе благодаря тем иностранцам, практика приглашения которых относилась именно к петровскому периоду, а впоследствии была продолжена его потомками. Иностранцы на русской службе оказали существенное влияние как на внутреннее развитие страны, так и на культуру и образование, привнеся в российскую духовную традицию элементы западного мышления, в том числе консервативного.

Таким образом, петровская эпоха явилась тем этапом в развитии истории идей в России, который активизировал общественное сознание, дал почву для дискуссий, спровоцировал полемику о соотношении русского и западноевропейского начал.

Консерваторы о дипломатических методах Петра I и изменении положения России на международной арене в первой четверти XVIII в.

В наследии консерваторов в основном превалировали критические отзывы о внутренней политике Петра I, чьё царствование олицетворялось с разрушением национальных традиций и порой искусственным насаждением и копированием европейских элементов. Однако стоит обратить внимание на то, что подобные отзывы касались в основном тех реформ, которые затронули внутреннюю жизнь России, положение дворянства, привнесли существенные изменения в сферу культуры и духовности. Напротив, размышляя о внешнеполитическом курсе Петра I, консервативные мыслители никогда не отказывали императору в осознании и следовании национальным интересам страны и особенно отмечали его таланты на военном и дипломатическом поприще.

Одним из первых консервативных мыслителей, который обратился к петровскому наследию во внешней политике России, являлся Н.М. Карамзин. Концентрируя своё внимание на внутриполитических переменах, произошедших по воле Петра Великого, историк не обошёл вниманием и внешнеполитический курс страны, а также трансформацию того положения, которое Россия занимала в мире. Н.М. Карамзин подчёркивал, что именно с Петра I началось сближение России с Западом, была преодолена многолетняя дипломатическая изоляция государства, произошёл выход на новые рубежи, обусловленные вековым geopolитическим устремлением. При этом тесные контакты с Европой влекли за собой и распространение идей, которые, по мысли консерваторов, несли определённую угрозу государственности и православию, пагубно влияли на молодёжь. Так, например, Ф.В. Ростопчин с очевидным сожалением писал о презрении к религии и моде на материалистическое мировоззрение среди молодых людей (Ростопчин 2014: 170). Данные тенденции, полагал консервативный деятель, были привнесены на русскую почву из стран Запада и явно противоречили русской духовной традиции.

Хотя, как полагали некоторые консервативные авторы, Пётр I и сам порой осознавал отрицательные аспекты некоторых европейских идей и тенденций. В частности, С.Н. Глинка приводил в пример высказывание царя-реформатора о французах: «Всякий согласится, что разврат, которым Французские лжеумельцы заразили все состояния Французского народа, весьма спопствовал к мятежу Французскому. Пётр Первый, находясь в Париже и видя буйное свое-вление тамошних жителей, сказал: Если бы я был Королём Французским, то бы выжег половину Парижа!»¹. Более того, С.Н. Глинка отмечал, что несмотря на то, что Пётр I «желал сблизить Россию с соседственными Европейскими областями», но выступал против распространения французского языка, считая его «непригодным»² для русских.

Суждение о политике Петра Великого, направленной на сближение с Западом, поддерживали и консерваторы 1830-1870-х гг. Например, Ф.И. Тютчев признавал, что российский император буквально заставил страны Западной Европы принять факт существования России как равной силы, как центра Восточной Европы, как геополитическую величину. Мыслитель и дипломат подчёркивал, что в начале XVIII в. «...Европа Карла Великого очутилась лицом к лицу с Европой Петра Великого» (Тютчев 1976: 16). Повествуя об истории российской государственности, славянофил А.С. Хомяков отмечал, что «...с Петром начинается новая эпоха. Россия сходится с Западом, который до того времени был совершенно чужд ей» (Хомяков 1994: 467).

Таким образом, внешнеполитическое наследие Петра I связано, согласно оценкам консерваторов, с выходом из международной изоляции, с достойным заявлением о себе на мировой арене, с провозглашением собственных геополитических интересов. Данные аспекты вызывали лишь положительные отзывы со стороны консервативных мыслителей, призывавших российских императоров не забывать принципов петровского курса.

Следующий аспект, нашедший отражение в воззрениях консервативных деятелей, это приёмы дипломатии Петра I. С.С. Татищева можно назвать одним из первых историков, который детально проанализировал методы Петра I по ведению переговоров, способы позиционирования страны в международном пространстве, принципы поведения послов, утвердившиеся в петровскую эпоху. С.С. Татищеву была свойственна мысль о том, что дипломатический корпус оказывал существенное влияние не сколько на курс страны, столько на восприятие государства на мировой арене, что само по себе является довольно значимым аспектом в практике дипломатических контактов.

Историк критиковал Петра I и введённые им порядки, подчёркивая, что ещё «в московский период нашей истории отличительные черты русского государственного строя, своеобразие и обособленность, всецело отразились на нашей

¹ Русский вестник. 1815. Книжка 10. С. 16-17.

² Русский вестник. 1815. Книжка 10. С. 55.

дипломатии. В сношениях с иностранными державами она руководствовалась исключительно сознанием наших народных польз и нужд, строго оберегая при этом честь и достоинство государя и государства» (Татищев 2017: 3). По его мнению, подобная особенность была характерна для России в период воссоединения земель и создания единого государства, «при зарождении могущества», поэтому такая политика и позволила в итоге позиционировать себя как полноправного участника международных отношений. Русские дипломаты этой эпохи выступали с очевидным достоинством и тем самым внушали уважение к своей стране, делавшей первые шаги на мировой арене и не располагавшей ни сильными союзниками, ни современной армией.

Обращаясь к допетровскому времени, С.С. Татищев находил примеры поведения дипломатов, достойные восхищения и подражания. Так, в частности, Михаил Плещеев, «отправленный к турецкому султану великим князем Иваном III, вопреки обычаю, которому подчинялись все представители Запада, правил поклон падишаху стоя, а не на коленях, и, по выражению Карамзина, “свою гордостью удивил двор Баязетов”. Так было и два столетия спустя накануне Петровских преобразований» (Татищев 2017: 5). Подобная тактика дипломатов оценивалась С.С. Татищевым как продуктивная и создающая правильный образ России на международной арене. Более того, в интерпретации историка, именно такой стиль ведения переговоров представлял собой некий идеал, к которому Россия, однако, уже не стремилась, начав свое движение в сторону Запада. При этом С.С. Татищев оценивал деятельность первого российского императора скорее положительно, он подчеркивал национальную ориентированность курса и умение отстаивать свои интересы на международной арене: «политика его была величественная, как он сам и как Россия» (Татищев 2017: 7). Именно при Петре I начался заметный приток иностранных подданных на русскую службу, однако император тщательно следил, чтобы их действия были целиком сопряжены с интересами России. «При таких условиях, немногие иностранцы, состоявшие при великом императоре в нашей дипломатической службе не могли влиять на тот ход и направление русской внешней политики, а напротив служили ей покорными и часто полезными орудиями. (Брюс, Остерман, голландский еврей Шафиров)» (Татищев 2017: 7). Таким образом, лишь сильный государственный деятель, осознающий национальные задачи своей страны, мог использовать опыт иностранцев во благо. По мнению С.С. Татищева, данная особенность петровского царствования и наблюдалась в дипломатии первой четверти XVIII в., а позднее была утрачена. Вместе с тем другой представитель консервативного направления – В.И. Ламанский – именно с Петром I связывал смену принципов внешней политики России (Ламанский 2010: 482). И если С.С. Татищев полагал, что император всё же продолжил предшествующую традицию дипломатии, то В.И. Ламанский доказывал обратное, видя в деятельности Петра I разрыв с предшествующей эпохой.

Ситуация изменилась после смерти Петра I, когда началось время засилья иностранцев не только на дипломатическом поприще, но и во власти в целом.

Правда, в годы правления Елизаветы Петровны на государственных постах, в том числе в сфере дипломатии, всё же преобладали русские, но затем наступили «шестимесячные сумерки правления Петра III». И лишь Екатерина II сумела возродить петровские традиции, вот почему С.С. Татищев называл вторую половину XVIII в. «радостным рассветом Екатерининского царствования» (Татищев 2017: 8), а В.И. Ламанский указывал на то, что успехи России были непосредственно связаны с тем, что императрица окружила себя «блестящей плеядой даровитых русских государственных людей» (Ламанский 2010: 483). Собственно, этим свойством – правильно подбирать своё окружение и кадры – отличался и Пётр Великий. Неслучайно дипломатия как Петра I, так и Екатерины II (а императрица позиционировалась консерваторами как настоящая преемница петровского наследия) представлялась едва ли не самой продуктивной в истории России. Причём особое одобрение вызывали шаги Екатерины II, направленные на решение Восточного вопроса. Причиной внешнеполитических успехов данного периода назывались как смелость в принятии решений, так и независимость суждений, в частности, от западных партнёров.

Консервативные историки доказывали, что в отличие от императоров XIX в., харизматичные правители XVIII столетия ставили перед собой цели, связанные с реализацией геополитических задач страны. В современной действительности консерваторы не наблюдали столь необходимых качеств ни у Александра I, ни у Николая I, ни у их царственных потомков, заботящихся, главным образом, о том, чтобы соблюсти общеевропейские договоренности и «понравиться» странам Запада. С большой долей критики о политике императоров первой половины XIX в. писал историк М.П. Погодин, с сожалением отмечая, что «Пётр основал владычество России на Востоке. Екатерина утвердила, Александр распространил, а Николай предал его Западу» (Погодин 2011: 265). Бесконечная оглядка на европейские правительства, зависимость от мнения коллективного Запада (зачастую объединявшегося для противостояния России), свойственная Александру I и Николаю I, провоцировала критику со стороны консервативных мыслителей (Линькова 2014). Поэтому принципы,ственные для петровского или екатерининского курса, в основе которых лежало «сознательное преобладание нужд и польз России над всеми прочими политическими соображениями и строгое охранение нашей государственной чести и достоинства» (Татищев 2017: 12), не могли не вызывать одобрение у консерваторов.

В качестве примера С.С. Татищев приводил курс Николая I и канцлера К.В. Нессельроде, в результате следования которому петербургский кабинет не воспользовался благоприятной для России ситуацией и не решил давно назревший Восточный вопрос ещё в 1830-е гг. Причин тому было несколько, но как одну из ключевых историк выделял следующую: начиная с 1833 г. все значимые дипломатические посты как в МИД, так и в отдельных посольствах, занимали выходцы из Прибалтики или русские, но родственники канцлера. Это приводило к тому, что, как резюмировал С.С. Татищев, «...наша дипломатия Никола-

евской эпохи была чужда русской народности и связанных с нею понятий и вे-рований. В среде её совершенно естественно не оставалось и тени преданий не только московского посольского приказа, но и преемственной политики Петра Великого и Великой Екатерины» (Татищев 2017: 56). Главной же целью внешнеполитического курса Николая I стало «искупление грехов этих двух славных царствований» (Татищев 2017: 56), в то время как Пётр I, по меткому выражению историка М.П. Погодина, заставил уважать Россию, поместив её «в число европейских государств» (Погодин 2011: 703).

Можно отчасти согласиться с С.С. Татищевым, ведь, как справедливо подмечал публицист, сотрудниками МИД, представлявшими страну на международной арене, порой были люди, «незнакомые с историей России, чуждые русской жизни, не разумевшие даже русского языка, они с пренебрежением относились ко всему родному, для них недоступному и непонятному, и с подобострастием взирали на западно-европейскую культуру, сияясь приобщиться ее благам, хотя бы ценою полного отречения от основных начал русской государственной жизни» (Татищев 2017: 56). Историк полагал, что именно в первой половине XIX в. сформировался тот новый тип российского дипломата, который существенно отличался от петровского или екатерининского своей нерешительностью, неспособностью принимать решения во благо страны.

Некоторое возвращение к идеалам петровской дипломатии усматривал К.Н. Леонтьев, давая оценку внешнеполитическому курсу, намеченному Александром III в самом начале его царствования. Философ и дипломат отмечал, что благодаря начавшейся «эмансипации мысли» (в результате манифеста от 29 апреля 1881 г.), Россия вернулась на путь «организации и созидания», решила «едва ли ни в первый раз со времён Петра Великого... быть самобытной...» (Восток, Россия и славянство... 1885: 283), а это означает, что и во внешней политике К.Н. Леонтьев ожидал подобного же крутого поворота.

Итак, петровская традиция дипломатии довольно позитивно воспринималась в консервативных кругах России XIX в. При существовании некоторых критических замечаний из-за практики приглашения на русскую службу большого числа иностранцев консерваторы в целом положительно отзывались о внешнеполитическом векторе, выбранном Петром I, о стремлении императора следовать национальным интересам без оглядки на страны Западной Европы. Занимаясь европеизацией страны, Пётр Великий сумел сохранить курс, ориентированный на решение собственных geopolитических задач, сложившихся в предшествующую эпоху.

Основные направления внешней политики Петра I в оценках консерваторов

В консервативном дискурсе XIX в. нашли своё отражение и конкретные шаги Петра I на международной арене. Так, в работах историка М.П. Погодина

содержится подробный анализ внешнеполитической деятельности императора, исследуются характер, причины, ход войн и отдельных сражений, в которых Россия принимала участие в конце XVII – первой четверти XVIII в.

М.П. Погодин отмечал явную преемственность курса молодого Петра тем внешнеполитическим аспектам, которые имели место при его предшественниках: Алексее Михайловиче и царевне Софье. «Неудержимая внутренняя сила повлекла пылкого юношу сначала по голицынскому следу при живом воспоминании о недавних неудавшихся походах на юг под Азов» (Погодин 2011: 321–322). Историк называл данный период «решительной порой» как в жизни царя, так и России: «Юг и север как будто тогда открывались пред нашим Петром: какую сторону выберет он поприщем своей деятельности» (Погодин 2011: 321). Свой выбор Пётр I сделал в пользу европейского направления, что было продиктовано желанием модернизировать и «объевропить» (Погодин 2011: 321) Россию. Кроме того, на Балтике сложились довольно благоприятные условия для того, чтобы начать решение вопроса о выходе к незамерзающему морю и активной внешней торговле. Во главе шведского королевства встал молодой Карл XII, «от которого не было причин ожидать какого-нибудь сильного сопротивления» (Погодин 2011: 321). К тому же именно на рубеже XVII-XVIII вв. у России появились союзники, которые могли оказать решительную помощь в борьбе со шведами: Дания и Речь Посполитая имели «личные....виды на Швецию» (Погодин 2011: 321).

Северная война, однако, оказалась не столь лёгкой, как ожидалось в её начале, Пётр I «двадцать лет... боролся с шведским рыцарем, то есть почти всю свою жизнь (1700–1721), хотя ещё в середине этого времени одержал Полтавскую победу (1709) и положил краеугольный свой камень в основание нового европейского города Петербурга (1703), которым началось политическое тяготение наше к Западу...» (Погодин 2011: 321).

По мнению М.П. Погодина, в данном движении к Европе был и ещё один важный аспект: именно в союзе с западными правителями Пётр предполагал разрушить Османскую империю. Восточный вопрос, хоть и отошедший на второй план с началом Северной войны, не был забыт царём. С данной международной проблемой для России было связано и обретение выхода к Чёрному морю, и реализация своей мессианской роли защитницы христианских народов на Балканах и на Ближнем Востоке. М.П. Погодин напоминал, что «христианские... обитатели» турецких провинций «часто обращались к нему (Петру I, *авт.*) с молениями избавить их от мусульманского ига и предлагали ему своё подданство» (Погодин 2011: 322). И хоть в правление императора решения Восточного вопроса и освобождения христиан не произошло, но проблема взаимоотношений с Портой прочно вошла во внешнеполитическую повестку России. Схожую мысль высказывал и В.И. Ламанский, отмечавший, что «с появлением на северо-востоке колоссальной фигуры Петра Великого» начало «понемногу подниматься» славянское движение (Ламанский 2010: 280). Однако деятельность Петра на

данном направлении вполне закономерно не только не встретила сочувствия и поддержки со стороны европейских дворов, а напротив, «возбуждала сильное подозрение и опасения» (Ламанский 2010: 280). Именно с петровского времени, по мысли В.И. Ламанского, началось расширение присутствия России на Балканах, укрепление её положения в славянском мире. Это было связано с тем, что христианские народы не только Османской империи, но и Австрии увидели в российском императоре «не просто великого человека или государя, а великого царя славянского, domina императора, Василевса христианского, главу новой Восточной империи, вождя греко-славянского мира, чаявшего свободы и новой политической, местной и общей, союзной организации» (Ламанский 2010: 281). С проблемой османского наследства был связан и другой вопрос, ставший довольно острым уже при потомках Петра I – вопрос о присоединении Прикаспия и Закавказья.

М.П. Погодин отмечал, что внешнеполитическая деятельность Петра I вообще отличалась разновекторностью при кажущейся концентрации на балтийском регионе и в целом на Европе. «Пётр думал об Индии, и о Китае, и о Персии, и об острове Мадагаскар. Недавно ещё найден его указ брать мальчиков для обучения японскому языку!» (Ламанский 2010: 378) Таким образом, историк показывал, что Россия, простирающаяся в Европе и Азии, имела обширные внешнеполитические контакты и интересы, которые осознавал в том числе и Пётр I. А модернизация страны в духе вестернизации призвана была способствовать не только расширению контактов с западным миром и преодолению технического и военного отставания, но и росту влияния и присутствия России на Востоке.

Общий вывод, который был сделан М.П. Погодиным о внешней политике Петра I содержит если не апологетические, то весьма позитивные оценки. В очерке «Петр Первый и органическое национальное развитие» историк высказывал мысль о том, что внешнеполитический курс, выбранный на рубеже XVII–XVIII вв. буквально спас Россию, т.к. «в конце XVII столетия внешние отношения России к соседним государствам, Польше, Швеции и Турции, сделались слишком страшными, так что жизнь её, политическое существование подвергались опасности. Если незадолго до Петра Польша думала овладеть Россией и имела уже в своих руках Москву, если шведы мечтали взять себе Новгород и шведский принц готовился быть Русским Государем...» (Погодин 2011: 709). Консервативные идеиные установки М.П. Погодина не помешали ему констатировать, что Пётр I очень «вовремя» появился на русском престоле и несмотря на то, что «каша», которую он «заварил» была «крута и солона», но «по крайней мере есть что хлебать, есть с чего сыту быть, а попадись Карл XII на какого-нибудь Фёдора или Ивана Алексеевича, так пришлось бы, может быть, детушкам надолго и зубы положить на полку» (Погодин 2011: 709). Основная заслуга Петра I, по мнению М.П. Погодина, заключалась в том, что он остановил угрозу с Запада, сохранил и приумножил территории России, дав новые импульсы к её geopolитическим устремлениям. Критике петровской модернизации историк

противопоставлял тезис о том, что благодаря активной и национально ориентированной внешней политике Петра I Россия не только превратилась в устроенное на европейский лад государство, но и на полях сражений в ходе Северной войны смогла спасти свою «древнюю» традицию (Погодин 2011: 710), решить те задачи, которые были поставлены ещё Иваном IV в ходе Ливонской войны.

Консерваторы о соотношении внешней и внутренней политики в эпоху Петра I

Немаловажным аспектом в исследовании внешнеполитического курса Петра I, на который обращали внимание отечественные консерваторы, является анализ военных реформ начала XVIII в. Как справедливо отмечал М.П. Погодин, без преобразований армии и обновления вооружений вряд ли можно было себе представить столь активную и, главное, результативную внешнюю политику. Причём речь идёт не только о курсе самого императора, но и его потомков. «Решусь сказать даже вот что, – писал историк, – если бы не было прежде Петра, мог ли бы Александр бороться с Наполеоном?» (Погодин 2011: 710). Модернизация военной сферы России, предпринятая императором, стала залогом побед в войнах XVIII в., способствовала выходу не только на берега Балтийского, но и Чёрного морей.

Наконец, в работах консерваторов можно обнаружить ещё одну проблему, поднимаемую в связи с изучением истории внешней политики России, в том числе петровского периода. Консервативные мыслители обращались к вопросу о соотношении внешней и внутренней политики в истории российского государства. Данный аспект, хоть и порой завуалированно, но всё же присутствовал в консервативном дискурсе, особенно второй половины XIX в.

Петровская модернизация традиционно вызывала полемику в российской общественной и исторической мысли, в том числе из-за противоречивых оценок последствий преобразований начала XVIII в. для народа. Вопрос о цене активной внешней политики для внутреннего состояния государства поднимался не только в связи с петровским правлением, он не утратил свою актуальность ни в XIX в., ни в современную нам эпоху. О взаимовлиянии внутренней и внешней политики писал и М.П. Погодин, размышляя о результатах Северной войны не только в международном контексте, но и во внутриполитическом. В 1873 г. К.Н. Леонтьев настаивал на том, внешняя политика государства должна коррелироваться с внутренней и более того, «внешняя политика державы определяется неизбежно внутренним устройством её политического организма» (Восток, Россия и славянство... 1885: 10). Т.е. потребности экономики, общественные чаяния, возможности страны определяют действия на мировой арене. Эта мысль стала релевантной для отечественных консерваторов особенно после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., но в то же время внешняя политика более раннего периода, например, в царствование Петра I, провоцировала начало подобных

дискуссий. С данным вопросом была связана и проблема выработки прагматичного внешнеполитического курса. Можно отметить, что во второй половине XIX в. внешнеполитический консервативный дискурс становился всё более реалистичным, лишался многих идеологем и иллюзий предшествующего периода. Это происходило и вследствие Крымской войны 1853–1856 гг., и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и в результате явной трансформации славянского вопроса. В итоге решение геополитических задач, предложенное консерваторами, всё более перемещалось в рациональную плоскость. В этой связи в эпохе Петра Великого они находили те элементы рационализма, которые впоследствии были частично утрачены при Александре I и Николае I, что в свою очередь привело Россию к увлечению общеевропейскими проектами взамен реализации коренных геополитических интересов и задач.

* * *

Представляется справедливым отметить, что эпоха Петра I явилась для российских консерваторов тем важным этапом, который способствовал началу дискуссии по внешнеполитическим проблемам, причём в самых разных ракурсах. Мыслители признавали, что именно в первой четверти XVIII в. были заложены те векторы внешней политики России и поставлены те задачи, которые получили своё развитие и были реализованы на протяжении XVIII–XIX столетий. Причём Пётр I, будучи, по меткому выражению А.С. Пушкина «одновременно Робеспьером и Наполеоном» (Пушкин 1958: 146) на престоле, в своём внешнеполитическом курсе всё же умело сочетал традицию и «революцию», а новшества в методах и принципах его дипломатии переплетались с решением тех задач, которые были определены ещё Иваном III, Иваном IV и первыми Романовыми: Михаилом Фёдоровичем и Алексеем Михайловичем. Курс на собирание и колонизацию земель и их освоение, на выход к незамерзающим морям, на развитие внешней торговли и связей с Европой, на защиту христианского населения, – все эти аспекты были одинаково важны для России и в конце XV в., и в начале XVIII в. А сохранение внешнеполитического наследия Петра I отечественные консерваторы считали одной из главных задач его потомков.

Об авторе:

Елена Валентиновна Линькова – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов. 117198. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, корп. 2.
E-mail: linkova_ev@pfur.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94, 327
Received: December 10, 2021
Accepted: February 12, 2022

Peter The Great's Foreign Policy in the Assessments of Russian Conservatives of the 19th Century

E.V. Linkova
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-2-83-37-50](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-2-83-37-50)

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Abstract: The article reconstructs the views of Russian conservatives on the Russia's international position and foreign policy under Peter I. His military victories, and successes in diplomatic field made him popular among conservatives of the 19th century: N. Karamzin, F. Tutchev, M. Pogodin, S. Tatischev, V. Lamansky, etc. In their studies they focused on Russia's international posture in the late 17th– early 18th century, comparing the main features of Peter's diplomacy with his those of his descendants. The conservatives, while criticizing the emperor for undermining the tradition, imitating the West, and widening the socio-cultural rift in the society, highly appraised Peter's foreign policy. They attributed the success to the foreign policy strategy based on national interests. This strategy and Peter's personality fared better compared to the times of «palace coups», and personalities of Catherine II, Alexander I, and Nicholas I. Peter I «in his relations with foreign powers...was guided solely by the consciousness of our national benefits and needs, while strictly protecting the honor and dignity of the sovereign and the state». The conservatives criticized the emperor's 19th century heirs for what they saw as abandonment of national interests in favor of pan-European ones.

Keywords: conservatism, foreign policy, Peter I, Russia and West, the Eastern question, public thought

About the author:

Elena V. Linkova – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian History Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). 10, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia. E-mail: linkova_ev@pfur.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interest.

References:

- Arslanov R.A., Lin'kova E.V. 2018. *Strany Zapada i ih vneshnjaja politika v vosprijatii rossiskih konservatorov i liberalov XIX veka* [Western Countries and their Foreign Policy in the Perception of Russian Conservatives and Liberals of the 19th Century]. Moscow: RUDN. 251 p. (In Russian).
- Hevrolina V.M. 1999. *Vlast' i obshhestvo. Bor'ba v Rossii po voprosam vneshnej politiki. 1878-1894 gg.* [Power and Society. The Struggle in Russia on Foreign Policy Issues. 1878-1894). Moscow: Institut rossijskoj istorii RAN. 315 p. (In Russian).

- Khomyakov A.S. 1994. *O Starom i novom* [About the Old and the New]. Vol. 1. Moscow: Moscow Philosophical Foundation publishing house "Medium". (In Russian).
- Lamansky V.I. 2010. *Geopolitika panslavizma* [The Geopolitics of Pan-Slavism]. Moscow: Institute of Russian Civilization. (In Russian).
- Lin'kova E.V. 2014. Vneshnepolitichestkij kurs Nikolaja I v ocenkah otechestvennyh konservatorov pervoj poloviny XIX v. [The Foreign Policy Course of Nicholas I in the Assessments of Domestic Conservatives of the First Half of the 19th Century]. *RUDN Journal of Russian History*. № 1. P. 17-24. (In Russian).
- Pavlenko N.I. Mihail Pogodin (Mikhail Pogodin). Moscow: Pamjatniki istoricheskoy mysli, 2003. 359 p. (In Russian).
- Pogodin M.P. 2011. *Vечное начало. Русский дух* [The Eternal Beginning. The Russian Spirit]. Moscow: Institute of Russian Civilization. (In Russian).
- Pushkin A.S. 1958. *Sobranie sochinenij v 10 t.* [Collected Works in 10 vols]. Vol. 8. On the nobility. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences. (In Russian).
- Rostopchin F.V. 2014. *Mysli vsluh na krasnom kryl'ce* [Thoughts Aloud on the Red Porch]. Moscow: Institute of Russian Civilization. (In Russian).
- Tatishchev S.S. 2017. *Russkaya diplomatiya, staraya i novaya. Evropa nakanune Vostochnoj vojny 1853-1856 godov* [Russian Diplomacy, Old and New. Europe on the Eve of the Eastern War of 1853-1856]. Polemical articles about diplomacy. Moscow: LENAND. (In Russian).
- Tytchev F.I. 1976. Politicheskie stat'i [Political Articles]. Paris: Ymca-press.
- Vostok, Rossiya i slavyanstvo* [The East, Russia and the Slavs]. 1885. Collection of articles by K. Leontiev. Vol. 1. Moscow: Typo-Lithography Kucherena and Co. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

- Арсланов Р.А., Линькова Е.В. 2018. *Страны Запада и их внешняя политика в восприятии российских консерваторов и либералов XIX века*. Москва: Изд-во РУДН. 251 с.
- Восток, Россия и славянство*. Сборник статей К. Леонтьева. 1885. Т.1. Москва: Типо-Литография Кущерена и Ко.
- Ламанский В.И. 2010. *Геополитика панславизма*. Москва: Институт русской цивилизации.
- Линькова Е.В. 2014. Внешнеполитический курс Николая I в оценках отечественных консерваторов первой половины XIX в. *Вестник Российской университета дружбы народов*. Серия: История России. №1. С. 17-24.
- Павленко Н.И. 2003. Михаил Погодин. Москва: Памятники исторической мысли. 359 с.
- Погодин М.П. 2011. *Вечное начало. Русский дух*. Москва: Институт русской цивилизации.
- Пушкин А.С. 1958. *Собрание сочинений в 10 т.* Т. 8. О дворянстве. Москва: Изд-во Академии наук.
- Ростопчин Ф.В. 2014. *Мысли вслух на красном крыльце*. Москва: Институт русской цивилизации.
- Татищев С.С. 2017. *Русская дипломатия, старая и новая. Европа накануне Восточной войны 1853-1856 годов*. Полемические статьи о дипломатии. Москва: ЛЕНАНД.
- Тютчев Ф.И. 1976. *Политические статьи*. Париж: Имка-пресс. С. 16.
- Хевролина В.М. 1999. Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878-1894 гг. Москва: Институт российской истории РАН. 315 с.
- Хомяков А.С. 1994. *О Старом и новом*. Сочинения в двух томах. Том 1. Москва: Московский философский фонд издательство «Медиум».

Провозглашение Всероссийской империи – на пути к великодержавному статусу

В.А. Артамонов

Институт российской истории РАН

Многие российские историки полагают, что великой державой Россия стала в результате Полтавской победы 1709 г. или после Ништадтского мира 1721 г. С этим трудно согласиться. При Петре Великом была создана боеспособная регулярная армия, гвардия, офицерский корпус, военно-морской флот с верфями, базами и береговой артиллерией. Произошёл подъём металлургической промышленности и горного дела. Были учреждены училища с качественным военным образованием, светские учебные заведения, Академия наук, Сенат и Синод, основан Петербург. На военные, дипломатические и административные посты выдвигались способные и инициативные личности. Произошло укрепление централизации во всех сферах управления. Основным фактором подъёма государства была военная модернизация. Главным геополитическим свершением Петра стало завоевание полноценного доступа к Балтийскому морю.

Однако ограниченность ресурсов, поражения и неудачи в военной и дипломатической сфере не позволили России подняться до ранга великой державы. Болезненными были катастрофы под Нарвой в 1700 и на р. Прут в 1711 г., когда был утрачен доступ к Азовскому морю, потеряны Азов, Таганрог, азовская эскадра, верфи и судостроение в Воронежском крае. Велик был ущерб от трёх трактатов с османами 1711–1713 гг. Россия лишилась всего Запорожья. Демаркация границ 1714 г. отбросила Россию на сотни километров от Причерноморья. В 1719 г. русская военная сила была выдавлена из Центральной Европы – из Мекленбурга. Сфера влияния России после победоносного Ништадтского мира в 1721 г. утвердилась только в Северной и Восточной Европе: в Речи Посполитой, Шведском и Датско-Норвежском королевстве, частично в Пруссии. Претензий на гегемонию в Европе и притязаний на вступление в круг тогдаших великих держав у царя не было. Великой державой, такой же, как монархия Габсбургов, Франция, Великобритания или евразийско-африканская Османская империя, русское государство в то время не стало ни по экономической (промышленной, финансовой) мощи, ни по накалу экспансионизма, ни по влиянию на двух континентах. Вхождение Российской империи в систему международных отношений в качестве одной из пяти великих держав – Франции, Великобритании, Австрии, Пруссии и России произошло во время Семилетней войны 1756–1763 гг. Очередной подъём к великодержавию состоялся в царствование Екатерины II. Кульминацией влияния России на европейские дела стал Венский конгресс 1814–1815 гг.

УДК: 94, 327

Поступила в редакцию: 11.11.2021 г.

Принята к публикации: 12.02.2022 г.

Ключевые слова: Российская империя, Пётр I, война с османами в 1710–1713, Мекленбург, Ништадтский мир 1721 г., великие державы

Многие империи создавались «железом и кровью»: Персидская, Римская, Китайская, Монгольская, Османская, Британская, Германская, Японская. Российская империя была создана, прежде всего, всеохватными реформами Петра Великого, создавшими новое управление, регулярную армию, флот, эффективную логистику, а также положившими начало индустриальной цивилизации – металлургической (плавильные, горные, железоделательные, оружейные заводы) и лёгкой промышленности (парусно-полотняные, суконные, кожевенные, канатные и др. мануфактуры), гидротехнике, финансовым ресурсам и полноценной монетной системе.

Большинство отечественных историков полагали и полагают, что великой державой Россия стала после Полтавской победы в 1709 г. или после Ништадтского мира 1721 г. (Павленко 1990; Санин 2021; Бобылев 1990; Никифоров 1959; Редин 2021; Нарочницкая 2021). Справедливее нам представляется точка зрения В.В. Дегоева, который писал, что после 1721 г. «принципиально менялась вся континентальная geopolитическая конфигурация» и «Россия превратилась в один из базовых элементов в международных отношениях» (Дегоев 2021: 633, 650).

Западная историография приписывает Петру I не только политику Екатерины II и Николая I, но и исторические амбиции СССР. Повторяются штампы о том, что «закалённые варварством и рабством» русские были одержимы «безумием завоеваний». Немецкий историк К. Цернак (1931–2017) вслед за своим соотечественником Л. Ранке (1795–1886) утверждал, что с Петра I в Европе началась гегемония России, которая стала «диктовать законы на Севере», «в корне изменила взаимоотношения европейских держав... и на долгое время создавала систему своего доминирования в Северо-Восточной и Центральной Европе» (Цернак 1993: 41, 43). Эта традиция немецкой историографии жива: современный исследователь Ш. Кирмзе утверждает, что хотя титул «императора Всероссийского» распространялся только на земли к востоку от Смоленска и Киева и Северную Азию, этот титул означал «претензии на место среди великих держав [Европы]»¹.

Цель настоящей статьи заключается в сопоставлении успехов и неудач на жертвенном пути к победе 1721 г. и представление доводов в пользу того, что Ништадтский мир был лишь первой ступенью восхождения России к статусу

¹ Кирмзе Ш. – старший научный сотрудник Центра исследования современного Ближнего Востока им. Лейбница в Берлине. Электронный ресурс. URL: <https://inosmi.ru/politic/20211108/250854467.html> (accessed 28.04.2022)

великой державы. Критерий великой державы – это военный потенциал, экономическая (промышленная, финансовая) мощь, размер природных и людских ресурсов, накал экспансиионаизма и державного духа, а также степень политического влияния в мире².

Успехи России в Северной войне и петровские преобразования

Первые шаги к усилению российского государства были совершены в XV–XVI вв. Внушительный рост державы начался при «государе всея Руси» Иване III. Этот самодержец присоединил Новгород и наметил в 1492 г. выход к Балтике у Ивангорода. Иван IV в 1547 г. принял титул восточно-римских императоров «царь» (от лат. Imperator Gaius Iulius Caesar), в 1552–1556 гг. опрокинул барьер татарских ханств в Поволжье и открыл путь в Сибирь. К Тихому океану русские землепроходцы вышли к середине XVII в. «Океан земли» Северной Азии был условно включён в состав России, когда русские первопроходцы дошли до Якутии, Прибайкалья, Приамурья, Нерчинска, а казак С. Дежнев в 1648 г. с сотней собратьев прошёл из «Студёного моря» в Тихий океан, обогнув «край Сибирской земли» – Чукотку.

В Северной войне у русского командования было немало успехов. В 1699 г. был заключён триединый наступательный союз Российского царства, Датско-норвежской унии и курфюршества Саксонии. В 1704 г. к Северному союзу удалось подключить часть Речи Посполитой. Преобразование старой рати в регулярную армию было уникально коротким. Царь сформировал всесословное войско из пехоты, кавалерии, лейб-гвардии, артиллерии, инженерного корпуса и гарнизонных войск. Ударной тактике шведов Пётр противопоставил «малую войну», ставшую неожиданностью для противника (Иванюк 2014). С Дикого поля в Прибалтику перенесли истребительные набеги казаков, калмыков и драгун, которые жгли постройки и угоняли скот и крестьян.

С Запада были переняты военные технологии, мореходные и инженерные школы, части оружия, передовая линейная тактика, система воинских званий и военная форма. Беспорядочные собрания даточных людей на ратную службу были заменены почти ежегодными рекрутскими наборами. С 1704 г. начался поголовный набор тяглых крестьян и посадских людей из центра страны. Пожизненная служба превращала крестьян в воинов-профессионалов. Вначале рекруты часто бежали, но постепенно они привыкали к суровой дисциплине и становились ратниками, верившими в праведность действий царя. Вопреки утверждениям западных историков, армия Петра I не была «рабски покорной и крепостной» (Beyrau 1984: 94–96, 156). Вооружённые солдаты не считали себя

² Великие державы – государства, которые благодаря своему военно-политическому потенциалу оказывают определяющее влияние на систему международных и международно-правовых отношений. Большой юридический словарь. 2003. Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2. изд. Москва. См. также: (Danilović 2002).

«пушечным мясом» и, подобно казакам, сознавали превосходство над крестьянством. Служивые были свободны от забот по прокорму, одежде и жилью. Простой рядовой имел перспективу дослужиться до первого офицерского чина и даже получить дворянство для себя, детей или внуков. Для солдатских отпрысков были открыты гарнизонные школы, обучавшие грамоте и военной специальности. Войско великорусских крестьян к 1708–1709 гг. обрело боеспособность, которой не знали рати XVII в. Пехоту, конницу и артиллерию оснастили оружием, стандартным по калибрам, длине стволов, весу пуль и ядер, скорости и дистанции выстрелов. Были введены новые построения и соединения войск – бригады и дивизии, каре, колонны. Внедрены понятия «арсенал», «гауптквартира», «штаб», «кронверк», «калибр», «масштаб», «маршрут», «шициртены», «фурраж» и др. Для содержания в порядке путей сообщения учредили минёрную и pontонную роты, давшие начало военно-инженерным войскам. Талантливый правитель и прирождённый вождь, Пётр I умело подбирал кадры для армии и искусно руководил стратегической обороной, тылом и фронтом. Захват Москвы шведами в 1708 г. был практически исключён. К октябрю 1708 г. на валах Москвы стояло 964 пушки, 114 мортир и 67 других орудий. Гарнизон насчитывал почти пять тысяч человек (Ласковский 1861: 538).

К 1708–1709 гг. Пётр спаял разношёрстное рекрутское множество в сплошённую армию. Сформированные по западным образцам вооружённые силы стали главной опорой страны. Россия завела самый мощный в Европе артиллерийский парк со штатом 4526 человек. Сухопутная артиллерия насчитывала до пяти тысяч стволов, морская – до четырёх тысяч орудий (Ласковский 1861: 538). Дворянство, хоть и закабалённое поголовной и постоянной службой «доколе силы и здоровье позволят», повиновалось державной воле, не взимавшей с него налогов. Все сыновья благородного сословия после домашнего обучения шли в полк солдатами или унтер-офицерами, чтобы «знать службу с фундамента солдатского дела».

Опорой, ядром и школой боевого духа стали «оберегательные» (гвардейские) полки. Гвардия помогала Петру не только проводить реформы и перестраивать на европейский лад высшее сословие, но и формировать державное сознание дворян. Костяком будущей империи Пётр считал весь офицерский корпус, обязанный поднимать дух воинов. Происходила «революция» в сознании офицерства. Число лиц с имперским патриотизмом поначалу росло в кругу «птенцов гнезда петрова», потом в гвардии и среди офицерского корпуса, затем внутри солдатского сословия, а под конец и среди чиновного люда.

Победа в генеральном сражении под Полтавой привела к перелому в Северной войне³. Оборонительная стратегия сменилась военным и дипломатическим наступлением по нескольким направлениям. Был восстановлен Северный союз,

³ См.: Полтавская битва 27 июня 1709 года. 2011. Документы и материалы. Москва.

в котором ведущую роль стала играть Россия. Триумф под Полтавой покончил со «шведобоязнью» и привёл к взлёту боевого духа в армии и имперскому высокомерию царской элиты (Ливен 2007: 351, 359).

В 1710 г. шведская сила в Прибалтике рухнула. Россия завоевала портовые города на Балтике – Нарву, Выборг, Ревель, Пернов, Ригу, имевшие прямые торговые связи с Европой. Согласованные действия армии и парусно-галерного флота в 1712–1713 гг. помогли быстро оккупировать Финляндию.

Завоевание Прибалтики принесло заметную выгоду русскому государству. Остзейский край имел развитую инфраструктуру, цеховое производство, пути сообщения, гимназии, сельские школы и самоуправление, которое считалось эффективнее российского. После «великого лихолетья» и чумы в скором времени восстановились аграрные угодья немецких землевладельцев.

28 апреля 1721 г. в Ништадте под неусыпным контролем Петра I начались переговоры о мире. Вариантов мира было несколько, но стратегия царя оставалась неизменной: как можно прочнее утвердиться на балтийском побережье. Задачи полного разгрома Швеции на переговорах в Ништадте (такой, как намечал Карл XII в отношении России), у царя не было и он поступился завоёванной Финляндией⁴. 30 августа 1721 г. цель Петра I была достигнута: Россия стала крупнейшим сухопутно-морским региональным государством Северной и Восточной Европы с храброй, выносливой пехотой и сильным Балтийским флотом, насчитывавшим 30 линейных кораблей (1970 пушек), 11 фрегатов, 112 галер с потенциальным десантом в 20 426 человек (Кротов 2017: 545). Растворенная до сентября 1724 г. выплата шведской казне двух миллионов ефимков не стала обременительной для России. Провозглашалась свободная торговля между Швецией и Россией, шведам навечно разрешался ежегодный беспошлинный вывоз остзейского хлеба на 50 тысяч рублей. Конфискованные при Карле XI имения возвращались прежним немецким владельцам. «Непрямое господство, осуществляемое при помощи местных элит» улучшило положение остзейских немцев по сравнению со шведским временем (Каппелер 1997: 58–59). В Эстляндии и Лифляндии не проводилась колонизация и русификация, гарантировалась свобода лютеранству и немецкому языку. Пётр подтвердил привилегии остзейского дворянства и городов и восстановил упразднённую шведами в 1694 г. автономию. При недоборе аппарата русской бюрократии балтийские немцы стали поставлять новому Отечеству опытных офицеров и администраторов, помогавших в войнах, реформах, модернизации и культуре. Остзейские провинции в случае военной угрозы могли прикрывать российский центр и Петербург.

⁴ Существует гипотеза, что если бы стратегически важная Финляндия не была уступлена шведам, то «Северная война могла бы стать последней в истории русско-шведских отношений» (Дегоев 2021: 629). Однако Пётр I не собирался включать в состав России Финляндию, см. письмо Петра I Ф. М. Апраксину 30 октября 1712 г. *Письма и бумаги императора Петра Великого*. 1977. Т. 12. Вып. 2. Москва. С. 197.

Общепризнано, что реформы Петра Великого велись за счёт увеличения налогов и ужесточения крепостничества, но от «имперского перенапряжения» Россия не рухнула. Северную войну удалось завершить без внешнего долга. Население России с 1678 г. выросло с 8,6 до 15,7 млн чел. в 1719–1727 гг.⁵. На 15 января 1726 г. 40 полевых пехотных полков русской армии насчитывали 52 436 человек, 26 драгунских полков – 30 328 человек. В Низовом корпусе в девяти драгунских и девяти пехотных полках было 9 624 драгуна и 13 402 пехотинца. В гарнизонах состояло 78 тысяч человек, в артиллерии – 4 тысячи, в иррегулярных войсках насчитывалось до 35 тысяч человек. На содержание армии ежегодно тратилась громадная сумма – 4 млн рублей (Нелипович 2010: 37; Krokosz 2020: 17).

Неудачи на военном и дипломатическом поприще

При всех описанных выше достижениях новая империя не стала вровень с Францией, Великобританией и монархией Габсбургов из-за частных ошибок и неудач.

Девять лет, вплоть до 1709 г., Европа пребывала под впечатлением от разгрома русского войска под Нарвой 19 ноября 1700 г. Торопясь начать войну, Пётр не успел реформировать войско, не создал ни флота на Балтике, ни регулярной армии, ни грамотного офицерского корпуса. Необученную рать из 27 тысяч солдат и стрельцов, полутора тысяч драгун и 6600 поместной конницы разнесли десять тысяч каролинцев. Было утрачено 147 орудий, 30 мортир и четыре гаубицы, безвозвратные потери составили около 9–10 тыс. человек (Великанов 2020: 144–146, 150). Дания в 1700 г. и Саксония в 1706 г. вышли из антишведского союза.

Встал вопрос: как выстоять против несокрушимых шведов. Престиж России не восстановился, несмотря на локальные успехи в Прибалтике и Польше – захваты Ниеншанца, Нарвы и Дерпта в 1704 г., победы под Калишем в 1706 г. и Лесной в 1708 г. Не получалось добиться поддержки западных государств и использовать противоречия между ними. Надежд на то, что морские державы помогут России пробиться к Балтике, не было. К тому же силы отвлекались на подавление мятежей астраханцев (1705–1706), булавинцев (1707–1708), мазепинцев (1708–1709) и башкир (1704–1711).

Авторитет, добытый под Полтавой, был в значительной мере срезан османской победой в войне против России 1710–1713 гг. Историографы Турции трактуют эту войну и битву на Пруте как великую победу османского оружия, которая могла бы изменить мировую историю, если бы не продажность командования во главе с верховным визирём Мехмедом-пашой Балтаджи⁶.

⁵ Кабузан В.М. 1990. *Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав*. Москва. С. 86.

⁶ Kurat A.N. 1951. *Prut seferi ve barişı*. Ankara. C. 1. S. VIII.

Надежда русского правительства на быстротечную победу над иррегулярным войском противника и на мятеж балканских христиан не оправдалась (Артамонов 2019: 51–52). Подъём освободительного движения в 1711–1713 гг. был только на крайнем западе Балкан, среди сербов Черногории, Приморья, Герцеговины и северной Албании. В Болгарии, Македонии, Греции и Косово подобного бы не случилось, даже если бы русская армия вышла к Дунаю раньше турок – из-за близости столицы Османской империи, принудительной и добровольной исламизации, колонизации мусульманами, туркизации и эллинизации болгар (Достян 1995: 244–245). Пётр позже оценил поход к Дунаю как авантюристичный.

Стойкость и мужество регулярной русской армии не позволяют согласиться с выводом европейской и турецкой историографии, что в июле 1711 г. турки упустили шанс, выпадающий раз в 1000–2000 лет. Бой 9 июля обошёлся «войску ислама» большой кровью. Дух русской армии не был сломлен. К моменту перемирия 10 июля соперники оставались в равновесии и сражение прервалось при нерешённом результате.

Вина за тяжкий политический проигрыш в войне лежит на царе. При виде «двухсоттысячной», как казалось, армии врага, у Петра случился нервный срыв⁷. Чтобы без боя вывести армию из окружения, самодержец соглашался отречься от завоеваний на Балтике и даже от части своих земель. «Статья с ними на всё, чево похотят, кроме шкляфства [рабства]», – инструктировал он П.П. Шафирова, отправленного к туркам⁸. 10 июля царь настоял на примирении с турками, хотя за прорыв из блокады выступали военные М.М. Голицын, Я.В. Брюс, Л.Н. Алларт, В.В. Долгоруков, А.И. Репнин, А.А. Вейде и князь Д. Кантемир.

Зная, что турки навязали России ущербный договор, западные державы сочли войну в Молдавии провалом, перечеркнувшим коренной перелом Северной войны в 1709–1710 гг.⁹, и отказались признавать Русское государство полноценным партнёром.

Османская империя одержала первый реванш над одним из государств, воевавших против неё в 1683–1699 гг. Прутский договор ликвидировал базы русского наступления на юг. Он покончил с азовской эскадрой, крепостями Азовом, Таганрогом, Павловском и Миусом, верфями и судостроением в Воронежском крае. Ликвидация Каменного Затона, крепостей Новобогородицкой и Ново-сергиевской, построенных, как считали турки, на землях Крымского ханства, укрепили безопасность последнего. Ханы Крыма рассчитывали в дальнейшем

⁷ «И, правда, никогда, как и почал служить, в такой десперации не были», – писал Пётр I. См.: *Письма и бумаги императора Петра Великого (ППВ)*. Т. 11/2. С. 12.

⁸ *Письма и бумаги императора Петра Великого*. Т. 11. Вып. 1. С. 317.

⁹ «Злонамеренные» в Европе говорили, что московиты не знают военного искусства, Полтава была случайной победой над голодными и обессиленными людьми, а Прутский мир заключён на крайне постыдных условиях (Артамонов 1990: 97). По унизительности Прутский мир можно расценивать хуже Парижского 1856 г. и Портсмутского мира 1905 г.

расширить сферу своего влияния на земли Запорожья и Правобережье Днепра. Впервые после 1685 г. русским дипломатам в устной форме пришлось обещать «погодные дачи» в Крым, что в глазах Порты стало доказательством низшего ранга России. В 1712 г. султан предъявил запрос на Киев и Украину «обеих сторон Днепра». Ахмед III шантажировал угрозой похода на Киев и в Приазовье. Великий визирь Юсуф-паша требовал от России уступить земли по той или другой стороне Днепра. 5 апреля 1712 г. по условиям Константинопольского договора была уступлена западная часть степей Запорожья.

Пётр тогда предпочитал отбиваться не военной силой, а дипломатией, червонцами и мехами. В историографии не упоминалось, как много было сделано для укрепления Киева и даже Москвы; в 1712 г. вокруг Кремля и Китай-города подновили выстроенную в 1708–1709 гг. земляную *фортецию* с валами и бастионами, на которых стояло свыше тысячи орудий.

Опасение за Киев и Москву и сугубо оборонительную стратегию Петра в 1712–1713 гг. можно считать последействием шока, пережитого царём на Пруте. Вопрос о *поминках* в Крым оставался открытым вплоть до 1739 г., когда по Белградскому миру «великий вред и бесчестье» трактатов 1711, 1712, 1713 гг. были лишены «всякой силы и важности»¹⁰.

31 октября 1712 г. Порта в третий раз объявила России газават. Ахмед III заявил, что признает польским королём только Станислава I и будет отвоёывать у царя всю Украину. 21 ноября султан приказал снаряжать флот на Чёрное море и готовить завоевание Киева.

Пётр в очередной раз безответно воззвал к помощи императора и принца и полководца Евгения Савойского. 5 марта 1713 г. на Триполье и Киев накатилась, разоряя всё вокруг, орда буджакских ногайцев.

К июню 1713 г. на защиту «матери городов русских» мобилизовали почти такую же силу, как для похода против турок в 1711 г. Всего регулярной пехоты и кавалерии было собрано 37 664 человека. Нерегулярная конница насчитывала 14 706 верховых¹¹. Киевская группировка в 52 370 человек должна была сдержать противника от нападения, но русскому командованию Пётр запретил нападать на турецкие, крымские и кубанские владения.

Порта в 1713 г. не отказывалась от намерения взять под протекцию Украину и склонить короля Августа II к отречению от польской короны. После набегов на русские границы самонадеянность Крыма выросла, и хан Каплан Гирей стал требовать, чтобы Российское царство платило, как до 1686 г., *погодные дачи*, *поминки* «тысяч на 40 левков» (около 18 тыс. руб. в год)¹². 13 июня 1713 г. в Адри-

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. 1830. Санкт-Петербург. Т. 10. С. 904. Имперский статус России Порта признала только в 1741 г., почти одновременно с другими великими державами. Британия и Габсбурги в 1742 г., Франция и Испания в 1745 г.

¹¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 89. Оп. 1, 1713. Д. 19. Л. 77-79, 92–93, 240–241 об.

¹² Там же. Д. 7. Л. 258.

анополе послам-заложникам был навязан договор, по которому крымское ханство расширяло свою «зону безопасности» и «воссоединяло» ногайские земли вокруг Азовского моря; Россия лишилась всего Запорожья и значительной части влияния в Черногории, Западной Черкессии и Кабарде. Демаркация границ 1714 г. отбросила Россию на сотни километров от Причерноморья. Османская империя сорвала азово-черноморские планы Петра: черноморский бассейн стал османским на следующие 60 лет. Война с Турцией один на один оставалась для России «делом непосильным» (Бобылёв 1990: 138)¹³. Накал обстановки на османской границе, затянувшийся до 1714 г., оттянул поражение Швеции и «рождение» Российской империи.

Дипломатические достижения зависят от военного и экономического веса страны. Морские державы и Франция в отношениях с новой Россией руководствовались не враждой, а собственной выгодой (Anderson 1970: 734; От царства к империи 2015). Своей многовекторной дипломатией царь стремился охватить все государства, способные прямо или косвенно помочь ему заключить выгодный мир (Дегоев 2021: 601). В войне за Испанское наследство 1701–1713 гг. Пётр лавировал между противниками, не склоняясь ни к одной из сторон, но вступить в союз с какой-либо великой державой не удалось.

21 ноября 1713 г. Петру пришлось ратифицировать договор о секвестрации в пользу Пруссии взятого русскими войсками Штеттина. В 1716 г. герцогство Мекленбург-Шверин опрометчиво было принято под протекторат царя. Ввод в зону Империи германской нации десяти русских полков в надежде получить статус её члена возбудил враждебность Германии, Ганновера и Англии. Данный факт был окрещён «русским игом». Резонансное бегство в Вену в 1716 г. царевича Алексея обострило отношения с Австрией. Хотя с весны 1716 г. война со шведами замерла, царь не решился поддержать победные операции Австрии и Светлейшей республики Венеции против турок.

В 1717 г. Петру не удалось склонить к оборонительному союзу французскую державу: та согласилась только на «добroe согласие и дружбу», трактат о торговле и посредничество при русско-шведских переговорах¹⁴. Не стал явью и альянс с Испанской империей, дипломатические отношения с которой были установлены только в мае 1723 г. С 10 мая 1718 г. по октябрь 1719 г. бесплодно тянулись переговоры со шведами на Аландских островах, где русские делегаты соглашались на обладание Лифляндии временно, хотя бы 20–30 лет (Фейгина 1959: 200, 468; Никифоров 1959: 83). 5 января 1719 г. польский король

¹³ В отличие от войны с Турцией 1710–1713 гг., наступательная стратегия генерал-фельдмаршала Б.Х. Миниха против турок и татар в 1736, 1737 и 1739 гг. оказалась более действенной. Его курс на овладение Крымом, Молдавией, Валахией (и даже Стамбулом!) привёл к успехам.

¹⁴ Черкасов П.П. 1995. Двуглавый орёл и королевские лилии. *Становление русско-французских отношений в XVIII в. 1700–1775*. Москва. С. 15. Французский кардинал Г. Дюбуа «считал Петра способным самое большее на то, чтобы быть боцманом на голландском корабле», (Молчанов 1984: 419).

Август II, император Карл VI и английский король Георг I заключили в Вене антирусский союз с намерением лишить Петра не только Прибалтики, но даже Киева и Смоленска (Цесельский 2014: 120–121; Бобылёв 1990: 117; Никифоров 1959: 67, 71). Осознавая перевес противников, летом 1719 г. Пётр вывел свои войска из герцогства Мекленбург-Шверин и Речи Посполитой. В январе 1720 г. против Петербурга Швеция и Англия заключили договор на 18 лет.

Океанского флота Россия не завела. Корабельный флот Петра первенствовал не западнее Данцига и Готланда. Избегая столкновения с Великобританией и боя с английской эскадрой, пытавшейся в 1719, 1720, 1721 гг. вытеснить русский флот с Балтики, Пётр уводил корабли под защиту береговых орудий. Ганноверское правительство в то время унижало русского посла в Лондоне М.П. Бестужева-Рюмина, печатало пасквили о России и предпринимало «насильственные действия против царского родственника герцога мекленбургского» Карла Леопольда (Дегоев 2021: 638). Уклонение от конфронтации с Империей германской нации, с Османской империей по всему пограничью и с англичанами на море свидетельствует о том, что в то время русское влияние в Европе не было преобладающим.

«Принуждение к миру» изнурённой Швеции 30 августа 1721 г. ускорили виктория русского галерного флота 27 июля 1720 г. у острова Гренгам, в сотне километров от Стокгольма (см. подробнее: Кротов 2017: 519), появление летом 1721 г. русских отрядов у г. Евле и Умео и открытая готовность России продолжать войну на шведском побережье.

22 октября 1721 г. Пётр Великий, для которого образцами были Александр Македонский и Юлий Цезарь, а имперское сознание – стержнем натуры, повел Сенату и Синоду преподнести ему титул императора Всероссийского¹⁵. Германский император Карл VI Габсбург не протестовал против провозглашения на окраине Европы новой империи.

Конец войне за Испанское наследство положил в 1712–1713 г. Уtrechtский конгресс, определивший отношения в Южной и Западной Европе, а также в колониях. Заключённый в Ништадте русско-шведский договор ознаменовал первый этап вхождения России в разряд великих держав, имеющих тождество с империями. Хотя договоры, заключённые шведами в 1719–1720 гг. с Ганновером, Данией и Пруссиею, тоже были двусторонними, недавно предложена идея (Санин 2021а; Дегоев 2021: 631) называть период 1713–1721 гг. Уtrechtско-Ништадтской системой европейского равновесия. Эта система распространялась на атлантическо-средиземноморский и балтийский регионы, слабо взаимодействовавшие друг с другом.

¹⁵ Приписывать инициативу преподнесения Петру I титула императора Сенату и Синоду ошибочно. См. (Агеева 1999).

Второй этап возвышения России связан с Семилетней войной 1756–1763 гг. Тогда Россия включилась в «концерт» великих держав, состоявший из Франции, Великобритании, Габсбургской монархии и Прусского королевства (Анисимов 2021: 131).

Третьей ступенью становления русского великодержавия стало царствование Екатерины II. Тогда в Петербурге планировалось расчленение Османской империи и восстановление православной Византии (см. подробнее Елисеева 2000; Маркова 1986; Елисеева 2011: 755–757). В 1795 г. были воссоединены почти все древнерусские земли и причерноморская Новороссия¹⁶. Победы в «золотой век русского дворянства» не соотносились с российским крепостничеством, проявившим себя наиболее сильно в период между 1770 и 1820 годами. Солдатское сословие отождествляло себя не с крепостным крестьянством, а с армией, дававшей возможность продвижения по службе.

Петербург стремился достичь «оптимальных» границ, не считаясь ни с «ценой империи», ни с потерей людских ресурсов. Но для качества жизни состоятельных дворян, многие из которых безбедно жили даровыми трудом крепостных, цена имперских побед не имела большого значения (Курукин 2021).

Апогеем международного влияния Российской империи стал Венский конгресс 1814–1815 гг. (Котова 2021: 261). С 1820-х гг. нарастала косность самодержавия, предопределившая поражения великой державы в XIX – начале XX вв.

* * *

Пётр Великий создал жизнеспособную империю, просуществовавшую два века. Через 12 лет после блестящей победы под Полтавой в 1709 г. был повержен извечный скандинавский соперник. Основным фактором возвышения петровской России была военная модернизация.

Новизной данной статьи можно считать высказанное положение о том, что император понимал реальное соотношение сил и не имел претензий ни на гегемонию в Европе, ни на вступление в круг тогдашних великих держав. Великой державой, подобной монархии Габсбургов, Франции, Великобритании и Османской империи, Россия в то время не стала ни по экономической (промышленной и финансовой) мощи, ни по накалу экспансиизма, ни по влиянию на континенте. Пределов экспансии в Каспийском бассейне, Средней и Северной Азии вплоть до Тихого океана Пётр I неставил. Сферу русского влияния западные державы ограничили Восточной и Северной частью Европы.

Ништадтский договор сильнее всего повлиял на падение шведской державности. За 20 лет войны Швеция понесла огромные потери, составившие примерно 200 тыс. погибших шведов и финнов. Но спор за Прибалтику не был

¹⁶ Екатерина II говорила: «Ежели бы я прожила 200 лет, то бы, конечно, вся Европа подвержена бы была Российскому скипетру» (Песков 2007: 17).

завершён. Травма от Ништадтских потерь в Стокгольме не заживала, с ней не смирились и, помня о «русской опасности», скандинавский сосед воевал с Россией в 1741–1743, 1788–1790 и в 1808–1809 годах.

Об авторе:

Владимир Алексеевич Артамонов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН. 117292 Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19. E-mail: ovarta@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94, 327
Received: November 11, 2021
Accepted: February 12, 2022

Proclamation of the All-Russian Empire – the Beginning of the Way to the Great Power Status

V.A. Artamonov
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-2-83-51-68](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-2-83-51-68)

Institute of Russian History RAS

Abstract: Many historians believe that Russia became a great power either as a result of the Poltava victory in 1709, or after the Nystadt Peace of 1721. It is difficult to agree with this. Peter the Great's rule indeed produced a combat-ready regular army, a guard, an officer corps, a navy with shipyards, military bases, and coastal artillery. There was an upsurge in the metallurgical industry and mining. Schools with high-quality military and secular education, the Academy of Sciences, the Senate, and the Synod were established. St. Petersburg was founded. Talented and enterprising individuals were promoted to military, diplomatic and administrative posts. The main factor in the rise of the state was military modernization. The main geopolitical achievement of Peter I was the conquest of full access to the Baltic Sea. However, a limited resource base, military and diplomatic defeats and setbacks did not allow Russia to rise to the rank of a great power. The disasters of Narva in 1700 and on the Prut River in 1711 were painful. Russia lost access to the Sea of Azov, the city of Azov, city of Taganrog, the Azov squadron, shipyards and shipbuilding in the Voronezh Territory were lost. The damage from three treatises with the Ottomans in 1711-1713 was great. Russia has lost all of Zaporozhye. The demarcation of the borders of 1714 threw Russia back several hundred kilometers from the Black Sea region. In 1719, the Russian military force was squeezed out of Central Europe – from Mecklenburg. The sphere of influence of Russia after the victorious Peace of Nystad in 1721 was established only in Northern and Eastern Europe – in the Polish-Lithuanian Commonwealth, the Swedish and Danish-Norwegian kingdom, partly in Prussia. The tsar had no claims to hegemony in Europe and no claims to join the circle of

the then great powers. Russia was not a great power like the Habsburg monarchy, France, Great Britain, and the Eurasian-African Ottoman Empire. Russia could not compare with the great powers of that time neither in terms of economic (industrial, financial) power, nor in terms of the intensity of expansionism. The entry of the Russian Empire into the system of international relations as one of the five great powers – France, Great Britain, Austria, Prussia, and Russia – occurred during the Seven Years War of 1756-1763. Another rise to great power took place during the reign of Catherine II. The apogee of greatness and the culmination of Russia's influence on European affairs was the Congress of Vienna in 1814-1815.

About the author:

Vladimir A. Artamonov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 117292 Moscow, st. D.M. Ulyanova, 19. E-mail: ovarta@mail.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Anderson M.S. 1970. Russia under Peter the Great and the Changed Relations of East and West. *The New Cambridge modern History*. Cambridge. Vol. 6. P. 716–740.
- Beyrau D. 1984. *Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland*. Köln, Wien, 504 S. (In German)
- Danilović V. 2002. *When the Stakes are High: Deterrence and Conflict among Major Powers*. The University of Michigan Press. 281 p.
- Krokosz P. 2020. Armia Piotra I gwarantem mocarstwowej pozycji Rosji w Europie. *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. Warszawa, T. LV. S. 9–49. (In Polish)
- Wittram R. 1964. *Peter I, Czar und Kaiser*. Göttingen. Bd. 2. 646 S. (In German)
- Ageeva O.G. 1999. Imperatorskij status Rossii: k istorii politicheskogo mentaliteta russkogo obshchestva nachala XVIII veka [Russian Imperial Status: towards the History of the Political Mentality of Russian Society at the Beginning of the 18 Century]. *Tsar' i tsarstvo v russkom obshchestvennom soznanii*. Moscow. Vol. 2. P. 112-140. (In Russian)
- Anisimov M.Yu. 2021. Rossiya i mezdunarodnye kongressy v carstvovanii Elizavety Petrovny [Russia and International Congresses in the Reign of Elizabeth Petrovna]. *Rossiya na mezdunarodnyh forumah i kongressah XVII – nachala XX veka*. Moscow. P. 131–181. (In Russian)
- Artamonov V.A. 1990. *Rossiya i Rech' Pospolitaya posle Poltavskoj pobedy (1709–1714)* [Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth after the Poltava Victory (1709-1714)]. Moscow. 212 p. (In Russian)
- Artamonov V.A. 2019. *Turecko-russkaya vojna 1710–1713* [The Turkish-Russian War of 1710-1713]. Moscow. 447 p. (In Russian)
- Bobylev V.S. 1990. *Vneshnyaya politika Rossii epohi Petra I* [Foreign Policy of Russia in the Era of Peter I]. Moscow. 167 p. (In Russian)
- Borisov N.S. 2006. *Ivan III* [Ivan III]. 3-e izd. Moscow. 643 p. (In Russian)
- Brandenburg N.E. 1876. *Materialy dlya istorii artillerijskogo upravleniya v Rossii* [Materials for the History of Artillery Management in Russia]. Prikaz artillerii (1701–1720). Saint Petersburg. 571 p. (In Russian)

- Brandenburg N.E. 1889. *500-letie russkoj artillerii (1389–1889)* [500th Anniversary of the Russian Artillery (1389–1889)]. Saint Petersburg. 118 p. (In Russian)
- Cernak K. 1993. *Konec epohi velikih derzhav v evropejskoj politike* [The End of the Era of the Great Powers in European Politics]. *Voprosy istorii*. №5. P. 41–50. (In Russian)
- Cesel'skij T. 2014. *Rech' Pospolitaya i baltijskaya ekspansiya Rossijskoj imperii v XVIII v.* [The Polish – Lithuanian Commonwealth and the Baltic Expansion of the Russian Empire in the 18th Century]. *Peterburgskie slavyanskie i balkanskie issledovaniya*. №1. P. 118–144. (In Russian)
- Cherkasov P.P. 1995. *Dvuglavyy oryol i korolevskie lili. Stanovlenie russko-francuzskikh otnoshenij v XVIII v. 1700–1775.* [Double-headed Eagle and Royal Lilies. Formation of Russian-French Relations in the 18th Century. 1700–1775]. Moscow. 438 P. (In Russian)
- Degoev V.V. 2021. *Severnaya vojna 1700–1721 gg. i russkaya diplomatiya* [The Northern War of 1700–1721 and Russian Diplomacy]. Moscow. 655 p. (In Russian)
- Dostyan I.S. 1995. *Problema sozdaniya nezavisimyh gosudarstv grekov i yuzhnyh slavyan v russko-balkanskih obshchestvenno-politicheskikh svyazyah* (konec XVIII – pervaya tret' XIX v.) [The Problem of the Creation of Independent States of Greeks and South Slavs in Russian-Balkan Socio-Political Relations (Late 18th – First Third of the 19th Century)]. *Rossiya i Balkany: iz istorii obshchestvenno-politicheskikh i kul'turnykh svyazej (XVIII v.– 1878g.)*. Moscow. P. 41–80. (In Russian)
- Eliseeva O.I. 2000. *Geopoliticheskie proekty G.A. Potyomkina* [Potemkin's Geopolitical Projects]. Moscow. 341 p. (In Russian)
- Eliseeva O.I. 2011. *Geopoliticheskie proekty carstvovaniya Ekateriny II* [Geopolitical Projects of the Reign of Catherine II]. *Rossijskaya imperiya ot istokov do nachala 19 veka. Ocherki social'no-politicheskoy i ekonomicheskoy istorii*. Moscow. P. 745–759. (In Russian)
- Fejgina S.A. 1959. *Alandskij kongress. Vneshnyaya politika Rossii v konce Severnoj vojny* [Aland Congress. Russian Foreign Policy at the End of the Northern War]. Moscow. 545p. (In Russian)
- Ivanyuk S.A. 2014. *Malaya vojna v strategii i taktike russkoj armii na pervom etape Severnoj vojny* [Small War in the Strategy and Tactics of the Russian Army at the First Stage of the Northern War]. Volgograd. 351 p. (In Russian)
- Kappeler A. 1997. *Rossiya — mnogonacional'naya imperiya. Vozniknovenie. Iстория. Raspad* [Russia is a Multinational Empire. Occurrence. History. Decay]. Moscow. 341 p. (In Russian)
- Kotova E.V. 2021. *Rossiya na Venskom kongresse 1814–1815 gg.* [Russia at the Vienna Congress of 1814–1815]. *Rossiya na mezhdunarodnyh forumah i kongressah XVII – nachala XX veka*. Moscow. P. 222–262. (In Russian)
- Krotov P.A. 2009. *Bitva pri Poltave. K 300-letnej godovshchine* [Battle of Poltava. To the 300th Anniversary]. Saint Petersburg. 415 p. (In Russian)
- Krotov P.A. 2014. *Bitva pod Poltavoj. Nachalo Velikoj Rossii* [The Battle of Poltava. The Beginning of Great Russia]. Saint Petersburg. 567 p. (In Russian)
- Krotov P.A. 2017. *Rossijskij flot na Baltike pri Petre Velikom* [The Russian Fleet in the Baltic under Peter the Great]. Saint Petersburg. 743 p. (In Russian)
- Kurukin I.V. 2021. *Cena pobed: o stoimosti voennyyh kampanij v Rossii XVIII v.* [The Price of Victories: on the Cost of Military Campaigns in Russia of the 18th Century]. *Rossijskaya istoriya*. Vol. 4. P. 52–59. DOI: 10.31857/S086956870016247-2 (In Russian)
- Laskovskij F.F. 1861. *Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii* [Materials for the History of Engineering Art in Russia.]. Opyt issledovaniya inzhenernogo iskusstva v carstvovanii imperatora Petra Velikogo. Saint Petersburg. 642 p. (In Russian)

- Liven D. 2007. *Rossijskaya imperiya i eyo vragi s XVI veka do nashih dnej* [The Russian Empire and its enemies from the 16th Century to the Present Day]. Moscow. 679 p. (In Russian)
- Markova O.P. 1986. O proiskhozhdenii tak nazyvaemogo Grecheskogo proekta (80-e gody 18 v.) [On the Origin of the So-Called Greek Project (the 80s of the 18th Century)]. *Problemy metodologii i istoricheskogo issledovaniya vneshej politiki Rossii*. Sb. statej. Moscow. P. 5–46. (In Russian)
- Melin Y.A., Yuhansson A.V., Hedenborg S. 2002. *Istoriya Shvecii* [History of Sweden]. Moscow. 399 p. (In Russian)
- Miller A.I. 2006. *Imperiya Romanovyh i nacionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [Romanov Empire and Nationalism. Essay on the Methodology of Historical Research]. Moscow. 316 p. (In Russian)
- Molchanov N.N. 1984. *Diplomatiya Petra Pervogo* [Diplomacy of Peter the Great]. Moscow. 438 p. (In Russian)
- Narochnickaya N.A. 2021. «Vechnyj, istinnyj i nerushimyj...» ["Eternal, True and Indestructible..."]. *Nishtadtskij mirnyj dogovor i rozhdenie Rossijskoj imperii 1721–2021*. Moscow. P. 3–10. (In Russian)
- Nelipovich S.G. 2010. *Soyuz dvuglavyyh orlov. Russko-avstriyskij voennyj al'yans vtoroj chetverti XVIII veka* [Union of Double-Headed Eagles. The Russian-Austrian Military Alliance of the Second Quarter of the 18th Century]. Moscow. 406 p. (In Russian)
- Nikiforov L.A. 1973. *Rossiya v sisteme evropejskih derzhav v pervoj chetverti XVIII v.* [Russia in the System of European Powers in the First Quarter of the 18th Century]. *Rossiya v period reform Petra I*. Moscow. P. 9–39. (In Russian)
- Nikiforov L.A. 1959. *Vneshnyaya politika Rossii v poslednie gody Severnoj vojny. Nishtadtskij mir* [Russia's Foreign Policy in the Last Years of the Northern War. Nishtadtsky mir]. Moscow. 498 p. (In Russian)
- Nogaev I.V. 2021. *Nishtadtskij mir i principy rossijsko-shvedskih otnoshenij v XVIII veke* [Nishtadt Peace and the Principles of Russian-Swedish Relations in the 18th Century]. *Nishtadtskij mirnyj dogovor i rozhdenie Rossijskoj imperii 1721–2021*. Moscow. P. 112–132. (In Russian)
- Ot carstva k imperii. Rossiya v sistemah mezhdunarodnyh otnoshenij. Vtoraya polovina XVI – nachalo XX veka* [From Kingdom to Empire. Russia in the Systems of International Relations. The Second Half of the 16th – the Beginning of the 20th Century]. 2015. Moscow. 439 p. (In Russian)
- Pavlenko N.I. 1990. *Pyotr Velikij* [Peter the Great]. Moscow. 591 p. (In Russian)
- Peskov A.M. 2007. «*Russkaya ideya* i «*russkaya dusha*» ["Russian Idea" and "Russian Soul" by A.M. Peskov. Essays of Russian historiosophy]. Ocherki russkoj istoriosofii. Moscow. 104 p. (In Russian)
- Redin D.A. 2021. Imperiya Petra Velikogo: kurs – vest, veter vstrechnyj [The Empire of Peter the Great: the Course is West, the Wind is Oncoming]. *Rossijskaya istoriya*. №4. P. 3–22. DOI: 10.31857/S086956870016252-8 (In Russian)
- Sanin G.A. 2021a. *Rossiya na Utrekhtskom i Braunshveyajsgskom kongressah 1713 g. Nishtadtskij mir 1721 goda* [Russia at the Utrecht and Brunswick Congresses of 1713. The Peace of Nishtadt of 1721]. *Rossiya na mezhdunarodnyh forumah i kongressah XVII – nachala XX veka*. Moscow. P. 85–130. (In Russian)
- Sanin G.A. 2021b. Pyotr I – diplomat. Velikoe posol'stvo i Nishtadtskij mir [Peter I is a Diplomat. The Great Embassy and the Nishtadt Peace]. *Nishtadtskij mirnyj dogovor i rozhdenie Rossijskoj imperii 1721–2021*. Moscow. P. 73–111. (In Russian)
- Velikanov V.S. 2011. K voprosu ob organizacii i chislennosti russkoj armii v Narvskom pohode 1700 goda [On the Question of the Organization and Number of the Russian Army in the Narva Campaign of 1700]. *Vojna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy*. Saint Petersburg.

T. 1. P. 130–142. (In Russian)

Velikanov V.S. 2020. *Rugodivskij pohod i srazhenie pod Narvoj 19(30) noyabrya 1700 g.* [Rugodivsky Campaign and the Battle of Narva on November 19 (30), 1700]. Moscow. 191 p. (In Russian)

Velikanov V.S., Lobin A.N. 2012. Russkaya artilleriya v Narvskom pohode 1700 g. [Russian Artillery in the Narva Campaign of 1700]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal «Staryj Cejhgauz».* Moscow. №48. P. 3–11. (In Russian)

Zutis, Ya.Ya. 1946. *Ostzejskij vopros v XVIII veke* [The Ostzei Question in the 18th Century]. Riga. 649 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Агеева О.Г. 1999. Императорский статус России: к истории политического менталитета русского общества начала XVIII века. *Царь и царство в русском общественном сознании.* Москва. Вып. 2. С. 112–140.

Анисимов М.Ю. 2021. Россия и международные конгрессы в царствование Елизаветы Петровны. *Россия на международных форумах и конгрессах XVII – начала XX века.* Москва. С. 131–181.

Артамонов В.А. 1990. *Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714).* Москва. 212 с.

Артамонов В.А. 2019. *Турецко-русская война 1710–1713.* Москва. 447 с.

Бобылев В.С. 1990. *Внешняя политика России эпохи Петра I.* Москва. 167 с.

Борисов Н.С. 2006. *Иван III.* 3-е изд. Москва. 643 с.

Бранденбург Н.Е. 1876. *Материалы для истории артиллерийского управления в России.* Приказ артиллерии (1701–1720). Санкт-Петербург. 571 с.

Бранденбург Н.Е. 1889. *500-летие русской артиллерии (1389–1889).* Санкт-Петербург. 118 с.

Великанов В.С. 2011. К вопросу об организации и численности русской армии в Нарвском походе 1700 года. *Война и оружие. Новые исследования и материалы.* Санкт-Петербург. Т. 1. С. 130–142.

Великанов В.С., Лобин А.Н. 2012. Русская артиллерия в Нарвском походе 1700 г. *Военно-исторический журнал «Старый Цейхгауз».* Москва. № 48. С. 3–11.

Великанов В.С. 2020. *Ругодивский поход и сражение под Нарвой 19(30) ноября 1700 г.* Москва. 191 с.

Дегоев В.В. 2021. *Северная война 1700–1721 гг. и русская дипломатия.* Москва. 655 с.

Достян И.С. 1995. Проблема создания независимых государств греков и южных славян в русско-балканских общественно-политических связях (конец XVIII – первая треть XIX в.). *Россия и Балканы: из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. – 1878 г.).* Москва. С. 41–80.

Елисеева О.И. 2000. *Геополитические проекты Г.А. Потёмкина.* Москва. 341 с.

Елисеева О.И. 2011. Геополитические проекты царствования Екатерины II. *Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории.* Москва. С. 745–759.

Зутис Я.Я. 1946. *Остзейский вопрос в XVIII веке.* Рига. 649 с.

Иванюк С.А. 2014. *Малая война в стратегии и тактике русской армии на первом*

этапе Северной войны. Волгоград. 351 с.

Капелер А. 1997. *Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад*. Москва. 341 с.

Котова Е.В. 2021. Россия на Венском конгрессе 1814–1815 гг. *Россия на международных форумах и конгрессах XVII – начала XX века*. Москва. С. 222–262.

Кротов П.А. 2009. *Битва при Полтаве. К 300-летней годовщине*. Санкт-Петербург. 415 с.

Кротов П.А. 2014. *Битва под Полтавой. Начало Великой России*. Санкт-Петербург. 567 с.

Кротов П.А. 2017. *Российский флот на Балтике при Петре Великом*. Санкт-Петербург. 743 с.

Курукин И.В. 2021. Цена побед: о стоимости военных кампаний в России XVIII в. *Российская история*. Вып. 4. С. 52–59. DOI: 10.31857/S086956870016247-2

Ласковский Ф.Ф. 1861. *Материалы для истории инженерного искусства в России. Опыт исследования инженерного искусства в царствование императора Петра Великого*. Санкт-Петербург. Ч. 2. 642 с.

Ливен Д. 2007. *Российская империя и её враги с XVI века до наших дней*. Москва. 679 с.

Маркова О.П. 1986. О происхождении так называемого Греческого проекта (80-е годы XVIII в.). *Проблемы методологии и источниковедения внешней политики России*. Сб. статей. Москва. С. 5–46.

Миллер А.И. 2006. *Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования*. Москва. 316 с.

Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. 2002. *История Швеции*. Москва. 399 с.

Молчанов Н.Н. 1984. *Дипломатия Петра Первого*. Москва. 438 с.

Нарочницкая Н.А. 2021. «Вечный, истинный и нерушимый...». *Ништадтский мирный договор и рождение Российской империи 1721–2021*. Москва. С. 3–10.

Нелипович С.Г. 2010. Союз двуглавых орлов. *Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII века*. Москва. 406 с.

Никифоров Л.А. 1959. *Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир*. Москва. 498 с.

Никифоров Л.А. 1973. Россия в системе европейских держав в первой четверти XVIII в. *Россия в период реформ Петра I*. Москва. С. 9–39.

Ногаев И.В. 2021. Ништадтский мир и принципы российско-шведских отношений в XVIII веке. *Ништадтский мирный договор и рождение Российской империи 1721–2021*. Москва. С. 112–132.

От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века. 2015. Москва. 439 с.

Павленко Н.И. 1990. *Петр Великий*. Москва. 591 с.

Песков А.М. 2007. «Русская идея» и «русская душа». *Очерки русской историософии*. Москва. 104 с.

Редин Д.А. 2021. Империя Петра Великого: курс – вест, ветер встречный. *Российская история*. № 4. С. 3–22. DOI: 10.31857/S086956870016252-8

Санин Г.А. 2021. Россия на Уtrechtском и Braunschweigском конгрессах 1713 г. *Ништадтский мир 1721 года. Россия на международных форумах и конгрессах XVII – начала XX века*. Москва. С. 85–130.

- Санин Г.А. 2021. Пётр I – дипломат. Великое посольство и Ништадтский мир. *Ништадтский мирный договор и рождение Российской империи 1721–2021*. Москва. С. 73–111.
- Фейгина С.А. 1959. Аланский конгресс. *Внешняя политика России в конце Северной войны*. Москва. 545 с.
- Цернак К. 1993. Конец эпохи великих держав в европейской политике // *Вопросы истории*. № 5. С. 41–50.
- Цесельский Т. 2014. Речь Посполитая и балтийская экспансия Российской империи в XVIII в. *Петербургские славянские и балканские исследования*. №1. С. 118–144.
- Черкасов П.П. 1995. *Двуглавый орёл и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII в. 1700–1775*. Москва. 438 с.

Укрепление международного престижа России в условиях Северной войны: институты и инструменты российской дипломатии

А.В. Топычканов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В условиях Северной войны (1700–1721) российское правительство прилагало огромные усилия по укреплению антишведской коалиции. В царствование Петра I за рубежом развернулась сеть представителей России: сотрудников дипломатического корпуса (посланники, министры, резиденты, агенты и др.), торговых комиссаров, корреспондентов. Контроль за российскими агентами влияния осуществлял сам Пётр I, его Кабинет и внешнеполитическое ведомство (Посольский приказ, Коллегия иностранных дел). Участвуя в официальных переговорах и неофициальных встречах, в дипломатических и придворных церемониях, взаимно признавая титулы, обмениваясь подарками и организуя различные празднества, петровские дипломаты боролись за символический капитал, который выражался в международном престиже правителя (соответственно, и государства), его титуле, чести, славе и положении в иерархии европейских правителей. Значительное внимание уделялось оперативному информированию западных партнёров о событиях во внешней и внутренней политике России.

В информационной политике большое значение приобрели сообщения, служившие укреплению международного престижа России: о династических, дипломатических и военных успехах, политических реформах и придворных торжествах. В статье рассматривается практика передачи информационных сообщений через российские дипломатические миссии и иностранных дипломатических представителей в России. Эта практика позволила снизить негативный эффект от распространения неофициальных сведений и недостоверных слухов.

Военный конфликт затронул широкие слои общества и продолжился на страницах печатных изданий. Чтобы ограничить распространение сведений, наносящих урон престижу России, российские дипломаты стали активно использовать арсенал средств влияния на печать (газеты, журналы, памфлеты), применявшимся в то время западными дипломатами: различные способы давления и подкупа, пропаганды и цензуры. Успехи российской дипломатии привели к укреплению международного престижа России и способствовали формированию положительного образа страны за рубежом. Полученный опыт российское правительство перенесло во внутреннюю политику. От своих подданных Пётр I также стал требовать борьбы с «предосудительной» информацией «против персоны его величества, или его войск, такожде его государства».

УДК 327.82

Поступила в редакцию: 09.11.2021 г.

Принята к публикации: 12.01.2022 г.

Ключевые слова: Северная война, Пётр I, дипломатия, положительный образ России, международный престиж, прессы, средства массовой информации, информационная политика, цензура, пропаганда

Российское правительство XVII в. превосходно владело инструментами управления общественным мнением. Знало, как запустить слух, подбросить подмётное письмо или направить толпу восставших: все эти инструменты традиционно применялись во внутренней политике (Бахрушин 1987; Буганов 1969; Лонгворс 2010). Периодически уделялось внимание информационному воздействию на внешнеполитических акторов. В частности, Посольский приказ пытался сдержать распространение антироссийских новостей после поражения армии боярина В.Б. Шереметева под Чудновым в 1660 г. и во время восстания Степана Разина (Шамин 2011: 151; Maier 2017). В период, когда Россия в составе Священной лиги участвовала в Великой Турецкой войне (Артамонов 2001; Гуськов, Кочегаров, Шамин 2020), московские власти занимались распространением известий о победах над турками (Шамин 2019).

Этот опыт по формированию положительного образа России за рубежом был востребован в царствование Петра I. На протяжении Северной войны российскому правительству и особенно дипломатическому ведомству приходилось прилагать огромные усилия для укрепления антишведской коалиции. Рост международного престижа России должен был способствовать решению этой задачи, поэтому правительство Петра I стало уделять данному вопросу значительно больше внимания, чем в предшествующий период. В представленной статье анализируются основные институты и инструменты, которые использовались для решения этой задачи в дипломатической сфере.

Институциональные изменения в дипломатии в царствование Петра I

В годы царствования Петра I в странах Европы была создана разветвлённая сеть представителей Российского государства, выступавших агентами междукультурной коммуникации и проводниками российского влияния. В известной мере царь и сам был таким агентом влияния, будучи открытым для общения с иностранцами и лично участвуя в международной коммуникации (Санин 1992)¹.

В петровское царствование был налажен обмен постоянными дипломатическими представителями между Россией и странами Европы, благодаря чему в европейских странах постоянно находилось более 70 сотрудников Посольского приказа (с 1718 г. — Коллегии иностранных дел): посланников, министров,

¹ Помимо двух путешествий 1697–1698 и 1716–1717 гг., Пётр I выезжал за рубеж в 1711–1713 гг. и неоднократно посещал оккупированные территории.

резидентов, агентов и других чинов (Александренко 1897; Санин 2001; Агеева 2012). Помимо того, за рубежом действовали торговые представители и их корреспонденты, выступавшие в качестве агентов Кабинета Петра I и лично царской семьи². Под покровительством Кабинета осуществлялась отправка за рубеж молодых людей для обучения военным и гражданским наукам (Варыпаев, Коковихин, Курбатов, Строев 1911: 29, 58). К этой сети можно отнести и иностранных специалистов, приглашённых на российскую службу и поддерживавших связи со своими родственниками и коллегами за рубежом. Наконец, Пётр отправлял в европейские страны нелегальных резидентов. Одним из первых среди них был Генрих Фик, который в 1716 г. собирая секретные сведения в Стокгольме. В результате своей миссии он вывез из Швеции в Россию более 1300 официальных документов (Cederberg 1930: 2). Пётр пожаловал его чином камеррата и поручил в числе других обязанностей заниматься организацией нелегальной резидентуры в Стокгольме (Ларина 2017).

Благодаря созданию столь разветвлённой сети российские дипломаты могли лучше взаимодействовать и успешнее соперничать с дипломатами других стран, руководителями органов власти и представителями политической элиты. Предметом соперничества был символический капитал, который выражался в международном престиже правителя (соответственно, его дипломатических представителей и государства), его титуле, чести и славе и положении в иерархии европейских правителей. Петровские дипломаты боролись за символический капитал, участвуя в официальных переговорах и неофициальных встречах, в дипломатических и придворных церемониях, взаимно признавая титулы, обменяваясь подарками и организуя различные празднества. Я. Хеннингс (Hennings 2016) показал, что, несмотря на определённые культурные различия, во второй половине XVII в. — первой четверти XVIII в. Россия однозначно признавалась европейским и христианским государством, российские и европейские дипломаты придерживались сходных представлений о международном престиже, успешно развивались дипломатические отношения и происходила выработка конвенциональных форм дипломатического протокола и этикета. Представления о России как о варварской стране не оказывали влияния на дипломатическую практику, в отличие от сферы европейской этнографии (Hennings 2016: 68; Poe 2001).

Формированию положительного образа России за рубежом способствовало, прежде всего, оперативное информирование западных партнёров о событиях во внешней и внутренней политике своей страны, пресекающее распространение ложных сведений. Например, после занятия шведского города Або Пётр написал полномочному министру в Республике Соединённых провинций

² По сути их можно отнести к негосударственным агентам, которые в этот период играли важную роль в дипломатии (Ebbé, Sicking 2020).

Б.И. Куракину, что будет продолжать войну, не отказываясь от подписания «доброго и полезного мира». В конце приписал: «Сие для того пишу, дабы вы могли плевосеятелям (тем, кто сеет плевелы, сорняки, — А.Т.) о нас сим уста заграждать»³. Куракин передал перевод письма великому пенсионарию (ратпенсионарию) Генеральных штатов, польскому и датскому министрам и устно пересказал его содержание английскому послу⁴, а в ответном письме сообщил Петру, что «плевосеятелям уста заградятся и уже заграждаются»⁵.

Одновременно российское внешнеполитическое ведомство информировало западных коллег через их постоянных дипломатических представителей в России. Так, например, после Полтавской победы 27 июня 1709 г. британский посол Ч. Уитворт без проволочек ознакомился с содержанием официального письма Петра I князю Ф.Ю. Ромодановскому. Гонец прибыл в Москву 1 июля, 2 июля письмо было подано Ромодановскому, а 6 июля Уитворт уже отправил перевод письма статс-секретарю Г. Бойлю в Лондон. Позже Уитворт получил от Посольского приказа реляцию о победе, которую граф Г. И. Головкин начал рассылать по дипломатическим каналам не позднее 1 июля, и, наконец, посол узнал содержание «Обстоятельной реляции» о Полтавской битве от 9 июля 1709 г.⁶. Письма Уитворта свидетельствуют, что он получил и переслал в Лондон официальные сведения гораздо раньше, чем у него и статс-секретаря Бойля появились неофициальные сведения о Полтавском сражении.

Таким образом, благодаря обмену постоянными дипломатическими представителями между Россией и странами Европы удалось улучшить качество информирования западных партнёров о внешней и внутренней политике России.

Важную роль в формировании положительного образа России стали играть празднества по случаю побед, заключения мирных договоров и других важных событий. Пётр придавал большое значение организации таких торжеств и всегда приглашал на них иностранных дипломатов. Праздники устраивались не только в России, но и за рубежом. «Фестен» по случаю заключения Ништадтского мира стал первым праздником, который одновременно отмечался в нескольких русских миссиях: в Амстердаме, Берлине, Вене, Гааге, Гамбурге, Данциге, Дрездене, Константинополе, Копенгагене и Париже. Выделив значительные средства на организацию этого торжества, Пётр проинструктировал своих дипломатов, как следует организовать празднование в их резиденциях для «первых лиц, а также для чужестранных министров» (Шебалдина 2010; Hennings 2016: 205–207).

³ Семёновский М.И. (ред.) *Архив князя Ф.А. Куракина*. Кн. 2. Санкт-Петербург: Тип. В.С. Балашова, 1891: 67–68.

⁴ Смольянинов В.Н. (ред.) *Архив князя Ф.А. Куракина*. Кн. 8. Саратов: Печатня С.П. Яковleva, 1899: 44.

⁵ Смольянинов В.Н. (ред.) *Архив князя Ф.А. Куракина*. Кн. 9. Астрахань: Паровая губ. тип., 1901: 180.

⁶ *Сборник Русского исторического общества*. Т. 50: Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. Ч. 4 / Печ. под наблюдением А.А. Половцева. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1886: 194–211; Рычаловский Е.Е. (ред.) *Полтавская битва 27 июня 1709 года: Документы и материалы*. Москва: РОССПЭН, 2011: 427–428, 432, 439–452.

Основные инструменты информационной политики

Перечисленные выше формы взаимодействия российских представителей с дипломатами других стран, руководителями органов власти и представителями политической элиты были недостаточны для укрепления международного престижа России. В условиях Северной войны серьёзное значение имели успехи российской армии и союзников, политика на оккупированных территориях и многие другие факторы. Военный конфликт затронул широкие слои общества и продолжился на страницах печатных изданий, которые зачастую искали информацию о внешнеполитической ситуации и о событиях на театре военных действий. Как сообщал лейпцигский журнал *Europäische Fama*, корреспонденты «то, что им выгодно... рассказывают таким образом, как будто смотрят на эти события через лупу, а то, что им не выгодно, либо упускают, либо искусными выражениями ставят под сомнение» (цит. по: (Blome 2000: 43))⁷.

Газеты и памфлеты оказывали заметное влияние на голосование городских советов (Koortmans 2005), особенно в тех городах, где советы обладали значительной автономией во внутренней и внешней политике. Поэтому крайне важно было своевременно и правильно информировать читателей о внешней политике России и событиях внутри страны. Основные обязанности по информированию иностранных читателей были возложены российским правительством также на представителей дипломатического корпуса. Наиболее исследована биография двух авторов, активно сотрудничавших с европейскими издательями: Генриха фон Гюйссена и Иоганна Фридриха Бёттигера.

Гюйссен поступил на российскую службу в 1702 г. Он был учителем царевича Алексея Петровича, в 1705–1707 гг. служил российским министром при Венском дворе (Пекарский 1862; Korzun 2013). Гюйссен внёс значительный вклад в формирование положительного образа России за рубежом в 1700-е гг., поскольку выполнял переводы официальных документов для публикации их в Европе, готовил материалы для иностранных газет и различных изданий. В автобиографии Гюйссен особенно подчёркивал своё сотрудничество с редакцией лейпцигского журнала *Europäische Fama*, что он «с авторами учёных ведомостей “Европейская фама” и с другими добрыми писателями во разных местах уговаривался, чтобы они в сочинениях своих во славу российского государства писали»⁸. Биограф Гюйссена П.П. Пекарский не сомневался в том, что дипломат сильно повлиял на тональность публикаций о России в этом журнале, особенно до 1707 г. (Пекарский 1862: 94). Современный исследователь С. Корзун оценивает влияние Гюйссена сдержаннее. По её словам, «невозможно точно сказать,

⁷ О тенденциозной подаче новостей о России журнал *Europäische Fama* писал неоднократно (Korzun 2013: 62–63).

⁸ Русский перевод цит. по: Пекарский 1862: 94. См. также сокращенную публикацию этой автобиографии: Haven P. von. Nachrichten von dem Baron von Huyssen. *Magazin für die neue Historie und Geographie*. 1776. Nr. 10, S. 317–326: 319.

в какой степени Гюйссен повлиял на сообщения *Europäische Fama о России...*» (Korzun 2013: 62). Это объясняется тем, что журнальные публикации выходили анонимно.

И.Ф. Бёттигер перешёл на российскую службу в 1709 г. В 1709–1712, 1713–1731 гг. он занимал пост российского резидента в Гамбурге. На этом посту Бёттигер добился, чтобы местные газеты публиковали о России только те новости, которые он им сообщал (Fundaminski 1997).

Тексты новостных публикаций готовились под руководством дипломатов и при их непосредственном участии. Дипломаты вели переговоры с издателями о публикации новостей о России и выплачивали им вознаграждение, чтобы их «чем-нибудь прilаскать» (Копанев 1997: 254–255; Шамин 2011: 204–205).

Помимо новостных сообщений, российское внешнеполитическое ведомство уделяло внимание распространению памфлетов — брошюр пропагандистского характера. Такие брошюры чаще всего выпускались по случаю российских побед в Северной войне. Гюйссен выпустил ряд памфлетов на немецком языке, в том числе «Московское государство» (*Der Staat von Moscau. [Nürnberg]*, 1704) и «Отношение к нынешнему состоянию Московской империи» (*Relation von dem gegenwartigen Zustande des Moscowitischen Reichs. Franckfurt*, 1706). В этих произведениях содержались сведения об истории России, её современном состоянии и военных успехах. Бёттигеру принадлежит не менее 18 памфлетов, прославлявших Российскую империю.

Для борьбы с распространением неофициальной и недостоверной информации, дезинформации и ложных слухов российское внешнеполитическое ведомство прибегало к более сильным средствам воздействия на периодическую печать. Посольский приказставил перед российскими дипломатами задачу выяснить у членов городских советов имена издателей «безчестных курантов и пашквилей», требовать запрета публикаций и наказания издателей⁹. По словам Б.И. Куракина, это трудно было сделать из-за «вольного правления» в городах, а также из-за того, что в газетах печатаются «партикулярные» корреспонденты, независимые от городских советов¹⁰. Несмотря на это, дипломатическому ведомству удалось добиться некоторых успехов, в частности, в Гамбурге. В 1702 г. городские власти пообещали «не печатать впредь в газетах ничего для Российского государства предосудительного» (Бантыш-Каменский 1896: 150). За нарушение этого требования позже был назначен штраф¹¹. В 1724 г. городской совет запретил гамбургским газетам публиковать новости о России, если они не были получены от российского резидента И.Ф. Бёттигера (Fundaminski 1997: 50). В

⁹ Семевский М.И., Смольянинов В.Н. (ред.) *Архив князя Ф.А. Куракина*. Кн. 3. Санкт-Петербург: Тип. В.С. Балашова, 1892: 255.

¹⁰ Смольянинов В.Н. (ред.) *Архив князя Ф.А. Куракина*. Кн. 9. Астрахань: Паровая губ. тип., 1901: 121; Семевский М.И., Смольянинов В.Н. (ред.) *Архив князя Ф. А. Куракина*. Кн. 3. Санкт-Петербург: Тип. В.С. Балашова, 1892: 255.

¹¹ *Письма и бумаги императора Петра Великого*. Т. 3: 1703–1705. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1893: 350.

случае публикации «ложных» и «бездечстных» сведений Россия прибегала к иным способам давления: могла задержать гамбургского купца, чтобы заставить издателя газеты опубликовать опровержение и заплатить штраф (Blome 2000: 45), добивалась публичного сожжения номера газеты, содержащего «бездечстную» публикацию, временного запрета издания и контрибуции за «бездечстную» публикацию (Blome 2000: 47; Вагеманс 2013: 47–48).

Подобные средства применялись и для борьбы с антироссийскими памфлетами. Некоторое время российское правительство боролось с распространением в Европе памфлета «Письмо знатного офицера к тайному советнику одного высокого владельца о дурном обращении с иностранными офицерами, которых московиты заманили к себе на службу»¹². Автором памфлета был Мартин Нейгебауэр, которого приняли на российскую службу, в 1701 г. назначили учителем к царевичу Алексею Петровичу, а через год отправили в отставку. Нейгебауэр пытался шантажировать канцлера графа Ф.А. Головина, угрожая, что опубликует якобы анонимный рукописный памфлет, если не получит должность российского дипломатического представителя в Китае. Шантаж не подействовал и, покинув Россию в 1704 г., Нейгебауэр опубликовал свой памфлет. Главная цель данного произведения состояла в том, чтобы отговорить от поступления на службу в «варварскую страну», где «царь и приближённые его обходятся с честнейшими и храбрейшими офицерами как со щенками, при содействии пощёчин, палочных ударов, кнута и тысячи других подобных поруганий» (цит. по: (Пекарский 1862: 72)).

В ответ на этот памфлет в 1705 г. Гюйссен (под псевдонимом Симон Петерсен) выпустил в Альтоне два опровержения. В изданиях Гюйссена представлена развернутая аргументация, доказывающая ложность утверждений Нейгебауэра. Показательно, что Гюйссен при этом ссылался и на газеты: «если бы было справедливо, что в Москве так или иначе дурно обращаются с иностранными министрами, то, во-первых, было бы это известно из газет или публичных актов, наконец, по слухам от достойных лиц, заслуживающих вероятия» (выделено мною — А.Т.) (цит. по: (Пекарский 1862: 75)). В 1705–1706 гг. «война памфлетов» продолжилась: вышел ответ Нейгебауэра, опровержение Гюйссена и краткий ответ Нейгебауэра (подробнее см.: Korzun 2013: 43).

Распространение памфлета Нейгебауэра было официально запрещено в Пруссии и Саксонии. Прусский король Фридрих I в своём эдикте от 20 июля 1705 г. распорядился «иметь крепкий надзор, чтобы подобные сочинения и в особенности некоторое описание, озаглавленное “Письмо знатного офицера к тайному советнику”, нигде не раздавались, не продавались и не выставлялись. Если бы таковые у кого-нибудь нашлись или попались, то принимать владельца

¹² Neugebauer M. Schreiben eines vornehmen teutschen Officierers an einen Geheimen Raht eines Hohen Potentaten wegen der übeln Handthierung der fremden Officirer, so die Moscowiter in ihre Dienste locken. O. O., 1704. 20 S.

за пасквилянта (могут иметь подобные сочинения только те, кто их желает) и строжайше взыскивать лично или на имуществе его, смотря по мере преступления. Впрочем же, все подобные скандалезные против царя сочинения сжигать через палача» (цит. по: Пекарский 1862: 66).

Деятельность российских дипломатических представителей по формированию положительного образа России контролировал Посольский приказ (Коллегия иностранных дел) (Шамин 2011; Майер, Шамин 2011). Он знакомился с содержанием ведущих европейских газет, выявлял «противные» публикации, представлявшие угрозу для внешней политики России, готовил письма с опровержением таких публикаций или отправлял переводы статей в те органы власти, которые должны были обратить на них внимание (Майер, Шамин 2011).

В годы Северной войны посредническую роль между внешнеполитическим ведомством и монархом стал выполнять Кабинет Петра I (Варыпаев, Коковихин, Курбатов, Строев 1911: 55–56; Шамин 2011: 143–144). Это привело к тому, что царь стал получать тематические подборки напрямую, минуя Посольский приказ. Например, в 1713 г. комендант Ревеля В.Н. Зотов должен был присыпать Петру I газеты с известиями о военных действиях в Померании¹³. С подобным поручением Пётр обращался к Зотову и позднее. В 1718 г. от резидентов требовалось присыпать в Кабинет «всё, что печатается за границей зазорного и предосудительного для его царского величества» (Варыпаев, Коковихин, Курбатов, Строев 1911: 132).

Рассмотрим одну из подборок газет, сохранившуюся в фонде Кабинета Петра¹⁴. Здесь представлена 31 печатная газета за 1706–1721 гг. (преимущественно за 1718–1721 гг.) и два отдельных листа из других газет¹⁵. Среди газет преобладают нидерландские издания — 17 номеров, 12 из которых относятся к четырём амстердамским газетам:

- Amsterdamse Dingsdaegse Courant (1718, №74; 1720, №1)
 - Les Nouvelles d'Amsterdam (01.11.1718; 27.12.1718; 31.03.1719; 15.09.1719; 06.10.1719)
 - Amsterdamer Argus (06.08.1721, №9; 17.09.1721, №15)
 - Suite des Nouvelles d'Amsterdam (27.09.1718; 04.11.1718; 06.10.1719)
 - Rotterdamse Vrydaagse Courant (1719, №5)
 - Oprechte Haerlemse Donderdaegse Courant (1717, №51; 1718, №6)
 - Gravenhaegse Woensdaegse Courant (1718, №155)
 - Leydse Maandagse Courant (1721, №93)
- 12 номеров — это ведущие гамбургские газеты того времени:

¹³ Письма и бумаги Петра Великого. 1992. Т. 13. Вып. 1: Январь — июнь 1713 г. Москва: Наука. С. 94.

¹⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 9. О другой подборке газет 1697–1698 гг. из этого фонда см.: Гуськов 2009.

¹⁵ РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 9. Л. 13–15 об. Эти листы далее не рассматриваются.

— Hamburger Relations Courier (1706, №56; 06.08.1720, №122; 01.11.1720, №172; 21.02.1721, №29; 29.04.1721, №66; 30.09.1721, №152).

— Nordischer Mercurius: 1) Dienstagischer Nordischer Mercurius (06.02.1720, №11; 29.04.1721, №34; 30.09.1721, №78); 2) Freytagischer Nordischer Mercurius (06.10.1719, №80; 15.09.1721, №75; 26.09.1721, №77).

Наконец, в подборке сохранилось два номера газеты, выпускавшейся в датском городе Альтона¹⁶: Reichs-Post-Reuter (08.09.1719, №142; 15.09.1719, №146).

Если сравнить эту подборку с географическим распределением газет, которые Коллегия иностранных дел получала в 1720-е гг., то обращает на себя внимание преобладание в Кабинете голландских (особенно амстердамских) и гамбургских газет и отсутствие газет из других регионов. Коллегия иностранных дел имела в своём распоряжении более полные подшивки газет, отличающиеся большим географическим охватом (Майер, Шамин 2011).

Из 31 газеты только 11 содержат новости из России¹⁷. Таким образом, эти новости не были главной причиной присылки газет в Кабинет. Четыре публикации связаны с переговорами России и Швеции, причём в одной из них содержится подробный рассказ об Аландском конгрессе¹⁸. По две публикации посвящены событиям придворной жизни¹⁹ и празднованиям дня Полтавской битвы в Санкт-Петербурге²⁰. Одна публикация освещает коллегиальную реформу²¹. В одной публикации объединены две новости — о свадьбе А.И. Остермана, игравшего ведущую роль в российско-шведских переговорах, и М.И. Стрешневой, а также о строительстве Ладожского канала²². Наконец, в одной публикации говорится о четырёх голландских кораблях, перезимовавших в Архангельске²³. Обращает на себя внимание тот факт, что большинство из перечисленных новостей имели важное значение для дипломатических отношений (ср.: Hennings 2016: 22–23).

Сложно сказать, работал ли император с этими номерами газет, и каким образом он познакомился с их содержанием – по переводам, пересказу или лично. По наблюдению В. Н. Строева и П. И. Варыпаева, в фонде Кабинета Петра I хранились экземпляры газет с собственноручными пометами Петра. Например, напротив известия о том, что царь всегда пьян он написал: «Врет, каналъя! Бывает, но не по вся дни». Напротив одной немецкой статьи царь оставил такой

¹⁶ В настоящее время район Гамбурга.

¹⁷ РГАДА. Ф. 9. Д. 1. Ч. 9. Л. 12, 27–27 об., 43 об., 45, 47, 55, 63, 79–79 об., 95 об., 97. Кроме того, Россия упоминается в новостях из других стран (см., например, новость из Польши и Пруссии: Там же. Л. 94).

¹⁸ *Les Nouvelles d'Amsterdam*. 01.11.1718; *Reichs-Post-Reuter*. 08.09.1719, №142; *Suite des Nouvelles d'Amsterdam*. 06.10.1719; *Dienstagischer Nordischer Mercurius*. 06.02.1720, №11.

¹⁹ *Freytagischer Nordischer Mercurius*. 15.09.1721, №75; *Hamburger Relations Courier* 30.09.1721, №152.

²⁰ *Gravenhaegse Woensdaegse Courant*. 1718, №155; *Hamburger Relations Courier*. 06.08.1720, №122.

²¹ *Oprechte Haerlemse Donderdaegse Courant*. 1718, №6.

²² *Hamburger Relations Courier*. 21.02.1721, №29.

²³ *Leydse Maandagse Courant*. 1721, №93.

комментарий: «Вор Алексашка, дознаюсь; ежели правда, не сдбровать» (Варыпаев, Коковихин, Курбатов, Строев 1911: 132)²⁴. Таким образом, царь осуществлял личный контроль за иностранными изданиями в дополнение к контролю со стороны дипломатов и Посольского приказа (Коллегии иностранных дел).

Результаты исследования

В царствование Петра были созданы институциональные возможности, обеспечившие систематическую работу по формированию положительного образа России за рубежом. В странах Европы возникла разветвлённая сеть представителей Российского государства, выступавших агентами межкультурной коммуникации и проводниками российского влияния. Ключевую роль, безусловно, играли постоянные дипломатические представительства России, работу которых контролировал Посольский приказ (Коллегия иностранных дел) и Кабинет Петра I. Российские дипломаты активизировали работу по информированию западных партнёров о внутренней и внешней политике России и освоили основные инструменты влияния, позволяющие воздействовать на печатные издания. Ещё одним каналом информирования стали постоянные представители других стран в России, через которых российское внешнеполитическое ведомство сообщало своим партнёрам официальную информацию.

Российское внешнеполитическое ведомство познакомилось с основными инструментами влияния на политическую элиту европейских стран ещё в XVII в. Однако в условиях Северной войны такая работа приобрела систематический характер, совершенно иные масштаб и скорость. Российские дипломаты не только усвоили существовавший опыт, но и стали учиться у своих западных партнёров, которые к тому времени хорошо владели средствами влияния на печать: различными способами давления и подкупа, пропаганды и цензуры (Koopmans 2005; Peacey 2016).

Политика по формированию положительного образа России за рубежом носила ситуативный характер. Пётр придавал значение международному престижу России и проявлял интерес к борьбе с «предосудительными» публикациями преимущественно во время Северной войны. После её окончания Кабинет императора стал меньше следить за западной прессой, и основную работу по этому направлению выполняла Коллегия иностранных дел (Майер, Шамин 2011).

* * *

В царствование Петра I началась систематическая работа по формированию положительного образа России за рубежом. Ключевую роль в этом играли постоянные дипломатические представительства России, работу которых кон-

²⁴ Местонахождение данных номеров с автографами Петра неизвестно.

тролировал Посольский приказ (Коллегия иностранных дел), Кабинет Петра I и лично царь. Российские дипломаты активизировали работу по информированию западных партнёров о внутренней и внешней политике России, улучшили контроль над печатными изданиями и освоили основные инструменты влияния, что позволило сократить число «ложных» и «бездечных» публикаций за рубежом, обеспечило успех внешней политики России и укрепило её международный престиж. Этому способствовало появление постоянных дипломатических представителей других стран в России. Через них российское внешнеполитическое ведомство оперативно сообщало официальную информацию своим партнёрам, чтобы опередить появление у них неофициальных сведений.

Полученный опыт российское правительство перенесло во внутреннюю политику. Опираясь на практику работы с западной прессой, создавалась российская газета «Ведомости», для которой отбирались исключительно «годные», «пристойные» и «куриозные» новости (Шамин 2011: 141–142; Майер, Шамин 2011: 102).

В 1710-е гг. было введено и постепенно уточнено понятие «государственного преступления» — «всё то, что вред и убыток государству приключить может»²⁵. Пётр требовал от своих подданных бороться с «предосудительной» информацией и внутри страны. Это обязательство, в частности, вошло в текст присяги, включённой в «Артикул воинский» 1715 г.: «И ежели что вражеское и предосудительное против персоны его величества, или его войск, такожде его государства, людей или интересу государственного что услышу или увижу, то обещаюсь об оном по лутчай моей совести, и сколько мне известно будет, извещать и ничего не утаить; но толь паче во всем ползу его и лутчее охранять и исполнять»²⁶. Таким образом, император ставил перед каждым подданным задачу по формированию положительного образа российской власти и укреплению её престижа, независимо от того, где он находится — за рубежом или в России.

Об авторе:

Андрей Владимирович Топычканов — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: topychkanov@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Сердечно признателен С.М. Шамину и А.Г. Гуськову за ценные замечания к первому варианту статьи.

²⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. 5: 1713–1719. Санкт-Петербург: Тип. II Отд-я Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830: 135, № 2871. Подробнее см.: Анисимов 1999: 17–20.

²⁶ Чистяков О.В. (ред.) 1986. *Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма*. Москва: Юридическая литература. С. 328.

UDC 327.82
Received: November 09, 2021
Accepted: January 12, 2022

Strengthening Russia's International Prestige during the Northern War: Russian Diplomatic Institutions and Instruments

A.V. Topychkanov
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-2-83-69-84](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-2-83-69-84)

Lomonosov Moscow State University

Abstract: During the Northern War (1700–1721), the Russian government had to make great efforts to strengthen the anti-Swedish coalition. Peter the Great developed a broad foreign network of state representatives: employees of the diplomatic corps (envoys, ministers, residents, agents, etc.), trade commissioners, and correspondents. Peter the Great himself, his Cabinet, and the foreign policy department (Posolsky Prikaz, Collegia Inostrannyykh Del) controlled these agents of influence. Peter's diplomats fought for symbolic capital by taking part in official negotiations and unofficial meetings, in diplomatic and court ceremonies, in gift-exchanging, and organizing various festivities. This capital then was converted into the international prestige of the ruler, his title, honor, glory, and position in the hierarchy of European rulers. Considerable attention was paid to promptly inform Western partners about events in Russia's foreign and domestic policy. Russian information policy emphasized the news that can strengthen Russia's international prestige: dynastic, diplomatic, and military successes, political reforms, and court celebrations. The article examines the practice of news dissemination through Russian diplomatic missions and foreign diplomatic representatives in Russia. The practice reduced the negative effect of the spread of unofficial information, fake news, and false rumors. The war continued in the pages of print media. To limit the dissemination of information damaging Russia's prestige, Russian diplomats began to use the same instruments of influence (newspapers, magazines, and pamphlets), which European diplomats used at that time: various methods of pressure and bribery, propaganda, and censorship. The successes of Russian diplomacy have led to the strengthening of Russia's international prestige and contributed to creating a positive image of the country abroad. The Russian government transferred the gained experience into domestic policy. Peter the Great also demanded fighting against "reprehensible" information about "the person of his majesty, or his troops, as well as his state."

Keywords: Great Northern War, Peter I, diplomacy, positive image of Russia, international prestige, press, mass media, information policy, censorship, propaganda

About the author:

Andrey V. Topychkanov – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Political Science Department, Lomonosov Moscow State University. 119991, 1 Leninskie gory, Moscow, Russia. E-mail: topychkanov@gmail.com

Acknowledgements:

I am sincerely grateful to S.M. Shamin and A. G. Guskov for valuable comments on the first version of the article.

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interest.

References:

- Blome A. 2000. *Das deutsche Russlandbild im frühen 18. Jahrhundert. Untersuchungen zur zeitgenössischen Presseberichterstattung über Russland unter Peter I.* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 432 S. (In German)
- Cederberg A.R. 1930. Heinrich Fick: Ein Beitrag zur Russischen Geschichte des XVIII. Jahrhunderts. *Eesti Vabariigi Tartu Ülikooli toimetused = Acta et commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis).* B, Humaniora. XVII. Tartu: K. Mattiesen'i trükikoda, P. 1–103, 1–160. (In German)
- Ebbesen M., Sicking L. (eds.) 2020. *Beyond Ambassadors: Consuls, Missionaries, and Spies in Premodern Diplomacy.* Leiden; Boston: Brill. 233 p.
- Fundaminski M.I. 1997. Resident Johann Friedrich Böttiger und die russische Propaganda in der 1. Hälfte des 18. Jahrhunderts. *Europa in der Frühen Neuzeit: Festschrift für Günter Mühlpfordt.* Bd. 3: Aufbruch zur Moderne, Hg. E. Donnert. Weimar; Köln; Wien: Böhlau, S. 47–60. (In German)
- Hennings J. 2016. *Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725.* Cambridge: Cambridge University Press. 297 p.
- Koopmans J. (ed.) 2005. *News and Politics in Early Modern Europe: 1500–1800.* Leuven: Peeters. 269 p.
- Koopmans J.W. 2005. Dutch Censorship in Relation to Foreign Contacts (1581–1795). *Trade, Diplomacy and Cultural Exchange: Continuity and Change in the North Sea and the Baltic c. 1350–1750,* Ed. H. Brand. Hilversum: Verloren. P. 220–237.
- Korzun S. 2013. *Heinrich von Huyssen (1666–1739). Prinzenzieher, Diplomat und Publizist in den Diensten Zar Peters I., des Großen.* Wiesbaden: Otto Harrassowitz. 268 S. (In German)
- Maier I. 2017. How Was Western Europe Informed about Muscovy? The Razin Rebellion in Focus. *Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850.* Eds. S. Franklin, and K. Bowers. Cambridge: Open Book Publishers. P. 113–151.
- Peacey J. 2016. ‘My Friend the Gazetier’: Diplomacy and News in Seventeenth-Century Europe. *News Networks in Early Modern Europe,* Eds. J. Raymond, N. Moxham. Leiden; Boston: Brill. P. 420–442.
- Poe M. 2000. A “People Born to Slavery”: *Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748.* Ithaca: Cornell University Press. 293 p.
- Ageeva O.G. 2012. *Diplomaticeskij ceremonial imperatorskoj Rossii XVIII vek.* [The Diplomatic Ceremonial of Imperial Russia. 18th Century]. Moscow: Novyj hronograf. 936 p. (In Russian)
- Aleksandrenko V.N. 1897. *Russkie diplomaticeskie agenty v Londone v XVIII v.* [Russian Diplomatic Agents in London in the 18th century]. T. 1. Warsaw: Tip. Varshavskogo uchebnogo okruga. 549 p. (In Russian)
- Anisimov E.V. 1999. *Dyba i knut: Politicheskij sysk i russkoe obshhestvo v XVIII v.* [Rack and whip: Politic Investigation and Russian Society in the 18th Century]. Moscow: NLO. 720 p. (In Russian)

- Artamonov V.A. 2001. Strany Vostochnoj Evropy v vojne s Osmanskoj imperiej (1683–1699 gg.) [The Countries of Eastern Europe in the War against the Ottoman Empire (1683–1699)]. *Osmanskaja imperija i strany Central'noj, Vostochnoj i Jugo-Vostochnoj Evropy v XVII v.* Otv. red. G.G. Litavrin. T. 2. Moscow: Pamjatniki istoricheskoy mysli. P. 295–323. (In Russian)
- Bahrushin S.V. 1987. *Politicheskie tolki v carstvovanije Mihaila Fedorovicha*. Bahrushin S.V. [Political Talk in the Reign of Mikhail Fedorovich]. Trudy po istochnikovedeniju, istoriografii i istorii Rossii jepohi feodalizma: (Nauchnoe nasledie). Otv. red. B.V. Levshin. Moscow: Nauka. P. 87–118. (In Russian)
- Bantysh-Kamenskij N.N. 1896. *Obzor vneshnih snoshenij Rossii (po 1800 god)* [Overview of Russia's Foreign Relations (up to 1800)]. Ch. 2: Germanija i Italija. Moscow: Tip. Je. Lissnera i Ju. Romana. 278 p. (In Russian)
- Buganov V.I. 1969. *Moskovskie vosstanija konca XVII v.* [Moscow Uprisings of the End of the 17th Century]. Moscow: Nauka, 1969. 439 p. (In Russian)
- Gus'kov A.G. 2009. Informacionnoe obespechenie Velikogo posol'stva 1697–1698 gg. [Information Support of the Great Embassy of 1697–1698]. *Rossija i mir glazami drug druga: Iz istorii vzaimovosprijatija*. №5. Moscow: IRI RAN. P. 27–44. (In Russian)
- Gus'kov A.G., Kochegarov K.A., Shamin S.M. 2020. Russko-tureckaja vojna 1686–1700 gg. [The Russian-Turkish War of 1686–1700]. *Rossijskaja istorija*. №6. P. 30–49. DOI: 10.31857/S086956870012929-2 (In Russian)
- Kopanev N.A. 1997. Gollandskie izdateli-knigotorgovcy i delo Petra Velikogo [Dutch publishers-booksellers and the case of Peter the Great]. *Petr I i Gollandija: Russko-gollandskie nauchnye i hudozhestvennye svjazi v jepohu Petra Velikogo* Red. N.P. Kopanev, R. Kistemaker, A. Oferbek. Sankt-Peterburg: Evropejskij dom. P. 243–260. (In Russian)
- Larina Ja.I. 2017. Nelegaly ego velichestva: Kak sozdavalas' razvedka pri Petre I [His Majesty's Illegals: How intelligence was Created under Peter I]. *Rodina*. №7. P. 122–125. (In Russian)
- Longworth F. 2010. Politicheskie sluhi v Rossii v jepohu rannego Novogo vremeni [Political Rumors in Russia in the Early Modern Era]. *Mesto Rossii v Evrope i Azii: Sbornik nauchnyh trudov*. Gl. red. D. Svak. Budapest; Moscow: INION RAN. P. 136–149. (In Russian)
- Mayer I., Shamin S.M. 2011. Obzory inostrannoj pressy v Kollegii inostrannyh del v poslednie gody pravlenija Petra I [Reviews of the Foreign Press in the College of Foreign Affairs in the Last Years of the Reign of Peter I]. *Rossijskaja istorija*. №5. P. 91–112. (In Russian)
- Pekarsky P.P. 1862. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*. [Science and Literature in Russia under Peter the Great]. T. 1. Saint Petersburg: Izd. Tov-va «Obshhestvennaja pol'za». 592 p. (In Russian)
- Sanin G.A. 1992. *Petr I — diplomat. Velikoe posol'stvo i Nishtadskij mir*. *Rossijskaja diplomatiya v portretah*. [Peter the Great is a Diplomat. The Great Embassy and the Peace of Nishtad. Russian Diplomacy in Portraits]. Pod red. A.V. Ignat'eva, I.S. Rybachenok, G.A. Sanina. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija. P. 14–48. (In Russian)
- Sanin G.A. 2001. Novacii Petra I v upravlenii vneshnopoliticheskimi delami po sravnjeniju so vtoroj polovinoj XVII v. [Innovations of Peter I in the Management of Foreign Affairs in Comparison with the Second Half of the 17th Century]. *Rossijskaja diplomatiya: Istorija i sovremennost'*. Red. I.S. Ivanov. Moscow: ROSSPEN. P. 148–152. (In Russian)
- Shamin S.M. 2011. *Kuranty XVII stoletija: Evropejskaja pressa v Rossii i vozniknovenie russkoj periodicheskoy pechati*. [Chimes of the 17th Century: The European Press in Russia and the Emergence of the Russian Periodical Press]. Moscow; Saint Petersburg: Al'jans-Arheo. 352 p. (In Russian)
- Shamin S.M. 2019. Torzhestva i panegiriki po sluchaju vzjatija Azova v 1696 g. kak faktor formirovaniya evropejskoj identichnosti politicheskoy jelity Rossii [Celebrations and Eulogies on

the Occasion of the Capture of Azov in 1696 as a Factor in the Formation of the European Identity of the Political Elite of Russia]. «*Chtoby ne perestala pamyat' roditelej nashih i nasha, i svecha by ne ugasla....»: K 70-letiju Nikolaja Mihajlovicha Rogozhina*, Otv. red. Ju.A. Petrov. Moscow: IRI RAN. P. 290–304. (In Russian)

Shebaldina G.V. 2010. «*V chest' preslavnogo vo vsem svete mira!»: Kak za granicej otmetili Nishtadtorskij dogovor [In Honor of the Most Glorious Peace in the Whole World!]: How the Nishtadt Treaty was Celebrated Abroad*». *Rodina*. №1. P. 113–115. (In Russian)

Varypaev P.I., Kokovihin A.N., Kurbatov V.Ja., Stroev V.N. 1911. *200-letie Kabinet Ego Imperatorskogo Velichestva, 1704–1904: Issledovanie*. [The 200th Anniversary of the Cabinet of His Imperial Majesty, 1704–1904]. Saint Petersburg: Tov-vo R. Golike i A. Vil'borg. 794 p. (In Russian)

Wagemans Je. 2013. *Car' v Respublike: Vtoroe puteshestvie Petra Velikogo v Niderlandy (1716–1717) [The Tsar in the Republic: Peter the Great's Second Journey to the Netherlands (1716–1717)]*. Per. s niderl. V.K. Ronina. Saint Petersburg: Evropejskij dom. 256 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Агеева О.Г. 2012. *Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век*. Москва: Новый хронограф. 936 с.

Александренко В.Н. 1897. *Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в*. Т. 1. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа. 549 с.

Анисимов Е.В. 1999. *Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII в*. Москва: НЛО. 720 с.

Артамонов В.А. 2001. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.). *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в*. Отв. ред. Г.Г. Литаврин. Т. 2. Москва: Памятники исторической мысли. С. 295–323.

Бантыш-Каменский Н.Н. 1896. *Обзор внешних сношений России (по 1800 год)*. Ч. 2: Германия и Италия. Москва: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 278 с.

Бахрушин С.В. 1987. Политические толки в царствование Михаила Федоровича. *Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма: (Научное наследие)*. Отв. ред. Б.В. Левшин. Москва: Наука. С. 87–118.

Буганов В.И. 1969. *Московские восстания конца XVII в*. Москва: Наука, 1969. 439 с.

Вагеманс Э. 2013. *Царь в Республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717)*. Пер. с нидерл. В.К. Ронина. Санкт-Петербург: Европейский дом. 256 с.

Варыпаев П.И., Коковихин А.Н., Курбатов В.Я., Строев В.Н. 1911. *200-летие Кабинета Его Императорского Величества, 1704–1904: Исследование*. Санкт-Петербург: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг. 794 с.

Гуськов А.Г. 2009. Информационное обеспечение Великого посольства 1697–1698 гг. *Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия*. Вып. 5. Москва: ИРИ РАН. С. 27–44.

Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. 2020. Русско-турецкая война 1686–1700 гг. *Российская история*. №6. С. 30–49. DOI: 10.31857/S086956870012929-2

Копанев Н.А. 1997. Голландские издатели-книготорговцы и дело Петра Великого. *Пётр I и Голландия: Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого*. Ред. Н.П. Копанев, Р. Кистемакер, А. Офербек. Санкт-Петербург: Европейский дом. С. 243–260.

- Ларина Я.И. 2017. Нелегалы его величества: Как создавалась разведка при Петре I. *Родина*. №7. С. 122–125.
- Лонгворт Ф. 2010. Политические слухи в России в эпоху раннего Нового времени. *Место России в Европе и Азии: Сборник научных трудов*. Гл. ред. Д. Свак. Будапешт. Москва: ИНИОН РАН. С. 136–149.
- Майер И., Шамин С.М. 2011. Обзоры иностранной прессы в Коллегии иностранных дел в последние годы правления Петра I. *Российская история*. №5. С. 91–112.
- Пекарский П.П. 1862. *Наука и литература в России при Петре Великом*. Т. 1. Санкт-Петербург: Изд. Тов-ва «Общественная польза». 592 с.
- Санин Г.А. 1992. Пётр I — дипломат. Великое посольство и Ништадский мир. *Российская дипломатия в портретах*. Под ред. А.В. Игнатьева, И.С. Рыбаченок, Г.А. Санина. Москва: Международные отношения. С. 14–48.
- Санин Г.А. 2001. Новации Петра I в управлении внешнеполитическими делами по сравнению со второй половиной XVII в. *Российская дипломатия: История и современность*, Ред. И.С. Иванов. Москва: РОССПЭН. С. 148–152.
- Шамин С.М. 2011. *Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати*. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео. 352 с.
- Шамин С.М. 2019. Торжества и панегирики по случаю взятия Азова в 1696 г. как фактор формирования европейской идентичности политической элиты России. «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла....»: К 70-летию Николая Михайловича Рогожина. Отв. ред. Ю.А. Петров. Москва: ИРИ РАН. С. 290–304.
- Шебалдина Г.В. 2010. «В честь преславного во всем свете мира!»: Как за границей отметили Ништадтский договор. *Родина*. №1. С. 113–115.

Письма Фридриха Христиана Вебера Джону Робесону из России 1718–1719 гг.

И.И. Федюкин

А.Д. Новикова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В статье рассматривается корреспонденция ганноверского резидента в России Ф.Х. Вебера за период с января 1718 по весну 1720 гг. Данный эпистолярный комплекс включает более двухсот донесений, написанных на французском языке и отложившихся в коллекции «Французские рукописи» Бодлианской библиотеки Оксфордского университета. Цель данной работы состоит в том, чтобы представить этот источник научной аудитории и провести его предварительный анализ. Не секрет, что хотя формально Вебер был ганноверским резидентом, в практическом отношении он представлял интересы Англии, поскольку ганноверский курфюрст с 1714 г. являлся одновременно и британским монархом Георгом I. Его дипломатическому секретарю Джону Робесону и адресованы рассматриваемые в настоящей статье письма.

В работе описаны различные аспекты дипломатической деятельности Вебера, включая его методы сборы информации в России и отправки её в Англию, такие как подкуп, использование агентов, шифров, посылку писем «под кувертом» других лиц. Помимо методов дипломатической и разведывательной работы резидента, донесения отражают задачи, которые перед резидентом ставило его правительство: выяснение характера отношений между русским двором и якобитами, а также наблюдение за ходом Аландского конгресса, выявление намерений русского и шведского дворов по заключению сепаратного мира. Предметом изучения выступают, кроме того, подходы Вебера к анализу международной обстановки и политической ситуации внутри России. Хотя на основании собранной информации ганноверец пришёл к выводу, что сепаратный договор между Россией и Швецией невозможен, и убеждал в этом своего корреспондента, английское правительство продолжало видеть опасность в ведущихся на Аланде переговорах. Начиная с мая 1718 года Сент-Джеймсский двор поставил перед Вебером задачу сорвать Аландский конгресс.

Введение в научный оборот и дальнейшее изучение этого эпистолярного комплекса позволит пролить свет на историю внешней политики России на заключительном этапе Северной войны накануне заключения Ништадтского мира.

Ключевые слова: дипломатия, Северная война 1700–1721, Аландский конгресс, Пётр I, Георг I, Ф.Х. Вебер, Россия, Великобритания

УДК: 94.327

Поступила в редакцию: 11.12.2021

Принята к публикации: 02.03.2022

Среди многочисленных иностранных дипломатов и путешественников, оставивших описание России петровского времени, видное место занимает Фридрих Христиан Вебер (1690/1695 (?) – 1739), представитель ганноверского курфюрста при русском дворе и автор трёхтомного сочинения «Преображенная Россия» (*Das veränderte Russland*)¹. Особенno ценен первый том книги, который был основан непосредственно на личных впечатлениях и на недошедшем до нас дневнике Вебера. Он был написан и опубликован в 1721 г., сразу после возвращения автора из России, и немедленно переведён на английский, а затем на французский языки, оказав огромное влияние на представления о Петре I и петровских реформах в Западной Европе. Не будет преувеличением сказать, что на протяжении как минимум нескольких десятилетий этот текст оставался самым обстоятельным из доступных европейской аудитории описанием перемен в России начала XVIII в. Сочинение Вебера до сих пор вос требовано историками, в том числе и потому, что его автор провёл в Санкт-Петербурге середину – вторую половину 1710-х гг. Он был свидетелем начала системных институциональных реформ Петра, дела царевича Алексея, переговоров о мире со Швецией на Аландском конгрессе. Оказавшись в незнакомой ему ранее стране, Вебер проявил себя как внимательный и проницательный наблюдатель, мастер выстраивания придворных связей, сбора и анализа информации.

Тем досаднее поэтому, что, несмотря на широкое использование исследователями «Преображенной России», другие материалы посольства Вебера до сих пор мало вовлечены в научный оборот. Между тем донесения ганноверского дипломата имеют огромное значение для изучения истории внешней политики Петра I на излёте Северной войны, накануне Ништадтского мира, оформившего превращение России в великую европейскую державу.

Формально Вебер представлял в Санкт-Петербурге Ганновер, но ганноверский курфюрст с 1714 г. являлся одновременно и британским королём Георгом I, и на годы пребывания Вебера в России приходится кризис в отношениях между двумя монархами. Именно во второй половине 1710-х гг. отношения между Россией и Англией постепенно перешли в формат острого противостояния в связи с той ролью, которую Сент-Джеймсский двор играл (или пытался играть) на Балтике во время Аландского конгресса и на этапе заключения Ништадтского мира. Кульминацией этого противостояния стала отправка на Балтику эскадры адмирала Дж. Норриса; всерьёз обсуждалась возможность её совместных со шведами действий против русского флота. Ещё С.А. Фейгина и Л.А. Никифоров обоснованно поставили под сомнение представление о наличии существенных

¹ Weber F. Ch. Das veränderte Russland, in welchem die ietzige verfassung des geist- und weltlichen regiments; der brieges- staat zu lande und zu wasser; wahre zustand der russischen finanzen ... die begebenheiten des czarewitzten ... in einem biss 1720 gehenden journal vorgestellet werden, mit einer accuraten land-carte und kupferstichen versehen. Franckfurth. N. Förster. 1721.

расхождений во внешнеполитических позициях Лондона и Ганновера. Как полагала С.А. Фейгина, такое представление сложилось в результате сознательной тактики правительства Георга I, стремившегося избежать парламентского контроля за проводившейся им на севере Европы политикой (Фейгина 1959: 352). Автор новейшего (и, к сожалению, единственного) посвящённого Веберу монографического исследования Мартин Хлоновски отмечает, что русская сторона и сам Пётр I не делали различий между «английским» и «ганноверским» измерениями во внешнеполитических действиях Георга I (Klonowski 2005: 153–154). Забегая вперёд, скажем, что рассматриваемые в нашей статье материалы полностью подтверждают этот вывод: в них не прослеживается свидетельство того, чтобы Вебер разделял интересы Ганновера и Англии. В духе той эпохи он служил своему монарху и мыслил династическими, а не национальными категориями.

Одним из первых историков, кто углублённо рассмотрел вопрос о внешней политике Великобритании по отношению к петровской России после восшествия на престол Георга I, был Джеймс Ф. Чэнс. Он усматривал решительное противоречие в целях ганноверской и английской политики и связывал внешнеполитическую линию Англии с расстановкой сил в парламенте, с которым правительству Георга I приходилось считаться (Chance 1906). На материале английских и ганноверских архивов Чэнс пришёл к выводу, что на севере Европы Англия преследовала две цели: во-первых, обеспечить английским купцам свободную торговлю на Балтике, которая была невозможна из-за блокады Швеции Россией и Данией; во-вторых, сорвать интриги якобитов и испанского двора, пытавшихся в этот момент склонить Россию и Швецию к совместному выступлению в поддержку свергнутых Стюартов (Chance 1909; Chance 1906: 461).

Фрейбургский историк В. Михаэль считал, напротив, что английское правительство при Георге I обеспечивало интересы Ганновера, заключавшиеся в приобретении Бремена и Вердена (Michael 1928). Разрыв отношений между Петербургом и Лондоном, согласно этой точке зрения, был обозначен Северным кризисом 1716–1717 гг., известным также как Мекленбургское дело, когда династический брак между племянницей Петра и герцогом Мекленбургским поставил под удар интересы Георга как ганноверского курфюрста (Mediger 1967).

К настоящему времени в зарубежной историографии сложился консенсус, что основная цель Англии на севере Европы заключалась, во-первых, в обеспечении безопасности Ганновера (что было возможно только после вывода русских войск из Мекленбурга), а во-вторых, в поддержании баланса сил в Балтийском регионе (для чего необходимо было помешать Петру заключить сепаратный мир со Швецией на условиях России) (Murray 1969: 349; McKay 1973: 384; Hatton 1978: 119; Black 2005: 329).

Одна из первых в отечественной историографии работ, специально посвящённых кризису и разрыву отношений между Англией и Россией на завершающем этапе Северной войны, принадлежит Л.А. Никифорову (Никифоров 1946).

В своей монографии, основанной на материалах российских архивов и опубликованной дипломатической переписке, Никифоров доказывал, что английское правительство преследовало цель предотвратить выход России в Балтийское море (Никифоров 1950).

Более детально Аландский конгресс изучила С.А. Фейгина. Основываясь на широком круге источников из отечественных архивов и библиотек (в том числе, на опубликованной корреспонденции Вебера, см. ниже), она рассмотрела переговоры в более широком контексте. По мнению Фейгиной, английская позиция сводилась к тому, чтобы добиться отказа Швеции от Бремена и Вердена, но помочь ей сохранить за собой Восточную Прибалтику (Фейгина 1959: 514-515). В дальнейшем новые источники для изучения данной тематики привлекались мало: например, автор одной из новейших диссертаций А.А. Стерликова вовсе не привлекает зарубежные архивные источники, ограничиваясь уже известными материалами из российских архивов и опубликованными материалами (Стерликова 2006: 311).

Хотя на заключительном этапе Северной войны Англия играла – или стремилась играть – важнейшую роль в международной политике в Балтийском регионе, именно в тот период качество донесений английских дипломатов в России упало. На смену глубоко погрузившемуся в российский контекст Чарльзу Уитворту (1705–1712) пришли Джордж Маккензи (сентябрь 1714 – май 1715) и Джеймс Джефферис (январь – октябрь 1719); за год пребывания в России они не успели обзавестись достаточными контактами. Джеймс Холдейн, сопровождавший Петра в Амстердаме в 1716–1717 гг., до России так и не доехал.

Донесения Вебера приобретают на этом фоне особую ценность. Тем не менее его дипломатические реляции, в отличие от донесений других западноевропейских дипломатических представителей в России, не были охвачены программой публикации источников такого рода в Сборниках Российского исторического общества в XIX в.². Часть донесений Вебера была опубликована в 1880 г. немецким историком Эрнстом Германом в качестве приложения к его работе «Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei. Vornehmlich nach und aus der gesandtschaftlichen Correspondenz Friedr. Christian Weber» («Пётр Великий и царевич Алексей. Преимущественно по сюжетам и отрывкам из дипломатической переписки Фридриха Христиана Вебера»)³. Публикация эта, однако, носит фрагментарный характер: в частности, из 55 реляций, которые Вебер направил Георгу I в Лондон в 1718 г., изданием охвачены только 22, притом с сокращениями. Германа интересовало, прежде всего, дело царевича Алексея, а иные сюжеты, в том числе внешнеполитические, упоминались лишь вскользь; некоторые

² См. их донесения в: Сборник Императорского Русского исторического общества. 1888. Т. 61. Санкт-Петербург.

³ Weber F.Ch. 1880. Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei. Vornehmlich nach u. aus der gesandtschaftlichen Correspondenz Friedr. Christian Weber's . Ernst Herrmann (Hg.). Leipzig: Duncker & Humblot.

реляции, насколько можно понять, смикшированы. Но даже с учётом этих недостатков публикация Германа представляет интерес, так что можно сожалеть, что она мало используется историками.

В данной статье речь пойдёт о другом комплексе документов, а именно, о подборке писем Вебера секретарю Георга I Джону Робесону, охватывающей период с января 1718 г. по 21 мая 1720 г. и отложившейся в коллекции «Французские рукописи» (MS. French d. 35) в Бодлианской библиотеке Оксфордского университета. Как будет показано ниже, донесения эти, носящие полуформальный характер, отражают дипломатическую деятельность Вебера и его впечатления о происходящем в России даже подробнее, чем его официальные реляции королю. Эти документы использовал Пол Бушкович в своём фундаментальном труде «Пётр Великий. Борьба за власть (1671–1725)» (Bushkovitch 2001), однако комплексно в научный оборот они до сих пор не вовлекались; в частности, не учтены они и в монографии М. Хлоновски. В настоящее время авторы данной статьи ведут работу над подготовкой этого эпистолярного комплекса к публикации.

Фридрих Христиан Вебер и его корреспонденция

Сведений о ранней жизни и карьере Ф.Х. Вебера немного. Предположительно, он родился между 1690 и 1695 гг.; на службу к ганноверскому курфюрсту в 1710 г. он поступил в возрасте 15–20 лет, что вполне соответствует нормам того времени. Об образовании Ф.Х. Вебера и первых его шагах на дипломатическом поприще известно, что в 1713 г. он был отправлен со своей первой миссией за пределы Ганновера в Хузум и Тённиг в Гольштинии. По сведениям М. Хлоновски, помимо немецкого и французского, Вебер также владел английским, итальянским и латинским языками, а во время своей миссии в Санкт-Петербург выучил и русский (Klonowski: 192). Что касается его семьи, то известно, что у Ф.Х. Вебера был младший брат, сопровождавший его в Россию; своими долгами и беспутством он доставил там дипломату немало хлопот (Базарова 2017). В рассматриваемой нами корреспонденции мы встречаем упоминания о двух попытках Вебера заключить брак в России; первая из них окончилась неудачей, а исход второго сватовства, как следует из писем, был более благоприятным. Кроме этих немногочисленных деталей о Вебере как человеке мы, увы, практически ничего более не знаем.

Хронологически миссия Ф.Х. Вебера в России распадается на два этапа. Первый начался с его приездом в Россию в феврале 1714 г. и завершился в конце января 1717 г., когда в связи с длительной поездкой царя за границу Вебер покинул Санкт-Петербург. Весной – летом 1717 г. он находился сначала в Риге и Данциге, а затем в Ганновере. На этот период пришлось резкое ухудшение отношений между Петром I и Георгом I в связи с заключением брака между герцогом Мекленбургским и племянницей царя царевной Екатериной Иоанновной, что поставило под удар ганноверские интересы в северной Германии. После возвра-

щения Петра I из Западной Европы Вебер в октябре 1717 г. вернулся в Санкт-Петербург. Именно тогда он получил дипломатический ранг резидента (вместо ранга секретаря посольства, которым ему приходилось до этого довольствоватьсь). 12 января 1719 г. в Россию в качестве английского резидента прибыл Джеймс Джефферис, бывший до того резидентом при Карле XII, и в дальнейшем английский и ганноверский резиденты действовали сообща. Вебер оставался при дворе русского государя до октября 1719 г., когда ему и Джефферису пришлось выехать из страны в связи с обострением отношений между Россией и Англией. Рассматриваемая нами коллекция включает некоторое количество писем, отправленных Вебером после его отъезда из Санкт-Петербурга. В октябре 1719 г. резидент написал несколько посланий Робесону из Риги, с 18 ноября 1719 г. по 10 апреля 1720 г. он послал более двадцати донесений из Данцига, а последнее из доступных нам писем отправлено 21 мая 1720 г. из Ганновера.

Адресат донесений Вебера – Джон Робесон (вернее, Жан – Jean de Robethon) – в интересующий нас период был одним из влиятельнейших деятелей правительства Георга I (Chance 1898). Он родился во Франции, в небольшом городке примерно на полпути между Шартром и Ле-Маном, в кальвинистской семье. Около 1689 г. Робесон перебрался в Англию, через несколько лет принял английское подданство, служил секретарём у высокопоставленных дипломатов, в 1698 г. стал секретарём Вильгельма III, после смерти которого перешёл на службу к герцогу Брауншвейг-Люнебургскому, а после смерти последнего – к его племяннику и наследнику, будущему королю Георгу. Со временем Робесон стал доверенным дипломатическим секретарём Георга и сохранил эту роль после переезда последнего в Лондон. Там он стал одним из членов немецкого придворного триумвириата, вместе с тайными советниками Андреасом Готлибом фон Бернсторфом (Andreas von Bernstorff) и Гансом Каспаром фон Ботмером (Johann Caspar von Bothmer). В 1718–1719 гг. Робесон находился на пике своего влияния; критически настроенные современники приписывали ему роль «серого кардинала» ганноверской камарильи. Однако уже в 1719 г. в рядах немецкого триумвириата происходит раскол в связи с тем, что Бернсторф (и поддержавший его Робесон) безуспешно попытались помешать сближению Англии с Пруссией. Это последнее обстоятельство – враждебность Робесона по отношению к Пруссии – следует принимать во внимание при анализе адресованных к нему донесений Вебера из России (и действительно, прусский посланник Мардефельд предстаёт в них во многом как антагонист автора). К 1721 г. Робесон потерял всякое политическое влияние. Он получил в качестве синекуры пост управляющего так называемого Французского госпиталя, благотворительного учреждения для французских кальвинистов в Лондоне, а в 1722 г. скончался.

После смерти Робесона его бумаги достались его сыну, полковнику Джорджу Уильяму Фредерику Робесону. После смерти последнего, около 1752 г., они были проданы с аукциона, причём большую часть приобрёл известный коллекционер того времени Мэттью Дуэйн (Matthew Duane). Бумаги кочевали из одной

коллекции в другую, пока в итоге не попали в коллекцию герцогов Бэкингэмских в их поместье Стоу Хаус. После банкротства очередного герцога коллекция была приобретена ещё одним любителем древностей, лордом Эшбурнхэмом, сын которого в 1883 г. продал её британскому правительству. В результате большая часть документов Робесона сегодня хранится (под номерами 222–232) в собрании рукописного отдела Британской библиотеки в фонде Stowe Papers, хорошо известном каждому, кто занимался политической историей Англии начала XVIII в. Часть документов Робесона, однако, попала в 1743 г. в руки его пасынка, полковника Максвелла, который ещё при жизни передал её (или большую её часть) в Ганновер.

В ходе перемещений часть бумаг Робесона откололась от основной коллекции. Согласно записи в каталоге Bodleianской библиотеки, интересующий нас том был приобретён на аукционе «Сотбис» в июне 1973 г.⁴. Кто именно его продал, и какова могла быть предыстория этих документов, выяснить пока не удалось. Во всяком случае, относительно недавнее приобретение данных документов библиотекой объясняет, почему они до сих пор практически не исследовались и не использовались историками. На корешке тома имеется надпись «Fr. Chr. Weber. Том 3». Таким образом, перед нами лишь один из трёх томов донесений Вебера (вероятнее всего, сформированных при разборке бумаг Робесона). Очевидным образом, существовали и два тома, включавших переписку за более ранний период, охватывающую первый приезд Вебера в Россию и его возвращение в Санкт-Петербург в 1717 г. Отсюда становится понятно, почему переписка в данном томе начинается с января 1718 г. – при формировании томов письма были разделены чисто механически, по хронологическому принципу. Где в настоящее время хранятся два первых тома, если они сохранились, неизвестно.

Отдельно следует остановиться на вопросе о том, какое место занимали эти письма в системе коммуникации Вебера с его правительством, и как они соотносятся с реляциями, опубликованными в 1880 г. Э. Германом. После образования личной унии между Ганновером и Великобританией Георг I всё чаще управлял своим курфюршеством из Лондона, куда с ним переехали некоторые ключевые министры. В первую очередь это уже упоминавшийся фон Бернсторф и президент палаты барон Фридрих Вильгельм фон Гёрц (Friedrich Wilhelm von Haugwitz); в Лондоне к ним присоединился Ганс Каспар фон Ботмер, занимавший ранее пост представителя Ганновера при английском дворе. Весной 1716 г. фон Гёрц вернулся в Ганновер, после чего немецкими делами Георга I руководили фон Бернсторф и фон Ботмер. С целью формального разделения ганновер-

⁴ *Letters from F.C. Weber, Hanoverian Resident at St. Petersburg, to Jean de Robethon, secretary to George I as Elector of Hanover*. Oxford, Bodleian Libraries. MS. French d. 35. URL: <https://archives.bodleian.ox.ac.uk/repositories/2/resources/5303#> (accessed 18.04.2022)

ских и английских дел уже в 1714 г. была создана Германская канцелярия. После расторжения личной унии между Великобританией и Ганновером в результате восшествия на престол королевы Виктории в 1838 г. Германская канцелярия в Лондоне была распущена, а её архив через какое-то время был передан в Ганновер, где и находится в настоящее время; значительная часть его документов была утилизирована перед транспортировкой для экономии места, а также погибла во время налета союзной авиации в 1943 г.

Именно к этому комплексу документов относятся и донесения Ф.Х. Вебера, опубликованные Э. Германом: это официальные реляции резидента в адрес Георга I как курфюрста Ганновера, которые проходили как раз через Германскую канцелярию в Лондоне и после ликвидации последней оказались в итоге в ганноверском отделении Государственного архива земли Нижняя Саксония. Они писались на немецком с регулярностью примерно раз в неделю. Недавно на документы Вебера из коллекции Государственного архива земли Нижняя Саксония обратил внимание А.С. Лавров, давший их краткий обзор (Лавров 1996: 442-444). В последнее время некоторые из этих материалов оцифровываются и становятся доступными исследователям онлайн, однако освоение и осмысление этого материала ещё впереди.

По сравнению с официальными реляциями, разбираемая нами переписка Вебера с королевским секретарём Робесоном была гораздо интенсивнее. За почти два года, охваченных этим томом, с января 1718 г. по 21 мая 1720 г., он направил в Англию более двухсот писем, причём большинство было направлено Робесону в те же даты, что официальные реляции королю. Таким образом, Вебер вёл с Робесоном полноценный прямой диалог. Характер этого диалога и возможные различия в освещении тех или иных событий в письмах Робесону и реляциях королю ещё предстоит выявить, но в принципе ничего удивительного или необычного в наличии такой переписки нет: дипломаты всех стран поддерживали прямые коммуникации не только с монархом, но и с министрами, руководителями внешней политики. Обычно такая переписка носит менее формальный и более детальный характер, в ней отражаются (в отличие от официальных реляций) жизненные обстоятельства и бытовые заботы дипломатов, раскрывается дипломатическая и разведывательная «кухня», проговариваются возможные подходы к выполнению тех или иных дипломатических поручений. Всё это, конечно, указывает на высокую ценность писем Вебера Робесону как исторического источника.

Наконец, следует упомянуть, что в Государственном архиве земли Нижняя Саксония хранятся также письма Робесона Веберу (согласно каталогу – собственноручные) за 1714–1716 гг. Можно предположить, что по возвращении из России они были сданы Вебером в Германскую канцелярию в составе архива его посольства. Судьба писем Робесона Веберу за 1717–1719 гг. (и Вебера Робесону за 1714–1717 гг.) нам пока неизвестна.

Деятельность Ф.Х. Вебера в России

Рассматриваемый нами комплекс переписки относится ко второму, заключительному этапу пребывания Ф.Х. Вебера в России. Корреспонденция велась на французском языке (за исключением нескольких посланий на немецком), причём весьма интенсивно. Например, в течение 1718 г. в Лондон ежемесячно посыпалось примерно по десять писем. Часто письма были снабжены приложениями: это попавшие в руки Вебера донесения других иностранных дипломатов; полученные им письма от российских сановников; проекты договоров, которые он сумел раздобыть или реконструировать по косвенным сведениям; карты и планы местностей. Иногда к донесениям прилагались и посылки. Например, в феврале 1719 г. по просьбе фон Бернсторфа Вебер вместе с письмом отправил в Лондон саженцы «прекрасных наливных яблок», которые ранее понравились министру⁵.

Характерной особенностью писем является их большой объём и неформальный стиль. Детальные рассказы о наблюдаемых резидентом событиях нередко сопровождались изложением личной точки зрения Вебера, а порой даже и советами английскому двору. Помимо дипломатических сюжетов, Вебер затрагивал бытовые вопросы. Например, за время службы Вебер дважды просил королевского одобрения на брак. 6 марта 1718 г. резидент писал, что «Бог ниспоспал ему счастье» в лице дочери приближённого Петра, генерала Адама Адамовича Вейде. О браке с ней Вебер думал ещё в свой первый приезд в Россию, но тогда «оставил саму мысль о нём ввиду непрочного своего положения» (вероятно, имеется в виду его низкий статус в дипломатической службе)⁶. Поскольку позиция Вебера изменилась, он просил, чтобы «Его Величество дал на [брак] своё милостивое соизволение». Однако через год, 20 февраля 1719 г., резидент сообщал, что «счастливо избежал брака с дочерью генерала Вейде, союз с которой принёс бы [ему] бессчётные горести», и через Робесона вновь просил одобрения короля на брак, на этот раз с дочерью «здешнего видного купца и банкира по имени Дюрстервальден»⁷. Судя по тому, что в майском донесении того же года (см. ниже) Вебер упоминает уже свою «тёщу», этот брак состоялся.

Из писем видно, что Вебер вёл переговоры с канцлером Г.И. Головкиным и вице-канцлером П.П. Шафировым, с А.И. Остерманом и П.И. Ягужинским, участвовавшими в работе Аландского конгресса, и иногда получал аудиенции у Петра I. П.П. Шафирова Веберу удалось подкупить, о чём он сообщил 27 июня

⁵ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 28 февраля 1719 г., Санкт-Петербург. Здесь и далее письма цитируются в переводе Д.А. Кондакова.

⁶ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 6 марта 1718 г., Санкт-Петербург.

⁷ Бихтель Дистервальд – данцигский горожанин, получивший патент на свободную торговлю в России и отправившийся в Санкт-Петербург в апреле 1716 г. Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 20 февраля 1719 г., Санкт-Петербург.

1718 г.: «улучил минуту, дабы внушить Шафирову, что коли он окажет нам известную услугу, то может рассчитывать на 30 тысяч экю. <...> после долгой прембулы о его добрых качествах и неподкупности, едва я назвал сумму, он тотчас переменил место, и мы уселись в углу комнаты для пущего удобства. Там он мне объявил, что деньги его нисколько не прельщают, но он горит желанием примирить оба наших двора»⁸. Как выяснилось потом, при российском дворе об этой сделке было известно. В январе 1719 г. Ягужинский заявил дипломату, «что тридцать тысяч экю в подарок Шафирову не помогут добиться вывода войск из Мекленбурга»⁹. Своими ключевыми оппонентами при дворе Вебер считал А.Д. Меншикова и П.И. Ягужинского, начальника Тайной канцелярии П.А. Толстого, прусского посланника Г. Мардефельда (на определённом этапе) и лейб-медика Петра I Р.К. Арескина: именно они, по мнению резидента, настраивали царя против Англии. Вебер также отмечал «нескрываемое отвращение» к Ганноверу, а, соответственно, к английскому королю, со стороны царицы¹⁰. С ней он также пытался наладить контакт и через приближённую к ней придворную даму склонить на свою сторону, однако безрезультатно.

Помимо аудиенций с государем и бесед с русскими министрами, Вебер «прекрасно преуспевал в заведении новых знакомств» и создал целую сеть информаторов¹¹. Одним из источников информации были другие иностранные дипломаты, предоставлявшие ему доступ к имевшимся у них сведениям. Например, среди приложений к письмам Вебера к Робесону мы находим послание, полученное резидентом от шведского дипломата Йосиаса Цедергельма¹², с подробным описанием происходившего при шведском дворе¹³. В январе 1718 г. Вебер сообщал, что «прочитал несколько писем из Голландии», из которых ему стало известно о встречах русского дипломата кн. Б.И. Куракина со Станиславом Понятовским¹⁴. Но чаще всего информацией Вебера снабжал датский посланник Ганс-Георг Вестфален, который нередко знакомил ганноверца и со своими доносениями, и с полученными им инструкциями, а также служил для него проводником к Меншикову, поскольку самому Веберу установить с ним контакт не удалось. Это не значит, однако, что Вебер принимал получаемую от союзника информацию некритически. Резидент описал некоторые схемы, которые он использовал для проверки подобного рода сведений: «дабы убедиться ещё надёжнее в истинности известий, я решил заронить сомнение в душе Вестфалена и

⁸ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 17 июня 1718 г., Санкт-Петербург.

⁹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 20 января 1718 г., Санкт-Петербург.

¹⁰ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 23 июля 1718 г., Кроншлот.

¹¹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 23 января 1719 г., Санкт-Петербург.

¹² Йосиас Цедергельм (Седеръельм) (швед. Josias Cederhielm; 1673–1729) — шведский дипломат, сопровождавший армию с началом похода Карла XII и попавший в русский плен во время Полтавской битвы. Во время Аландского конгресса под честное имя был отпущен в Стокгольм, куда привёз условия мира Петра.

¹³ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 9 июня 1718 г., Москва.

¹⁴ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 10 января 1718 г., Санкт-Петербург.

объявил ему, будто получил известие об успешном ходе переговоров в Або», чтобы тот «расспросил о том Меншикова, ибо у того свои шпионы повсюду, и он обещал [Вестфалену] <...> держать его в курсе всего, что станет ему известно о сем деле»¹⁵.

Если вначале прусский посланник Мардефельд описывался как главный антагонист Вебера, то по мере изменений в системе европейских альянсов ситуация менялась. В начале 1719 г., когда началось сближение английского и прусского дворов, Мардефельд показал ганновецу «копию своего последнего донесения царю на русском языке, и дал мне прочитать отрывок», подтверждая тем самым свои добрые намерения¹⁶. Такая координация действий между представителями союзных держав была обычной дипломатической практикой. Это не значит, однако, что Вебер готов был принимать получаемую от союзника информацию некритически. Резидент вскоре узнал, что Мардефельд одновременно заискивал и перед Петром, «дабы здешний двор не ушёл от обязательств, кои принял на себя по отношению к прусскому двору». В результате ганноверец донёс своему двору, что «от сего посланника мы здесь видим мало добра», поскольку он играет двойную игру.

Разумеется, Вебер активно использовал свои контакты с русскими вельможами, имён которых, однако, он чаще всего не называл, чтобы защитить свои источники. В донесениях то и дело встречаются фразы вроде «я был у некоего русского вельможи, коий заверил меня, что Остерман и Брюс поехали в Або», «некий высокопоставленный русский вельможа вчера поведал мне», «я знаю из надёжного источника, что царь сказал перед отъездом в Москву» и тому подобные¹⁷. Нам, как и адресату Вебера, остаётся лишь полагаться на его слово, что цитируемый источник был действительно информирован, и что беседы не были просто выдумкой резидента.

С другой стороны, Вебер часто пересказывал свои беседы с Остерманом, Шафировым и другими министрами, называя их по имени. Мы узнаём, к примеру, что «господин Остерман написал своей жене, прочитавшей мне то письмо», и что «жена Остремана получила от мужа письмо от 14/25 февраля и зачитала его мне», и так далее¹⁸. Вероятно, речь идёт о ситуациях, когда собеседники Вебера, по его мнению, излагали ему официальную версию событий и беседа не считалась конфиденциальной. Любопытно в этой связи, что Вебер не считал нужным маскировать личность такого источника как генерал Вейде, на дочери которого он в то время планировал жениться: «Генерал-лейтенант Вейде изо всех сил уверял меня вчера, что все эти ухищрения в Або ничего не дадут», – пи-

¹⁵ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 11 февраля 1718 г., Санкт-Петербург.

¹⁶ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 13 января 1719 г., Санкт-Петербург.

¹⁷ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 20 января, 23 января, 27 января и 11 февраля 1718 г., Санкт-Петербург.

¹⁸ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 4 февраля и 6 марта 1718 г., Санкт-Петербург.

сал он в одном из донесений и добавлял, что «в доме у Вейде я и раньше узнавал и нынче узнаю большую часть новостей и об интригах здешних. Там меня просветили насчёт дел в Або»¹⁹. Этот пример вновь напоминает нам, что участие в социальной жизни, и даже амурные похождения были неотъемлемой частью профессиональной деятельности дипломата.

Ещё одним и, по уверению Вебера, наиболее надёжным каналом информации были курьеры. Резидент регулярно сообщал о прибытии курьеров из Або и пересказывал содержание привозимых ими депеш. Так, уже в первые месяцы работы Аландского конгресса Веберу удалось «привлечь на свою сторону» брата одного из русских курьеров, который раскрыл ему содержание сообщений из Або от Гёрца, ведущего переговоры со шведской стороны, царским вельможам²⁰. Помимо этого, Вебер обращался к комендантом крепостей, офицерам и военным инженерам, купцам. К примеру, о взаимоотношениях Швеции и Пруссии Вебер узнавал от знакомого купца, состоявшего в переписке с генерал-майором на службе ландграфа Гессен-Кассельского, а о передвижениях направляемых на конгресс русских уполномоченных – от коменданта крепости Або генерала И.Я. Дюпре²¹. Похоже, что Вебер имел и собственных агентов: например, он упоминал «человека, которого я послал вслед Остерману», чтобы проследить, куда поедет русский министр, а также заявлял, что ему «весма хорошо известно, что происходит в доме» Арескина²².

Наконец, ганноверский резидент активно собирал и передавал своему правительству ходящие в России «слухи». Например, «слух, прошедший здесь в день моего прибытия, будто царь собирается воротиться в Петербург посуху, оказался ложным, мы останемся здесь ещё неделю или две, пока царь будетходить под парусом и упражнять своих матросов», или «слухи, будто Его Царское Величество отдал приказ разоружить корабль «Ингерманландия» и напротив вооружить корабль «Лесное», дабы он был готов отплыть через неделю; прибавляют к сему, что монарх хочет совершил плавание до наступления льдов»²³.

На всём протяжении своего пребывания в России резидент, разумеется, постоянно сталкивался с различными сложностями. Его контакты с русским двором затруднялись как бесконечными постами или праздниками, во времена которых нельзя было застать за работой никого из министров, так и физическими препятствиями: весной, когда лёд на Неве был уже слишком хрупким для переправы, а лодки ходить ещё не могли, Вебер долгое время был вынужден «обездвижен». Другим источником трудностей была неуёмная активность Петра I: за времена пребывания Вебера в России царь не оставался на одном месте

¹⁹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 6 марта 1718 г., Санкт-Петербург.

²⁰ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 11 февраля 1718 г., Санкт-Петербург.

²¹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 23 августа 1718 г., Ревель.

²² Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 23 января 1718 г., Санкт-Петербург.

²³ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 11 августа 1718 г., Ревель; 16 сентября 1718 г. Санкт-Петербург.

дольше месяца. Он ездил в Москву, Ревель, Котлин, Выборг, Олонец, Або, и по-рой резиденту приходилось следовать за ним. Более того, на время пребывания Вебера в России пришлись некоторые из самых громких и масштабных расследований, которые, несомненно, пугали резидента: дело царевича, суды над «мздиомицами», разбирательства с иностранцами-«клеветниками». Как заметил Вебер, «хватают людей ежедневно по малейшей видимости подозрения, так что никто не может чувствовать себя спокойно»²⁴. В конце весны 1719 г. речь, по словам Вебера, шла о физической изоляции его и Джейффериса: «[нас] хотят переселить в дома за рекой, дабы удалить от двора. Главным придворным osobам по-прежнему запрещают с нами видеться»²⁵.

Крайне важным для Вебера, разумеется, был вопрос о сохранении конфиденциальности сведений, отсылаемых им своему правительству. Дипломат исходил из возможности и даже вероятности перлюстрации его писем как русскими властями, так и властями стран, через которые они проходили транзитом. «Нынче доверия к здешним почтам нет совершенно», – писал он в начале 1718 г.²⁶. Летом он узнал, что его письмо прибыло к адресату в Данциге «с весьма дурно приложенной печатью <...> оно, должно быть, было вскрыто где-то в пути. Господин Кенвортி говорил мне в бытность мою в Данциге, что, де, тамошняя почтовая служба весьма любознательна и подозрительна»²⁷. Перлюстрации подвергалась также переписка других дипломатов в России, в частности, голландского, датского и саксонского представителей: «из Дрездена Лоссу и прочим, пришли письма, которые, как и мои, были [перехвачены и затем] повторно запечатаны»²⁸.

Опасения перехватки писем стали особенно актуальны после расправы над голландским резидентом де Би, который сообщал своему двору нежелательную, с точки зрения русских, информацию. Он доносил, «будто на мирном договоре между царём и Швецией недостаёт лишь подписи», передавал слухи о браке старшей дочери Петра с герцогом Голштинским, а самое страшное – изложил свою интерпретацию смерти царевича Алексея. Получив копии этих писем, русский двор «был чрезвычайно раздражён, и объявил [де Би] виновником многих других слухов, кои ходят по миру во вред царю»²⁹. После этого осведомители голландца были арестованы, а у самого резидента изъяли его бумаги и взяли его переписку под строгий контроль (Фейгина 1959: 255). В связи с произошедшим Вебер сообщал: «все письма вскрываются, происшествие с резидентом и насилие над ним вопиющи, судите сами, в какой стране мы обретаемся»³⁰.

²⁴ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 28 ноября 1718 г., Санкт-Петербург.

²⁵ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 12 мая 1719 г., Санкт-Петербург.

²⁶ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 28 февраля 1718 г., Санкт-Петербург.

²⁷ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 17 июля 1718 г., Санкт-Петербург.

²⁸ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 11 августа 1718 г., Ревель.

²⁹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 16 января 1718 г., Санкт-Петербург.

³⁰ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 15 июля 1718 г., Санкт-Петербург.

Резидент использовал несколько способов для обеспечения безопасности своей корреспонденции. Во-первых, это отправка писем от имени других адресатов. Например, письмо от 9 января 1719 г. было послано «под кувертом», то есть, от имени одного купца³¹. В начале 1718 г. Вебер сообщал, что из-за опасений перлюстрации направляет письмо «под кувертом некоего работника», а также поручает «время от времени одному из своих слуг своей рукою писать письма будто бы с историями для донесения, в коих я изложу все подробности, заслуживающие внимания двора»³². Действительно, в рассматриваемом комплексе переписки мы находим, например, тексты, где Вебер упоминается в третьем лице, как будто не он сам рассказывает о своих действиях, а кто-то другой пишет о нём. Подобные хитрости резидента иногда затрудняют понимание переписки. С ходом времени, однако, и эти приёмы становились менее доступными: к концу лета 1718 г. Вебер жаловался, что после скандалов, последовавших за вскрытием переписки имперского и голландского резидентов (Плейера и де Би), «иного способа для переписки, кроме обычной почты, нет, купцы напрочь отказываются брать под свои куверты письма от кого бы то ни было». «Доверие и уважение к иноземным посланникам после сих несчастий заметно уменьшилось, – замечал ганноверец. – Всякий их остерегается и смотрит как на опасных личностей»³³.

Во-вторых, разумеется, в донесениях использовался шифр. Тогда это не было безусловной нормой: Вебер упоминал, что у злополучного де Би «никогда не было шифра»³⁴. Однако и сам ганноверец не шифровал свои послания целиком. Как правило, он зашифровывал имена своих собеседников и других действующих лиц, а также названия европейских держав; иногда зашифровано место действия или некоторые особенно резкие оценки событий. Например, шифром передана фраза: «смерть курьера кажется мне подозрительной. Иначе говоря, убили его преднамеренно»³⁵. Во фразе «Веселовский сделает всё возможное, дабы дать словам своего господина истолкование, весьма далекое, возможно, от истинного мнения царя, преисполненного злонамеренности [в отношении Англии]» шифром даны слова «преисполненного злонамеренности»³⁶. Шифром записан и упоминавшийся выше эпизод со взяткой Шафирову.

Но и шифрование не могло гарантировать конфиденциальности переписки. Вебер подчёркивал, что русские только обучаются искусству перехвата информации: хотя они и вскрывают переписку, но пока не научились искусно запечатывать подвергшиеся перлюстрации письма: «тот, кто трудится, дабы их вскрыть, ещё не владеет сим ремеслом, ибо печати на пересланных мне, а также

³¹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 13 января 1719 г., Санкт-Петербург.

³² Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 28 февраля 1718 г., Санкт-Петербург.

³³ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 18 августа 1718 г., Ревель.

³⁴ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 17 июля 1718 г., Санкт-Петербург.

³⁵ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 24 июня 1718 г., Санкт-Петербург.

³⁶ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 3 марта 1718 г., Санкт-Петербург.

господам Лоссу, Вестфалю и прочим письмах были скреплены весьма небрежно»³⁷. Одновременно ганноверец отмечал, что русское правительство активно работает в этом направлении. В начале 1718 г. он рассказал о нанятом Петром I в Голландии шотландце, который «очень искусный мастер и обладает тайными познаниями <...> за четверть часа он может заново поставить печать на письме, он запечатывает письма, так что их нельзя [незаметно] вскрыть, он умеет читать шифр, в общем, он весьма опасен для тех, кто занят здесь внешними сношениями»³⁸. В августе 1718 г. Вебер узнал, что «здесьний двор снял копии со всех перехваченных писем, надеясь, быть может, рано или поздно разгадать наши шифры»³⁹. Резиденту было известно, что над дешифровкой его корреспонденции в России работает «некий англичанин по имени Недлтон»⁴⁰.

Судя по последующим сообщениям Вебера, он считал, что дешифровать его письма русским так не удалось. Тем не менее такие опасения не могли не влиять на содержание его сообщений. «Отчего бы не послушать ему моего совета и не быть сдержаннее в своей переписке. Сдержанность бы ему не повредила», герцогом Голштинским писал ганноверец о пострадавшем голландском резиденте де Би⁴¹. Следует полагать, что сам он такую сдержанность проявлял. Особенно это заметно в донесениях о деле царевича Алексея. Читая письма Вебера, в которых он последовательно подчёркивает оправданность и необходимость мер, принятых Петром I в отношении своего злосчастного сына, и избегает любых негативных оценок, трудно избавиться от ощущения, что ганноверец делает это намеренно и демонстративно, имея в виду возможность попадания этих писем в руки русских властей. После расправы над имперским и голландским резидентами, которые пострадали «лишь оттого, что сказали правду», Вебер пишет об этих событиях очень скрупулёзно, «ибо они чересчур деликатны, чтобы доверять их бумаге». «Отложу рассказ для записок о Московии, кои я когда-нибудь напишу», – сообщал он Робесону⁴². Действительно, подробности «кровавого зрелища», которым завершилось дело царевича Алексея, Вебер изложил в своей книге «Преображенная Россия».

Вопросы войны и мира на Балтике глазами Вебера

Содержательный анализ такого перспективного источника как письма Вебера Робесону ещё впереди, и в рамках этой статьи можно предложить лишь самые общие наблюдения. Судя по сообщениям Вебера, одной из задач резидента в охваченный донесениями период было выяснение характера отношений

³⁷ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 18 августа 1718 г., Ревель.

³⁸ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 16 февраля 1718 г., Санкт-Петербург.

³⁹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 28 августа 1718 г., Ревель.

⁴⁰ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 12 сентября 1718 г., Санкт-Петербург.

⁴¹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 17 июля 1718 г., Санкт-Петербург.

⁴² Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 11 июля 1718 г., Санкт-Петербург; 11 августа 1718 г. Ревель.

русского двора с якобитами. Вебер постоянно получал тревожные сообщения о том, что в России находится участник якобитского восстания 1715 г. герцог Ормондский⁴³, который будто бы ведёт переговоры с Петром о браке претендента на английский престол Якова III Стюарта с вдовствующей герцогиней Курляндской (будущей императрицей Анной Иоанновной)⁴⁴. Из писем резидента видно, что король Георг был также недоволен присутствием на территории России многочисленных якобитов, некоторые из которых были приняты на русскую службу. Вебер неоднократно обсуждал тему пребывания якобитов в России и их связей с русским двором, в частности, с вице-канцлером Шафировым, который убеждал резидента, что «Его Царское Величество никогда не давал приюта сим англичанам, и что подобный поступок никак не соответствует Его интересам»⁴⁵. Уже к концу 1718 г. Вебер заключил, что сватовство претендента к царской племяннице было мнимым, якобитскому эмиссару так и не удалось попасть к русскому двору, а Пётр не вмешивался в международные интриги претендента⁴⁶. Вебер также пришёл к выводу, что царь перестал брать на службу «беглых англичан, покинувших отечество своё без ведома короля»⁴⁷. К концу 1718 г. Вебер окончательно уверился, что Пётр не причастен к якобитскому заговору.

Вполне естественно, что центральное место в донесениях Вебера за 1718–1719 гг. занимает Аландский конгресс. Хотя переговоры держались в строжайшем секрете, Вебер знал о них уже осенью 1717 г. и внимательно следил за передвижениями назначенных на конгресс русских и шведских уполномоченных. От русских курьеров и комендантов Вебер узнал, что Я.В. Брюс и А.И. Остерман прибыли на переговоры уже 19 января, тогда как шведские уполномоченные не спешили и «под разными коварными предлогами тянули время»⁴⁸. В марте 1718 г. Вебер доносил Робесону, что «господа Брюс и Остерман по-прежнему томятся в Або, причём ни Гёрц, ни какой иной шведский вельможа туда не прибыл»⁴⁹. Только в мае 1718 г. Вебер получил сообщения, что шведские представители прибыли на переговоры, и тогда ганноверец максимально активизировал свою разведывательную сеть для получения актуальной информации с Аландских островов.

Собранные резидентом сведения всё больше приводили его к заключению о несовместности российских и шведских ожиданий от мирного договора: «царь непреклонен и желает сохранить свои завоевания»⁵⁰, а шведское правительство

⁴³ Джеймс Батлер (1665–1745), граф Ормонд, главнокомандующий британской армии (1711–1714), участник Якобитского восстания (1715), после которого покинул Англию, жил во Франции и Испании.

⁴⁴ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 13 января 1718 г., Санкт-Петербург.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 15 марта 1718 г., Москва.

⁴⁷ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 1 июня 1718 г., Санкт-Петербург.

⁴⁸ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 28 марта 1718 г., Москва.

⁴⁹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 2 марта 1718 г., Санкт-Петербург.

⁵⁰ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 14 февраля 1718 г., Санкт-Петербург.

«ни за что не согласится на столь суровые условия»⁵¹. Соответственно, базовая версия Вебера состояла в том, что для обоих участников эти переговоры – всего лишь способ оказать давление на своих союзников. Ссылаясь на «одного приятеля, что служит в канцелярии», Вебер сообщил Робесону, «будто царь в Москве ударил по рукам с [датским посланником] Вестфаленом лишь дабы потешить публику и помешать Его Датскому Величеству вступить в союз с нашим королём и послушать его советов»⁵². К лету 1718 г. у Вебера уже не было сомнений, что слухи о скором мире между шведским повелителем и царём «обманчивы»⁵³.

Вероятно, английский двор не разделял уверенности резидента, и на протяжении весны – лета 1718 г Веберу приходилось вновь и вновь доказывать Робесону, «что сепаратный мир в Финляндии подписан не будет»⁵⁴. В донесениях то и дело встречаются заявления вроде «я могу поставить 20 дукатов против 10 в пользу того, что действия названных выше господ ни к чему не приведут», «мир, однако, далёк и ненадёжен, как никогда. Я говорю со знанием дела», «уверяю Вас и клянусь честью, коей я обязан Его Величеству, что не уlagen въ ѿднине ни один пункт сего договора и он ещё столь же сомнителен»⁵⁵. Однако заверения Вебера, что переговоры никогда не «примут серьёзный оборот», не убедили английское правительство⁵⁶, и в мае 1718 г. главным и уже единственным условием Англии для установления добрых отношений с Россией было немедленное прекращение Аландского конгресса⁵⁷. Соответственно, с этого времени ключевой задачей Вебера стало «прервать переговоры на Аланде и добиться возвращения [в Россию] царских вельмож»⁵⁸.

Донесения Вебера любопытны и тем, как именно он анализировал ситуацию и обосновывал свои выводы. Разумеется, важнейшую роль в его размышлениях играли попытки выяснить стратегические планы и субъективные настроения самого царя. Однако помимо этого его интересовала ситуация в стране: Вебер считал, что «царь, видя великое желание своего народа жить в мире, делает вид, будто не хочет его лишать сего блага»⁵⁹. В начале 1718 г. резидент описал, какие «истинные причины вынуждают [Петра] искать мира» со Швецией. Во-первых, «финансы сильно истощены, народ в целом сильно обнищал, торговля пришла в упадок, люди недовольны»⁶⁰. Во-вторых, реформы царя породили недовольство: например, «учреждение коллегий пробудило в народе ненависть, и одной своей властью [Пётр] не сможет предотвратить великие напасти, кои часто

⁵¹ Там же.

⁵² Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 9 мая 1718 г., Санкт-Петербург.

⁵³ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 20 июня 1718 г., Москва.

⁵⁴ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 28 марта 1718 г., Москва.

⁵⁵ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 3 марта 1718 г., Москва; 27 мая 1718 г.; 20 июня 1718 г., Санкт-Петербург.

⁵⁶ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 20 июня 1718 г., Москва.

⁵⁷ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 9 мая 1718 г., Санкт-Петербург.

⁵⁸ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 13 мая 1718 г., Санкт-Петербург.

⁵⁹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 14 февраля 1718 г., Санкт-Петербург.

⁶⁰ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 23 января 1718 г., Санкт-Петербург.

случаются от злоупотребления терпением»⁶¹. В связи с этим ползёт всё больше слухов, что здоровье царя пошатнулось, «государь при смерти, и гражданская война неизбежна»⁶².

Кроме того, Вебер полагал, что при русском дворе есть разные игроки, помимо самого царя, в том числе, есть фракции, настроенные к Англии как враждебно, так и дружественно, и фракции, настроенные как на заключение сепаратного мира, так и на продолжение войны. Так, в феврале 1718 г. резидент отметил, что «руssские разделились во мнениях. Самые здравомыслящие, коих число, однако, весьма невелико, почитают себя обманутыми Гёрцем, коего они изобличают как отъявленного плута и мастера устраивать всякие ссоры. Прочие, не задумываясь, желают мира»⁶³. Вебер наблюдал разделение мнений при дворе относительно дружбы с Англией: Шафиров «здесь единственный, кто советует царю действовать мягко, не заключать ни за что сепаратного мира и договориться с нашим [английским] двором», в то время как Меншиков, Толстой, Ягужинский «не перестают внушать Его Царскому Величеству, что [английский двор] действует не из добрых побуждений и, движимый личными пристрастиями, всего лишь водит царя за нос, дабы пустыми обещаниями заставить исполнить свои желания»⁶⁴.

События конца 1718 – начала 1719 гг. – смерть шведского короля Карла XII и приход к власти его сестры Ульрики Элеоноры – неожиданно и радикально изменили ситуацию. Вебер не был уверен, какую позицию займёт новая правительница. В письмах января – марта 1719 г. он рассуждал, что с одной стороны, Швеция была в «великой нужде», так что королева может быть вынуждена либо «принять мир на невыгодных условиях, либо по меньшей мере продолжить конгресс», но с другой стороны, надеялся на расположность сестры Карла и её супруга к Англии. После прибытия в Россию в январе 1719 г. английского резидента Дж. Джеффериса два дипломата сообща активизировали попытки сорвать Аландские переговоры. Порой их идеи приобретали откровенно авантюристический характер: Джефферис и Вебер предлагали англичанам «высадившись на фрегате к месту, силой увести оттуда шведского уполномоченного». Для реализации этой затеи Вебер даже послал в Лондон план острова Аланд, снятого «с оригинала, привезённого господином Остерманом»⁶⁵.

Параллельно Вебер наблюдал, как менялось отношение к Англии самого Петра. Если в январе 1718 г. резидент доносил о «добрых намерениях» царя по отношению к Англии⁶⁶, то 9 мая 1718 г. уже писал, что «царь настроен к нам

⁶¹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 14 февраля 1718 г., Санкт-Петербург.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 20 июня 1718 г., Санкт-Петербург; 23 июля 1718 г., на борту корабля «Егудиил» у берегов Котлина.

⁶⁵ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 24 февраля 1719 г., Санкт-Петербург.

⁶⁶ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 20 января 1718 г., Санкт-Петербург.

чрезвычайно враждебно»⁶⁷. Резидент объяснял произошедшую перемену тем, что у Петра «якобы имеются точные сведения о сепаратном мире между Англией и Швецией». Русский царь «боялся, что Англия, Дания и Швеция заключат союз, и их флоты войдут в Финский залив, дабы заставить его подписать мир на предложенных условиях»⁶⁸.

В начале 1719 г. международное положение России ухудшилось. Заключение в Вене «тройного альянса» и недовольство царя своими бывшими союзниками, подписавшими договоры с Англией, с одной стороны, сильно разозлили Петра, а с другой, вынудили его выполнить одно из условий Георга: «царь отдал приказ двумтысячному русскому корпусу, коий стоит в Мекленбурге, незамедлительно возвращаться»⁶⁹. Однако прекращать Аландский конгресс русский монарх не был намерен. В январе-феврале 1719 г. Пётр неоднократно возвращался к вопросу о достижении договорённости с Англией, но после того, как в апреле 1719 г. английский флот был направлен в Балтийское море, отношения окончательно испортились: в мае английский и ганноверский резиденты были удалены от двора, а «главным придворным osobам по-прежнему запрещают видеться [с резидентами]»⁷⁰. Отношение Петра к Англии к середине 1719 г. характеризует одно из майских донесений Вебера: «Позвольте, милостивый государь, прибавить к тому, что царь доставляет огорчения моей тёще лишь потому, что она отдала свою дочь за ганноверца, а ещё царь молвил даже, де одного только Веберова происхождения довольно, чтобы не позволить ему разбогатеть в сей стране, каким бы добропорядочным он ни казался»⁷¹.

* * *

Рассмотренная нами корреспонденция ганноверского резидента Ф.Х. Вебера из России отражает, с одной стороны, представление этого дипломата о международной обстановке на заключительном этапе Северной войны, а с другой, цели Англии в балтийском регионе, исходя из задач, которые Сент-Джеймсский двор ставил перед Вебером. В первую очередь резиденту надлежало устраниć якобитскую опасность: выявить агентов претендента на английский престол Якова Стюарта и убедить русского государя прекратить сотрудничество с ними. Не менее важной задачей было получение информации о ходе и перспективах Аландского конгресса. За время своей дипломатической миссии Вебер создал широкую сеть информаторов и осведомителей, что позволило ему следить за ходом переговоров на Аланде, а также за настроениями русского и шведского двора. Резиденту удалось привлечь на свою сторону некоторых влиятель-

⁶⁷ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 9 мая 1718 г., Санкт-Петербург.

⁶⁸ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 6 мая 1718 г., Санкт-Петербург.

⁶⁹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 10 марта 1719 г., Санкт-Петербург.

⁷⁰ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 12 мая 1719 г., Санкт-Петербург.

⁷¹ Ф.Х. Вебер Дж. Робесону, 15 мая 1719 г., Санкт-Петербург.

ных русских министров (например, вице-канцлера П.П. Шафирова). На основе собранных им сведений резидент пришёл к выводу, что переговоры России и Швеции о мире бесперспективны. Однако, судя по переписке Вебера, ему не удалось убедить в этом английское правительство, поэтому с мая 1718 г. первоочередной задачей резидента было сорвать переговоры. В статье показано, как ганноверский резидент анализировал внутриполитическую ситуацию в России и оценивал меняющееся отношение Петра к Англии. В письмах Робесону Вебер подчёркивал плачевное экономическое положение в России, которое может привести чуть ли не к гражданской войне. Резидент отмечал существование различных позиций относительно внешне- и внутриполитического курса Петра как при дворе, так и в обществе.

Дальнейшее изучение переписки позволит дополнить имеющуюся в историографии картину международных отношений и дипломатии периода Аландского конгресса. В настоящее время авторы данной статьи работают над подготовкой этого источника к публикации.

Об авторах:

Игорь Игоревич Федюкин — Ph.D., доцент Школы исторических наук и директор Центра истории России нового времени Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 107031, г. Москва, ул. Ст. Басманская, д. 21/4, стр. 1, каб. А-127. E-mail: ifedyukin@hse.ru

Арина Дмитриевна Новикова — аспирантка Школы исторических наук и стажер-исследователь Центра истории России нового времени Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 107031, г. Москва, ул. Ст. Басманская, д. 21/4, стр. 1, каб. А-127. E-mail: adnovikova_3@edu.hse.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 22-48-04402). Благодарим Алисе Плате, научного сотрудника Лаборатории эдиционной археографии ИГНИ УрФУ, любезно ознакомившей нас с предварительными результатами своего исследования донесений Вебера в Германскую канцелярию в Лондоне, хранящихся в настоящее время в Государственном архиве земли Нижняя Саксония.

UDC: 94.327
Received: December 11, 2021
Accepted: March 02, 2022

Letters of Friedrich Christian Weber to John Robeson from Russia, 1718-1719

I.I. Fedyukin
A. D. Novikova
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-2-83-85-107](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-2-83-85-107)

National Research University Higher School of Economics

Abstract: The article examines the correspondence of the Hanoverian resident in Russia Friedrich Christian Weber over the period from January 1718 to the spring of 1720. The set of letters includes over two hundred reports written by the diplomat in French and currently deposited in the French Manuscripts collection of the Bodleian Library of the University of Oxford. The goal of this article is to present this source to the scholarly audience and to offer its preliminary analysis. Although Weber was formally a Hanoverian resident, he represented the interests of England, because the Elector of Hanover, since 1714, was also the monarch of Great Britain. The addressee of Weber's letters was John Robethon, George I's diplomatic secretary. The article examines various aspects of Weber's diplomatic activities, including the methods he used to collect information in Russia and send it to England, such as bribing Russian officials, resorting to secret agents, ciphers, sending dispatches "under the cover, and others. The letters also reflect the tasks set before him by his government, first of all, investigating the nature of relations between the Russian court and the Jacobites and monitoring the progress of the Congress of Åland, including the views of the Russian and Swedish courts regarding the prospects of a separate peace treaty between them. The article also considers Weber's approach to the analysis of the international situation and the political situation in Russia. He concluded that a separate treaty between Russia and Sweden was highly unlikely and sought to convey this to his addressee. In spite of this the British government continued to view the ongoing negotiations at Åland as a threat. Beginning in May 1718, the Court of St. James repeatedly instructed Weber to find ways to disrupt Congress. The set of letters shed light on the history of Russian foreign policy at the final stage of the Great Northern War on the eve of the conclusion of the Peace of Nystad.

Keywords: diplomacy, Northern War 1700-1721, Åland Congress, Peter the Great, George I, F.H. Weber, Russia, Great Britain

About the authors:

Igor I. Fedyukin – Ph.D. Associate Professor in the School of Historical Sciences and Director of the Center for Early Modern Russian History at the National Research University Higher School of Economics. 107031, Moscow, St. Basmannaya St., 21/4, bld. 1, Room A-127.
E-mail: ifedyukin@hse.ru.

Arina D. Novikova – postgraduate student at the School of Historical Sciences and a researcher at the Center for Early Modern Russian History, National Research University Higher School of Economics. 107031, Moscow, St. Basmannaya St., 21/4, bld. 1, Room A-127, Moscow.
E-mail: adnovikova_3@edu.hse.ru.

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflicts of interests.

Acknowledgements:

The research was carried out through the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 22-48-04402).

We thank Alice Plate, a researcher at the Laboratory of Alternative Archaeography of the IGNI UrFU, who kindly acquainted us with the preliminary results of her study of Weber's reports to the German Chancellery in London, currently stored in the State Archive of Lower Saxony.

References:

- Black J. 2005 Hanover and British Foreign Policy, 1714-60. *The English Historical Review*. 120(486). P. 326-348.
- Bushkovitch P. 2001. *Peter the Great: The Struggle for Power, 1671-1725*. Cambridge: Cambridge University Press. 485 p.
- Chance J.F. 1898. John de Robethon and the Robethon Papers. *The English Historical Review*. 13(49). P. 55-70. DOI: 10.1093/ehr/XIII.XLIX.55
- Chance J.F. 1909. *George I and the Northern war: A Study of British-Hanoverian Policy in the North of Europe in the Years 1709 to 1721*. London: Smith, Elder, and Company. 134 p.
- Chance J.F. 1906. The Northern Question in 1718. *The English Historical Review*. №2. P. 460-492. DOI: 10.2307/550222
- Hatton R. 1978. *George I: Elector and King*. Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press. 416 p.
- Klonowski M. 2005. Im Dienst des Hauses Hannover: Friedrich Christian Weber als Gesandter im Russischen Reich und in Schweden 1714-1739. Husum: Matthiesen. 219 s. (In German)
- McKay D. 1973. The Struggle for Control of George I's Northern Policy, 1718-19. *The Journal of Modern History*. 45(3). P. 367-386.
- Mediger W. 1967. *Mecklenburg, Russland und England – Hannover. 1706—1721. Ein Beitrag zur Geschichte des Nordischen Krieges*. Hildesheim: Lax Hildesheim.
- Michael W. 1928. Die Personalunion von England und Hannover und das Testament Georgs I. *Archiv für Urkundenforschung*. 6(1). S. 323-340. (In German)
- Murray J.J. 1969. *George I: The Baltic and the Whig Split of 1717*. Chicago: University of Chicago Press. 366 p.
- Weber F. Ch. 1880. Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei. Vornehmlich nach u. aus der gesandtschaftlichen Correspondenz Friedr. Christian Weber's. *Ernst Herrmann* (Hg.). Leipzig: Duncker & Humblot. 226 s. (Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands; 2). (In German)
- Bazarova T.A. 2017. Prikliuchenie gannovertsev v Rossii: maloizvestnyi epizod prebyvaniia rezidenta F.Kh.Vebera pri dvore Petra I [The Adventure of the Hanoverians in Russia: a little-known episode of the resident F.H.Weber's stay at the court of Peter the Great]. *Materialy nauchnoi konferentsii «Petrovskoe vremia v litsakh»* 2017. St. Petersburg. P. 49-58. (In Russian)
- Brikner A.G. 1902. Khristian-Fridrikh Veber [Christian-Friedrich Weber]. *Ministry of National Education Journal*. Ch. 213. №1. P. 45- 78. (In Russian)
- Feigina S.A. 1959. *Alandskii congress [Congress of Aland]*. Moscow: izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 546 p. (In Russian)

- Lavrov A.S. 1996. Arkhiv Fridrikha-Khristiana Vebera [Friedrich-Christian Weber's Archive]. *Peterburgskie chteniia-96*. St. Petersburg: Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr "Blits". P. 442–444. (In Russian)
- Nikiforov L.A. 1946. Russko-angliiskie otnosheniiia v 1718—1719 gg. i Alandskii kongress [Russian-English Relations in 1718-1719 and the Congress of Aland]. *Historical Transactions*. Moscow. Vol. 30. P. 255-291. (In Russian)
- Nikiforov L.A. 1950. *Russko-angliiskie otnosheniiia pri Petre I* [Russian-English Relations under Peter I]. Moscow: Gospolitizdat. 276 p.
- Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. 1888. Vol. 61. St. Petersburg: Tipografia Imperatorskoi Akademii nauk. 610 p. (In Russian)
- Sterlikova A.A. 2006. *Russkaia diplomatiia v 1714 – nachale 1718 gg.: Poisk vkhoda iz Severnoi voiny: dis. kand. ist. nauk* [Russian Diplomacy in 1714 – early 1718: The Search for a Way Out of the Northern War: PhD. in History Dissertation]. St. Petersburg. 368 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

- Базарова Т.А. 2017. Приключение ганноверцев в России: малоизвестный эпизод пребывания резидента Ф.Х. Вебера при дворе Петра I. *Материалы научной конференции «Петровское время в лицах» 2017*. Санкт-Петербург. С. 49-58.
- Брикнер А.Г. 1902. Христиан-Фридрих Вебер. *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. 213. №1. С. 45- 78.
- Бушкович П. 2008. *Пётр Великий. Борьба за власть (1671-1725)*. Пер. с англ. Н.Л. Лу жецкой. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 541 с.
- Лавров А.С. 1996. Архив Фридриха-Христиана Вебера. *Петербургские чтения – 96*. Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр "Блиц". С. 442–444.
- Никифоров Л.А. 1946. Русско-английские отношения в 1718—1719 гг. и Аландский конгресс. *Исторические записки*. Москва. Т. 30. С. 255-291.
- Никифоров Л.А. 1950. *Русско-английские отношения при Петре I*. Москва: Госполитиздат. 276 с.
- Сборник Императорского Русского исторического общества*. 1888. Т. 61. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук. 610 с.
- Стерликова А.А. 2006. Русская дипломатия в 1714 – начале 1718 гг.: поиск выхода из Северной войны. Дисс. канд. ист. наук 07.00.02. Санкт-Петербург. 368 с.
- Фейтина С.А. 1959. *Аландский конгресс*. Москва: Изд-во АН СССР. 546 с.

Противоречия модели коллективной безопасности: современная историография об эволюции Версальской системы международных отношений в 1930-е гг.

А.А. Вершинин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В статье на основе анализа современной историографии предпринята попытка выявить причины провала системы коллективной безопасности для противодействия германскому ревизионизму в Европе второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. В продолжающейся научной дискуссии вокруг данной проблемы складывается тенденция рассматривать попытку создания системы коллективной безопасности как проекцию возникшего после Первой мировой войны нового качества международных отношений, предполагавшего создание единого пространства безопасности, которое бы исключало силовое сдерживание, а опиралось на арбитражную функцию наднациональной инстанции и многосторонний механизм предотвращения агрессии. Тем самым традиционный принцип баланса сил и война как средство международной политики утрачивали бы легитимность. Историки солидарны в том, что опора на Лигу Наций и Локарнские соглашения не позволила дать ответ на вызовы начала 1930-х гг., что убедительно продемонстрировали Эфиопская война и Рейнский кризис. Несостоятельной системе безопасности было предложено два варианта замены: британский проект «умиротворения» и советская идея военно-политического сдерживания путём формирования коалиции. «Умиротворение» в современной историографии анализируется как замысел создания европейской «директории», которая брала бы на себя функции урегулирования международных противоречий. Причины его провала историки видят в неверной оценке целей гитлеровской политики, чему во многом способствовало мышление в духе коллективной безопасности. Острые дискуссии вызывает позиция СССР, однако в последних работах формулируется консенсусное мнение о том, что причиной провала проекта военно-политического союза, направленного на сдерживание Германии, стала неготовность Запада перейти к стратегическому взаимодействию с Москвой и его приверженность принципам «новой дипломатии» в период, когда они уже утратили актуальность.

Ключевые слова: коллективная безопасность, новая дипломатия, Лига Наций, Версальская система международных отношений, советско-французский пакт о взаимопомощи 1935 г., М.М. Литвинов, Н. Чемберлен, Л. Барту, политика умиротворения, англо-франко-советские переговоры 1939 г.

УДК: 94, 327

Поступила в редакцию: 15.01.2022 г.

Принята к публикации: 03.03.2022 г.

Была ли неизбежна Вторая мировая война? Этот вопрос, волновавший ещё современников конфликта 1939–1945 гг., до сих пор вызывает дискуссии среди исследователей. У. Черчилль писал о «ненужной войне» (Churchill 1986: XIV), имея в виду целый ряд упущеных западными демократиями возможностей остановить гитлеровскую агрессию в зародыше. Простое сопоставление военно-экономических потенциалов стран, в конечном итоге сформировавших антигитлеровскую коалицию, и государств «Оси» подтверждает эту мысль. Германский реваншизм признавался главной потенциальной угрозой европейскому миру сразу после подписания Версальского договора, что создавало основу для единства действий государств, заинтересованных в сохранении статус-кво. Отсюда вытекает фундаментальный вопрос: почему не сработала система коллективной безопасности, выстроенная европейской дипломатией для предотвращения такой ситуации, которая сложилась на континенте в 1930- гг.?

Со второй половины XX в. феномен коллективной безопасности осмысливается в историографии в рамках двух различных нарративов. Первый предполагает его рассмотрение преимущественно в контексте предвоенного кризиса 1930-х гг. Уже в 1950-е гг. этот подход вполне оформился в британской научной литературе (Маслова 2009: 82), после чего получил развитие во Франции в работах П. Ренувена (*Histoire des relations internationales...* 1958) и его последователей – Ж.-Б. Дюрозеля (Duroselle 1979) и М. Вайса (Doise, Vaisse 2015). В том же направлении двигалась и советская историография (Белоусова 1976; Сипольс 1989). Во всех случаях речь шла об изучении определённой дипломатической комбинации с точки зрения противопоставления общего усилия миролюбивых держав агрессивным внешнеполитическим амбициям гитлеровской Германии. Вместе с тем к 1990-м гг. среди историков сложилось понимание того, что категория коллективной безопасности отсылает к более общей проблематике структуры международных отношений и при этом плохо вписывается в рамки классической стратегической логики. В результате в целом ряде работ, в том числе возвращавшихся к ключевым идеям ревизионистского направления в историографии Второй мировой войны и его основателя А. Дж. П. Тейлора, феномен коллективной безопасности перемещался на периферию авторского анализа (Adamthwaite 2011: 507, 522).

Эта историографическая волна оказалась богатой на качественные исследования, серьёзно повлиявшие на восприятие причин Второй мировой войны (Parker 1993; Réau du 1993; Young 1996; *The Origins of the Second World War...* 1999; Imlay 2003), однако в ней вскоре наметился спад, вызванный осознанием того обстоятельства, что без учёта структурного фактора многие шаги ключевых акторов международной политики той поры оставались без удовлетворительного объяснения. Как следствие, после 2010 г. были предприняты попытки рассмотреть проблему коллективной безопасности с точки зрения эволюции архитектуры международных отношений, произошедшей под влиянием фундаментальных общественных и культурных трансформаций, вызванных Первой

мировой войной, отделяя её, таким образом, от традиционно понимаемой стратегической логики поведения великих держав (D'Agostino 2012; Jackson 2013; Туз 2019а).

Подобный взгляд «с высоты птичьего полёта» задаёт новую рамку для изучения старых тем, однако обостряет методологическую проблему соотнесения больших объяснительных моделей с конкретным историческим материалом. Для её преодоления необходимо отказаться от рассмотрения феномена коллективной безопасности лишь под одним углом зрения. Необходим синтез, который предполагает использование достижений обоих направлений в историографии сюжета. Автор данной статьи не ставит перед собой задачу оценки всего массива текстов, посвящённых причинам Второй мировой войны, что явно выходило бы за рамки предпринимаемого исследования и вело бы к смещению его фокуса. Внимание будет обращено на работы, затрагивающие проблему коллективной безопасности как основы Версальского порядка, раскрывающие отношение к ней ключевых мировых игроков и с этой точки характеризующие их действия на фоне обострения международной обстановки в предвоенные годы. Особый интерес в этом смысле представляют труды, опубликованные за последние 30 лет: они вобрали в себя документальный материал британских и французских внешнеполитических и военных ведомств, введённый в научный оборот лишь в 1970–1980-е гг., а также российских архивов, долгое время остававшихся недоступными для исследователей.

Коллективная безопасность как незавершённая система

В своей последней книге британский историк Дж. Хэслэм, заочно полемизируя с историками-ревизионистами, склонными объяснять причины Второй мировой войны обстоятельствами традиционной великодержавной конкуренции, указывает на их ключевую ошибку: «Наше понимание событий XX века не может сводиться к простым объяснениям в духе традиционной политики баланса сил без серьёзного ущерба для истины. Прямое проецирование нашего понимания межгосударственных отношений определённого периода на совершенно другую эпоху – не лучший рецепт успеха, что обнаружил историк А. Дж. П. Тейлор, когда от своих исследований XIX века перешёл к попыткам объяснить “разительно отличающийся XX век”». По мнению Хэслэма (Haslam 2021: VIII), историк, исследуя природу мировой политики в новейшее время, должен всегда помнить об имеющем для неё ключевое значение факторе Первой мировой войны.

В историографии долгое время недооценивались тектонические последствия конфликта 1914–1918 гг. для международных отношений. Эту ситуацию в 1982 г. зафиксировал М. Трахтенберг, констатировавший, что через 60 лет, прошедших со времени заключения Версальского договора, историки продолжали рассматривать его как «карфагенский мир» – акт насилиственного навязыва-

ния побеждённой Германии воли победителей, чему не смогла помешать нерешильная «новая дипломатия» президента США В. Вильсона, столкнувшаяся с циничной политикой Ж. Клеманса при двусмысленной позиции Д. Ллойда Джорджа (Trachtenberg 1982: 487). Логика «большой стратегии» сводила проблему мирного урегулирования к идее о «неперегоревшем» конфликте, по итогам которого проигравшая сторона, убеждённая в своей правоте, сохранила все возможности взять реванш. Г. Киссинджер, сравнивая Венский и Версальский порядок, отдавал предпочтение первому, как наилучшим образом абсорбировавшему «остаточную мощь побеждённого врага» (Киссинджер 1997: 203).

В научном сообществе не утихают дискуссии по вопросу о природе системной модели международных отношений, выросшей из итогов Первой мировой войны. Разногласия наблюдаются уже в выборе терминов, её характеризующих: на первый план выдвигаются понятия «система» и «порядок», причём под первым подразумевается весь комплекс структурных трансформаций в мировом масштабе, а второе акцентирует договорные конструкции, сложившиеся к 1922 г. в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе (Магадеев 2021: 18–19). В российской литературе Версальско-Вашингтонскую систему по традиции рассматривают как глобальное целое, наделённое специфическими свойствами (Всемирная история... 2017: 309–311; Вторая мировая война... 2020: 23–24). Представляется, что при подобном подходе конкретно-историческое измерение темы приносится в жертву стремлению к генерализации и выявлению универсальных закономерностей. Нельзя не согласиться с мнением А.Д. Богатурова, которое доминирует в западной историографии, о том, что «после Первой мировой войны центральное положение европейской подсистемы (Версальский порядок) осталось бесспорным» (Системная история... 2000: 11). В то же время после 1925 г. она превратилась в полноценную нормативную структуру, обладавшую собственной спецификой.

В современной историографии укоренилось представление о том, что Версальский порядок представлял собой более сложную систему, чем считалось ранее. Д. Стивенсон одним из первых отметил необходимость учитывать коренным образом изменившиеся условия, в которых действовали лидеры стран-союзниц на Парижской мирной конференции: кризис традиционной политики баланса сил, не сумевшей ни предотвратить войну, ни ограничить её; серьёзную дискредитацию старой модели дипломатии; сближение внешнеполитической и внутриполитической повесток воевавших стран (Stevenson 2004). С рядом его выводов согласился Н. Фергюсон, констатировавший, что Версальский договор не был для Германии настолько тяжёл, как считалось ранее (Ferguson 1999: 395). М. Макмиллан подчёркивала, что в Париже в 1919 г. решалась беспрецедентная по сложности задача, и удивительно не то, что выработанное там соглашение было несовершенным, а то, что оно «не оказалось хуже» (Macmillan 2002: 495).

Несмотря на продолжающуюся в историографии дискуссию о «случайном» начале Первой мировой войны (Романова 2014), в последние десятилетия во

многих работах был сделан вывод о том, что понять характер Версальского порядка без учёта структурных причин конфликта 1914–1918 гг. невозможно: глобальная конкуренция ведущих стран в начале XX в. вышла за рамки «концерта держав» и, став неконтролируемой в годы войны, разрушила всю международную архитектуру (Bayly 2004; Ливен 2017; D'Agostino 2012). В 1919 г. речь шла о том, чтобы упорядочить «империалистическую Weltpolitik» и создать принципиально новые механизмы обеспечения безопасности, минимизировавшие вплоть до сведения на нет вероятность начала войны, которая теперь несла в себе недопустимые риски (Туз 2019а). В этом свете вильсоновский интернационализм, традиционно воспринимавшийся историками как идеалистическая конструкция, приобретал глубокое практическое измерение, закладывая нормативную основу единых целей и правил мирового развития (D'Agostino 2012: 113; Ikenberry 2020: 102).

Под таким углом зрения германский вопрос, вставший перед победителями после 1918 г., выглядит как один из элементов (хотя и ключевой) общей проблемы выработки новой конфигурации международных отношений. Как показывают исследования Ж.-А. Суту, никто из участников Парижской мирной конференции не сомневался в том, что механизмы контроля над германской мощью должны быть глобальными по своему характеру: французская дипломатия в годы войны даже выдвигала идею «атлантического союза» (Soutou 2015: 255–256). Проблема, обозначившаяся в ходе переговоров в Париже, заключалась в степени вовлечения великих держав в поддержание нового порядка. Наиболее ярко она проявилась в дискуссии о характере Лиги Наций.

Изучение Версальского порядка в рамках стратегической логики баланса сил нивелировало значение Лиги Наций как второстепенного и, как показали события, неэффективного механизма обеспечения безопасности, что во многом объясняло незначительное внимание, которое долгое время уделялось проблематике этой международной организации в историографии (Pedersen 2007: 1091–1092). Общая переоценка природы Версальского порядка ведёт к пересмотру подобного подхода, который, однако, всё ещё присутствует в современной историографии (Васильева 2017). Как показала Р. Хениг, за дискуссиями о Лиге наций скрывались два проекта послевоенной системы безопасности (Henig 2019). Англо-американский вариант предполагал создание для урегулирования конфликтов в арбитражном порядке до того, как они вылились в вооружённые столкновения, постоянно действующей международной конференции с ведущей ролью великих держав. Проект, предложенный Францией, предусматривал более активное участие средних и малых стран, вплоть до создания общих институтов и законодательной базы.

Во французских предложениях З. Стайнер, автор обобщающих монографий по истории международных отношений межвоенного периода, усматривала «расширенный оборонительный союз против Германии» (Steiner 2005: 43), однако П. Джексон убедительно показал, что скорее речь шла об учреждении наде-

лённой широкими полномочиями наднациональной структуры, в рамках которой проблема поддержания мира фигурировала как один из аспектов большой задачи управления глобальным развитием (Jackson 2013: 266–275). Успех этого замысла, как отмечает А. Туз, зависел от позиции англо-саксонских держав (Туз 2019а: 326). Ни Ллойд Джордж, рассматривавший сюжеты безопасности в контексте британской имперской политики, ни Вильсон не были готовы взять на себя подобную ответственность.

В своём новом исследовании истоков либерального интернационализма Дж. Айкенберри отмечает, что американский президент «не видел опасностей для мира и либеральной демократии, кривящихся в самом модерне. Вопрос, по его мнению, сводился к тому, что государства не были в достаточной степени модернизированными» (Ikenberry 2020: 102). Иными словами, проблема безопасности должна была решиться сама собой в ходе естественной эволюции международных отношений, избавленных от влияния *Realpolitik*. В результате согласованный проект Лиги Наций оказался далёким от французских пожеланий. По словам Р. Хениг, дальнейшее развитие зависело от того, как сложатся условия работы Лиги (Henig 2011: 35). Р. Стивенсон и А. Шарп полагают, что это обстоятельство во многом объясняло «открытый» характер Версальского договора, закрепившего базовые основы системы коллективной безопасности.

Само это понятие вошло в обиход не ранее начала 1930-х гг. (Egerton 1983: 502), однако его основные элементы рассматривались как непреложные уже в 1919 г. Идея коллективной безопасности постулировала императив недопущения войны как таковой; насилие утрачивало легитимность в качестве средства международной политики; на смену двусторонним договорам, поддерживавшим баланс сил, приходил многосторонний механизм купирования агрессии; принцип открытой дипломатии заменял практику заключения секретных соглашений. Сразу возникла проблема реальной имплементации этих положений. Открывалось два пути: сделать их основой активного вовлечения США и Великобритании в поддержание послевоенного статус-кво, что позволило бы снять французский страх германского реванша или интегрировать Германию в послевоенный порядок, либо внедрять их твёрдой рукой, за действовав традиционные инструменты сдерживания (Stevenson 1998: 22–23; Sharp 2011: 29).

Серия попыток нашупать оптимальный вариант развития согласованной на Парижской мирной конференции модели коллективной безопасности привела к заключению в октябре–декабре 1925 г. Локарнских соглашений. В оценке их эффективности среди историков по сей день существуют серьёзные разногласия. Во второй половине XX в. сформировалась историографическая традиция рассматривать Локарнский режим безопасности как заведомо непрочный ввиду ограниченности потенциала франко-германского диалога, нежелания Великобритании в полной мере способствовать его стабилизации и самоустраниния

США от европейских дел (Boyce 2009: 133–135, Doise, Vaïsse 2015: 362). Этой традиции следуют современные российские исследователи (Системная история… 2000: 172; Магадеев 2021: 549–550).

Иначе на проблему смотрят П. О'Корс и А. Туз, которые во главу угла ставят соответствие Локарнского режима трендам глобального развития. По их мнению, после 1925 г. были сняты основные препятствия к интеграции Европы в мировое хозяйство в рамках трансатлантической модели сотрудничества, что открывало путь к экономической стабилизации Старого света, а, следовательно, минимизировало военную опасность (O'Cohrs 2008: 259, 279; Туз 2019а: 587–589). З. Стайнер делает акцент на структурной особенности Локарнского режима, который, по её мнению, представлял собой нечто среднее между «прошлыми альянсами и конструкциями в духе коллективной безопасности, обсуждавшимися в Женеве» (Steiner 2005: 408). Он носил подчёркнуто невоенный характер, опираясь исключительно на авторитет держав, его подписавших. Вместе с тем гарантами нерушимости франко-германской границы выступало не всё мировое сообщество, как то предполагалось уставом Лиги Наций, а фактически «концерт» ключевых европейских держав.

Таким образом, главная ответственность за функционирование коллективной безопасности в Европе возлагалась на великие державы, которые наделялись широкими полномочиями по поддержанию международной стабильности вплоть до пересмотра подписанных договоров. Однако этот порядок не был институционализирован и не имел собственной легитимности: её источником являлась Лига Наций, выступавшая гарантом мира во всём мире и принципа равенства наций. По мнению Ж.-А. Суту, именно в этом крылась главная слабость системы коллективной безопасности: великие державы продолжали играть преобладающую роль в решении ключевых международных проблем, исходя, прежде всего, из собственных интересов, в то время роль легитимного дискурса мирового сообщества играли либеральные интернационалистские принципы (Soutou 2011: 180–181).

Вместе с тем французский историк и его коллеги (Soutou 2000: 88–90; Bariéty 2000: 107, 118) показывают, что коллективная безопасность была открытой системой. Стоявшая у её истоков французская дипломатия не оставляла попыток модернизировать Локарнский режим за счёт расширения сферы его действия на восток, углубления экономического взаимодействия между его участниками, подготовки более глубокой интеграции в рамках проекта «Панъевропы», привлечения США в качестве политического гаранта европейского статус-кво. Как подчеркивает П. Джексон, Локарнские соглашения, как и Версальский договор, обладали запасом гибкости (Jackson 2013: 496, 513). Проблема заключалась в дефиците политической воли, необходимой для реформирования системы коллективной безопасности в то время, когда она столкнулась с неблагоприятными внешними условиями.

Вызовы системе коллективной безопасности

В современной историографии происходит переоценка влияния мирового экономического кризиса на обострение международной обстановки в начале 1930-х гг. В научной литературе второй половины XX в. доминировало представление о кризисе как о катализаторе процессов распада Версальского порядка, которые латентно развивались на протяжении всего послевоенного десятилетия. Такое представление оказалось под вопросом после того, как историки пришли к выводу, что модернизированный в Локарно Версальский порядок к рубежу 1920–1930-х гг. не демонстрировал очевидных признаков упадка, несмотря на ряд имевшихся внутренних дисбалансов. Во всяком случае, проблемы не казались неразрешимыми ввиду того, что система международных отношений опиралась на мощный фундамент глобализированвшейся экономики, роль центра которой всё увереннее брали на себя США (O’Cohrs 2008: 603, 612; D’Agostino 2012: 215; Steiner 2005: 631). В этом смысле интерес представляют выводы О.Н. Кена, отметившего колебания советского руководства, ряд членов которого в конце 1920-х гг. скептически оценивали шансы СССР построить изолированную социально-экономическую систему (Кен 2008).

Историки сходятся на том, что важным фактором распада системы коллективной безопасности был взрывной демонтаж той модели глобального экономического развития, которая возникла после 1925 г. (Overy 1994: 92; D’Agostino 2012: 220). Отказ от золотого стандарта валют лишил мир «надёжного средства предотвратить возрождение империализма» (Туз 2019а: 603), а появление запретительных таможенных барьеров вкупе с возникновением валютных блоков вводило мир в «эпоху наций, окружённых стенами», как впоследствии выражался Б. Муссолини (Maiolo 2010: 62). Кризис вернул в мировую политику тот дух агрессивного соперничества, который, казалось, уже уступал место представлениям об общем интересе в стабильном солидарном развитии. По словам Л. Миллера, «модель коллективной безопасности эффективна лишь в том случае, если она действует в условиях, когда для реализации конкурирующих ценностных установок существуют альтернативные мирные форматы» (Miller 1999: 304). Ситуация начала 1930-х гг. выглядела тем тревожнее, что в наличии имелись не просто конкурирующие, а отрицавшие друг друга ценностные установки. Нормативной модели «новой дипломатии» противостояла агрессивная философия нацизма и фашизма.

Несмотря на отсутствие у исследователей единого подхода к характеристике нацистской внешней политики (Lüdicke 2011: 101, 107), три её важнейшие особенности не оспариваются никем из серьёзных исследователей. Во-первых, она реабилитировала насилие как инструмент решения межгосударственных противоречий. Внутри страны оно направлено против сил, подтачивающих жизненные основы нации, однако своё подлинное предназначение реализует, приобретая форму внешней экспансии. Вооружённое противостояние, по Гит-

леру, – «сильнейшая и самая классическая» разновидность не только политики, но и жизни вообще (Фест 2006: 350). Главный смысл войны – захват жизненного пространства. Этот тезис был впервые раскрыт в классическом исследовании Г. Вайнберга (Weinberg 1970) и развит в работах Дж. Райта и А. Туза (Wright 2007; Туз 2019b). Во-вторых, нацистская внешняя политика концептуально отвергала интернационализм, противопоставляя ему закрытое общество (Weinberg 1970: 3–5). Из этих двух особенностей вытекала третья – специфический характер нацистской дипломатии.

Гитлер избегал участия в многосторонних форматах обсуждения проблем европейской безопасности, предпочитая прямые двусторонние контакты с ключевыми международными игроками, подменяя регулярные дипломатические каналы практикой назначения своих личных представителей. В результате германская внешняя политика становилась всё менее предсказуемой и всё более авантюристичной, чем дальше, тем больше подчиняясь задаче создания выгодных условий для начала войны (Watt 2003: 335). По схожей модели выстраивали свою внешнюю политику другие ключевые государства-ревизионисты – Италия (Mallett 2003; Bosworth 2011) и Япония (Nish 2009). В своём ядре эта политика противоречила императиву коллективной безопасности как способу ликвидации военной угрозы; нацизм и фашизм не опасались войны, а стремились к ней.

Особняком стояла другая страна, непосредственно не вовлечённая в процесс строительства европейской системы коллективной безопасности в середине 1920-х гг. – СССР. В историографии идёт дискуссия о том, можно ли считать Советский Союз в 1920–1930-е гг. ревизионистской державой, нацеленной на подрыв Версальского порядка (Мельтихов 2000: 415; Jackson 2015: 217, 252; Великая русская революция… 2018: 206–207; Туз 2019а: 509, 527; Айрапетов 2020: 14–15), однако очевидным кажется тот факт, что приверженность Москвы поддержанию статус-кво имела свои пределы. СССР, полагают З. Стейнер и Р.А. Сетов, представлял собой силу, которая по своим политическим, экономическим и идеологическим параметрам не вписывалась в систему международных отношений, возникшую после Первой мировой войны, и потому постоянно сталкивалась с трудностями, пытаясь выстроить взаимоотношения с хранителями статус-кво (Steiner 2005: 557–558; Сетов 2020: 81–82).

Открытие советских архивов позволило историкам достаточно подробно изучить внешнеполитические взгляды высшего советского руководства (Pons 2002: 1–3; Harris 2007: 513, 545; Кен 2008: 42, 51). Главной точкой отсчёта для него был тезис о неизбежности новой мировой войны. По мнению И.В. Сталина, Советский Союз находился в окружении враждебных государств, которые, выбрав удобный момент и заручившись поддержкой одной или нескольких великих держав, могли развязать войну. Призрак враждебной коалиции довел над умами советских лидеров, которые в этой связи ставили перед собой двоякую цель: с одной стороны, всячески укреплять промышленный потенциал страны с целью ликвидации военно-экономического отставания от Запада, а с другой – активно

использовать «межимпериалистические противоречия», чтобы воспрепятствовать формированию антисоветского блока, заключая при необходимости тактические соглашения с потенциальными противниками. Воззрения Сталина и его окружения, таким образом, не совпадали с идеями, распространившимися на Западе, но и явно противоречили нацистскому видению.

Подобный «прагматический оппортунизм» (Сетов 2020: 82) создавал особые условия для деятельности советской дипломатии во главе с М.М. Литвиновым. Несмотря на очевидную актуальность проблематики советского участия в системе коллективной безопасности, его начальному периоду в научном дискурсе уделяется меньшее внимание, чем периоду завершающему, непосредственно предварявшему Вторую мировую войну (Haslam 1984; Ken 1996; Очерки истории... 2002; Дюллен 2009; Хормач 2011; Хормач 2017; Айрапетов 2020). В частности, более глубокого изучения заслуживает роль Литвинова в повороте внешней политики СССР. Историки согласны в том, что система представлений о международных отношениях главы Наркомата по иностранным делам (НКИД) существенно отличалась от взглядов Сталина и его ближайшего окружения (Европа между миром и войной... 1992: 125–126; Дюллен 2009: 17; Случ 2005). Сформулированный Литвиновым принцип «неделимого мира» явно вдохновлялся набиравшими популярность интернационалистскими тенденциями, а взаимодействие с западными странами в борьбе против военной угрозы должно было вернуть Советскому Союзу великоледжавный статус (Кен, Рупасов: 2000: 95).

По-прежнему актуально звучит вопрос, поставленный М.М. Наринским: исходила ли Москва из «приверженности идеи коллективной безопасности как таковой» или «из национально-государственных интересов СССР» (Наринский 2003: 70–71)? Если, как полагает сам историк, верен второй ответ, то в начале 1930-х гг. совпали два целеполагания советской внешней политики: идея Литвинова о встраивании СССР в реформированный Версальский порядок в качестве великой державы и прагматические расчёты Сталина и его окружения, готовивших страну к скорой войне. Международная обстановка создавала для этого необходимые условия. Stalin, вплотную занимавшийся решением сложных внутренних вопросов, дал наркому по иностранным делам карт-бланш на разворот советской внешней политики (Haslam 1994: 57). В среднесрочной перспективе эти два трека могли соединиться в том случае, если механизмы коллективной безопасности доказали бы свою эффективность для обеспечения неприкосновенности границ СССР: Литвинов с самого начала не питал иллюзий по поводу гитлеровской политики и считал её главной угрозой Советскому Союзу (Дюллен 2009: 91–92). Треки могли разойтись, если бы в Кремле посчитали, что курс Литвинова не оправдывает ожиданий.

Распад системы коллективной безопасности

Активизация внешней политики держав-ревизионистов и поворот Советского Союза к сотрудничеству с Западом полностью поменяли расклады в европейских делах. Ни в Лондоне, ни в Париже не было ясности по поводу истинных намерений Германии и Советского Союза. Большинство исследователей склоняются к предположению, что понимание угрозы со стороны Гитлера пришло к западным политикам далеко не сразу. Как показали Г. Винклер и А. Туз, уже последние веймарские правительства реализовывали курс, направленный на демонтаж или, по крайней мере, серьёзное переформатирование Локарнского режима (Винклер 2013: 46–48; Туз 2019b: 46–47). Германский ревизионизм получил определённую легитимность в глазах великих держав, а британские политические круги рассматривали его как неизбежность (Watt 2003: 337). Я. Кершоу, автор одной из наиболее полных биографий Гитлера, отмечает, что основы ревизионистской внешнеполитической программы нацистского режима были разработаны в первые месяцы 1933 г. сотрудниками германского МИД без непосредственного участия Гитлера (Kershaw 2008: 257). Лондон и Париж были склонны рассматривать Гитлера как переходную фигуру и недооценивать значение его расовой теории (Jackson 2000: 45, 55; Steiner 2011: 22–23).

Поворот советской политики к коллективной безопасности также неоднозначно воспринимался на Западе. В Париже и Лондоне зафиксировали отход СССР от идеи мировой революции, однако глубокое недоверие к инициативам Москвы, конечные цели которой вызывали сомнения, сохранялось. Как показано в работе Дж. Хэслэма, до конца 1933 г. в подходах британской и французской дипломатии к советской проблеме доминировали сомнения, несмотря на заключённый в ноябре 1932 г. советско-французский пакт о ненападении (Haslam 1984). С. Дюллен, склонная возлагать на Москву ответственность за тупик, в котором в начале 1930-х гг. оказались отношения между СССР и Западом, всё же признает, что советско-французскому сближению препятствовало отсутствие у французской политической элиты консенсуса в советском вопросе (Дюллен 2009: 96). В обеих европейских столицах на Советский Союз смотрели как на внутренне нестабильное государство со слабым военным потенциалом (Alexander 1992: 290; Neilson 2005: 94–95; Vidal 2015: 90). Над умами западных дипломатов неизменно витал «призрак Рапалло» – возможность нового сближения СССР и Германии. Намерение литвиновской политики достичь нового качества взаимодействия с Западом осталось нераспознанным.

Оба стратегических заблуждения стран-хранительниц статус-кво и столпов коллективной безопасности ряд исследователей склонны объяснить глубоко усвоенным их элитами антикоммунизмом (Carley 2001: 170–173; Сипольс 1989: 17) и сохранявшимися «цивилизационными противоречиями между Россией в её советской ипостаси и коллективным Западом» (Великая русская революция... 2018: 207). Другие полагают, что у британского и французского кабинетов

было достаточно причин для того, чтобы в 1933 г. резко менять курс политики в отношении Берлина и Москвы (Réau du 1993: 197; Young 1996). В то же время со второй половины XX в. в историографии существует и иная объяснительная конструкция, наиболее полно представленная французским историком Ж.-Б. Дюрозелем в монографии с характерным заглавием «Упадок» (Duroselle 1979). Её сторонники полагают, что предпосылки подобного пассивного курса следует искать во внутренних проблемах западных обществ, «погружённых в себя, приверженных политике разоружения и занятых разрушительными последствиями Великой депрессии» (Jackson 2000: 45). В любом случае именно неверная оценка Парижем и Лондоном изменений международной обстановки в начале 1930-х гг. сыграла роковую роль в росте военной опасности на европейском континенте. По справедливому замечанию П. Джексона, система коллективной безопасности, сложившаяся в Европе во второй половине 1920-х гг., не имела иммунитета к агрессивному внешнеполитическому курсу держав-ревизионистов и не была приспособлена к фрагментации пространства межгосударственных связей, нараставшей под влиянием Великой депрессии (Jackson 2015: 241–242). В этих условиях её родовой порок – противоречие между целями великих держав и интересами мирового сообщества – проявлялся в полной мере.

Ещё в 1970-е гг. в историографии сформировалось представление о том, что первый серьёзный удар по системе коллективной безопасности нанесла Япония, захватив в 1931 г. часть Китая – Маньчжурию. Как показал К. Торн, а вслед за ним, уже в 1990-е – начале 2000-х гг., И. Ниш, М. Лэмб и Н. Тарлинг, Маньчжурский инцидент продемонстрировал отсутствие единых правил игры для всего мирового сообщества, склонность ревизионистов осознанно торпедировать институты коллективной безопасности, а великих держав – уходить от обязательств, налагаемых духом Устава Лиги Наций, ради реализации собственных стратегических интересов (Thorne 1973: 408; Nish 1993: 236; Lamb, Tarling 2001: 87). К схожему выводу в 1970–1980-е гг. пришли Э. Беннет, М. Вайс и К. Холл в исследовании работы Женевской международной конференции по разоружению: противоречия между великими державами, по-разному трактовавшими собственные интересы в оборонной сфере, свели на нет шансы создать единую систему контроля над вооружениями, которая укрепляла бы институты коллективной безопасности, что позволило Германии встать на путь перевооружения (Bennet 1979: 506; Vaïsse 1981: 613; Hall 1987). Это мнение разделяет и Дж. Майоло (Maiolo 2010: 75).

Протагонистом системы коллективной безопасности в Европе была Франция, но события 1931–1932 гг. расшатали её международные позиции. В историографии по-прежнему доминирует представление о французской внешней политике предвоенного десятилетия как несамостоятельной, подверженной влиянию «английской губернантки» (выражение Ф. Бедарида) (Bédarida 1977: 228). Этот тезис, однако, требует уточнения. Р. Янг, Ж.-А. Суту полагают, что применительно к первой половине 1930-х гг. следует говорить не столько о слабости

французской дипломатии, сколько об отсутствии у неё реальных возможностей в рамках Лиги Наций и созданных под её эгидой международных механизмов (Young 1996: 15; Soutou 2005: 52). Переход к традиционному сдерживанию потенциального противника в рамках коалиционной стратегии был табуирован в глазах политических элит и общественного мнения как потенциально чреватый повторением событий 1914 г. (Reynolds 2014: 214–215). Принятие германских условий на фоне паралича международных институтов представлялось опасным. Британские гарантии неприкосновенности французских границ оставались в большой степени абстракцией.

Учёт этих обстоятельств позволяет в новом свете рассмотреть французскую позицию в ходе переговоров о «пакте четырёх» весной – осенью 1933 г. З. Стайнер полагает, что выдвинутая Б. Муссолини идея создания своего рода европейской «директории», наделённой теми же полномочиями, которые Устав Лиги Наций закреплял за всем международным сообществом, в том числе правом пересмотра заключённых договоров, была принята французами сугубо по тактическим соображениям с целью преодоления тупика на конференции по разоружению в Женеве (Steiner 2011: 37). «Пакт четырёх» мог рассматриваться французской дипломатией как способ преодоления противоречий системы коллективной безопасности за счёт «институционализации» её ядра, великих держав, на основе принятия ими минимального «общего знаменателя», зафиксированного в Уставе Лиги, – отказа от войны как инструмента изменения статус-кво (Réau du 1993: 110).

С этой точки зрения целесообразно рассмотреть и проект советско-французского сближения в начале 1930-х гг. Исследователи традиционно не переоценивают значение пакта о ненападении и сходятся на том, что с точки зрения Франции оно преследовало ограниченную цель повлиять на поведение Германии, переходившей к жёсткому ревизионистскому курсу, иными словами – удержать её в рамках Локарнского режима (Scott 1962: 73; Белоусова 1976: 102–103). Историки склонны переоценивать потенциальное значение советско-французского пакта о взаимопомощи, подписанного в мае 1935 г. С подачи Ж.-Б. Дюрозеля во французской историографии долгое время доминировало представление о том, что проект так называемого Восточного пакта, предложенный Парижем Москве в декабре 1933 г., к осени 1934 г. при участии министра иностранных дел Франции Л. Барту перерос в перспективу создания двустороннего военно-политического альянса, типологически схожего с русско-французским союзом конца XIX в. (Duroselle 1962; Малафеев 1988). В последние десятилетия эта оценка корректируется (Young 1991; Soutou 2005).

Судя по документам Кэ д'Орсэ, Барту не собирался форсировать сближение с Москвой, а помещал его в строгие рамки коллективной безопасности. Французский министр оговаривал, что проектируемую систему договоров о взаимопомощи не следует отождествлять с классическими военными союзами и подчёркивал, что в ней должны принять участие все ключевые центрально-ев-

ропейские государства, включая Германию и Польшу, а Советский Союз должен войти в Лигу Наций. Такого же мнения придерживался и П. Лаваль, преемник Барту, погибшего в октябре 1934 г. в Марселе в результате террористического акта. Подписанный с СССР договор был структурно вписан в механизмы коллективной безопасности – Устав Лиги Наций и Рейнский гарантийный пакт, что обесценило его в качестве инструмента силового сдерживания германского реваншизма.

Сделанная Францией во второй половине 1920-х гг. ставка на систему коллективной безопасности была слишком высока, чтобы резко от неё отказаться, что не позволило Парижу сменеврировать в момент, когда война превратилась из абстракции, заклеймённой пактом Бриана–Келлога, во вполне конкретную перспективу развития международных отношений. Ещё У. Черчилль высказал мнение о том, что черту под политикой коллективной безопасности подвела агрессия Италии против Эфиопии в 1935–1936 гг. (Churchill 1986: 148–149). Современные исследователи расценивают Эфиопскую войну как выверенный удар по конструкции коллективной безопасности, которая в глазах Муссолини не обладала легитимностью; премьер-министр Италии полагал, что за ширмой Лиги Наций скрываются банальные империалистические устремления Великобритании и Франции (Azzi 1993; Mallett 2003; Gooch 2003; Белоусов 1993: 203). «Тестом» для модели коллективной безопасности Эфиопский кризис называл ещё Дж. Бэр (Baer 1976): в 1935–1936 гг. речь шла не просто о том, чтобы остановить агрессию Муссолини, а чтобы сделать это, максимально эффективно применив инструментарий, имевшийся в распоряжении Лиги Наций. Характерно, что тогда эту идею отстаивал только Советский Союз (Haslam 1984: 60, Хормач 2017: 85, 126). По справедливой оценке З. Стейнер, проект «пакта Лаваля–Хора», предполагавший решение Эфиопского вопроса через закулисную сделку о разделе территорий в духе дипломатии XIX в., дискредитировал идею коллективной безопасности: летом 1936 г. ряд членов Лиги объявили об отказе считать обязательной для исполнения 16 статью Устава организации о совместном противодействии агрессии (Steiner 2011: 131–132). В марте 1936 г. Гитлер формально разорвал Локарнские соглашения, оккупировав Рейнскую демилитаризованную зону. Порядок, который существовал в Европе с 1925 г., рухнул. 1936–1939 гг. стали периодом поиска альтернатив политике коллективной безопасности. Современная историография выделяет две из них.

Между «умиротворением» и военно-политическим сдерживанием

Проблема «умиротворения агрессора» накануне Второй мировой войны остаётся одним из наиболее острых вопросов в историографии. Заслугой историков-ревизионистов и исследователей-международников стало её освобождение от привязки к последним предвоенным годам и конкретно к Мюнхенским соглашениям с сопутствующим им негативным коннотациям; «умиротворение»

рассматривается как самостоятельный инструмент политики великих держав (Kennedy, Imlay 1999). П. Кеннеди в 1976 г. определил «умиротворение» как «осуществление политики урегулирования международных ... споров, признавая и удовлетворяя претензии путём разумных переговоров и компромиссов, избегая таким образом вооружённого конфликта, который может быть дорогостоящим, кровавым и потенциально чрезвычайно опасным» (Kennedy 1976: 195). В том же ключе высказывался Э. Люттвак, сетовавший на то, что в результате неумелых действий Н. Чемберлена «оказалась дискриминированной старинная и почтенная практика умиротворения» (Люттвак 2012: 272).

В современной англо-американской историографии сложилось комплексное представление о причинах «умиротворения» и его основных параметрах. В. Мюррей, Т. Имлей, П. Джексон проследили его связь с британской стратегией, сложившейся после окончания Первой мировой войны (Murray 2003; Imlay 2011; Jackson 2015). Присущая ей убеждённость в том, что европейская безопасность зависит от взаимоотношений Франции и Германии при недооценке проблемы восточноевропейского урегулирования, стремление добиться компромисса с Германией, который снял бы ключевые озабоченности Берлина и санкционировал мирную ревизию Версальского порядка, что в свою очередь позволило бы Лондону переключиться на решение проблем поддержания своего глобального доминирования и сохранения целостности империи, легли в основу «умиротворения» как целостной политики в отношении Берлина и Рима.

Дж. Чармли, Дж. Майоло, Р. Сelf указали, в своей политике «умиротворения» правительство Н. Чемберлена опиралось на перевооружение британских BBC и флота, которое должно было продемонстрировать потенциальному агрессору безальтернативность переговоров (Charmley 1990; Maiolo 2010: 247; Self 2006). Антисоветский компонент, стремление направить экспансию Германии на восток, которое традиционно акцентируют отечественные исследователи (Иванов 1993: 93, 133; Системная история... 2000: 300–301; Капитонова 2018: 200–201), не был, по мнению англо-американских историков, ключевой характеристикой «умиротворения». Важнейшим мотивом «умиротворения» они называют уверенность лидеров Великобритании и Франции в том, что противостоять гитлеровскому ревизионизму силой невозможно. С этим тезисом соглашаются некоторые современные французские (Réau du 1993: 234) и российские (Сетов 2020: 104) исследователи.

Нет определённого ответа на вопрос о старте политики «умиротворения». Г. Киссинджер её ключевые элементы усматривал ещё в Локарнском переговорном процессе (Киссинджер 1997: 242). В отечественной историографии принято вести отсчёт с подписания англо-германского морского соглашения в июне 1935 г. (Наумов 2007: 30). Т. Имлей увязывает эту политику с приходом Н. Чемберлена на пост премьер-министра Великобритании в мае 1937 г. (Imlay 2011: 269). Э. Стендмен полагает, что лишь аншлюс Австрии в марте 1938 г. окончательно толкнул британский кабинет на путь «умиротворения» (Stendman 2011:

235). Нам представляется, что в вопросе хронологии следует исходить из фактического положения дел: в реальности эту политику долгое время проводил Лондон, ориентируясь на собственные национальные интересы. Консолидированным курсом держав-хранителей статус-кво она стала лишь после того, как к ней примкнула Франция, отказавшись в 1936 г. от попыток обеспечить свою безопасность в рамках подорванной Эфиопским и Рейнским кризисами системы коллективной безопасности.

Как показал П. Джексон, логика «умиротворения» имела тот же корень, что и философия коллективной безопасности – тезис об онтологической неприемлемости войны. Ключевое отличие заключается в том, что многосторонние механизмы достижения компромисса неэффективны ввиду своей изначальной негибкости. Переговорам в формате ассамблей Лиги Наций «умиротворители» предпочитали встречи на высшем уровне ограниченного количества участников, полагаясь на априорную общность их базовых интересов, главным из которых они считали нежелание начинать новую войну, и ожидая, что лидеры великих держав могут договориться по самому широкому спектру международных вопросов (Jackson 2015: 249). «Умиротворение» не реабилитировало силу как инструмент внешней политики, но уделяло ему значительное внимание, демонстрируя потенциальному агрессору безальтернативность переговоров.

Как можно заметить, политика «умиротворения» в ряде отношений представляла собой ответ на противоречие между интересами великих держав и императивами функционирования мирового сообщества, сформулированными «новой дипломатией», которое, собственно, и подорвало систему коллективной безопасности. «Умиротворение» предполагало переход к модели, аналогичной «Пакту четырёх», – «директории» великих держав, берущих на себя ответственность за поддержание мира. Инициаторы «умиротворения» не понимали, что в лице германского нацизма имеют дело с принципиально новым международным актором, чьи действия не объяснялись логикой *Realpolitik* (Steiner 2011: 651). Альтернативой бесплодным попыткам «умиротворить» Гитлера после распада механизмов коллективной безопасности могло стать классическое силовое сдерживание посредством военно-политических альянсов. Эта перспектива возникала в случае эффективного стратегического взаимодействия между Парижем и Москвой.

Историки сходятся в том, что внешняя политика СССР оказалась на перепутье: курс на встраивание в институты коллективной безопасности себя не оправдывал, по поводу альтернатив ему окончательной ясности не было. С.З. Случ полагает, что в 1936 г. Сталин рассматривал возможность разворота в сторону соглашения с Германией (Случ 2005: 101). По мнению Т. Удрикса, Дж. Робертса, Г. Городецкого и С. Понса, Москва переходила к внешнеполитическому маневрированию и действиям в зависимости от складывавшейся международной конъюнктуры (Uldricks 1994: 71–73; Roberts 1995: 48; Городецкий 2001: 20; Pons 2002: 66–67). А.Д. Богатуров считает, что СССР делал ставку на «тради-

ционные военно-дипломатические средства» (Системная история... 2000: 294, 301–303), а С. Дюллен, развивая эту мысль, высказывает предположение, что в Кремле и НКИДе рассматривали возможность переформатирования механизма коллективной безопасности в военно-политический союз (Дюллен 2009: 119, 124–125).

История советско-французских военных переговоров 1936–1937 гг. до сих пор детально не изучена, несмотря на вышедшую недавно специальную статью М. Дж. Карлея (Карлей 2021). Тот факт, что консультации шли не только по дипломатическим, но и по военным каналам при активном участии военного атташе в Париже С.И. Венцова, близкого к наркому обороны К.Е. Ворошилову, а также других представителей высшего командования РККА, говорит о серьёзности намерений Москвы, которая укреплялась на фоне гражданской войны в Испании, грозившей вылиться в европейский конфликт, и появления окна возможностей в диалоге с Францией, открывшихся после прихода к власти в стране левоцентристской коалиции Народного фронта. Ключевыми вопросами консультаций были модальность оказания сторонами друг другу вооружённой помощи, а также польская проблема: Москва предлагала Парижу изучить перспективу совместного противостояния германо-польской коалиции.

В зарубежной историографии доминирует мнение о том, что причиной провала советско-французских военных переговоров стали начавшиеся в июне 1937 г. репрессии против верхушки РККА (Alexander 1992: 301). Советские архивные документы свидетельствуют о том, что французская сторона фактически саботировала переговоры уже весной 1937 г.: Париж окончательно брал курс на встраивание в британскую политику «умиротворения». Без окончательного ответа пока остаётся вопрос о том, как на это собиралась реагировать советская дипломатия. С. Понс утверждает, что с 1937 г. СССР отказался от активного противодействия военной опасности путём внешнеполитического маневрирования и замкнулся на подготовке к войне, уже бушевавшей на Дальнем Востоке (Pons 2002: 72). С. Дюллен полагает, что Литвинов не оставил надежд на соглашение с Францией и собрался играть «вдольгую» и при удобном стечении обстоятельств реанимировать некую дипломатическую комбинацию с участием СССР и западных демократий (Дюллен 2009: 137).

Принимая во внимание поведение наркома в ходе международных кризисов 1938 г., это мнение представляется обоснованным, однако речь уже не шла о возрождении системы коллективной безопасности в том виде, в каком она существовала в начале 1930-х гг. Вероятно, Литвинов находился в поиске такой модели, которая минимизировала бы военную угрозу и сохранила бы за СССР как великой державой право голоса в решении европейских дел. В этом качестве мог бы выступить фронт держав, заинтересованных в сохранении статус-кво – аналог «фронта Стрэзы» 1935 г. Некоторые историки высказывают предположение, что нарком не возражал бы против подключения Советского Союза в том или ином виде к европейской «директории», проектируемой в рамках по-

литики «умиротворения» (Hochman 1984: 146; Ragsdale 2004: 127). З. Стейнер и Дж. Майоло считают, что именно отказ Великобритании и Франции пригласить СССР к обсуждению судьбы Судетской области летом–осенью 1938 г. стал ключевым фактором недовольства Москвы (Maiolo 2010: 206; Steiner 2011: 645).

Позиция СССР в ходе Чехословацкого кризиса 1938–1939 гг. выступает предметом дискуссии среди исследователей (Ragsdale 2004: XIX–XXII; Dessberg 2013: 90–93), однако мало споров вызывает тот факт, что именно Мюнхенские соглашения, ставшие апофеозом политики «умиротворения», покончили с надеждами на коллективный формат международной политики, которые ещё могли оставаться в Москве. Европейская «директория», замысел которой принадлежал Чемберлену, была оформлена англо-германской и франко-германской декларациями о взаимопонимании, подписанными соответственно на Мюнхенской конференции и в декабре 1938 г. в ходе визита И. Риббентропа в Париж. Произошедшее подтверждало худшие опасения Москвы; угроза международной изоляции (Обичкина 2009: 98), безусловно, перевешивала имиджевые преимущества, которые СССР получил, не участвуя в предприятии, возымевшем тяжёлые последствия (Lukes 1996: 256; Carley 2012).

Мюнхен стал символическим концом эры коллективной безопасности, оставив в прошлом ассамблеи Лиги Наций как основной формат дискуссий по международным проблемам. Американский историк Д. Рейнолдс полагает, что в 1938 г. в столице Баварии состоялся первый «личный саммит» – встреча на высшем уровне лидеров великих держав, в ходе которой они, обличённые доверием мирового сообщества, обсуждают вопросы глобального значения (Reynolds 2007). Типологически Мюнхенская конференция походила на конференции лидеров воюющих держав в 1939–1945 гг. и саммиты периода холодной войны и, таким образом, была провозвестником новой конфигурации международных отношений.

Исследователи дипломатического кризиса весны–лета 1939 г. иногда характеризуют его как продолжение борьбы за коллективную безопасность (Roberts 1995: 61; Haslam 1984: 219; Наринский 2009: 35), хотя впору задаться вопросом о том, какая из двух сторон, обсуждавших противодействие германской агрессии, – СССР или западные демократии – в большей степени руководствовалась духом этой борьбы. К марта 1939 г. Советский Союз окончательно отказался от стремления к заключению многосторонних гарантийных соглашений и арбитража и устами Сталина объявил о том, что рассматривает сложившуюся международную обстановку как военную. В этой ситуации речь могла идти лишь о создании военно-политического союза и обеспечении для его функционирования наиболее выгодных стратегических условий. Строго говоря, к коллективной безопасности подобная установка не имела отношения. Между тем западные демократии, после захвата Гитлером Праги 15 марта 1939 г. осознавшие провал курса на «умиротворение», продолжали оперировать категориями арбитража и гарантий, а главное, как справедливо отмечает З. Стейнер, стремились всеми

возможными способами избежать войны как недопустимого варианта развития событий (Steiner 2011: 910).

В данном контексте примечательна историографическая дискуссия по вопросу о причинах отставки Литвинова с поста наркома в мае 1939 г. К началу 2000-х гг. среди исследователей сложилось два подхода. Сторонники первого считали, что отставка знаменовала собой поворот советского руководства к соглашению с Германией, против которого традиционно выступал Литвинов (Watt 1989: 232; Даичев 2005: 469; Дюллен 2009: 253). Другие исследователи усматривали причину отставки в стремлении Сталина и его ближнего круга взять внешнюю политику под свой полный контроль (Uldricks 1994: 73; Roberts 1995: 72; Фляйшхаэр 1990: 138). Опираясь на ставшие доступными документы архива НКИД, М. Дж. Карлей предположил, что истинной причиной отставки Литвинова могли быть разногласия по вопросу о том, как именно следует вести переговоры с западными демократиями (Carley 1999: 134). Эту идею подробнее раскрыл А. Ресис, показавший, что последний проект англо-франко-советского договора, составленный Литвиновым 15 апреля 1939 г., представлял собой скорее рамочное гарантинное соглашение и предлагался как уступка Западу. По мнению историка, подобный подход противоречил настроениям Кремля: военную помощь Stalin был готов гарантировать лишь в обмен на жёсткий военный союз (Resis 2000: 51).

На вопрос о причинах отставки Литвинова, очевидно, нельзя дать однозначного ответа. Представляется, что последняя точка зрения в полной мере отражает те колебания, которые переживал курс советской дипломатии в отношении системы коллективной безопасности. Весной 1939 г. в условиях разрушенных международных институтов сдерживать Гитлера одной лишь угрозой коллективного противодействия было уже невозможно – война становилась неизбежной в краткосрочной перспективе. На повестке дня стоял вопрос победы в войне, а не её предотвращения, над чем работала вся архитектура коллективной безопасности с середины 1920-х гг. Тот факт, что западные демократии не смогли вовремя распознать эту реальность, обусловил трагическое начало Второй мировой войны.

Был ли шанс?

Обзор историографии по проблеме коллективной безопасности в Европе в межвоенные годы высвечивает ключевую задачу, которая стоит перед историком: корректно интерпретировать этот феномен международных отношений. Речь должна идти не просто о «создании коллективной структуры для сдерживания агрессивных замыслов Германии» (Сетов 2020: 174), хотя именно эта цель вышла на первый план после 1933 г., а об особом видении природы мировой политики, выросшем из последствий и уроков войны 1914–1918 гг. и нашедшем выражение в «новой дипломатии».

Большое значение сохраняет вопрос о том, могла ли в принципе система международных институтов, опиравшаяся на коллективную безопасность, остановить германскую агрессию в Европе? Обзор современной литературы заставляет ответить на этот вопрос отрицательно. Как верно отмечает Ж.-А. Суту, коллективная безопасность несла в себе ряд структурных изъянов, главный из которых – сохранение в качестве ядра модели «концерта» держав, что зафиксировали Локарнские соглашения. Подобная конструкция, по мнению французского историка, при определённых обстоятельствах легко трансформировалась в механизм «умиротворения», первым признаком чего стало подписание «Пакта четырёх», а логическим завершением – Мюнхенские соглашения (Soutou 2011: 187–188). Такое объяснение, однако, не учитывает того обстоятельства, что схожая «гибридная» модель достаточно успешно функционировала после 1945 г. в виде ООН, главным рабочим органом которой является Совет Безопасности – фактический клуб великих держав. Трудно представить себе формат международного сотрудничества в межвоенный период, в рамках которого голосу Великобритании, Франции или Германии равнялся бы голос молодого восточноевропейского государства, хотя некоторые из них к тому стремились.

Проблема, вероятно, заключается в другом. «Новая дипломатия» предлагала такой взгляд на природу международных отношений, который максимально нивелировал значение в них конфликтного фактора. Специфика исторического момента, наступившего после 1918 г., рассматривалась как универсальное правило на годы вперёд. Максима «хочешь мира – готовься к войне», в течение столетий задававшая стратегию держав, утратила своё значение и подменилась тем, что Э. Люттвак назвал «прямолинейной логикой консенсуальной политики». В итоге произошло размытие навыков стратегического мышления элит: «осознанное понимание феноменов стратегии является большой редкостью у политических лидеров, чей талант заключается именно в том, чтобы понимать общественное мнение и руководить им, а оно само привязано к обычной логике здравого смысла» (Люттвак 2012: 75). После ужасов Первой мировой здравый смысл требовал искоренения войны как таковой.

Подобное целеполагание обезоружило западные элиты перед лицом тех акторов, чей опыт конфликтного становления формировал принципиально иной взгляд на мир. По словам цитированного выше Люттвака, «в случаях, когда государства готовятся к войне или стараются её избежать, когда они используют свои военные ресурсы для того, чтобы вынудить другие страны пойти на уступки, прибегая при этом к запугиванию, не применяя силу на деле, – итоги всех этих усилий определяются всё той же логикой стратегии, что и на войне» (Люттвак 2012: 116). Гитлер – со своей безусловной ориентацией на конфликт и приверженностью культу силы – взорвал правила игры, сложившиеся в европейских делах после 1925 г., и стал той угрозой, которой мышление в духе «новой дипломатии» сначала не распознало, а распознав, так и не нашло инструментов противодействия.

Чтобы ответить на ревизионистский вызов, система коллективной безопасности должна была перестроиться. Вслед за П. Джексоном (Jackson 2015: 241–242) выделим три возможных направления её реформирования в условиях 1930-х гг.

Во-первых, требовалось пересмотреть взгляд на долгосрочные цели противостоящей стороны и принять саму возможность того, что Гитлер принципиально иначе осмысляет реалии мировой политики и ставит перед собой задачи агрессивной экспансии. Французская дипломатия постепенно пришла к этому пониманию после 1936 г., а британская пребывала в заблуждении до весны 1939 г. Очевидное расхождение целей ведущих европейских держав не предполагало сохранения курса на поддержание мира совместными усилиями хранителей статус-кво и потенциальных ревизионистов.

Во-вторых, на первый план выходила необходимость переоценить риск войны и принять перспективу её высокой вероятности в ближайшем будущем. Политика, отправной точкой которой был тезис о недопустимости войны, когда само слово «война» было табуировано во внешнеполитических ведомствах (Дюллен 2009: 102), позволяла Гитлеру постоянно поднимать ставки и вырывать у оппонентов уступку за уступкой. Преимущественно невоенный характер мер предотвращения агрессии, заложенных в основу системы коллективной безопасности, не позволял адекватно ответить на действия Берлина, когда их ещё можно было купировать без масштабных разрушительных последствий. Подобный поворот предполагал бы изменение формата взаимодействия с общественным мнением в странах Запада. Доминировавшая ранее точка зрения о том, что пацифистская ориентация британской и французской общественности блокировала возможности правительства этих стран осуществлять жёсткий курс на международной арене (Cockett 1989: 186), скорректирована: в современной историографии считается, что зачастую власти сами способствовали формированию подобных настроений, легитимируя тем самым свою внешнюю политику (Hucker 2020: 71–73).

Наконец, в-третьих, механизм коллективной безопасности, очевидно, не работал без эффективной силовой составляющей. Представление, будто на потенциального агрессора сдерживающее влияние окажет угроза международной изоляции, не оправдалось, когда ревизионистом выступила держава масштабов Германии, ведомая жёсткой экспансионистской идеологией. Единственным действенным инструментом противодействия Гитлеру могла стать военно-политическая коалиция, основу которой составлял бы советско-французский союз. Подобный сценарий создавал внутри системы коллективной безопасности ядро, аналог «концерта держав», и пусть это противоречило базовым принципам «новой дипломатии», но существовавшая модель международных отношений эволюционировала именно в таком направлении, о чём свидетельствуют попытки создать в 1930-е гг. европейскую «директорию».

Едва ли возникновение новых инструментов коллективного сдерживания нарушителей статус-кво изменило бы намерения Гитлера. Версальская система международных отношений в 1930-е гг. разрушалась внутренними противоречиями, которые не могли разрешиться без большого вооружённого конфликта. Однако его масштаб и степень разрушительности отнюдь не были предопределены. Всё зависело от характера действий правящих кругов Великобритании и Франции.

* * *

Зарождение системы коллективной безопасности в Европе стало результатом глубокой трансформации представлений элит и общественности европейских стран о природе международных отношений. Принцип коллективной безопасности, ключевой компонент «новой дипломатии», предполагал предотвращение вооружённых конфликтов посредством создания единого арбитражного и гарантейного пространства под эгидой наднациональной организации. Политика баланса сил между великими державами должна была отойти в прошлое, но на деле продолжала реализовываться, что, с одной стороны, подрывало авторитет нового миропорядка, а, с другой, – делегитимировало попытки стран-победительниц сохранить статус-кво с помощью традиционных механизмов сдерживания, «умиротворения», выделения сфер влияния.

Модель коллективной безопасности не удалось адаптировать к радикальному изменению внешних условий, ставшему результатом социально-экономических и политических пертурбаций начала 1930-х гг. Тенденции к её фрагментации интенсифицировались в результате агрессивной внешней политики держав-реваншистов – Германии, Италии и Японии. Представления о мире, возникшие в лоне нацистской и фашистской идеологий, являли собой полную противоположность принципам «новой дипломатии». Попытки выстроить отношения с Гитлером в рамках логики коллективной безопасности обернулись серией уступок реваншистским планам Берлина. В то же время замысел подключения СССР к системе коллективной безопасности, начавший воплощаться в жизнь после 1932 г., столкнулся с нежеланием западных демократий признавать за Москвой равноправный статус, а также учитывать советские стратегические интересы. Та модель коллективной безопасности, которая сформировалась после 1925 г., фактически разрушилась в 1936 г. вследствие агрессивных действий Муссолини в Эфиопии и Гитлера в Рейнской демилитаризованной зоне.

В период 1936-1939 гг. шёл поиск альтернатив системе коллективной безопасности. Инициированная Великобританией политика «умиротворения агрессора», по сути, была попыткой вернуться к модели «концерта держав». Однако унаследованный от системы коллективной безопасности императив недопустимости вооружённого конфликта серьёзно подрывал эффективность этой политики. Замысел «умиротворения», как и логика коллективной безопасности, слабо учитывали характер нацистской внешней политики, ставившей во главу угла

императив вооружённой экспансии, а не ограниченную корректировку статус-кво. Как следствие, политика «умиротворения» лишь усугубила тот кризис Версальского порядка, который возник как результат несоответствия нормативных основ системы коллективной безопасности реалиям международной политики в предвоенное десятилетие.

Наиболее эффективной альтернативой системе коллективной безопасности могло бы стать силовое сдерживание германского реваншизма посредством широкой международной коалиции с участием СССР и Франции. Соответствующие предложения Москвы были отвергнуты Парижем в конце 1936 – начале 1937 гг. и фактически дезавуированы в ходе трёхсторонних англо-франко-советских военно-политических переговоров весной-летом 1939 г. В канун неизбежной войны западные столицы продолжали оперировать языком «новой дипломатии», который окончательно утратил актуальное звучание. Их неготовность к пересмотру модели коллективной безопасности с точки зрения укрепления её силовой составляющей, что неоднократно предлагала Москва, стратегическая недальновидность лидеров Великобритании и Франции обусловили катастрофическое начало Второй мировой войны.

Об авторе:

Александр Александрович Вершинин – кандидат исторических наук, доцент Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4. E-mail: averchinine@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии в рамках научного проекта № 20-59-18007 «От региональных конфликтов к эпохе глобальных трансформаций: взгляд российских и болгарских историков на международные отношения в конце XIX – начале XXI в.».

UDC: 94, 327
Received: January 15, 2022
Accepted: March 03, 2022

Contradictions of Collective Security Model: Modern Historiography on the Evolution of the Versailles System of International Relations in the 1930s

A.A. Vershinin
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-2-83-108-140](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-2-83-108-140)

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The article attempts to find out the reasons for the failure of the collective security system in Europe, developed to counter German revisionism in the second half of the 1920s – early 1930s. Research literature tends to consider collective security not just as a diplomatic tool, but as a quality of international system developed after the First World War based on the idea of indivisible security with universal international organization presiding over it to deal with problems of war and peace. The principle of the balance of power and war itself as a means of international politics thus lost their legitimacy.

Historians agree that the system proved unsuitable for the challenges of the early 1930s, demonstrated by the Ethiopian War and the Rhineland Crisis. Two alternative ways eventually developed to deal with the inconsistencies of the early collective security system: «appeasement» project, initiated by British diplomacy; and the Soviet idea of military-political deterrence through coalition building. Modern historiography views «appeasement» as the idea presupposing the creation of a European Directory, which would have taken on the functions of resolving international contradictions. Historians see the reasons for its failure in an incorrect assessment of Hitler's policy due to thinking in the spirit of collective security. The position of the USSR is more contested among historians. In recent works, however, there appears the consensus that the reason for the failure of the project of a military-political alliance aimed at containing Germany was the unwillingness of the West to strategic interaction with Moscow and its adherence to the principles of «new diplomacy» at a time when it already lost their relevance.

Keywords: collective security, new diplomacy, League of Nations, Versailles system of international relations, Soviet-French mutual assistance pact of 1935, M.M. Litvinov, N. Chamberlain, L. Barthou, appeasement policy, Anglo-French-Soviet negotiations in 1939

About the author:

Aleksandr A. Vershinin – PhD (History), Associate Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Lomonosovsky Prospekt, 27-4.

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The research was carried out with the financial support of RFBR and National Science Foundation of Bulgaria (NSFB), project number 20-59-18007 "From regional conflicts to the era of global transformations: the view of Russian and Bulgarian historians on international relations in the late 19th – early 21st century".

References:

- Adamthwaite A. 2011. *Historians at War. The Origins of the Second World War: An International Perspective*. Ed. by F. McDonough. London, New York: Continuum. P. 507-522.
- Alexander M.S. 1992. *The Republic in Danger: General Maurice Gamelin and the Politics of French Defence, 1935-1940*. Cambridge: Cambridge University Press. 573 p.
- Azzi S.C. 1993. The Historiography of Fascist Foreign Policy. *Historical Journal*. 36(1). P. 187-203. DOI: 10.1017/S0018246X00016174
- Baer G.W. 1976. *Test Case. Italy, Ethiopia, and the League of Nations*. Stanford: Hoover institution press. 367 p.
- Bariéty J. 2000. L'Union soviétique dans la pensée européenne d'Aristide Briand. *L'URSS et l'Europe des années 20*. Sous la dir. de M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. Tchoubarian. Paris: Presse de l'Université de Paris-Sorbonne. 184 p. P. 103-118. (In French)
- Bayly C.A. 2004. *The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons*. Malden, MA: Blackwell Publishing. 540 p.
- Bédarida F. 1977. Gouvernante anglaise. *Edouard Daladier, chef de gouvernement. Avril 1938 – septembre 1939*. Sous la dir. de R. Rémond, J. Bourdin. Paris: Presses de Sciences Po. 322 p. P. 228-240. (In French)
- Bennett E. 1979. *German Rearmament and the West, 1932-1933*. Princeton: Princeton University Press. 569 p.
- Bosworth R.J.B. 2011. Italian Foreign Policy and the Road to War 1918–39: Ambitions and Delusions of the Least of the Great Powers. *The Origins of the Second World War: An International Perspective*. Ed. by F. McDonough. London, New York: Continuum. P. 66-79.
- Boyce R. 2009. *The Great Interwar Crisis and the Collapse of Globalization*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 611 p.
- Carley M.J. 2001. Behind Stalin's Moustache: Pragmatism in Early Soviet Foreign Policy, 1917–41. *Diplomacy & Statecraft*. 12(3). P. 159-174. DOI: 10.1080/09592290108406218
- Carley M.J. 1999. *1939: The Alliance that Never Was and the Coming of World War II*. Chicago: Ivan R. Dee. 321 p.
- Carley M.J. 2012. "Only the USSR Has... Clean Hands": The Soviet Perspective on the Failure of Collective Security and the Collapse of Czechoslovakia, 1934–1938 (Part 2). *Diplomacy & Statecraft*. 21(3). P. 368-396. DOI: 10.1080/09592296.2010.508402
- Charmley J. 1990. *Chamberlain and the Lost Peace*. Chicago: I.R. Dee. 257 p.
- Churchill W.S. 1986. *The Second World War*. Boston: Mariner Books. Vol. 1. 724 p.
- Cockett R. 1989. *Twilight of Truth: Chamberlain, Appeasement and the Manipulation of the Press*. New York: St. Martin's Press. 229 p.
- D'Agostino A. 2012. *The Rise of Global Powers: International Politics in the Era of the World Wars*. Cambridge: Cambridge University Press. 559 p.
- Dessberg F. 2013. L'Union soviétique ou l'impossible alliée (1921-1941). *Les Européens et la guerre*. Sous la dir. d'I. Davion, F. Dessberg, C. Malis. Paris: Publications de la Sorbonne. 403 p. (In French)

- Doise J., Vaisse M. 2015. *Diplomatie et outil militaire. 1871-2015*. Paris: Seuil. 784 p. (In French)
- Duroselle J.-B. 1962. Louis Barthou et le rapprochement franco-soviétique en 1934. *Cahiers du monde russe et soviétique*. 3(4). P. 525-545. (In French)
- Duroselle J.-B. 1979. *La Décadence, 1932-1939*. Paris: Imprimerie nationale. 586 p. (In French)
- Egerton G.W. 1983. Collective Security as Political Myth: Liberal Internationalism and the League of Nations in Politics and History. *The International History Review*. 5(4). P. 496-524.
- Ferguson N. 1999. *The Pity of War*. New York: Basic Books. 563 p.
- Gooch J. 2003. Fascist Italy. *The Origins of World War Two. The Debate Continues*. Ed. by R. Boyce, J. Maiolo. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 397 p. P. 35-47.
- Hall C. 1987. *Britain, America and Arms Control, 1921-1937*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 295 p.
- Harris J. 2007. Encircled by Enemies: Stalin's Perceptions of the Capitalist World, 1918-1941. *Journal of Strategic Studies*. 30(3). P. 513-545. DOI: 10.1080/01402390701343490
- Haslam J. 1984. *The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933-39*. Basingstoke: Macmillan Press. 310 p.
- Haslam J. 1994. Litvinov, Stalin and the Road Not Taken. *Soviet Foreign Policy, 1917-1991: A Retrospective*. Ed. by G. Gorodetsky. London, Portland (Or.): Cass. 227 p.
- Haslam J. 2021. *The Spectre of War. International Communism and the Origins of World War II*. Princeton and Oxford: Princeton University Press. 481 p.
- Henig R. 2011. The League of Nations: An Idea before its Time? *The Origins of the Second World War: An International Perspective*. Ed. by F. McDonough. London, New York: Continuum. P. 34-49.
- Henig R. 2019. *The Peace That Never Was: A History of the League of Nations*. London: Haus Publishing. 224 p.
- Histoire des relations internationales*. 1958. Sous la dir. de P. Renouvin. Paris: Hachette T. 8. 426 p. (In French)
- Hochman J. 1984. *The Soviet Union and the Failure of Collective Security, 1934-1938*. Ithaca and London: Cornell University Press. 253 p.
- Hucker D. 2020. *Public Opinion and Twentieth-Century Diplomacy. A Global Perspective*. London: Bloomsbury Academic. 224 p.
- Ikenberry G.J. 2020. *A World Safe for Democracy. Liberal Internationalism and the Crises of Global Order*. New Haven, London: Yale University Press. 408 p.
- Imlay T. 2011. Politics, Strategy and Economics: A Comparative Analysis of British and French 'Appeasement'. *The Origins of the Second World War: An International Perspective*. Ed. by F. McDonough. London, New York: Continuum. P. 262-275.
- Imlay T.C. 2003. *Facing the Second World War. Strategy, Politics, and Economics in Britain and France, 1938-1940*. Oxford: Oxford University Press. 416 p.
- Jackson P. 2000. *France and the Nazi Menace. Intelligence and Policy Making, 1933-1939*. Oxford: Oxford University Press. 446 p.
- Jackson P. 2013. *Beyond the Balance of Power. France and the Politics of National Security in the Era of the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press. 577 p.
- Jackson P. 2015. Europe: the Failure of Diplomacy, 1933-1940. *The Cambridge History of the Second World War. Vol. 2. Politics and Ideology*. Ed. by R.J.B. Bosworth, J. Maiolo. Cambridge: Cambridge University Press. 702 p.

- Ken O.N. 1996. *Collective Security or Isolation? Soviet Foreign Policy and Poland, 1930-1935*. St. Petersburg: Evropeiskiy Dom. 327 p.
- Kennedy P. 1976. The Tradition of Appeasement in British Foreign Policy, 1865-1939. *British Journal of International Studies*. 2(3). P. 195-215. DOI: 10.1017/S0260210500116699
- Kennedy P., Imlay T. 1999. Appeasement. *The Origins of the Second World War Reconsidered: A.J.P. Taylor and the Historians*. London, New York: Routledge. 278 p. P. 116-134.
- Kershaw I. 2008. *Hitler. A Biography*. New York: WW. Norton and Company. 1029 p.
- Lamb M., Tarling N. 2001. *From Versailles to Pearl Harbor The Origins of the Second World War in Europe and Asia*. Basingstoke: Palgrave Publishers. 238 p.
- Lüdicke L. 2011. Hitler, German Foreign Policy and the Road to War: A German Perspective. *The Origins of the Second World War: An International Perspective*. Ed. by F. McDonough. London, New York: Continuum. P. 101-109.
- Lukes I. 1996. *Czechoslovakia between Stalin and Hitler: The Diplomacy of Edvard Benes in the 1930's*. New York, Oxford: Oxford University Press. 318 p.
- Macmillan M. 2002. *Paris 1919: Six Months that Changed the World*. New York: Random House. 570 p.
- Maiolo J. 2010. *Cry Havoc: How the Arms Race Drove the World to War, 1931-1941*. New York: Basic Book. 473 p.
- Mallett R. 2003. *Mussolini and the Origins of the Second World War, 1933-1940*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 266 p.
- Miller L.H. 1999. The Idea and the Reality of Collective Security. *Global Governance*. 5(3). P. 303-332. DOI: 10.1163/19426720-00503003
- Murray W. 2003. Britain. *The Origins of World War Two. The Debate Continues*. Ed. by R. Boyce, J. Maiolo. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 397 p. P. 111-129.
- Neilson K. 2005. *Britain, Soviet Russia and the Collapse of the Versailles Order, 1919-1939*. Cambridge: Cambridge University Press. 379 p.
- Nish I. 1993. *Japan's Struggle with Internationalism Japan, China and the League of Nations, 1931-1933*. London: Kegan Paul International. 286 p. P
- Nish I. 2009. *Japan's Struggle with Internationalism. Japan, China and the League of Nations, 1931-1933*. London, New York: Routledge. 286 p.
- O'Cohrs P. 2008. *The Unfinished Peace after World War I: America, Britain and Stabilisation of Europe, 1919-1932*. Cambridge: Cambridge University Press. 693 p.
- Overy R.J. 1994. *The Inter-War Crisis, 1919-1939*. London, New York: Longman. 145 p.
- Parker R.A.C. 1993. *Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War*. London: Macmillan. 338 p.
- Pedersen S. 2007. Back to the League of Nations. *The American Historical Review*. 112(4). P. 1091-1117. DOI: 10.1086/ahr.112.4.1091
- Pons S. 2002. *Stalin and the inevitable war, 1936-1941*. London, Portland (OR): Cass. 240 p.
- Ragsdale H. 2004. *The Soviets, the Munich Crisis, and the Coming of World War II*. Cambridge: Cambridge University Press. 212 p.
- Réau E. du. 1993. *Édouard Daladier, 1884-1970*. Paris: Fayard. 588 p. (In French)
- Resis A. 2000. The Fall of Litvinov: Harbinger of the German-Soviet Non-aggression Pact. *Europe-Asia Studies*. 52(1). P. 33-56. DOI: 10.1080/09668130098253.
- Reynolds D. 2014. *The Long Shadow: The Legacies of the Great War in the Twentieth Century*. New York, London: W.W. Norton & Company. 544 p.

- Reynolds. 2007. *Summits: Six Meetings That Shaped the Twentieth Century*. New York: Basic Books. 544 p.
- Roberts G. 1995. *The Soviet Union and the Origins of the Second World War: Russo-German relations and the road to war, 1933-1941*. Basingstoke: Macmillan. 208 p.
- Scott W.E. 1962. *Alliance against Hitler: The Origins of the Franco-Soviet Pact*. Durham NC: Duke University Press. 296 p.
- Self R. 2006. *Neville Chamberlain. A Biography*. Burlington: Ashgate. 573 p.
- Sharp A. 2011. The Versailles Settlement: The Start of the Road to the Second World War? *The Origins of the Second World War: An International Perspective*. Ed. by F. McDonough. London, New York: Continuum. P. 16-31.
- Soutou G.-H. 2005. Les relations franco-soviétiques de 1932 à 1935. *La France et l'URSS dans l'Europe des années 30*. Sous la dir. de M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. Tchoubarian. Paris: Presse de l'Université de Paris-Sorbonne. 192 p. P. 31-60. (In French)
- Soutou G.-H. 2011. Réflexions sur l'échec de la sécurité collective et ses raisons. *Transversalités*. №119. P. 177-188. DOI: 10.3917/trans.119.0177 (In French)
- Soutou G.-H. 2015. *La grande illusion. Quand la France perdait la paix 1914-1920*. Paris: Tal-lalandier. 379 p. (In French)
- Soutou G.-H. 2000. La France, l'URSS et l'ère de Locarno, 1924-1929. *L'URSS et l'Europe des années 20*. Sous la dir. de M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. Tchoubarian. Paris: Presse de l'Université de Paris-Sorbonne. 184 p. P. 67-90. (In French)
- Stedman A.D. 2011. *Alternatives to Appeasement: Neville Chamberlain and Hitler's Germany*. London, New York: Bloomsbury Publishing. 308 p.
- Steiner Z. 2005. *The Lights that Failed. European International History, 1919-1933*. Oxford, Oxford University Press. 938 p.
- Steiner Z. 2011. *The Triumph of the Dark. European International History, 1933-1939*. Oxford: Oxford University Press. 1248 p.
- Stevenson D. 1998. France at the Paris Peace Conference: Addressing the Dilemmas of Security. *French Foreign and Defence Policy, 1918-1940. The Decline and Fall of a Great Power*. Ed. by R. Boyce. London, New York: Routledge. 297 p. P. 10-29.
- Stevenson D. 2004. *1914-1918: The History of the First World War*. London: Allen Lane. 728 p.
- The Origins of the Second World War Reconsidered: A.J.P. Taylor and the Historians*. 1999. Ed. by G. Martel. London, New York: Routledge. 278 p.
- Thorne C.G. 1973. *The Limits of Foreign Policy; the West, the League, and the Far Eastern Crisis of 1931-1933*. New York: G.P. Putnam's Sons. 442 p.
- Trachtenberg M. 1982. Versailles after Sixty Years. *Journal of Contemporary History*. 17(3). P. 487-506. DOI: 10.1177/002200948201700305
- Uldricks T.J. 1994. Soviet Security Policy in the 1930-s. *Soviet Foreign Policy, 1917-1991: A Retrospective*. Ed. by G. Gorodetsky. London, Portland (Or): Cass. 227 p.
- Vaïsse M. 1981. *Sécurité d'abord: la politique française en matière de désarmement. 9 décembre 1930-17 avril 1934*. Paris: Pedone. 653 p. (In French)
- Vidal G. 2015. *Une alliance improbable: l'armée française et la Russie soviétique 1917-1939*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes. 307 p. (In French)
- Watt D.C. 1989. *How War Came. The Immediate Origins of the Second World War, 1938-1939*. New York: Pantheon Books. 736 p.
- Watt D.C. 2003. Diplomacy and Diplomatists. *The Origins of World War Two. The Debate Continues*. Ed. by R. Boyce, J. Maiolo. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 397 p. P. 130-141.

- Weinberg G.L. 1970. *The Foreign Policy of Hitler's Germany: Diplomatic Revolution in Europe, 1933–36*. Chicago: University of Chicago Press. 397 p.
- Wright J. 2007. *Germany and the Origins of the Second World War*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 223 p.
- Young R. 1996. *France and the Origins of the Second World War*. New York: St. Martin's Press. 191 p.
- Young R.J. 1991. *Power and Pleasure: Louis Barthou and the Third French Republic*. Montreal: McGill-Queen's University Press. 330 p.
- Ayrapetov O.R. 2020. *Vneshnyaya politika Sovetskoy Rossii i SSSR v 1920-1939 godakh i istoki Vtoroy Mirovoy voyny* [Foreign Policy of Soviet Russia and the USSR in 1920-1939 and the Origins of the Second World War]. Moscow: Rodina. 799 p. (In Russian).
- Belousov L.S. 1993. *Mussolini: diktatura i demagogiya* [Mussolini: Dictatorship and Demagogoy]. Moscow: Mashinostroyeniye. 368 p. (In Russian).
- Belousova Z.S. 1976. *Frantsiya i yevropeyskaya bezopasnost', 1929-1939* [France and European Security, 1929-1939]. Moscow: Nauka. 418 p. (In Russian).
- Carley M.J. 2021. «Komediya, obernutaya ironiyey vnutri tragedii»: franko-sovetskiye popytki konsul'tatsiy mezhdu genshtabami (1936–1937) [«Comedy Wrapped in Irony inside Tragedy»: Franco-Soviet Attempts at Consultations between the General Staffs (1936–1937)]. *Zhurnal rossiskikh i vostochnoyevropeyskikh istoricheskikh issledovanii* [Journal of Russian and Eastern European Historical Studies]. №1. P. 45–91. DOI: 10.24412/2409-1413-2021-1-45-91 (In Russian).
- Dashichev V.I. 2005. *Strategiya Gitlera – put' k katastrofe, 1933-1945: istoricheskiye ocherki, dokumenty i materialy* [Hitler's Strategy – the Road to Disaster, 1933-1945: Historical Essays, Documents and Materials]. T.1. Moscow: Nauka. 525 p. (In Russian).
- Dullin S. 2009. *Stalin i yego diplomaty: Sovetskiy Soyuz i Yevropa, 1930-1939 gg.* [Men of Influence: Stalin's Diplomats in Europe, 1930-1939]. Moscow: ROSSPEN. 319 p. (In Russian).
- Evropa mezhdu mirom i voynoy, 1918-1939* [Europe between War and Peace, 1918-1939]. 1992. Ed. by A.O. Chubarian. Moscow: Nauka. 219 p. (In Russian).
- Fest I. 2006. *Gitler. Biografiya. Triumf i padeniye v bezdnu* [Hitler. Biography. Triumph and Fall into the Abyss] Moscow: Veche. 640 p. (In Russian).
- Fleischhauer I. 1990. *Pakt. Gitler, Stalin i initsiativa germanskoy diplomati. 1938-1939* [Pact. Hitler, Stalin and the Initiative of German Diplomacy. 1938-1939]. Moscow: Progress. 480 p. (In Russian).
- Gorodetsky G. 2001. *Rokovoy samoobman: Stalin i napadeniye Germanii na Sovetskiy Soyuz* [Grand Delusion: Stalin and the German Invasion of Russia]. Moscow: ROSSPEN. 384 p. (In Russian).
- Ivanov A.G. 1993. *Aggressory i umirovriteli: Gitler, Mussolini i britanskaya diplomatiya* [Aggressors and Appeasers: Hitler, Mussolini and the British Diplomacy]. Moscow: Nauka. 207 p. (In Russian).
- Kapitonova N.K. 2018. Nevill Chamberlen i politika «umirovreniya» [Neville Chamberlain and the Politics of Appeasement]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History]. №4. P. 176-204. DOI: 10.31857/S013038640000113-2 (In Russian).
- Ken O.N. 2008. *Mobilizatsionnoye planirovaniye i politicheskiye resheniya (konets 1920-kh – sredina 1930-kh gg.)* [Mobilization Planning and Political Decisions (late 1920s – mid 1930s)]. Moscow: OGI. 512 p. (In Russian).
- Ken O.N., Rupasov A.I. 2000. *Politbyuro TSK VKP (b) i otnosheniya SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami (konets 1920-1930-kh gg.): Problemy. Dokumenty. Opyt kommentariya* [Rupasov A.I. The Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks

and the Relations of the USSR with Western Neighbor States (late 1920-1930s): Problems. Documentation. Commentary essay]. Part 1. Saint-Petersburg: Yevropeyskiy dom. 704 p. (In Russian).

Khormach I.A. 2011. *Vozvrashcheniye v mirovoye soobshchestvo: bor'ba i sotrudnichestvo Sovetskogo gosudarstva s Ligoy natsiy v 1919-1934 gg.* [Return to the World Community: The Struggle and Cooperation of the Soviet State with the League of Nations in 1919-1934]. Moscow: Kuchkovo pole. 608 p. (In Russian).

Khormach I.A. 2017. *SSSR v Lige natsiy, 1934-1939 gg.* [USSR in the League of Nations, 1934-1939]. Moscow, Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initiativ. 430 p. (In Russian).

Kissinger H. 1997. *Diplomatiya* [Diplomacy]. Moscow: Lademir. 848 p. (In Russian).

Lieven D. 2017. *Navstrechu ognyu. Imperiya, voyna i konets tsarskoy Rossii* [Towards the Flame. Empire, War and the End of Tsarist Russia]. Moscow: ROSSPEN. 430 p. (In Russian).

Luttwak E.N. 2012. *Strategiya: logika voyny i mira* [Strategy: The Logic of War and Peace]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo. 391 p. (In Russian).

Magadeyev I.E. 2021. *V teni Pervoy mirovoy voyny. Dilemmy yevropeyskoy bezopasnosti v 1920-ye gody* [In the Shadow of the First World War. European Security Dilemmas in the 1920s]. Moscow: Aspekt Press. 864 p. (In Russian).

Malafeyev K.A. 1988. *Lui Bartu – politik i diplomat* [Louis Barthou – Politician and Diplomat]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 176 p. (In Russian).

Maslova V.A. 2009. Fenomen Alana Teylora v britanskoy istoriografii istokov Vtoroy mirovoy voyny [The Alan Taylor Phenomenon in British Historiography of the Origins of World War II]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University]. №1. P. 81-86. (In Russian).

Mel'tyukhov M.I. 2000. *Upushchennyy shans Stalina. Sovetskiy Soyuz i bor'ba za Yevropu: 1939-1941* [Stalin's Missed Chance. The Soviet Union and the Struggle for Europe: 1939-1941]. Moscow: Veche. 605 p. (In Russian).

Narinskiy M.M. 2003. Otnosheniya mezhdu SSSR i Frantsiyey. 1933-1937 gody [Relations between the USSR and France 1933-1937]. SSSR, *Frantsiya i evolyutsiya Yevropy v 30-ye gody: Sbornik nauchnykh statey* [France and the evolution of Europe in the 30s: Collection of scientific articles.]. Ed. by M.M. Narinskiy. Moscow: MGIMO. 228 p. (In Russian).

Narinskiy M.M. 2009. Mezhdunarodno-politicaleskij krizis kanuna Vtoroy mirovoy voyny [International Political Crisis on the Eve of World War II]. MGIMO Review of International Relations. №4. P. 23-47. (In Russian).

Naumov A.O. 2007. *Diplomaticeskaya bor'ba v Yevrope nakanune Vtoroy mirovoy voyny* [Diplomatic Struggle in Europe on the Eve of World War II]. Moscow: ROSSPEN. 416 p. (In Russian).

Obichkina Ye.O. 2009. Frantsuzskaya diplomatiya 1938-1939 gg.: ot «umirotvoreniya» k «sderzhivaniyu», ili politika garantiy [French Diplomacy 1938-1939: From "Appeasement" to "Deterrence" or the Policy of Guarantees]. MGIMO Review of International Relations. №4. P. 97-114. (In Russian).

Ocherki istorii Ministerstva inostrannykh del Rossii v tryokh tomakh. 1802-2002 [Essays on the History of the Ministry of Foreign Affairs of Russia in three volumes. 1802-2002]. T.3. 1917-2002. 2002. Ed. by A.V. Torkunov. Moscow: OLMA-PRESS. 617 p. (In Russian).

Romanova Ye.V. 2014. Sovremennaya zapadnaya istoriografiya o proiskhozhdenii Pervoy mirovoy voyny [Modern Western Historiography on the Origins of the First World War]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History]. №4. P. 127-143. (In Russian).

Setov R.A. 2020. *Tektonika voyny. 1939 god.* [Tectonics of War. 1939]. Moscow: MAKS Press. 344 p. (In Russian).

Sipols V.Ya. 1989. *Diplomaticeskaya bor'ba nakanune vtoroy mirovoy voyny* [Diplomatic struggle on the eve of the Second World War]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 336 p. (In Russian).

- Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v chetyrekh tomakh. Sobytiya i dokumenty. 1918-2000* [Systematic history of international relations in four volumes. Events and documents. 1918-2000]. Ed. by A.D. Bogaturov. T.1. Moscow: Moskovskiy rabochiy. 516 p. (In Russian).
- Sluch S.Z. 2005. Stalin i Gitler, 1933-1941: raschety i proschety Kremlja [Stalin and Hitler, 1933-1941: The Kremlin's Calculations and Miscalculations]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian History]. №1. P. 98-119. (In Russian).
- Toozé A. 2019a. *Vsemirnyy potop. Velikaya voyna i pereustroystvo mirovogo poryadka, 1916-1931 gody* [The Deluge: The Great War, America and the Remaking of the Global Order, 1916-1931]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. 640 p. (In Russian).
- Toozé A. 2019b. *Tsena razrusheniya. Sozdaniye i gibel' natsistskoy ekonomiki* [The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. 864 p. (In Russian).
- Vasil'yeva N.Y. 2017. *Liga Natsiy v fokuse sovremennoy otechestvennoy istoriografii* [League of Nations in the focus of modern Russian historiography]. 25 let vneshney politike Rossii. Sbornik materialov X Konventa RAMI (Moskva, 8-9 dekabrya 2016 g.) [25 years of Russian foreign policy. Proceedings of the 10th RAIS Convention (Moscow, December 8-9, 2016)]. Ed. by A.V. Mal'gin. T.3. Moscow: MGIMO-Universitet. 206 p. P. 7-28. (In Russian).
- Velikaya russkaya revolyutsiya: stoletiye spustya* [Great Russian Revolution: A Century down the Line]. 2018. Ed. by B.F. Martynov. Moscow: MGIMO-Universitet. 305 p. (In Russian).
- Vsemirnaya istoriya v shesti tomakh* [World History in Six Volumes]. T. 6. Kn. 1. 2017. Ed. by A.O. Chubarian. Moscow: Nauka. 690 p. (In Russian).
- Vtoraya mirovaya voyna i transformatsiya mezhdunarodnykh otnosheniy. Ot mnogopolyarnosti k bipolyarnomu miru* [Second World War and the Transformation of International Relations. From Multipolar to Bipolar World]. 2020. Ed. by L.S. Belousov, A.S. Manykin. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 885 p. (In Russian).
- Winkler G.A. 2013. *Veymar 1918-1933: istoriya pervoy nemetskoy demokratii* [Weimar 1918-1933: A History of the First German Democracy]. Moscow: ROSSPEN. 878 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

- Айрапетов О.Р. 2020. *Внешняя политика Советской России и СССР в 1920-1939 годах и истоки Второй мировой войны*. Москва: Родина. 799 с.
- Белоусов Л.С. 1993. *Муссолини: диктатура и демагогия*. Москва: Машиностроение. 368 с.
- Белоусова З.С. 1976. *Франция и европейская безопасность, 1929-1939*. Москва: Наука. 418 с.
- Васильева Н.Ю. 2017. Лига Наций в фокусе современной отечественной историографии. 25 лет внешней политике России. Сборник материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8-9 декабря 2016 г.). Под ред. А.В. Мальгина. Т. 3. Москва: МГИМО-Университет. 206 с. С. 7-28.
- Великая русская революция: столетие спустя. 2018. Под ред. Б.Ф. Мартынова. Москва: МГИМО-Университет. 305 с.
- Винклер Г.А. 2013. *Веймар 1918-1933: история первой немецкой демократии*. Москва: РОССПЭН. 878 с.
- Всемирная история в шести томах. Т. 6. Кн. 1. 2017. Под ред. А.О. Чубарьяна. Москва: Наука. 690 с.

Вторая мировая война и трансформация международных отношений. От многополярности к биполярному миру. 2020. Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. Москва: Издательство Московского университета. 885 с.

Городецкий Г. 2001. *Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз*. Москва: РОССПЭН. 384 с.

Дашичев В.И. 2005. *Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933-1945: исторические очерки, документы и материалы*. Т. 1. Москва: Наука. 525 с.

Дюллен С. 2009. *Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930-1939 гг.* Москва: РОССПЭН. 319 с.

Европа между миром и войной, 1918-1939. 1992. Под ред. А.О. Чубарьяна. Москва: Наука. 219 с.

Иванов А.Г. 1993. *Агрессоры и умиротворители: Гитлер, Муссолини и британская дипломатия*. Москва: Наука. 207 с.

Капитонова Н.К. 2018. Невилл Чемберлен и политика «умиротворения». *Новая и новейшая история*. № 4. С. 176-204. DOI: 10.31857/S013038640000113-2

Карлей М. Дж. 2021. «Комедия, обернутая иронией внутри трагедии»: франко-советские попытки консультаций между генштабами (1936–1937). *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. №1. С. 45-91. DOI: 10.24412/2409-1413-2021-1-45-91

Кен О.Н. 2008. *Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.)*. Москва: ОГИ. 512 с.

Кен О.Н., Рупасов А.И. 2000. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Часть 1. Санкт-Петербург: Европейский дом. 704 с.

Киссинджер Г. 1997. *Дипломатия*. Москва: Ладомир. 848 с.

Ливен Д. 2017. *Навстречу огню. Империя, война и конец царской России*. Москва: РОССПЭН. 430 с.

Люттвак Э.Н. 2012. *Стратегия: логика войны и мира*. Москва: Университет Дмитрия Пожарского. 391 с.

Магадеев И.Э. 2021. *В тени Первой мировой войны. Дileммы европейской безопасности в 1920-е годы*. Москва: Аспект Пресс. 864 с.

Малафеев К.А. 1988. *Луи Барту - политик и дипломат*. Москва: Международные отношения. 176 с.

Маслова В.А. 2009. Феномен Алана Тэйлора в британской историографии истоков Второй мировой войны. *Вестник Омского университета*. № 1. С. 81-86.

Мельтиюхов М.И. 2000. *Упущеный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941*. Москва: Вече. 605 с.

Наринский М.М. 2003. Отношения между СССР и Францией. 1933-1937 годы. *СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы: Сборник научных статей*. Под ред. М.М. Наринского. Москва: МГИМО. 228 с.

Наринский М.М. 2009. Международно-политический кризис кануна Второй мировой войны. *Вестник МГИМО-Университета*. №4. С. 23-47.

Наумов А.О. 2007. *Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны*. Москва: РОССПЭН. 416 с.

Обичкина Е.О. 2009. Французская дипломатия 1938-1939 гг.: от «умиротворения» к «сдерживанию», или политика гарантий. *Вестник МГИМО-Университета*. №4. С. 97-114.

Очерки истории Министерства иностранных дел России в трёх томах. 1802-2002. Т. 3. 1917-2002. 2002. Под. ред. А.В. Торкунова. Москва: ОЛМА-ПРЕСС. 617 с.

- Романова Е.В. 2014. Современная западная историография о происхождении Первой мировой войны. *Новая и новейшая история*. № 4. С. 127-143.
- Сетов Р.А. 2020. *Тектоника войны. 1939 год*. Москва: МАКС Пресс. 344 с.
- Сиполс В.Я. 1989. *Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны*. Москва: Международные отношения. 336 с.
- Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2000*. Под. ред. А.Д. Богатурова. Т. 1. События. 1918-1945. Москва: Московский рабочий. 516 с.
- Случ С.З. 2005. Сталин и Гитлер, 1933-1941: расчёты и просчёты Кремля. *Отечественная история*. № 1. С. 98-119.
- Туз А. 2019а. *Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916-1931 годы*. Москва: Издательство Института Гайдара. 640 с.
- Туз А. 2019б. *Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики*. Москва: Издательство Института Гайдара. 864 с.
- Фест И. 2006. *Гитлер. Биография. Триумф и падение в бездну*. Москва: Вече. 640 с.
- Фляйшхаузэр И. 1990. *Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938-1939*. Москва: Прогресс. 480 с.
- Хормач И.А. 2011. *Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919-1934 гг.* Москва: Кучково поле. 608 с.
- Хормач И.А. 2017. *СССР в Лиге Наций, 1934-1939 гг.* Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив. 430 с.

Борьба за влияние на Крыше мира

Е.М. Кожокин

Российский государственный гуманитарный университет

Ключевая исследовательская задача, решаемая в данной статье, это определение на примере Таджикистана основных методов борьбы за влияние, используемых в настоящее время ведущими международными акторами. При этом Таджикистан рассматривается и как автономный субъект, имеющий существенные внутренние источники развития, и как объект воздействия со стороны более мощных государств, даётся анализ характера действий США и их союзников, Китая и России в отношении этой центрально-азиатской республики. США, другие западные страны, КНР, Россия выступают в Таджикистане в качестве инвесторов, торговых партнёров, добиваются влияния в сфере образования, продвигают изучение соответственно английского, китайского и русского языков. При этом инвестиционная активность западных стран имеет тенденцию к сокращению, США сохраняют своё влияние, прежде всего, в финансовой сфере. Западным блоком придаётся большое значение методам «мягкой силы». США выделяются также разработанной системой привлечения к себе на ПМЖ наиболее активных, молодых, образованных граждан Таджикистана. Китай из всех стран имеет наиболее продуманную и эффективную стратегию инвестиционной деятельности, которая включает в себя выделение инвестиционных кредитов для Таджикистана, создание за счёт этих кредитов инфраструктурных объектов силами китайских компаний с использованием китайской рабочей силы (van der Kley 2020). В случае невозможности возвращения кредита КНР в счёт его погашения получает в длительное пользование золотодобывающие предприятия. Постепенное установление доминирования Китая в сфере экономики сопровождается усилением присутствия Китая и в других жизненно важных сферах горной республики. Россия является главным торговым партнёром Таджикистана, важнейшим фактором в сфере обеспечения безопасности, российская экономика обеспечивает заработками критическое количество трудовых мигрантов из Таджикистана, развивает Россия и взаимодействие в сфере образования. При этом имеет место некоторая инерционность стратегии развития отношений с республикой, важность которой с точки зрения национальных интересов России не вызывает сомнения. В подходах России, Китая и США к Таджикистану имеется принципиальное отличие: деятельность России и Китая ориентирована на сохранение и укрепление стабильности в Таджикистане, США в условиях развернутой ими кампании жёсткой конфронтации с Россией готовы оказать содействие в дестабилизации ситуации в Таджикистане, используя в этих целях исламистов.

УДК 327.8

Поступила в редакцию: 12.01.2022 г.

Принята к публикации: 15.03.2022 г.

Ключевые слова: Таджикистан, СССР, США, Китай, Россия, безопасность, инвестиции, русский язык

Концепция сфер влияния признана архаической и абсолютно не соответствующей реалиям XXI века. Эта концепция родилась в постколониальную эпоху, колонии исчезли, став независимыми государствами, но удержать их под своим косвенным, а иногда и прямым контролем бывшие метрополии упорно пытались, создавая свои сферы влияния. Ещё большее значение имел установившийся после окончания Второй мировой войны баланс сил между капиталистическим Западом во главе с США и мировой социалистической системой во главе с СССР. Каждый из противоборствовавших лагерей имел свою сферу влияния и стремился её расширить.

С распадом СССР и исчезновением его сферы влияния концепция утеряла свой *raison d'être*. Мир стал, как казалось, открытым и неразделённым. Только в этом открытом и неразделённом мире сохранились и были существенно усовершенствованы инструменты влияния на другие государства, прежде всего, государства малые и бедные. Более всего в разработке, совершенствовании и использовании данных инструментов, естественно, продвинулись США как единственная полноценная сверхдержава, истеблишмент которой к тому же рассматривал свою страну как победителя в холодной войне, а новый открытый мир – как свою по сути безграничную сферу влияния, хотя, конечно, это понятие никто из американских политиков и экспертов не использовал (Kissinger 2002).

Не ставя перед собой задачу концептуально описать весь арсенал актуальных инструментов влияния, в статье мы рассмотрим, как данные инструменты работали и работают в Таджикистане, стране, значимость которой для России имеет тенденцию к возрастанию как в силу геополитических, так и экономических причин. Последний раз эта значимость была подтверждена во время голосования на Генеральной Ассамблее ООН по Украине, когда резолюцию, столь активно продвигавшуюся США, не поддержали, воздержавшись, проголосовав против или уклонившись от голосования, 52 страны. Таджикистан был среди тех, кто воздержался.

Для США это один из далеких объектов внимания, за который они борются в рамках общей стратегии противодействия России и Китаю. Неуклонно теряя свои экономические, имиджевые, отчасти уже и политические позиции, руководство США (и в этом нет отличия Байдена от Трампа) пытается переломить этот тренд и обладает для этого всё ещё огромными финансовыми ресурсами, самым мощным в мире военным потенциалом, разведывательными структурами, использующими технологические возможности, несопоставимыми с основными конкурентами, наконец, широкой сетью военно-политических союзни-

ков. Острая конфронтация, которая развернулась в мире, является результатом таких попыток.

Но прежде чем говорить о борьбе, которая идёт за влияние в Таджикистане и о методах этой борьбы, рассмотрим эту центральноазиатскую республику не как объект внешнего воздействия, а как субъект, имеющий определённый потенциал для автономного развития (Skiperskikh 2019). Данный взгляд обусловлен как императивами современной внешней политики России, так и исторически сложившимися методологическими традициями отечественного востоковедения, неизменно демонстрировавшего уважение к изучаемым народам и странам (Стрельцов 2014; Звягельская 2009).

Потенциал Таджикистана

Республика Таджикистан – одна из самых бедных стран Азии. В 2020 г. её ВВП составлял 9,15 млрд долл., ВВП по покупательной способности – 34,13 млрд долл.

Правда, и стартовые позиции Таджикистана на период обретения независимости были низкими. Республика была самой бедной из всех союзных республик, составлявших СССР. При этом её экономика не имела автаркического характера. И её промышленность, и сельское хозяйство входили в единый народно-хозяйственный комплекс СССР. Распад Советского Союза привёл к остановке целого ряда предприятий, было заморожено строительство большого количества объектов. Гражданская война 1992–1997 гг. ещё более усугубила тяжёлое экономическое положение (Бушков, Микульский 1995).

Из страны выехало большое количество специалистов, что сделало ещё более проблемным функционирование ключевых сфер народного хозяйства. Среди уехавших врачей, инженеров, преподавателей было много русских и русскоязычных. По переписи 1989 г. в Таджикистане проживало 388 тыс. русских, к 2010 г. осталось – 35 тысяч¹, с тех пор за счёт эмиграции и естественной убыли (смертность среди русских Таджикистана значительно превышает рождаемость) количество русскоязычных ещё более сократилось.

За годы независимости произошла существенная трансформация структуры экономики, проявившаяся, прежде всего, в деиндустриализации. В 1991–2013 гг. доля занятых в сельском хозяйстве выросла с 45 до 66%, а доля занятых в промышленности сократилась с 13 до 4%, в строительстве – с 8 до 3%, в сфере услуг с 35 до 27%.

Соответственно, большая часть населения занята в сельском хозяйстве, в котором преобладает ручной труд. Вследствие неразвитой транспортной ин-

¹ Найти русских в Таджикистане: миссия невыполнима. 2019. Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27050.1/4116928/> (дата обращения: 25.04.2022)

фраструктуры многие горные кишлаки периодически оказываются отрезанными от ближайшего крупного населённого пункта. Бедность была и остаётся почти повсеместным явлением. Согласно данным Государственного комитета по статистике Республики Таджикистан, 53% населения в 2008 г. относилось к категории бедных, 17% – к категории критически бедных². Исследование Всемирного банка 2016 г. установило, что только 62% домохозяйств могло позволить себе достаточное питание³.

Почти в каждом селении значительный процент наиболее трудоспособной части населения находится на заработках, главным образом в России. Не только достаток, но и физическое выживание многих семей зависит от поступления денег из России от трудовых мигрантов. Из этих денег, по информации Всемирного банка, 60% идёт на покупку еды⁴.

Несмотря на все сложности, сельское хозяйство Таджикистана развивается, что служит предпосылкой и для постепенного улучшения уровня жизни простых людей. В последние пять лет наблюдается рост производства сельскохозяйственной продукции, особенно стабильными темпами шло наращивание производства овощей и фруктов. Устойчиво растёт и производство мяса птицы. По данным Минсельхоза, на сегодня в Таджикистане число действующих птицефабрик выросло до 177, что на 43 больше, чем в 2020-м. Производство куриного мяса достигло 30,6 тыс. тонн, что в 2,4 раза больше показателя предыдущего года. В течение 2021-22 гг. только в Хатлонской области запланировано создание 11 птицефабрик⁵.

Однако надо отметить, что прогрессу в сельскохозяйственной отрасли народного хозяйства часто мешает произвол местных властей. Нередко местные власти в приказном порядке заставляют частников засевать принадлежащие им площади той или иной культурой. При этом зачастую не берётся во внимание, что фермер уже подготовил поле по своему разумению, вложился в покупку удобрений и семенного материала, иногда даже засеял землю в расчёте на будущий урожай.

Почву для социальной напряжённости в сельской местности в определённой степени создаёт и постепенная концентрация больших по масштабам Таджикистана земельных угодий в руках крупных собственников. Этому способствовали принятые ещё в 2013 г. по инициативе правительства поправки к закону «Об ипотеке». Тогда банкам и другим финансово-кредитным структурам разрешили брать в качестве залога сертификат об использовании земли, и если фермер или

² Социальная специфика развития политической культуры в Центральной Азии. 2009. Москва, 40 с. С. 74

³ Integrated Country Strategy: Tajikistan. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/01/ICS-Tajikistan_UN-CLASS_508.pdf (accessed 25.04.2022)

⁴ Там же.

⁵ Компании Avesto Group выделили 23 гектара земли под строительство птицефабрики. 2021. *Tajikistan. Asia plus*. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20210323/kompanii-avesto-group-videlili-23-gektara-zemli-pod-stroitelstvo-ptitsefabriki> (дата обращения: 25.04.2022)

дехканское хозяйство не могут оплатить кредит вовремя, то право собственности на сертификат переходит кредитору. Первоначальный владелец сертификата в итоге может стать наёмным работником на своей бывшей земле. По Конституции земля в Таджикистане является государственной собственностью и принадлежит всему народу. С учётом исторической привязанности таджиков к земле и ограниченности земельных ресурсов, земля для таджики – нечто исключительно значимое, экзистенциально значимое. Использование существующих лазеек в законодательстве страны для совершения махинаций с землёй является не только антиконституционным, оно способствует дальнейшему социальному расслоению, усугубляет социально-политическую обстановку в стране.

На характер экономического развития республики существенно влияет такой фактор, как быстрое увеличение численности населения и, соответственно, высокий процент детей и молодых людей. Численность населения Таджикистана на 1 января 2021 г. составила 9 млн 504 тыс. человек. По темпу прироста граждан республика из всех стран бывшего СССР – на первом месте.

По итогам 2020 г. Таджикистан также занимал первое место среди бывших республик Советского Союза, примерно на 2% увеличив количество своих граждан. Но в последние годы в Таджикистане, как и во всех странах Центральной Азии, этот показатель постепенно снижается, ранее темп естественного прироста населения в Таджикистане составлял около 2,5%.

Граждане Таджикистана – самые молодые на всём постсоветском пространстве. Средний возраст таджикистанцев в 2020 г. составил 22,7 лет. Следом за Таджикистаном идет Киргизия, где средний возраст жителей – 25,3 года. Этот показатель в Туркменистане – 25,6, в Узбекистане – 26,3. В Казахстане – 29,3. Самыми «возрастными» в бывшем СССР являются жители Литвы (42,7 лет) и Латвии (42,5)⁶.

33,9% всего населения Таджикистана составляют дети, то есть люди младше 15 лет. Следом идут Киргизия (29,3%), Туркменистан (27,5%), Узбекистан (26,5%), Азербайджан (23,2%) и Казахстан (21,6%)⁷.

В целом, несмотря на серьёзные проблемы, экономика Таджикистана развивается и даже более быстрыми темпами, чем экономики других стран СНГ.

В 2000 г. республика ввела национальную валюту – сомони (Олкотт 2008: 57), с тех пор стала развиваться система частных банков. С 2000-х гг. наблюдается устойчивый экономический рост на уровне 5-7 %. По данным МВФ на 2021 г. ВВП по покупательной способности возрос до 37,88 млрд долл.

Для стимулирования экономического развития правительством были открыты четыре Свободных экономических зоны. Компании, зарегистрированные

⁶ Рождаемость всё выше, земли всё меньше. 2021. *Tajikistan. Asia plus*. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20210329/rozhdaemost-vsyo-vishe-zemli-vsyo-menshe> (дата обращения: 25.04.2022)

⁷ Там же.

в СЭЗ, пользуются рядом привилегий: они освобождены от налогов и таможенных сборов, в СЭЗ сняты многие из административных барьеров (Dörre 2021).

В 2000-е гг. в Таджикистане началась реиндустриализация. Создаются новые производства, поощряются инвестиции, и всё равно новых рабочих мест недостаточно в стране с быстро растущим населением. К тому же уровень заработной платы не удовлетворяет многих молодых людей, и они стремятся уехать на заработки за рубеж. При опросе мигрантов из Таджикистана, Узбекистана и Киргизии, работающих в России (всего было опрошено 4 739 человек в 45 субъектах страны), на вопрос о причинах поиска работы в России, те отвечали следующим образом:

- низкая зарплата на родине — 54,4% опрошенных;
- отсутствие работы на родине — 30,5%;
- низкий уровень жизни в целом — более 15%.

Выталкивает людей за рубеж и общая экономическая нестабильность на родине. На начало 2021 г. совокупная задолженность предприятий и организаций Таджикистана превышала его ВВП. Среди должников первые строчки занимают госпредприятия. В 2020 г. данная задолженность увеличилась на 33% или на 2 млрд долл.⁸.

Помимо внутренней Таджикистан имеет значительную внешнюю задолженность. Государственный долг в 2021 г., по данным Международного валютного фонда, составляет 49,3% ВВП⁹. 37,5% внешнего долга Таджикистана приходится на Китай, то есть из всей суммы внешнего долга в 3,2 млрд долларов 1,2 млрд Таджикистан должен КНР¹⁰.

Большое значение для развития экономики страны имеют иностранные инвестиции. Они в 2020 г. упали на 47%, в годовом исчислении – до 192,7 млн долл. США, правда, в первой половине 2021 г. продемонстрировали быстрое восстановление темпов роста, увеличившись на 43,7% – до примерно 118 млн долл.

Согласно информации Министерства промышленности и новых технологий, за девять месяцев 2021 г. производство золота в республике увеличилось на более чем 8% по сравнению с аналогичным периодом 2020-го. Оздоровлению экономики в определённой степени помогло решение правительства о легализации добычи частными лицами драгоценных металлов, драгоценных и полу-драгоценных камней.

27 ноября 2019 г. были утверждены правила выдачи разрешений на такую добычу. Было разрешено в частном порядке добывать золото, серебро, плати-

⁸ Долги таджикских предприятий превысили ВВП страны. *Tajikistan. Asia plus*. URL: <https://asiaplustj.info/news/tajikistan/economic/20210420/dolgi-tadzhikskih-predpriyatiy-previsili-ekonomiku-strani> (дата обращения: 25.04.2022)

⁹ Tajikistan. *International Monetary Fund*. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/profile/TJK> (accessed 25.04.2022)

¹⁰ Пекинская удавка. Китай вкладывает в Таджикистан большие деньги. Чем республика будет отдавать долги? *Lenta.ru*. URL: https://lenta.ru/articles/2021/06/01/zhyzn_vzaimy/ (дата обращения: 25.04.2022)

ну, олово, вольфрам, титан, драгоценные и полудрагоценные камни: рубин, сапфир, хризолит, топаз, берилл, шпинель, клиногумит, гранаты, нефрит, агат, кварц, флюорит, минералы редкоземельных элементов: лопарит, монацит, ксеноитим, баснезит. Добытые драгоценные металлы и камни обладатель лицензии будет обязан продать Государственному хранилищу ценностей при Минфине или промышленным предприятиям, которые имеют лицензию на переработку недр. Если госхранилище или предприятие отказываются от покупки, старатель должен получить у них письменный отказ и тогда может продать добывшую продукцию в другие пункты скупки¹¹.

Старателям-индивидуалам было разрешено использовать технику с двигателем мощностью не более 50 лошадиных сил, а также минипромывочные приборы мощностью не выше 5 кубометров в час. Использовать химические реагенты для очистки породы им было запрещено. Иначе говоря, старателям правительство разрешило заниматься той деятельностью, которой они занимались и ранее, но нелегально, при этом ввело ограничения, консервирующие непроизводительный, преимущественно ручной труд. Тем не менее указанное решение правительства Таджикистана способствует в некоторой степени выведу одной из перспективных отраслей из серой и теневой сфер экономики.

Пандемия COVID-19 привела к временному ухудшению экономической ситуации в стране. Карантинные меры затруднили выезд мигрантов на заработки. Это сопровождалось падением курса рубля в марте 2020 г. и, соответственно, дополнительным сокращением поступлений средств от мигрантов

В отличие от предыдущего года в 2021 г. происходил рост внешнеторгового оборота (Ryazantsev et al. 2019). За одиннадцать месяцев он составил более 5,5 млрд долл. Это на 33,4% больше показателя аналогичного периода 2020 г.

Активная инвестиционная деятельность, рост внешнеторгового оборота, производство золота, добыча ценных и полудрагоценных камней, а также расширение сельскохозяйственного производства обеспечили Таджикистану в 2021 г. рост ВВП на уровне 7,9%: выше, чем во всех других странах СНГ. По итогам 2021 г. аналитики Евразийского банка развития (ЕАБР) прогнозировали средний рост ВВП по региону в размере 4%: в Армении — 4,5%, Беларуси — 2,1%, Казахстане — 3,8%, Киргизии — 3,7%, России — 4,1%, Таджикистане — 7,9%¹². Согласно данным Министерства экономики Таджикистана, в 2021 г. ВВП страны возрос на 9,2 %¹³.

¹¹ Таджикистан разрешил частным лицам добывать золото, серебро и драгоценные камни. Служба новостей Центральной Азии. URL: <https://www.centralasian.org/a/30316267.html> (дата обращения: 25.04.2022)

¹² Экономике Таджикистана предрекают в этом году рекордный за последние 17 лет рост. *Tajikistan. Asia plus*. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20211126/ekonomike-tadzhikistana-predrekayut-v-etom-godu-rekordnii-za-poslednie-17-let-rost> (дата обращения: 25.04.2022)

¹³ Министерство экономического развития и торговли Республики Таджикистан. <https://medt.tj/ru/2013-09-01-18-20-23> (дата обращения: 25.04.2022)

Постепенно у Таджикистана появляются ресурсы, которые он мог бы в большей степени вкладывать в образование, в том числе в преподавание русского языка, в здравоохранение. Развитию как экономики, так и сферы образования мешает серьезное отставание Таджикистана от других стран (в том числе и стран Центральной Азии) в плане охвата населения возможностями подключения к интернету, неустойчивостью и медленностью прохождения сигнала. К тому же по-прежнему большой проблемой для республики остается дефицит электроэнергии.

В 2019 г., согласно глобальному рейтингу скорости мобильного интернета Speedtest, Таджикистан занимал 132-е место из 141 страны мира и 108-е место из 176 стран по скорости интернета в домашних хозяйствах. Средняя скорость широкополосного доступа в стране составила 21,1 Мбит/с, а скорость мобильного интернета была ещё ниже – 10,8 Мбит. Количество пользователей Сети на начало 2021 года составляло порядка 3,3 млн.

Национальная стратегия развития технологий Таджикистана нацелена на развитие телекоммуникационной отрасли, но на практике ряд госструктур страны вводят бюрократические ограничения и тем самым тормозят развитие рынка телекоммуникационных услуг. По мнению местных интернет-провайдеров, сказывается и тот факт, что Таджикистан находится вдали от основных узлов раздачи интернета¹⁴.

Таджикистан существует в условиях технологической глобализации. Его зависимость от внешнего мира неизбежна, могут меняться векторы зависимости, степень её глубины, формы, но уйти от неё невозможно. Но эта зависимость не должна перерастать в эксплуатацию малой страны и её населения внешними более сильными игроками.

Методы борьбы за влияние

Об интересе к Республике Таджикистан свидетельствует наличие в ней посольств Китая, Индии, Пакистана, Ирана, Саудовской Аравии, Катара, Великобритании, Германии, Франции, Турции, всех стран СНГ за исключением Молдавии (Армения имеет консульство), представительства Европейского союза. Неизменно высокой активностью отличается посольство США.

Интерес к Таджикистану со стороны США обусловлен, прежде всего, военно-политическими факторами. На данный момент они определяются противостоянием США с Россией и КНР, а также их озабоченностью феноменом исламского экстремизма. Соединённые Штаты борются с исламистскими орга-

¹⁴ Как плохой интернет в Таджикистане влияет на образование и обучение людей. *Tajikistan. Asia plus.* URL: <https://asiaplustj.info/news/tajikistan/society/20181203/kak-plohoi-internet-v-tadzhikistane-vliyaet-na-obrazovanie-i-obuchenie-lyudei> (дата обращения: 25.04.2022)

низациями, если видят в них прямую угрозу для своих граждан, но подчас и пытаются их использовать в своих целях. Известно, что под конец своего присутствия в Афганистане американские военно-транспортные самолеты перебрасывали на север этой страны боевиков ИГИЛ¹⁵. С талибами американцам договориться не удалось, победить их в затяжной гибридной войне также не получилось, в итоге против талибов попытались использовать ИГИЛ. Но талибы переиграли в своей стране и победили сверхдержаву. Остаётся вопрос, в каких целях теперь попытаются использовать боевиков ИГИЛ американские спецслужбы. Не будут ли они задействованы для подрыва светских режимов в Центральной Азии?

После событий 11 сентября 2001 г. США попытались выстроить новую активную стратегию в отношении стран региона. Изменение подходов к Таджикистану ярко и откровенно описано в воспоминаниях Фрэнклина Хедла (*Franklin Huddle*), посла США в Душанбе в 2001-2003 гг. Изменения были более чем радикальными. Начиная с создания полноценного посольства в Душанбе, до организации официального визита Эмомали Рахмона в США и встречи его с Дж. Бушем-младшим¹⁶.

С 2001 г. стали проводиться в Конгрессе регулярные, по несколько раз в год слушания по делам Центрально-Азиатского региона. В феврале 2002 г. Таджикистан присоединился к натовской программе «Партнерство ради мира». С 2010-го начались ежегодные двусторонние американо-таджикские консультации по вопросам сотрудничества.

В период 1992–2010 гг. США выступали в качестве одного из основных поставщиков гуманитарной помощи в Таджикистан. Её объёмы составили за этот период 988,57 млн долл., они увеличились после событий 2001 года. Впрочем, составляя в целом довольно скромную сумму (так, в 2012 г. по линии Freedom Support Act и ряда государственных ведомств, исключая программы Министерства обороны и министерства энергетики, был направлен груз на сумму 45,1 млн долл.)¹⁷.

Хотя основная часть грузов, шедших по так называемой Северной Сети (*Northern Distribution Network*) для нужд сил коалиции, проходила по территории Узбекистана, небольшая их часть, начиная с 2012 г. шла через Таджикистан.

Интерес США к Таджикистану не ослаб и после ухода из Афганистана, так как на повестке дня стоит вопрос о размещении военной базы Соединённых Штатов в одной из центральноазиатских стран. Таджикистан рассматривается в качестве одного из кандидатов. Этот вопрос прорабатывался до ухода из

¹⁵ Террористическая организация, запрещённая в России.

¹⁶ Memoir. 9/11: The American discovery of Tajikistan. URL: Eurasia.net. <https://eurasianet.org/memoir-911-the-american-discovery-of-tajikistan> (accessed 25.04.2022)

¹⁷ Tajikistan: Recent Developments and U.S. Interests. EveryCRSReport. URL: <https://www.everycrsreport.com/reports/98-594.html> (accessed 25.04.2022)

Афганистана, после него он, возможно, получил ещё большую актуальность. В октябре 2021 г. на слушаниях в Конгрессе заместитель министра обороны по политическим вопросам Колин Каль (*Colin Kal*) намекал, что в случае необходимости Пентагон проплатит руководство Таджикистана или Узбекистана для получения одобрения на размещение своей военной базы¹⁸.

Необходимость военных баз в Центральной Азии обосновывается тем, что американским военным, возможно, придётся проводить спецоперации на территории Афганистана или наносить ракетные удары с помощью дронов. Вопрос о целесообразности получения баз вблизи Афганистана для осуществления за-горизонтной стратегии вновь рассматривался на слушаниях в Конгрессе в феврале 2022 г. с участием командующего Центрального командования генерала Майкла Куриллы¹⁹.

Озабоченность по поводу присутствия на территории Афганистана боевиков «Исламского государства» и «Аль-Каиды» действительно сохраняется в США²⁰, но желание получить военные базы в Центральной Азии связано отнюдь не только с этой озабоченностью. Двойственность подхода к группировкам исламских террористов определяется желанием не допустить их действий против США, в то же время при случае канализировать их активность против противников Соединённых Штатов. Нельзя исключить их использование и для дестабилизации ситуации в Таджикистане и других странах Центральной Азии.

Как прописано на официальном сайте госдепартамента, американская помощь Таджикистану направляется в следующие сферы – оборонному ведомству и правоохранительным органам для их усиления в противостоянии трансграничным угрозам, местным органам власти для улучшения управления и достижения большей открытости, на оказание помощи в обеспечении продовольственной безопасности, структурам здравоохранения и образования, последним с целью их реформирования²¹.

Как и во всем мире, особую роль США играют в финансовой сфере. В Таджикистане на местном межбанковском рынке котируется только пара доллар США – таджикский сомони. Курс рубля рассчитывается через кросс-курс к доллару на международном рынке. Но при этом следует отметить, что роль доллара в стране постепенно снижается. В первое десятилетие XXI в. на внутреннем рынке Таджикистана в совокупном объёме кредитов, выданных местными

¹⁸ US persuades Tajikistan, Uzbekistan governments to allow military bases. *Business Standard*. URL: https://www.business-standard.com/article/international/us-persuades-tajikistan-uzbekistan-governments-to-allow-military-bases-122011200096_1.html (accessed 25.04.2022)

¹⁹ Afghanistan: Background and U.S. Policy: In Brief. *Congressional Research Service*. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R45122> (accessed 25.04.2022)

²⁰ Доклад об Афганистане от февраля 2022 г., подготовленный Исследовательской Службой Конгресса. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R45122> (accessed 25.04.2022)

²¹ U.S. Relations With Tajikistan. *US Department of State*. URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-tajikistan/> (accessed 25.04.2022)

банками, доля кредитов, выданных в долларах, заметно превосходила кредиты в местной валюте. Однако с августа 2019 г. свыше 50% объёма выданных кредитов было номинировано в местной валюте. В сентябре 2020 г. эта доля достигла 52,8%. С апреля 2019 г. схожая тенденция наблюдается в отношении депозитов в местных банках (Поливач 2020: 95).

В тоже время для обеспечения экономического развития Таджикистан постоянно нуждается, как считает его руководство, в заёмных средствах. Эти средства поступают в значительном по масштабам республики объёме от Всемирного банка, в котором главенствующую роль играют США и их союзники. Что же касается американских компаний, то они мало представлены в экономике Таджикистана. Известно о работе совместного Таджикско-американского общества с ограниченной ответственностью в Согдийской области на северном склоне Гиссарского хребта на базе бывшего Анзобского ГОКа. Общество специализируется на подземной добыче и переработке руд с выпуском ртутно-сурымянного концентрата. Проектная мощность предприятия 700 тысяч тонн руды в год с выпуском более 30 тысяч тонн ртутно-сурымянного концентрата. Фактическая мощность по добыче и переработке руды в среднем составляет 350 тысяч т/год. Основным переработчиком полученного концентрата был Кадамджайский сурымяный комбинат, находящийся на территории Киргизии, но в последнее время продукцию комбината реализуют в Китай²².

США активно привлекает состоятельных, здоровых, молодых граждан Таджикистана к себе на ПМЖ. Определённым преимуществом пользуются семейные пары особенно с несовершеннолетними детьми. Традиционно каждый год с начала октября по начало ноября правительство США объявляет о периоде заполнения заявок на грин-карту – визовую лотерею США для иммигрантов из разных стран. Квота на 2022 год для Таджикистана составила 2332 места. В 2013 г. квота для Таджикистана составляла всего 330 мест, в 2014 — 531, в 2017 — 414, в 2018 – 1209²³.

Епископ Таджикистанский и Душанбинский Питирим обращал внимание на то, что американцы в самых крупных городах Таджикистана организовали сеть бесплатного обучения английскому языку и приобщения к американской культуре²⁴, с тех пор эта деятельность вполне успешно продолжается (Bezborodova, Radjabzade 2022).

Усилия США в плане проекции своей «мягкой силы» на Таджикистан приходят в противоречие с их военными акциями. Пик популярности Америки в Таджикистане пришёлся на рубеж XX – XXI вв. В декабре 2001 г. 78% респон-

²² Пять успешных горно-рудных предприятий Таджикистана. *Tajikistan. Asia plus.* URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20190828/pyat-uspeshnih-gorno-rudnih-predpriyatiy-tadzhikistana> (дата обращения: 25.04.2022)

²³ Как получить грин-карту гражданам Таджикистана. *Your.Tj.* URL: <https://your.tj/kak-poluchit-grin-kartu-grazhdanam-tadzhikistana-rasskazyvaem-kakiju-proceduru-neobhodimo-proiti/> (дата обращения: 25.04.2022)

²⁴ Южный форпост. *Православие.ru* URL: <https://pravoslavie.ru/98444.html> (дата обращения: 25.04.2022)

дентов общенационального опроса указали, что США оказывают на республику положительное влияние, только 9% посчитали это влияние отрицательным, остальные не смогли сформулировать своё отношение. Сказалась грамотно прорекламированная гуманитарная помощь, которую Соединённые Штаты оказали бедствовавшему населению. Но уже операцию против Афганистана не одобрили 32% в ходе опроса в декабре 2003 г. 71% респондентов отнёсся отрицательно к войне США и их союзников против Ирака. Часть населения Таджикистана увидела в этих действиях не борьбу против терроризма, а стремление увеличить своё влияние в богатом нефтью регионе, часть посчитала это войной против ислама. В этот период в три раза возросло число граждан Таджикистана, считавших, что США негативно влияют на их страну²⁵. Воинственная риторика американских официальных лиц в адрес Ирана также не способствовала положительному восприятию Соединённых Штатов в Таджикистане. При этом позитивный имидж США сохранялся у некоторой части таджикистанцев, особенно среди имеющих высшее образование и обеспеченных. Сильное разочарование в США даже у ориентированных на Запад граждан Таджикистана вызвало то, как Америка ушла из Афганистана, по сути потерпев поражение от движения талибов.

Ранее в силовых структурах Таджикистана не мог не спровоцировать сильную озабоченность факт переброски боевиков ИГИЛ на север Афганистана военно-транспортными самолетами США. Об этом еще в 2018 г. сообщали иранцы. В Афганистане образовалось «Исламское государство провинции Хорасан», крыло ИГИЛ, претендующее на контроль над всей территорией исторического Хорасана, то есть Афганистана, значительной части Центральной Азии, Ирана и Пакистана. О присоединении к ИГИЛ еще в 2015 г. заявили руководители Исламского движения Туркестана (Узбекистана)²⁶, в составе последнего имелись и имеются и боевики-таджики.

В результате краха прозападного правительства Афганистана часть сотрудников афганской разведки, прошедших обучение в США, и военнослужащих элитных подразделений, перешли на сторону «Исламского государства провинции Хорасан»²⁷. В настоящее время Аль-Азайм (Al-Azaim), основной медийный ресурс, этой террористической организации периодически выпускает материалы на таджикском языке, написанные на кириллице, соответственно предназначенные для Таджикистана²⁸.

²⁵ Бюллетень сети этнополитического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. №63 сентябрь-октябрь 2005. С. 103-104

²⁶ См. Islamic State Khorasan Province Releases First. 2022. *Militant Wire*. URL: <https://www.militantwire.com/p/islamic-state-khorasan-province-releases?s=r> (accessed 25.04.2022)

²⁷ Бывшие солдаты афганской армии вступают в ряды ИГИЛ. 2021. *EurAsia Daily*. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/11/01/byvshie-soldaty-afganskoy-armii-vstupayut-v-ryady-igil-smi> (accessed 25.04.2022)

²⁸ Perspectives. Islamic State in Afghanistan seeks to recruit Uzbeks, Tajiks, Kyrgyz. 2022. *Eurasianet*. URL: <https://eurasianet.org/perspectives-islamic-state-in-afghanistan-seeks-to-recruit-uzbeks-tajiks-kyrgyz> (accessed 25.04.2022)

Двадцатилетнее пребывание в Афганистане не прошло бесследно для американцев, которые в настоящее время обладают значительным количеством экспертов, неплохо разбирающихся в проблематике Центральной Азии и, в частности, Таджикистана (Maynes 2003; Cooley 2012).

Кроме того, в Таджикистане с 2001 г. активно действовали значительные по численности резидентуры ЦРУ и военных. Готовность определённых ведомств попытаться использовать любые силы для усиления влияния США в стратегически важной горной республике заметна в том, как характеризуется внутриполитическая ситуация в Таджикистане в материале, подготовленном под эгидой Центрального разведывательного управления. Даже умолчания аналитиков ЦРУ по поводу внутриполитической ситуации в Таджикистане вполне красноречивы. Критикуя режим Э. Раҳмона за запрет «последней большой оппозиционной политической партии», они не приводят название Партии исламского возрождения (ПИВТ)²⁹. Неугодный США режим, слишком связанный, по мнению Вашингтона, с Москвой и Пекином, готовы дестабилизировать даже с помощью ПИВТ, не указывая, правда, её «неудобное» название.

В плане продвижения западного влияния усилия США дополняются действиями его союзников. В Таджикистане с 1995 г. действует таджикско-канадское СП «Апрелевка», канадской компании в нём принадлежит доля в 49%. СП занимается добычей руды открытым способом и выплавкой из неё золото-серебряного сплава³⁰. До 2014 г. британской компании *Kryso Resources Plc.* принадлежало золотодобывающее предприятие «Пакрут», затем оно полностью перешло под контроль китайской компании *China Nonferrous Gold Limited*, она начала извлечение золота из концентратов в 2016 г.³¹.

В сфере образования в Таджикистане проявляют активность Япония, Германия, стремится расширить сотрудничество с таджикскими университетами, включая финансируемый Россией Российско-таджикский (славянский) университет, Франция, небольшие образовательные программы предлагает Польша.

И всё же увеличения влияния западных стран в Таджикистане явно не прослеживается³², скорее можно наблюдать – особенно в экономике – их постепенное вытеснение Китаем. Перспектива его доминирования в республике с каждым годом становится всё более реальной.

²⁹ Explore All Countries. Tajikistan. Central Intelligent Agency. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/tajikistan/> (accessed 25.04.2022)

³⁰ Пять успешных горнорудных предприятий Таджикистана. *Tajikistan. Asia plus.* URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20190828/pyat-uspeshnih-gorno-rudnih-predpriyatiy-tadzhikistana> (дата обращения: 25.04.2022)

³¹ Там же.

³² Падение влияния США в Таджикистане констатировал и Темур Умаров в статье, посвящённой стремлению США открыть военную базу в Центральной Азии, опубликованной на ресурсе Московского офиса Carnegie Endowment for International Peace: Is There a Place for a U.S. Military Base in Central Asia? *Carnegie Endowment for International Peace.* URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/84685> (accessed 25.04.2022)

Китай уверенно теснит своих западных конкурентов на инвестиционном рынке Таджикистана. В 2001 г. среди иностранных инвесторов лидировали частные фирмы из Великобритании (45%), Республики Корея (24%), Италии (21%). Теперь три четверти всех иностранных инвестиций приходится на Китай. Самый высокий рост товарооборота наблюдается с КНР, в 2021 г. он в 1,8 раза выше, чем годом ранее. Торговый оборот с КНР достиг 769,9 млн долларов³³.

20 июня 2019 г. во время экономического форума, проходившего в г. Кульябе, между Государственным комитетом по инвестициям Таджикистана и китайской компанией «Кашгар Синьюй Дади Майнинг Инвестмент Лимитед» (*Kashgar Xinyu Dadi Mining Investment*) было заключено соглашение о комплексной разработке в Мургабском районе месторождения серебра «Якджилва», запасы этого месторождения по разным оценкам колеблются от 205 до 415 тонн драгоценного металла. Ранее этого месторождение разрабатывалось компанией *C.A. Minerals*, базировавшейся в Казахстане³⁴. Большим плюсом этого месторождения считается высокое содержание серебра в руде – от 1 до 2 кг на тонну руды.

Таджикские власти освободили китайского инвестора от уплаты налога на прибыль, от уплаты налога на добавленную стоимость (НДС) и таможенной пошлины при импорте необходимого оборудования и материалов. По данным китайской компании, на месторождении работают 106 человек, 70 из которых — граждане Китая и 36 — граждане Таджикистана.

Ещё в 2007 г. китайская компания *Zijin Mining group* приобрела 75% акций золотодобывающего предприятия «Зарафшон» на северо-западе республики, на тот момент производившего до 70% всего золота, добываемого в стране³⁵.

Сейчас в Таджикистане работает более 400 китайских компаний, что делает их крупнейшими налогоплательщиками и основными экспортёрами. Среди них и такая огромная, диверсифицированная компания как *Tibetian Electric Apparatus Stock Co* (TBEA), имеющая активы во многих странах мира.

За последние несколько лет китайской компанией TBEA было построено пять линий электропередач, которые позволили объединить отдельные части энергосистемы страны, что было очень важно в условиях многолетнего зимнего энергодефицита. Кроме того, в Душанбе китайцы построили тепловую электростанцию (ТЭЦ «Душанбе-2»), в счёт которой Таджикистан передал Китаю золоторудное месторождение «Верхний Кумарг» и «Восточный Дуоба» в Согдийской области³⁶.

³³ В Таджикистане назвали главного торгового партнера. *Sputnik Таджикистан*. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20211214/tajikistan-glavnii-torgovyi-partner-1044149420.html> (дата обращения: 25.04.2022)

³⁴ Tajikistan hands Chinese company rights to silver reserves. *EurasiaNet*. URL: <https://eurasanet.org/tajikistan-hands-chinese-company-rights-to-silver-reserves> (accessed 25.04.2022)

³⁵ Silver Lining? Tajikistan Defends Controversial Decision To Give Mine To China. *Radio Free Europe*. URL: <https://www.rferl.org/a/silver-lining-tajikistan-defends-controversial-decision-to-give-mine-to-china/30199786.html> (accessed 25.04.2022)

³⁶ Пекинская удавка. Китай вкладывает в Таджикистан большие деньги. Чем республика будет отдавать долги? *Lenta.ru*. URL: https://lenta.ru/articles/2021/06/01/zhyzn_vzaimy/ (дата обращения: 25.04.2022)

В Поднебесной учатся около пяти тысяч студентов из Таджикистана, в Республике растёт число школ с преподаванием китайского языка, созданы два Института Конфуция, работающие проводниками китайской «мягкой силы». Китайское правительство приняло на себя обязательство в ближайшем будущем построить на свои деньги в Таджикистане четыре школы. За последние годы более 400 таджикских офицеров прошли курсы в китайских высших военных учебных заведениях. Страны активно проводят совместные военные учения. Впервые они прошли в 2015 г. в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) на территории, граничащей с Афганистаном, Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО). В них участвовали 250 бойцов таджикского ОМОНа и Министерства общественной безопасности Китая. С тех пор они проходят регулярно. Летом 2021 г. прошла информация о строительстве Китаем в ГБАО вблизи границы с Афганистаном базы, которая впоследствии должна быть передана МВД Таджикистана³⁷.

Руководство Таджикистана всё более ориентируется на сигналы, исходящие из Пекина, определяя курс своей внешней политики.

Российская Федерация, являясь одновременно глобальной и крупной региональной державой, последовательно отстаивающей свою политическую независимость, нуждается и будет нуждаться в государствах, поддерживающих её курс на создание системы международных отношений, базирующейся на принципах уважения международного права и суверенитета всех государств мира. Наша страна заинтересована в поддержке её линии в таких глобальных и региональных организациях как ООН, ОБСЕ, ШОС, СНГ, ОДКБ и с этой точки зрения Республика Таджикистан представляет для нас значительную ценность. Таджикистан является полноправным членом всех вышеперечисленных организаций.

В силу сложившейся демографической ситуации на обозримую перспективу мы нуждаемся и будем нуждаться в привлечении трудовых мигрантов из-за рубежа. По мере нашего технологического развития возникнет необходимость в повышении образовательного и квалификационного уровня трудовых мигрантов. Сотрудничество с Таджикистаном в области миграционной политики для нас императивно.

С учётом быстрого роста населения Таджикистана, и несмотря на низкую покупательную способность населения (рост покупательной способности идёт очень медленными темпами с периодическим её падением), рынок республики представляет интерес для наших товаропроизводителей, и этот рынок нельзя уступать нашим конкурентам.

³⁷ La Chine va bâtir une base pour le Tadjikistan à la frontière afghan. *Le Figaro*. URL: <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/la-chine-va-batir-une-base-pour-le-tadjikistan-a-la-frontiere-afghane-20211028> (accessed 25.04.2022)

Таджикистан богат природными ресурсами, в том числе такими, транспортировка которых на мировые рынки не требует больших затрат. К тому же после прекращения пандемии Covid-19 возможно будет возобновление железнодорожного сообщения между двумя странами. (Об этом сообщал первый заместитель генерального директора РЖД С.А. Павлов ещё в 2020 г.)

Внутренняя ситуация в Таджикистане может влиять на нашу страну как в положительном, так и отрицательном ключе. Усиление позиций радикального ислама представляет опасность с точки зрения воздействия на умы направляющихся в Россию трудовых мигрантов. Следует учитывать, что значительная часть трудовых мигрантов планирует остаться в России и натурализоваться, что и происходит в действительности (Kluczewska, Korneev 2022; Ryazantsev et al. 2021).

На протяжении 2021 г. Федерация мигрантов России (ФМР) проводила совместно с социологами МГУ опрос среди мигрантов, выходцев из Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. Результаты опроса показали, что люди, которые приехали в Россию недавно, говорят, что хотят подзаработать и вернуться на родину, это приблизительно 30% опрошенных мигрантов, большинство из них живет в России менее трех лет. Однако большая часть тех, кто живет более пяти лет, хотят остаться в России³⁸.

Серьёзным вызовом для стабильности и безопасности в Евразийском регионе может стать возобновление в Таджикистане конфронтации с перспективой прихода к власти находящихся в подполье и эмиграции структур исламистов. Всё это обуславливает необходимость системной работы для сохранения в Таджикистане стабильной социально-политической ситуации, формирования молодых поколений таджиков в качестве граждан, лояльных по отношению к России и россиянам.

Для достижения указанных целей, которые имеют долговременный характер, требуется использование широкого набора инструментов и методов, которыми располагают российское государство, российский бизнес и российское гражданское общество, требуется и создание новых инструментов влияния.

В настоящее время гуманитарное взаимодействие России с Таджикистаном осуществляется как с помощью акторов, находящихся в стране, так и извне, прежде всего, с территории самой России. В реализации данной политики в Республике Таджикистан участвуют посольство Российской Федерации и лично посол нашей страны, опытный дипломат И.С. Лякин-Фролов, Российский центр науки и культуры, филиалы российских вузов, четыре центра, созданные Фондом «Русский мир», (они действуют на базе Таджикского национального университета, Таджикского государственного института языков, Таджикско-

³⁸ Среди мигрантов из КР и еще двух стран провели опрос в России — итоги. *Sputnik*. URL: <https://ru.sputnik.kg/migration/20211210/1054919694/russia-migratsiya-obzor-zarplata-kozhenov-itogi.html> (дата обращения: 25.04.2022)

го государственного педагогического университета им. С. Айни, Российско-таджикского (славянского) университета). Среди образовательных учреждений, которые способствуют сохранению российского культурного влияния в республике, следует назвать частную Таджикско-российскую гимназию-интернат для одарённых детей «Хотам и П.В.»

Велика роль Российско-таджикского (славянского) университета в продвижении положительного восприятия нашей страны в Таджикистане. Университет осуществляет подготовку кадров для работы в русских школах и для преподавания русского языка в таджикских школах. В структуре РТСУ функционируют две общеобразовательные школы: одна – в его здании в Душанбе, другая – в Кулябе. РТСУ каждый год проводит масштабное мероприятие «Дни русского языка и русской культуры», которое освещается, в том числе, СМИ на таджикском языке, данное мероприятие РТСУ проводит не только в своих стенах, но его преподаватели выезжают в другие регионы страны.

Знание русского языка – существенная предпосылка для сотрудничества России и Таджикистана во всех сферах жизнедеятельности. Но гуманитарное взаимодействие должно опираться на прогрессирующую экономическую взаимозависимость.

В настоящее время Россия является главным торговым партнёром Таджикистана. В 2021 г. объём торговли между нашими странами составил 1,13 млрд долларов³⁹.

В качестве инвестора Россия стоит на втором месте после КНР. В 2001 г. российские компании инвестировали 1,5 млн долл., 0,9% от всего объёма иностранных инвестиций в Таджикистан. С тех пор, несмотря на ряд серьёзных неудач и даже скандалов, Россия существенно увеличила своё инвестиционное участие в экономике Таджикистана. Правда, в отличие от Китая наша страна вкладывает ресурсы в проекты с гораздо более длительным сроком окупаемости. К тому же совокупный объём российских инвестиций значительно уступает инвестициям китайских компаний. И мы не практикуем, как это делает китайская сторона, получение особо ценных промышленных объектов в качестве платы за выданные кредиты, которые Таджикистан оказался неспособным вернуть и обслуживать.

С другой стороны, рубль в отличие от юаня используется в Таджикистане в качестве платёжного средства. Пять таджикских банков выдают кредиты в рублях (Поливач 2020: 96).

Переводы денег трудовых мигрантов из России составляют существенную часть ВВП страны, обеспечивают жизнь огромного количества семей таджикистанцев.

³⁹ В Таджикистане назвали главного торгового партнера. *Sputnik*. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20211214/tajikistan-glavnii-torgovyi-partner-1044149420.html> (дата обращения: 25.04.2022)

Безопасность Таджикистана по-прежнему гарантируется в значительной степени российской военной базой, дислоцированной в Душанбе. Хотя, надо отметить, военное присутствие России в Таджикистане сокращается. Ранее российские воинские части находились также в Кулябе и Курган-Тюбе. Ещё ранее афгано-таджикская граница охранялась российскими пограничниками. Существовала система обеспечения безопасности Таджикистана от неожиданностей, которые могли и могут исходить с территории Афганистана, в настоящее время эта система имеет серьёзные изъяны.

В Российской Федерации обучается значительное количество таджикских студентов, в том числе из семей элиты. Таджикистан имеет одну из самых больших квот для обучения в наших вузах за счёт российского бюджета. Значительное количество представителей силовых структур Таджикистана проходит подготовку и переподготовку в России.

И в советское время в Таджикистане имелись определённые проблемы с овладением русским языком. Согласно всесоюзной переписи 1989 года свободно владели русским языком в СССР 27,7% таджиков⁴⁰, ниже оценивали своё знание русского языка только узбеки. С тех пор численность населения Таджикистана значительно выросла и само население обновилось. Население Таджикистана с 1989 г по 2018 возросло на 67,13% и достигло 8,6 млн чел.⁴¹.

В Таджикистане один государственный язык – таджикский. Русский язык закреплён в конституции страны как язык межнационального общения. Он используется на государственном уровне (сайты ведомств имеют русскую версию), в академической среде, в средствах массовой информации. Особенно в столице и других больших городах говорят на нём и многие жители страны независимо от национальности.

Русский язык для трудоспособной части населения имеет вполне практическое значение. В самом Таджикистане при устройстве на высокооплачиваемую работу требуется знание русского. Значение русского языка понимают все, кто планирует выехать на заработки в Россию.

В ходе социологического опроса, проведённого среди трудовых мигрантов – выходцев из Таджикистана, Киргизии и Узбекистана, выяснилось, что респонденты, которые хорошо знают русский язык, получают больше, чем те, кто им плохо владеет, — 49 тысяч рублей против 37 тысяч⁴². Они признались в этом сами.

⁴⁰ Свой или чужой. В каком статусе живет русский язык в бывшем СССР. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/12/2021/61a8d6659a79476c9c9d5775> (дата обращения: 25.04.2022)

⁴¹ Как поменялось население бывших республик СССР за 30 лет. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/09/12/2021/61b1d60f9a794733836936fe> (дата обращения: 25.04.2022)

⁴² Среди мигрантов из КР и еще двух стран провели опрос в России — итоги. Sputnik. URL: <https://ru.sputnik.kg/migration/20211210/1054919694/russia-migratsiya-obzor-zarplata-kozhenov-itogi.html> (дата обращения: 25.04.2022)

В одной из самых престижных школ республики частной Таджикско-российской гимназии-интернате для одарённых детей «Хотам и П.В.» обучение идет на русском языке и без его знания туда поступить невозможно, притом что за обучение надо платить вполне ощутимую сумму.

Опрос, проведённый в странах СНГ и Грузии, показал, что наибольшее количество родителей хотят, чтобы их ребенок владел русским языком, в Таджикистане – 98% (Моховикова 2018: 251-252). В то же время возможности для изучения русского языка не соответствуют спросу на его знание. За 1990-е годы количество русских школ в Таджикистане сократилось втрое с 90 до 30, уменьшилось более чем на треть и количество школ со смешанным обучением⁴³. С тех пор количество русских школ с обучением на русском языке несколько возросло и по данным Минобразования Республики Таджикистан достигло 38, имеются также 152 школы, где есть классы с обучением как на русском, так и на таджикском. В данный момент в соответствии с межправительственным соглашением между РФ и Таджикистаном в пяти городах республики, включая столицу, строятся по школе, обучение там будет проходить на русском. Российская сторона взяла на себя оснащение этих учебных заведений, а также обеспечение кадрами. Ожидается, что 1 сентября 2022 г. они примут первых учеников.

Изучению русского языка в Таджикистане уделяется определённое внимание на государственном уровне. «Программа совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков» в Таджикистане была принята в 2019 г., её реализация рассчитана на период до 2030 г. Само появление этого документа, а это уже вторая программа на государственном уровне, говорит о том, что государство осознаёт необходимость через систему образования поднять роль качественного обучения русскому языку», – отмечал главный специалист управления общего образования Министерства образования и науки республики Мухаммад Бобомуродов. По его словам, программа предусматривает проведение курсов повышения уровня преподавания русского языка, привлечение специалистов для обмена опытом и надбавку к зарплате учителей. Бобомуродов признал, что в последние годы уровень знания русского среди таджикской молодежи стал снижаться. Это связано, полагает он, с недостатком практики. «Одних уроков в рамках школьной программы недостаточно», – сказал представитель Минобразования. Бобомуродов добавил, что на данный момент в республике ощущается нехватка кадров. «Проблема нехватки учителей русского языка связана не с количеством специалистов, заканчивающих вузы по данной специальности: не все идут работать по направлению», – пояснил он.

В последнее время в Таджикистане всё больше молодых людей хотят изучать русский язык. «В нашем институте функционирует факультет русской филологии, где студенты, а их более 800 человек, обучаются по пяти специальностям,

⁴³ Русский язык в мире. 2002. Доклад. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Москва. С. 20.

среди которых русский язык и литература», – рассказала ректор Таджикского государственного института языков Жило Гулназарзода. По её словам, на этом факультете учатся не только граждане республики, но и студенты из Туркмении, Узбекистана и Киргизии. Возможно дистанционное обучение по некоторым специальностям.

Гуманитарное измерение является важным, хотя и не определяющим фактором влияния на другое государство. Особенность гуманитарного воздействия в том, что оно затрагивает интересы, прежде всего, общества, а общество в авторитарных системах имеет ограниченные возможности влияния на свое государство.

Понимание сложностей и проблем в социально-экономическом и социокультурном развитии Таджикистана необходимо не для псевдодолиберальной критики ради критики, за которой не редко скрываются цели, далекие от интересов народа Таджикистана, а для понимания того, как лучше выстраивать отношения с этой республикой, притом не только на уровне государства, но и российского бизнеса, российского гражданского общества.

И есть человеческое измерение российско-таджикских отношений, которое не вписывается и не должно вписываться ни в какие концепции «мягкой силы». Опыт вместе прожитого и вместе выстраданного... Неординарные личности, творившие общую историю, и память о которых сохраняется и у российской, и у таджикской интеллигенции. В Москве, Санкт-Петербурге, Казани востоковедам не надо объяснять, кто такой был академик Бободжан Гафурович Гафуров, бывший директор Института востоковедения АН СССР, защищавший своих свободомыслящих сотрудников от нападок партийных охранителей, догматиков-ортодоксов. В кабинете истории разведки в штаб-квартире СБР висит портрет таджика Рахима Бурханова, добывшего ценные сведения об агентуре гестаповской разведки в годы Великой Отечественной войны. Академик Иван Михайлович Стеблин-Каменский в юности работал учителем русского языка в Вахансской долине на Памире, он перевел «Авесту» на русский, а про один из памирских языков – ваханский говорил, что он для него родной, так как он говорил, думал на нём, видел сны с разговорами на ваханском.

* * *

Ослабление влияния США в Таджикистане не должно служить самоуспокоению и вводить в заблуждение по поводу их возможностей. Именно постепенная потеря позиций в пользу Китая и/или России ещё более стимулирует Соединённые Штаты использовать хорошо отработанные методы дестабилизации: лучше хаос, чем влияние противников. В своей борьбе они готовы использовать исламистов. Таджикистан приближается к моменту смены власти, и именно этот момент США могут попытаться использовать для дестабилизации ситуации в республике, стабильность которой является исключительно важной для нашей страны.

Превращение всего мира в свою зону влияния – стратегическая цель США. В период критического противостояния нашей страны с США и всем подчинённым Вашингтону коллективным Западом противодействие их влиянию во всех странах, сохраняющих свою независимость, – задача нашей внешней политики. Таджикистан в тяжелейший момент нашей истории проявил стойкость и дружеское отношение к нашему народу, развитие отношений во всех сферах с этой страной – императив на многие годы вперед.

Об авторах:

Евгений Михайлович Кожокин – доктор исторических наук, декан Факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Российской государственной гуманитарной университета; 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6. E-mail: kozhokin@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 327.8
Received: January 12, 2022
Accepted: March 15, 2022

The Struggle for Influence on the Roof of the World

E.M. Kozhokin
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-2-83-141-163](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-2-83-141-163)

Russian State University for the Humanities

Abstract: The key research task addressed in this article is to identify, using the example of Tajikistan, the main methods of struggle for influence currently used by leading international actors. Tajikistan is considered both as an autonomous actor with significant internal sources of development, and as an object of influence from more powerful states. The article analyses the nature of the actions taken by the United States, China, and Russia to gain political, economic, and cultural influence in this Central Asian republic. These states act as investors and trade partners in Tajikistan, they gain influence in education by promoting the study of English, Chinese and Russian languages. While the Western investments tend to decrease, the United States retains its influence, primarily in the financial sector. It also attracts the most active, young, educated citizens of Tajikistan to US for permanent residence. Of all countries, China has the most consistent and effective investment strategy, which includes the allocation of investment loans to Tajikistan, the creation of infrastructure facilities through these loans by Chinese companies and labor. The gradual establishment of China's dominance in the economic sphere is accompanied by an increase in China's presence in

education and culture. Russia is Tajikistan's main trading partner, the most important security provider, and destination for a critical number of labor migrants. There is a fundamental difference in the approaches of Russia, China, and the United States to Tajikistan: the activities of Russia and China are focused on maintaining and strengthening stability in Tajikistan, the United States, in the context of their campaign of tough confrontation with Russia, is ready to assist in destabilizing the situation in Tajikistan, using Islamists for this purpose.

Keywords: Tajikistan, USSR, USA, China, Russia, security, investment, Russian

About the authors:

Evgeny M. Kozhokin – Doctor of Historical Sciences, Dean of the Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies of the Russian State University for the Humanities; 6 Miusskaya Square, Moscow, 125047. E-mail: kozhokin@yandex.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Bezborodova A. Radjabzade S. 2022. English in higher Education in the Kyrgyz Republic, Tajikistan, and Uzbekistan. *World Englishes*. 41(1). P. 72-91.
- Cooley A. 2012. *Great Games, Local Rules: the New Power Contest in Central Asia*. Oxford University Press. 272 p.
- Dörre A. 2021. Special Economic Zones as a Motor of Development? Reviewing the Claims and Reality in Tajikistan. *Geographische Rundschau*. 73(12). P. 10-15.
- Kissinger H. 2002. *Does America Need a Foreign Policy?: Toward a Diplomacy for the 21st Century*. Simon and Schuster. 353 p.
- Kluczevska K., Korneev O. 2022. Engaging with Labour Migrants: Emigration Policy in Tajikistan. *Asian Studies Review*. 46(1). P. 130-149.
- Maynes C. W. 2003. America Discovers Central Asia. *Foreign Affairs*. P. 120-132.
- Ryazantsev S., Khonkhodzhayev F., Akramov S., Ryazantsev N. 2021. Return Migration to Tajikistan: Forms, Trends, Consequences. *Central Asia and the Caucasus*. 22(2). P. 162-173.
- Ryazantsev S., Pismennaya E., Pichkov O., Garibova, F. 2019. Tajikistan's foreign trade with neighboring countries: New trends and social and political impacts", *Central Asia and the Caucasus*, vol. 20, no. 2. P. 81-89.
- Skiperskikh A. 2019. 'Made in Tajikistan' Nationbuilding in the Third Millennium". *Mezdunarodnye Protsessy*. 17(1). P. 88-98.
- van der Kley D. 2020. Chinese Companies' Localization in Kyrgyzstan and Tajikistan. *Problems of Post-Communism*. 67(3). P. 241-250.
- Bushkov V.I., Mikulsky V.D. 1995. «*Tadzhikskaya revolyuciya i grazhdanskaya vojna. (1989-1994 gg.)* [The "Tajik Revolution" and the Civil War. (1989-1994)]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. 310 p. (In Russian)
- Mokhovikova M.N. 2018. *Zadacha sohraneniya russkogo yazyka za rubezhom. Opyt fonda «Russkij mir»* [The Task of Preserving the Russian Language abroad. The Experience of the Russian World Foundation]. Russia and Central Asia: New perspectives. Moscow: MGIMO-University Publishing House. (In Russian)

Olcott M.B. 2008. *Vtoroj shans Central'noj Azii. Moskva – Vashington* [Central Asia's Second Chance. Moscow – Washington]. Carnegie Moscow Center, Carnegie Endowment for International Peace. 487 p. (In Russian)

Polivach. A. 2020. Yuan' i rubl' v ekonomike stran Central'noj Azii [Yuan and Ruble in the Economy of Central Asian Countries]. *Russia and the New States of Eurasia*. IV(XLIX). (In Russian)

Streltsov D.V. 2014. Oriental Studies. *MGIMO Review of International Relations*. 5(38). P. 143-150. (In Russian) DOI: 10.24833/2071-8160-2014-5-38-143-150

Zvyagel'skaya I. D. 2009. *Stanovleniye gosudarstv Tsentral'noy Azii. Politicheskiye protsessy* [Formation of the States of Central Asia. Political Processes]. Aspekt Press. 208 s. (In Russian)

Список литературы:

Бушков В.И., Микульский В.Д. 1995. «Таджикская революция» и гражданская война. (1989-1994 гг.) Москва: Институт этнологии и антропологии РАН. 310 с.

Звягельская И. Д. 2009. *Становление государств Центральной Азии. Политические процессы*. Аспект Пресс. 208 с.

Моховикова М.Н. 2018. Задача сохранения русского языка за рубежом. Опыт фонда «Русский мир». *Россия и Центральная Азия: новые перспективы*. Москва: Из-во «МГИМО-Университет».

Олкотт М.Б. 2008. *Второй шанс Центральной Азии. Москва – Вашингтон*. Московский центр Карнеги, Фонд Карнеги за международный мир. 487 с.

Поливач А. 2020. Юань и рубль в экономике стран Центральной Азии. *Россия и новые государства Евразии*. IV(XLIX).

Стрельцов Д. В. 2014. Востоковедение в МГИМО. *Вестник МГИМО Университета*. 5 (38). С. 143–150. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-5-38-143-150

США и Великобритания на ГА ООН: голосование по важным для США резолюциям (2001–2019 гг.)

А.О. Мамедова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье рассмотрены совпадения и различия в позициях США и Великобритании в ходе голосования на Генеральной Ассамблее ООН по важным для Вашингтона резолюциям в 2001–2019 гг. на основании ежегодных докладов государственного департамента США Конгрессу. Согласованность голосования на ГА ООН позволяет определить уровень поддержки внешнеполитического курса США в рамках наиболее представительного международного форума. Поскольку значительная часть резолюций ГА ООН носит характер рекомендаций, у стран имеется больший простор для манёвра, чем в Совете Безопасности ООН. Вашингтон внимательно следит за голосованием на ГА ООН, особенно по резолюциям, посвящённым палестино-израильскому конфликту. США и Великобритания, связанные наличием особых отношений в военно-политической и дипломатической сферах, активно используют Совет Безопасности ООН для продвижения своих интересов. Сопоставление их позиций при голосовании на ГА ООН актуально, так как оно позволяет объективно оценить внешнеполитическое взаимодействие двух мировых лидеров. В статье рассмотрены четыре группы наиболее важных для Вашингтона резолюций: права человека, урегулирование палестино-израильского конфликта, нераспространение ядерного оружия и вопросы безопасности, санкции и экономическое развитие. В 2001–2019 гг. процент совпадения голосов США и Великобритании по важным для американцев резолюциям был достаточно высок. Однако в период нахождения у власти республиканцев Дж. Буша-мл. и Д. Трампа этот показатель был ниже, чем в период президентства демократа Б. Обамы. Совпадение подходов отмечено по вопросам нераспространения ядерного оружия и прав человека; в то же время по урегулированию палестино-израильского конфликта и развитию имелись расхождения, особенно в случаях противоречий между США и ЕС. Несмотря на наличие особых отношений с США, Великобритания зачастую ориентировалась на группу ЕС на ГА ООН. Несовпадения в ходе голосования усиливались в периоды, когда США были склонны к односторонним действиям на международной арене.

Ключевые слова: США, Великобритания, Генеральная Ассамблея ООН, особые отношения, поведение при голосовании, согласованность голосования, нераспространение, права человека, палестино-израильский конфликт, развитие

УДК: 94, 327

Поступила в редакцию: 12.03.2021 г.

Принята к публикации: 03.02.2022 г.

Политика США по отношению к ООН в начале XXI в. не отличалась последовательностью. Республиканец Дж. Буш-мл. обращался к организации *ad hoc*, демократ Б. Обама предпочитал продвигать американские интересы в этой организации с помощью многосторонней дипломатии. С приходом в Белый дом республиканца Д. Трампа США начали оказывать жёсткое давление на ООН, но и при нём США по-прежнему стремились получить поддержку своих европейских союзников при голосовании в ООН и других международных организациях (Приходько 2020).

Великобритания, в отличие от своего ближайшего военно-политического союзника, была более последовательна по отношению к ООН, несмотря на смену партий в правительстве, так как видела в ней необходимый инструмент для легитимации своих действий на международной арене. Место постоянного члена в Совете Безопасности ООН – один из компонентов, позволяющих Великобритании претендовать на место ведущей мировой державы, а не ограничиваться сугубо региональной ролью; этот фактор стал особенно актуальным после выхода Соединённого Королевства из ЕС (Hill 2016; Dee, Smith 2017; Gifkins, Jarvis, Ralph 2019).

Голосование на Генеральной Ассамблее ООН имеет свои особенности. Большинство резолюций ГА ООН принимается консенсусом, однако ежегодно около трети проектов выносится на голосование и получает поддержку большинства государств. При этом США чаще других стран голосуют «против». Например, в 2017 г. США проголосовали против 71 из 93 вынесенных на голосование резолюций¹.

Поскольку значительная часть резолюций Генеральной Ассамблеи ООН по международно-политическим вопросам согласно ст.10 Устава ООН носит характер рекомендаций, страны имеют больший простор для манёвра, чем в СБ ООН².

Важную роль играет принадлежность страны к региональным и политическим группам. Существует пять региональных групп³, созданных для обеспечения справедливого географического представления на выборах в различные органы ООН, например ЭКОСОК или СПЧ⁴. Что касается политических групп, М. Ди и К. Смит выделили два типа. Группы первого типа сформированы на базе организаций, существующих вне ООН, таких как ЕС и ОИС⁵. Группы второго типа подразделяются на созданные «по интересам» (“caucusing groups”, сре-

¹ Voting Practices in the United Nations 2017. 2018. U.S. Department of State. 85 p. P. 5.

² Устав ООН (полный текст). Организация Объединённых Наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения 23.05.2022).

³ Группы африканских государств, азиатских государств, восточноевропейских государств, государств Латинской Америки и Карибского бассейна, западноевропейских и других государств.

⁴ Функции и полномочия Генеральной Ассамблеи. Организация Объединённых Наций. URL: <https://www.un.org/ru/ga/about/background.shtml> (дата обращения 23.05.2022).

⁵ Организация Исламского сотрудничества (ранее – Организация Исламская конференция).

ди них JUSCANZ⁶) и на лоббистские группы, занимающиеся узкими вопросами (например, группа малых островных развивающихся государств) (Dee, Smith 2017: 529–530).

Великобритания входит в группу западноевропейских и других стран, в которой США числятся наблюдателем. Соединённые Штаты не являются членом ни одной региональной группы. Для Великобритании большое значение имеет работа в различных политических группах, особенно ЕС, считающейся самой влиятельной в системе ООН (Dee, Smith 2017: 530). Постоянные представители США стремятся общаться с максимальным количеством представителей других стран при ООН.

США в полной мере столкнулись с враждебностью ГА ООН в 1960-е гг., когда ряды организации пополнили получившие независимость страны Азии и Африки, а США и их союзники утратили большинство на Генеральной Ассамблее (Hoveyda 2006). После 1996 г. было отмечено стабильное снижение процента совпадения голосов США и остальных стран на ГА ООН, что позволило Э. Вутену сделать вывод об усилении изоляции Вашингтона, особенно по регулярно выносимым на голосование резолюциям (снятие эмбарго с Кубы, палестино-израильский конфликт) (Voeten 2004: 742). С 2000 г. процент совпадений в среднем составил 32,4% (Kim, Schaefer 2013). Обладая огромным политическим весом в ООН и внося наибольший вклад в её бюджет и бюджет миротворческих миссий, Вашингтон был недоволен такими результатами. Ответной мерой стали действия США в обход ООН и попытки влиять на организацию, используя рычаг финансирования (Finger 2001; Groom 2003; Finkelstein 2006; Forman 2006; Sutterlin 2007).

С избранием Б. Обамы ситуация изменилась для Вашингтона в лучшую сторону: в 2010-е гг. процент совпадения при голосовании повысился, достигнув максимума – 38% в 2011 г. и 41% в 2016 г.⁷ При этом в 2010-е гг. отмечалось снижение поддержки политики России и КНР другими государствами-членами ООН, а также снижение совпадения при голосовании России, КНР и других стран БРИКС, что свидетельствовало о росте конкуренции за влияние на международной арене между крупнейшими мировыми державами (Истомин 2018).

В результате политики Д. Трампа ситуация вновь изменилась в худшую для США сторону. В 2017 г. общее совпадение остальных стран с США на ГА ООН составило 31%;⁸ наибольшие значения наблюдались у Израиля (94%), Микронезии (72%), Канады (69%), Маршалловых островов (63%), Австралии (60%),

⁶ Акроним: Япония, США, Республика Корея, Канада, Австралия, Новая Зеландия.

⁷ Voting Practices in the United Nations for 2019. 2020. U.S. Department of State. 76 p. P. 5. По старой методике, когда в подсчёт не включались резолюции, по которым одна из стран воздержалась от голосования, получалось 51,5% и 54,8% соответственно. С 2017 г. госдепом США стала использоваться та же формула, что и в нашем исследовании. См. Voting Practices in the United Nations 2011. 2012. U.S. Department of State. 51 p. P. 13; Voting Practices in the United Nations 2016. 2017. U.S. Department of State. 70 p. P. 28.

⁸ Voting Practices in the United Nations 2017. 2018. U.S. Department of State. 85 p. P. 5.

Великобритании (60%), Франции (58%), Палау (56%), Украины (54%) и Чехии (54%)⁹. Неслучайно в своих мемуарах Джон Болтон назвал Израиль, Палау и Маршалловы острова лучшими друзьями США в ООН¹⁰. В 2019 г. процент совпадения с остальными странами по всем резолюциям ГА ООН, по которым проводилось голосование, составил 32%¹¹. В госдепартаменте США отметили, что страна остаётся в наибольшей дипломатической изоляции при голосовании по резолюциям, относящимся к палестино-израильскому конфликту и проблемам развития¹².

В 2017–2019 гг. наблюдалось снижение совпадения при голосовании на ГА ООН США и их западных союзников: наибольшее падение наблюдалось для группы стран-членов НАТО (-7,9%), а наименьшее – для ОЭСР (-6,7%) по сравнению со средним значением за все предыдущие годы до вступления Трампа в должность президента США. Примечательно, что в первые два года президентства Трампа в 13 странах, относящихся к политическому Западу, согласованность голосования на ГА ООН с США увеличилась (в том числе в Израиле, Венгрии, Республике Корея, Австралии и Чехии), в то время как ближайшие союзники США – Великобритания, Франция и ФРГ – демонстрировали меньшую согласованность голосования с США (Mosler, Potrafke 2020: 483, 487).

Изучение согласованности голосования на Генеральной Ассамблее ООН: исторический экскурс

Изучение согласованности позиций стран и групп на ГА ООН началось ещё в 1950-е гг. М. Бол провела качественный и количественный анализ согласованности голосования на примере блоков стран Запада, Латинской Америки, Лиги арабских государств, советского блока, Британского Содружества наций в первые годы существования ООН. Она подняла вопрос о возможности координации голосования блоков по темам, вызывающим взаимный интерес (Ball 1951). А. Лейпхарт уточнил критерии выделения блоков и предложил формулу для подсчёта согласованности действий внутри них на основе формул С. Райса и Г. Бейла (Lijphart 1963). Б. Мейерс дал своё определение понятий «блок», «группа по интересам» и «кластер»; он проанализировал согласованность действий африканских стран на ГА ООН, выделив три кластера (Meyers 1966). Л. Гурвиц измерил согласованность голосования стран ЕЭС на ГА ООН на основе формулы А. Лейпхарта, сравнив голосование пятёрки стран-основателей ЕЭС¹³ и трёх но-

⁹ Ibid. Pp. 7 – 12.

¹⁰ Bolton J. Surrender Is Not an Option. Defending America at the United Nations and Abroad. NY: Threshold Editions. 2008. 512 p. P. 238.

¹¹ Voting Practices in the United Nations in 2019. 2020. U.S. Department of State. 76 p. P. 4.

¹² Ibid.

¹³ ФРГ вошла в ООН в 1973 г., поэтому не включена в анализ, охватывающий 1948–1973 гг.

вых членов (Великобритания, Дания, Ирландия). Он пришёл к выводу, что позиции стран ЕЭС в целом совпадали с тем, как голосовали другие страны-члены ООН и что лишь у Франции был относительно низкий индекс согласованности с другими странами ЕЭС (Hurwitz 1975: 227, 242–243). В дальнейшем Л. Гурвиц проанализировал голосование стран ЕЭС по вопросам деколонизации и самоопределения народов: было выявлено, что Дания и Ирландия придерживались либеральных позиций, в то время как остальные семь стран, особенно Великобритания и Франция, выступали за сохранение статус-кво (Hurwitz 1976: 441).

При анализе голосования на ГА ООН в 1990-е гг. С. Холлоуэй и Р. Томлинсон утверждали, что, хотя с окончанием холодной войны наблюдалась большая согласованность в СБ ООН, она не была характерна для голосований на ГА ООН, в том числе потому что в Совете Безопасности рассматривалась проблематика отношений между Востоком и Западом, в то время как в повестке дня Генеральной Ассамблеи преобладали вопросы отношений между глобальным Севером и глобальным Югом (Holloway, Tomlinson 1995). Той же точки зрения придерживались С. Ким и Б. Рассетт (Kim, Russett 1996). Э. Вутен пришёл к выводу, что противоречия между Западом и Востоком продолжали проявляться при голосовании на ГА ООН, и конфликт между Севером и Югом не занял их место в повестке дня ООН, но при этом европейские страны несколько «отдалились» от США. Кроме того, он обнаружил, что основная линия конфликта на ГА ООН пролегает между США и их союзниками с одной стороны, и блоком стран, стремящихся выступать в качестве противовеса гегемонии США (восходящие державы – Китай и Индия, а также Ирак, Иран, Ливия и КНДР) (Voeten 2000: 213).

Э. Вутен продемонстрировал растущую с середины 1990-х гг. изоляцию США на ГА ООН посредством инновационной методики, позволившей при расчётах отделить перемены в предпочтениях стран при голосовании от изменений в повестке дня Генеральной Ассамблеи (Voeten 2004). В дальнейшем коллектив исследователей во главе с М. Бэйли её усовершенствовали (Bailey, Strezhnev, Voeten 2017).

Свою методику оценки согласованности действий «группы-гегемона» – «Большой семёрки» на ГА ООН предложили Т. Волджи и его коллеги (Volgy, Frazier, Ingersoll 2003). Ряд современных исследований также посвящён действиям новых политических групп на ГА ООН (БРИКС, Вышеградская группа, ГУАМ) (Ferdinand 2014; Onderco 2014; Курылев, Семибрратов, Шабловский 2018).

Поскольку ЕС пытается выступать с единых позиций в своей внешней политике, актуальным становится изучение дисциплины в этом блоке и факторов, способствующих её нарушению при голосовании на ГА ООН. В 1980-е гг. существовали «консервативный» (Великобритания, Франция, ФРГ) и «прогрессивный» (Дания, Греция, Ирландия, Испания, в некоторой степени – Италия и Нидерланды) блоки внутри группы ЕЭС при голосовании на ГА ООН (Holmes, Rees, Whelan 1992: 82). Согласованность действий стран ЕЭС снизилась в 1980-е по сравнению с 1970-ми гг., но в 1990-е наметился её существенный рост,

группа ЕС стала играть активную роль на ГА ООН в целях реализации ОВПБ (Young, Rees 2005). В 1990-е гг. Великобритания и Франция были менее склонны голосовать изолированно от ЕС по сравнению с 1980-ми, хотя их показатели согласованности остались значительно ниже, чем у других стран (Young, Rees 2005). В настоящее время странам ЕС всё больше удаётся выступать с единых позиций (Burmester, Jankowski 2018). Великобритания и Франция чаще других стран-членов ЕС нарушили «блоковую дисциплину» и голосовали отлично от большинства, что связано с их статусом ядерных держав и бывших колониальных метрополий, поскольку нераспространение и деколонизация регулярно становятся темами резолюций ГА ООН (Luif 2003: 51; Burmester, Jankowski 2018: 655). Н. Бурместер и М. Янковски выдвинули ряд гипотез о влиянии различных факторов на голосование стран ЕС на ГА ООН, в том числе отношения к интеграции и позиции США по тому или иному вопросу (Burmester, Jankowski 2018). Их гипотеза о влиянии США на то, как голосуют страны, нашла подтверждение в нашем исследовании на примере резолюций по палестино-израильскому конфликту.

П. Льюиф указал на рост расхождения между США и ЕЭС/ЕС в период с 1979 г. После 1993 г. наметилось сближение позиций, однако с 1999 г. расхождение усилилось. По ближневосточному урегулированию в ЕС наблюдался достаточно высокий уровень согласованности, так же, как и по правам человека (Luif 2003: 51). С идеологической точки зрения ЕС находится между США и группой развивающихся государств (Burmester, Jankowski 2014).

Важной темой является идеологическая и финансовая сторона деятельности США на ГА ООН. Н. Потрафке на примере стран ОЭСР установил, что идеология влияет на согласованность голосования стран с США: правительства, придерживающиеся левых взглядов, менее склонны поддерживать линию США. Эти различия обостряются, когда хозяином Белого дома становится республиканец (Potrafke 2009). На основе данных за 1984–2005 гг. он обнаружил, что Великобритания и Франция «оказались близкими союзниками США»: процент совпадения при голосовании по всем резолюциям ГА ООН составил в среднем 62% и 58%, в то время как Австрия, Греция и Ирландия реже голосовали вместе с США (Potrafke 2009: 252).

А. Дрехер с коллегами пришёл к выводу, что различные виды американской помощи (особенно гранты и не связанная условиями помощь), позволяют Вашингтону «покупать» голоса стран-получателей на ГА ООН (Dreher, Nunnenkamp, Thiele, 2008). В дальнейшем А. Дрехер с соавторами пришёл к выводу, что непостоянные члены СБ ООН имеют больше шансов получить кредиты МВФ с меньшим количеством условий. Таким образом, вероятно, что страны с наибольшим влиянием в МВФ (т. е. США) используют этот механизм для влияния на голосование непостоянных членов в СБ ООН (Dreher, Sturm, Vreeland, 2009). Это интересное наблюдение едва ли можно применить к развитым странам, включая Великобританию.

Цели, методы и источники исследования

Цели нашей статьи – выявить и объяснить различия при голосовании США и Великобритании на Генеральной Ассамблее ООН по важным для Вашингтона резолюциям в 2001–2019 гг. при помощи количественного и качественного анализа совпадений и расхождений. США и Великобритания, связанные особыми отношениями в военно-политической и дипломатической сферах, активно используют Совет Безопасности ООН для продвижения своих интересов, будучи (вместе с Францией) самыми активными составителями резолюций (*penholders*) (Мамедова 2019). В научной дискуссии были затронуты взаимодействие США с Великобританией, Францией и ФРГ при Д. Трампе в СБ ООН и проблема американского лидерства (Синдеев 2020а; Синдеев 2020б), но не сопоставление голосования двух ближайших военно-политических союзников на ГА ООН.

Основным источником данных для исследования послужили доклады государственного департамента США Конгрессу о практике голосования США в ООН за 2001–2019 гг., ежегодная публикация которых началась в 1984 г. (тогда был опубликован доклад за 1983 г.)¹⁴. Сравнению голосов США и других стран на Генеральной Ассамблее ООН по наиболее важным для Вашингтона резолюциям посвящён отдельный раздел этих документов. В президентство Дж. Буша-мл. и Б. Обамы составители докладов обычно выделяли от 8 до 15 резолюций, посвящённых нераспространению ядерного оружия и вопросам безопасности, урегулированию палестино-израильского конфликта, развитию, правам человека и другим вопросам, в том числе финансированию ООН. Однако при Д. Трампе их число существенно возросло и достигло 30 в 2019 г.¹⁵. Одна из целей докладов заключается в определении эффективности предоставления иностранной помощи другим государствам. Объектом анализа стали только важные для США резолюции, потому что по ним можно судить о приоритетах каждой администрации президента США и их поддержке ключевым союзником – Великобританией.

Ещё одним важным источником стали данные об итогах голосования на ГА ООН и тексты резолюций, представленные на сайте «Цифровая библиотека Объединённых Наций»¹⁶.

При подсчёте процента совпадения при голосовании США и Великобритании на ГА ООН по важным для Вашингтона резолюциям использовалась формула подсчёта индекса согласованности голосования (IVC, index of voting cohesion) по методу Райса-Бейла, усовершенствованному А. Лейпхартом (Lijphart 1963: 910; Rice 1928; Beyle 1931):

¹⁴ Voting Practices in the United Nations for 2019. 2020. U.S. Department of State. P. 3.

¹⁵ Voting Practices in the United Nations 2017. Pp. 37–40; Voting Practices in the United Nations in 2018. 2019. U.S. Department of State. 83 p. P. 53–58; Voting Practices in the United Nations for 2019. P. 50–52.

¹⁶ Объединённые Нации. Цифровая библиотека. URL: <https://digitallibrary.un.org/> (дата обращения 23.04.2022).

$$IVC = \frac{(f+0,5g)}{t} \times 100\%$$

В формуле f – число резолюций, по которым страны проголосовали одинаково, то есть обе за, против или воздержались, g – число резолюций, по которым одна страна проголосовала за или против, а другая воздержалась, а t – общее число резолюций. Этот метод оценки был выбран ввиду его простоты и информативности.

Представляется обоснованным мнение Э. Вутена, что решение воздержаться при голосовании свидетельствует о том, что страна в целом не поддерживает проект резолюции (Voeten 2004: 735).

Согласованность голосования: основные тенденции

В 2001–2019 гг. процент совпадения голосов США и Великобритании по **важным** для Соединённых Штатов резолюциям составлял в среднем 67%. В разные годы Великобритания входила в пятёрку или десятку стран по доле совпадающих голосов. Как видно из Рисунка 1, в период нахождения у власти республиканцев Дж. Буша-мл. (1-й срок – 59%, 2-й срок – 65%) и за три года президентства Д. Трампа (58%) этот показатель был ниже, чем во время президентства демократа Б. Обамы (1-й срок – 70%, 2-й срок – 81%). Это можно объяснить в первую очередь тем, какие резолюции США выделяют для себя в качестве важных в своих ежегодных докладах, что зависит от приоритетов внешней политики президента США.

В количественном отношении выделяются 2002 (шесть резолюций), 2017 (пять резолюций), 2018 (девять резолюций) и 2019 гг. (шесть резолюций), когда по существенному числу резолюций США и Великобритания проголосовали противоположно. В 2002 г. различия были по вопросу снятия эмбарго с Кубы, проблемам нераспространения и безопасности, а также правам человека («Права ребёнка», «Борьба против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости и всеобъемлющее осуществление и последующие меры по выполнению Дурбанской декларации и Программы действий» и «Факультативный протокол к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания»); в 2017 г. – по снятию эмбарго с Кубы и четырём резолюциям по палестино-израильскому конфликту; в 2018 г. – по снятию эмбарго с Кубы, резолюции «Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции» и семи резолюциям по палестино-израильскому конфликту; в 2019 г. – по снятию эмбарго с Кубы, трём резолюциям по палестино-израильскому конфликту, одной резолюции по вопросам развития и одной – по правам человека (см. Таблицу 2).

Тематика наиболее важных для Вашингтона резолюций включает права человека, урегулирование палестино-израильского конфликта, нераспространение ядерного оружия и вопросы безопасности, санкции и экономическое развитие, а также другие вопросы (разное). Мы остановимся на первых четырёх темах резолюций (см. Таблицу 1).

Совпадения при голосовании

В этом разделе более подробно рассмотрены случаи, когда США и Великобритания голосовали идентично, а также когда США голосовали «против», а Великобритания воздержалась, поскольку, как указывалось выше, это свидетельствует, что королевство в целом не поддерживало резолюцию. Случаев, когда США голосовали за важную для себя резолюцию, а Великобритания воздержалась, в рассматриваемый период не было.

На **права человека** в среднем приходится 37,5% от общего числа приоритетных для США резолюций. Примечательно, что в процентном отношении их было больше при Дж. Буше-мл. (среднее значение составляло 44,4%), чем при Б. Обаме и Д. Трампе. США используют ГА ООН как площадку для продвижения своего видения борьбы за права человека. Здесь совпадение с Великобританией в среднем достигало 91,9% (см. Рисунок 2). Резолюции, в которых права человека соотнесены с экономическими вопросами и санкциями, рассмотрены отдельно, поскольку основное внимание в них уделялось проблеме развития.

Полное совпадение между США и Великобританией наблюдается, когда они голосуют в поддержку резолюций, содержащих осуждение нарушения прав человека в странах мира, в том числе таких как Иран, КНДР, Сирия, Мьянма, Белоруссия, Туркменистан, Ирак, Демократическая Республика Конго, Судан. В 2016 и 2018–2019 гг. в список важных вошла резолюция «Положение в области прав человека в Автономной Республике Крым и городе Севастополе (Украина)¹⁷. США и Великобритания её поддержали. Голосование показало раскол на Генеральной Ассамблее: в 2016 г. 70 стран проголосовали за, 26 – против, а 77 стран – воздержались; в 2018–2019 гг. поддержка резолюции сокращалась: 65-27-70 и 65-23-83¹⁸.

¹⁷ Положение в области прав человека в Автономной Республике Крым и городе Севастополе (Украина) A/RES/71/205. Организация Объединённых Наций. 19.12.2016. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/71/205> (дата обращения 23.04.2022); Situation of human rights in the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol (Ukraine) : resolution / adopted by the General Assembly. United Nations Digital Library. 19.12.2016 URL: <https://digitallibrary.un.org/record/855181?ln=en> (accessed 23.04.2022).

¹⁸ О принятии решений простым большинством на ГА ООН: «Выражение «присутствующие и участвующие в голосовании члены Организации» относится к членам Ассамблеи, голосующим «за» или «против». Члены Организации, которые воздерживаются от голосования, рассматриваются как не участвующие в голосовании». См.: Правила процедуры Генеральной Ассамблеи. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/ga/about/garules/12.shtml#Simplemajority> (дата обращения 23.04.2022).

США и Великобритания дружно голосуют за резолюции в поддержку демократизации внутри стран и продвижение терпимости. Обе страны выступали против понятия «диффамация» религий, отстаиваемое группой ОИС, считая его ограничением свободы слова.

Обе страны голосовали против резолюции «Глобализация и её воздействие на осуществление в полном объёме всех прав человека»¹⁹ (в списке важных для Вашингтона резолюций 2001–2003 гг.). США заявили, что в ней не учитывалась вся сложность вопросов, связанных с глобализацией, и её выгоды. При этом американцы проигнорировали то, что в ней не отрицаются широкие возможности глобализации, но утверждается, что «её благами пользуются весьма неравномерно, как неравномерно распределяются и её издержки». Само голосование свидетельствовало о глубоких противоречиях между глобальным Севером и глобальным Югом²⁰.

В 2019 г. в список важных впервые была включена резолюция «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» (A/RES/74/136)²¹, с 2013 г. принимающаяся ежегодно по инициативе России²². Лишь США и Украина голосовали против неё, Великобритания воздержалась, как страны ЕС и ряд традиционных союзников США за исключением Израиля. Упоминание этой резолюции в списке важных и комментарий постпредства США²³ стали свидетельством усиления идеологического противостояния Востока и Запада (см. выше) и продемонстрировали, насколько идеологизирован подход к борьбе за права человека.

Резолюции по урегулированию палестино-израильского конфликта, содержащие осуждение деятельности Израиля, занимают второе по важности ме-

¹⁹ Глобализация и её воздействие на осуществление в полном объеме всех прав человека A/RES/56/165. Организация Объединенных Наций. 19.12.2001. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/56/165> (дата обращения 23.04.2022); Глобализация и её воздействие на осуществление в полном объеме всех прав человека A/RES/57/205. Организация Объединенных Наций. 18.12.2001. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/57/205> (дата обращения 23.04.2022); Глобализация и её воздействие на осуществление в полном объеме всех прав человека A/RES/58/193. Организация Объединенных Наций. 22.12.2003. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/58/193> (дата обращения 23.04.2022).

²⁰ Voting Practices in the United Nations, 2003. 2004. U.S. Department of State. 274 p. P.129.

²¹ Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. A/RES/74/136. Организация Объединённых Наций. 18.12.2019. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/136> (дата обращения 23.04.2022).

²² О резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». 2018. Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/o-rezolucii-general-noj-assamblei-oon-bor-ba-s-geroizaciej-nacizma-neonacizmom-i-drugimi-vidami-praktiki-kotorye-sposobstvuyut-eskalacii-sovremennyh-form-rasizma-rasovoj-diskriminacii-ksenofobii-i-svazannoj-s-nimi-neterpimosti-> (дата обращения 23.04.2022).

²³ Explanation of Vote by the United States on the “Combating glorification of Nazism, neo-Nazism and other practices...” Resolution. United States Mission to the United Nations. 7.11.2019. URL: <https://usun.usmission.gov/explanation-of-vote-by-the-united-states-on-the-combating-glorification-of-nazism-neo-nazism-and-other-practices-resolution/> (accessed 23.04.2022).

сто в списке приоритетных для США (в среднем 27,6%) после прав человека. Их количество и тематика почти не меняются. Исключение составили 2012 г. (50%), когда Палестина получила статус государства-наблюдателя при ООН, не являющегося её членом²⁴, и 2017 г. (41%), когда Д. Трамп принял решение о признании Иерусалима столицей Израиля и переносе туда посольства США²⁵. В 2018 г. на них пришлись рекордные 55% от списка важных резолюций. В тот год США открыли свое посольство в Иерусалиме, что привело к новому всплеску насилия, и прекратили финансирование Ближневосточного агентства для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР)²⁶. Отметим, что 2018 г. – это 70-я годовщина изгнания палестинцев с их земель после поражения в арабо-израильской войне 1948–1949 гг.

По большинству из этих резолюций США голосовали «против», а Великобритания, как и страны ЕС, воздерживалась. В результате совпадение в большинстве случаев составило 50%, за исключением 2003 г. (62,5%), 2012 г. (37,5%), 2017 г. (21,4%), 2018 г. (22,7%) и 2019 г. (25%); среднее значение – 45,7% (см. Рисунок 2). Среди резолюций: продление мандата Комитета по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа²⁷ (входила в список важных для США в 2004 – 2019 гг.), продление мандата Отдела ООН по правам палестинцев Департамента по политическим вопросам и вопросам миротворчества²⁸ (2003 – 2019 гг.), резолюция в поддержку деятельности Специального комитета по расследованию затрагивающих права человека действий Израиля в отношении палестинского народа и других арабов на оккупированных территориях (2002 – 2011, 2013 – 2019 гг.)²⁹. В 2001 и 2003 г. в список важных вошла резолюция ГА ООН «Незаконные действия Израиля в оккупированном Восточном Иерусалиме и на остальной части оккупированной палестинской территории» (A/RES/ES-10/8; A/RES/ES-10/14)³⁰. США были против, Великобритания воздержалась.

²⁴ Генеральная Ассамблея ООН 138 голосами «за» предоставила Палестине статус государства-наблюдателя при ООН, не являющегося её членом. *Организация Объединённых Наций*. 29.11.2012. URL: <https://news.un.org/ru/story/2012/11/1213771> (дата обращения 23.04.2022).

²⁵ Statement by President Trump on Jerusalem. *The White House*. 06.12.2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/statement-president-trump-jerusalem/> (accessed 23.04.2022).

²⁶ US ends aid to Palestinian refugee agency Unrwa. *The BBC*. 01.09.2018. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-45377336> (accessed 23.04.2022).

²⁷ Комитет по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа. A/RES/74/10. *Организация Объединённых Наций*. 03.12.2019. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/10> (дата обращения 23.04.2022); об истории Комитета и его мандате см. UN Committee on the Exercise of the Inalienable Rights of the Palestinian People. *United Nations. The Question of Palestine*. URL: <https://www.un.org/unispal/committee/> (accessed 23.04.2022).

²⁸ Отдел по правам палестинцев Секретариата. A/RES/74/12. *Организация Объединённых Наций*. 03.12.2019. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/12> (дата обращения 23.04.2022); Об истории Отдела и его мандате см. Отдел по правам палестинцев. *Политические вопросы и вопросы миротворчества*. URL: <https://dppa.un.org/ru/palestinian-rights> (дата обращения 23.04.2022).

²⁹ Деятельность Специального комитета по расследованию затрагивающих права человека действий Израиля в отношении палестинского народа и других арабов на оккупированных территориях. A/RES/74/87. *Организация Объединённых Наций*. 13.12.2019. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/87> (дата обращения 23.04.2022).

³⁰ Незаконные действия Израиля в оккупированном Восточном Иерусалиме и на остальной части оккупированной палестинской территории. A/RES/ES-10/8. *Организация Объединённых Наций*. 20.12.2001. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/ES-10/8>.

В 2001 г. страны ЕС проголосовали «за», а в 2003 воздержались: поддержка резолюции значительно сократилась³¹. В 2001 г. Великобритания воздержалась при голосовании по резолюции «Мирное урегулирование вопроса о Палестине» (A/RES/56/36)³², хотя большинство стран ЕС проголосовали «за». Когда эта резолюция вновь вошла в список важных в 2017 и 2019 гг., Великобритания голосовала в её поддержку, а позиция США не изменилась (см. раздел «Несовпадения при голосовании»).

В 2012 г. США голосовали против резолюции о предоставлении Палестине статуса государства-наблюдателя при ООН, не являющегося её членом (138-9³³-41)³⁴. Великобритания воздержалась³⁵. Страны ЕС не смогли выступить с единых позиций: 14 стран проголосовали за (Австрия, Бельгия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Люксембург, Мальта, Португалия, Финляндия, Франция, Швеция); одна – против (Чехия); 12 воздержались (Болгария, Германия, Венгрия, Великобритания, Латвия, Литва, Нидерланды, Польша, Румыния, Словакия, Словения и Эстония). Всё же Генеральная Ассамблея приняла резолюцию, предоставившую Палестине статус государства-наблюдателя при ООН. США считают, что «к обретению Палестиной статуса государства короткой дороги нет»³⁶, то есть только через переговоры с Израилем. США препятствуют односторонним действиям палестинцев, направленным на присоединение к международным организациям и договорам³⁷.

В 2018 г. Великобритания поддержала выдвинутый США проект резолюции «Деятельность Хамас и других групп боевиков в секторе Газа» (A/73/L.42)³⁸, вошедший в список государственного департамента США. Но он не был принят, поскольку не получил поддержку двух третей государств, присутствовавших и принимавших участие в голосовании.

³¹ org/ru/A/RES/74/87 (дата обращения 21.08.2021); Незаконные действия Израиля в оккупированном Восточном Иерусалиме и на остальной части оккупированной палестинской территории. A/RES/ES-10/14. Организация Объединённых Наций. 08.12.2003. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/87> (дата обращения 23.04.2022).

³² Illegal Israeli actions in occupied East Jerusalem and rest of the Occupied Palestinian Territory : resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-10/8. 20.12.2001. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/455251?ln=ru> (accessed: 23.04.2022); Illegal Israeli actions in Occupied East Jerusalem and the rest of the Occupied Palestinian territory : resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-10/14. 08.12.2003. URL: https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/ES-10/PV.23 (accessed 23.04.2022)

³³ Peaceful settlement of the question of Palestine : resolution / adopted by the General Assembly. 03.12.2001. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/453755?ln=ru> (accessed 23.04.2022).

³⁴ Против – Израиль, Канада, США, Чехия, Микронезия, Палау, Панама, Маршалловы острова и Науру.

³⁵ Статус Палестины в Организации Объединённых Наций. A/RES/67/19. Организация Объединённых Наций. 29.11.2012. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/67/19> (дата обращения 23.04.2022).

³⁶ Генеральная Ассамблея ООН 138 голосами «за» предоставила Палестине статус государства-наблюдателя при ООН, не являющегося её членом. Новости ООН. 29.11.2012. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=18697#.WJrowXkOoCM> (дата обращения 23.04.2022).

³⁷ 2012 UN Participation Report. 2013. U.S. Department of State. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/io/rls/rpt/2012us/215273.htm> (accessed 23.04.2022).

³⁸ 2012 UN Participation Report. U.S. 2013. Department of State. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/io/rls/rpt/2012us/215273.htm> (accessed: 23.04.2022).

³⁹ Activities of Hamas and other militant groups in Gaza : draft resolution. United States of America. 29.11.2018. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1654199?ln=ru> (accessed 23.04.2022).

Выбор важных для США резолюций по вопросам **нераспространения ядерного оружия и безопасности** отражает курс действующей администрации. Дж. Буш-мл. добился выхода США из Договора по ПРО (1972 г.) с целью создания американской системы ПРО в ключевых для Америки регионах мира. В 2002 г. были принятые «Обзор ядерной стратегии США»³⁹, предусматривавший создание новой триады, и «Стратегия национальной безопасности США»⁴⁰. Эксперт Дж. Дю Приз выразил обеспокоенность, что эти шаги становились препятствием на пути к дальнейшему ядерному разоружению и делали применение ядерного оружия более допустимым (du Preez 2002: 68). Для Б. Обамы приоритетом стало заключение нового договора с Россией взамен СНВ-1, а также противодействие распространению ядерного оружия, сокращение значения ядерного оружия в стратегии национальной безопасности США, обеспечение ядерного сдерживания, укрепление региональной безопасности и гарантии безопасности союзников⁴¹. В 2018 г. по инициативе Д. Трампа был опубликован новый «Обзор ядерной стратегии США», в котором констатировалось усиление глобальных угроз по сравнению с 2010 г. Главными целями стали сдерживание ядерных и неядерных нападений, обеспечение безопасности союзников и партнёров, достижение целей США в случае, если сдерживание не сработает, а также способность обезопасить себя в условиях неопределенного будущего⁴². Хотя в новом обзоре прослеживалась преемственность по многим вопросам с документами прошлых администраций, намного большая роль отводилась модернизации ядерного арсенала и стратегии сдерживания противников по сравнению с контролем над вооружениями (Cimbala 2018; Péczeli 2018). А. Печели отмечает, что новый «Обзор» основан на концепции конфронтации великих держав, а не стратегической стабильности, как это было раньше (Péczeli 2018).

Резолюции, посвящённые нераспространению ядерного оружия и вопросам безопасности, составляли 18,4% от общего числа приоритетных для США резолюций в 2001 – 2019 гг. Совпадение при голосовании по ним у США и Великобритании в среднем составляло 84,5%⁴³ (см. Рисунок 2). Наибольшее внимание вопросам безопасности государственный департамент уделил в 2016 и 2019 гг. (см. Таблицу 1). Соединённые Штаты и Великобритания голосовали в поддержку резолюций, направленных на укрепление действующего режима нераспространения ядерного оружия, например, «Совместные действия в целях полной ликвидации ядерного оружия»⁴⁴, «Договор о всеобъемлющем запрещении ядер-

³⁹ Classified Nuclear Posture Review Report [Excerpts]. *The U.S. Department of Defense*. 8 January 2002. 12 p.

⁴⁰ The National Security Strategy of the United States of America. *The White House*. 2002. 31 p.

⁴¹ Nuclear Posture Review Report 2010. *The U.S. Department of Defense*. April 2010. 72 p. P. iii.

⁴² Nuclear Posture Review 2018. *The U.S. Department of Defense*. February 2018. 100 p. P. vii.

⁴³ При расчете среднего значения учитывались только те годы, когда резолюции по нераспространению ядерного оружия и вопросам безопасности входили в список важных.

⁴⁴ Совместные действия в целях полной ликвидации ядерного оружия. A/RES/66/45. Организация Объединённых Наций. 02.12.2011. URL: <https://undocs.org/ru/%20A/RES/66/45> (дата обращения 23.04.2022) и др. годы.

ных испытаний»⁴⁵, «Более решительные совместные действия в целях полной ликвидации ядерного оружия» (2017 г.)⁴⁶, а также за предложенную США резолюцию «Соблюдение соглашений в области нераспространения, ограничения вооружений и разоружения» (A/RES/60/55, 2005 г.)⁴⁷ и «Гаагский кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет»⁴⁸, принятый в 2002 г., поскольку баллистические ракеты могут служить средством доставки ОМУ.

США и Великобритания голосовали против резолюций, выдвигаемых странами из Движения неприсоединения, с целью связать членов ядерного клуба юридически обязывающими гарантиями относительно использования ядерного оружия. Например, в 2016 и 2019 гг. обе страны проголосовали против резолюции «Конвенция о запрещении применения ядерного оружия» (A/RES/71/75; A/RES/74/68)⁴⁹.

Из четырёх резолюций по нераспространению, по которым США проголосовали против, а Великобритания воздержалась, следует отметить попавшую в список важных в 2001 г. резолюцию «Сохранение и соблюдение Договора об ограничении систем противоракетной обороны» (A/RES/56/24A) (авторы: Беларусь, КНР, Россия)⁵⁰. США заявили, что в ней не учтена угроза распространения баллистических ракет и что планы Вашингтона в этой области носят ограниченный характер, а также что двусторонний формат больше подходит для решения такого рода вопросов⁵¹. В июне 2002 г. США вышли из договора по ПРО (1972 г.).

В 2019 г. в список важных вошли две резолюции по вопросу ядерной безопасности на Ближнем Востоке: «Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в районе Ближнего Востока» (A/RES/74/30)⁵² и «Опасность распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке» (A/RES/74/75)⁵³, по которым Велико-

⁴⁵ Великобритания подписала и ратифицировала ДВЗЯИ, США подписали, но не ратифицировали. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. A/RES/69/81. Организация Объединённых Наций. 02.12.2014. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/81> (дата обращения 23.04.2022).

⁴⁶ Резолюция направлена на укрепление универсального характера существующего режима нераспространения ядерного оружия и содержит осуждение ядерных испытаний и пусков баллистических ракет, проведенных КНДР в августе – сентябре 2017 г.

⁴⁷ Соблюдение соглашений в области нераспространения, ограничения вооружений и разоружения. A/RES/60/55. Организация Объединённых Наций. 08.12.2005. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/60/55> (дата обращения 23.04.2022).

⁴⁸ Гаагский кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет. A/RES/69/44. Организация Объединённых Наций. 02.12.2014. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/44> (дата обращения 23.04.2022).

⁴⁹ Конвенция о запрещении применения ядерного оружия. A/RES/71/75. 05.12.2016. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/71/75> (дата обращения 23.04.2022); Конвенция о запрещении применения ядерного оружия. A/RES/74/68. 12.12.2019. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/68> (дата обращения 23.04.2022).

⁵⁰ Сохранение и соблюдение Договора об ограничении систем противоракетной обороны. A/RES/56/24A. 29.11.2001. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/56/24> (дата обращения 23.04.2022).

⁵¹ Voting Practices in the United Nations for 2001. 2002. U.S. Department of State. 211 p. P. 45.

⁵² Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в районе Ближнего Востока A/RES/74/30. 12.12.2019. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/30> (дата обращения 23.04.2022).

⁵³ Опасность распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке A/RES/74/75. 12.12.2019. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/75> (дата обращения 23.04.2022).

британия воздержалась, а США голосовали против. По первой обе страны оказались в абсолютном меньшинстве (175-2-3)⁵⁴. По второй резолюции, в которой содержался призыв к Израилю присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия, США уже не были в изоляции: 152-6-24⁵⁵ (по сравнению с 2001–2002 гг., когда Великобритания голосовала за эту важную для США резолюцию, см. Несовпадения при голосовании). Поддержка резолюции несколько сократилась за счёт воздержавшихся стран.

Резолюции по вопросу **санкций и развития** составляли 15,2% от общего числа важных для Вашингтона резолюций в 2001–2019 гг. Здесь наблюдался наибольший разброс результатов между США и Великобританией при среднем совпадении между ними в рассматриваемый период 31,5%⁵⁶ (см. Рисунок 2). США голосовали против проектов, выдвинутых развивающимися странами. Великобритания, как правило, воздерживалась или голосовала вместе с США. Они также выступили против резолюции «Права человека и односторонние принудительные меры» (2001 г. A/RES/56/148)⁵⁷. США посчитали, что она не имеет отношения к правам человека⁵⁸. Соединённые Штаты были против резолюции «Односторонние экономические меры как средство политического и экономического принуждения развивающихся стран»⁵⁹ (в списке важных в 2005 и 2015 гг.). Великобритания воздержалась вместе с группой ЕС. Вашингтон считает применение экономических санкций своим суверенным правом в ведении двусторонней торговли, а также эффективным средством для достижения внешнеполитических целей и «по необходимости эффективной и законной альтернативой применению силы»⁶⁰.

Резолюция ГА ООН «На пути к установлению нового международного экономического порядка»⁶¹ входила в список приоритетных для США в 2008 и 2014 г. В 2008 г. Соединённые Штаты были единственной страной, проголосо-

⁵⁴ Establishment of a nuclear-weapon-free zone in the region of the Middle East : resolution / adopted by the General Assembly. *United Nations Digital Library*. 12.12.2019. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3839872?ln=ru> (accessed 23.04.2022).

⁵⁵ The risk of nuclear proliferation in the Middle East : resolution / adopted by the General Assembly. *United Nations Digital Library*. 12.12.2019. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3839960?ln=ru> (accessed 23.04.2022).

⁵⁶ При расчёте среднего значения учитывались только те годы, когда резолюции по вопросу санкций и развития входили в список важных.

⁵⁷ Права человека и односторонние принудительные меры. A/RES/56/148. Организация Объединённых Наций. 19.12.2001. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/56/148> (дата обращения 23.04.2022).

⁵⁸ Voting Practices in the United Nations for 2001. P. 47.

⁵⁹ Односторонние экономические меры как средство политического и экономического принуждения развивающихся стран. A/RES/60/185. Организация Объединённых Наций. 22.12.2005. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/60/185> (дата обращения 23.04.2022); Односторонние экономические меры как средство политического и экономического принуждения развивающихся стран. A/RES/70/185. Организация Объединённых Наций. 22.12.2015. URL: <https://undocs.org/en/A/RES/70/185> (дата обращения 23.04.2022).

⁶⁰ Voting Practices in the United Nations 2015. 2016. U.S. Department of State. 75 p. Pp. 34-35.

⁶¹ На пути к установлению нового международного экономического порядка. A/RES/63/224. Организация Объединённых Наций. 19.12.2008. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/63/224> (дата обращения 23.04.2022); На пути к установлению нового международного экономического порядка. A/RES/69/227. Организация Объединённых Наций. 19.12.2014. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/227> (дата обращения 23.04.2022).

вавшей против, Великобритания и ещё 51 страна воздержались, 123 проголосовали «за». Уже в 2014 г. против неё проголосовали США, Великобритания и ещё 44 государства, при 131 проголосовавших «за» и 3 воздержавшихся. В 2014 г. США объяснили своё решение тем, что резолюция «устарела, способствует расколу и контрпродуктивна»⁶².

В рассматриваемый период Соединённые Штаты Америки и Великобритания голосовали за резолюции в поддержку целей и задач, отвечающих интересам стран экономического Севера. Упомянутые резолюции отражают содержание дебатов между США и развивающимися странами по вопросам развития и нового экономического порядка.

Несовпадения при голосовании

В 2001–2019 гг. в списках государственного департамента оказались 52 важные для США резолюции, по которым США голосовали против, а Великобритания за (см. Таблицу 2). При этом в 29 случаях (55,7%) общее число стран, голосовавших против и воздержавшихся, не превышало 10⁶³; из них 18 резолюций – это ежегодная резолюция в поддержку снятия эмбарго с Кубы.

Наибольший интерес представляют случаи, когда вместе с США голосовали «против» или воздерживались значительное меньшинство стран, что свидетельствовало о наличии более широкой оппозиции тому или иному проекту, то есть, несмотря на то что Вашингтон не был в изоляции, Лондон не поддержал позицию своего союзника на Генеральной Ассамблее.

Хотя в целом позиции США и Великобритании близки по вопросу **прав человека**, в рассматриваемый период всё же наблюдались некоторые расхождения. В 2002 г. по трём резолюциям из списка важных США проголосовали против, а Великобритания за: «Права ребёнка», «Борьба против расизма...», «Факультативный протокол к Конвенции против пыток...»⁶⁴. В 2003 г. в списке важных оказались две резолюции, по которым голоса стран не совпали: «Права ребёнка» и ходатайство об отсрочке рассмотрения «Международной конвенции против клонирования человека в целях воспроизведения» (США при Дж. Бушем. выступали против всех форм клонирования), в 2007 г. – одна («Доклад Со-

⁶² Voting Practices in the United Nations 2014. 2015. *The U.S. Department of State*. 64 р. Р. 28.

⁶³ Критерий условен, но в целом отражает отсутствие широкой оппозиции той или иной резолюции.

⁶⁴ Voting Practices in the United Nations for 2002. 2003. *U.S. Department of State*. 230 р. Р. 225; Права ребёнка. A/RES/57/190. *Организация Объединённых Наций*. 18.12.2002. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/57/190> (дата обращения 23.04.2022); Борьба против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости и всеобъемлющее осуществление и последующие меры по выполнению Дурбанской декларации и Программы действий. A/RES/57/195. *Организация Объединённых Наций*. 18.12.2002. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/57/195> (дата обращения 23.04.2022); Факультативный протокол к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. A/RES/57/199. *Организация Объединённых Наций*. 18.12.2002. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/57/199> (дата обращения 23.04.2022).

⁶⁵ Права ребёнка. A/RES/58/157. *Организация Объединённых Наций*. 22.12.2003. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/58/157> (дата обращения 23.04.2022); Ad Hoc Committee on an International Convention against the Repro-

вета по правам человека»)⁶⁶, в 2008 и 2010 гг. – по одной резолюции («Мораторий на применение смертной казни»)⁶⁷, в 2019 г. – одна резолюция («На пути к прекращению торговли товарами, используемыми в целях пыток...»)⁶⁸.

По резолюции «Борьба против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости и всеобъемлющее осуществление и последующие меры по выполнению Дурбанской декларации и Программы действий» (A/RES/57/195, 2002 г. 173-3-2)⁶⁹ США обосновали своё решение тем, что не участвовали в принятии этих документов. Они не поддержали Дурбанскую декларацию 2001 г.⁷⁰ в связи с «непропорционально большим вниманием к арабо-израильскому конфликту»⁷¹. Но в дальнейшем произошло сближение позиций США и Великобритании по этому вопросу. В 2008 и 2010 гг. обе страны проголосовали против неё; в 2009 г. США голосовали «против», а Великобритания воздержалась. В целом, поддержка резолюции сократилась.

Резолюция по ежегодному Докладу Совета по правам человека входила в число приоритетных для США в 2007–2008, 2010–2011, 2013 и 2019 гг.⁷². Если в 2007 г., когда СПЧ только начал свою работу, США проголосовали против⁷³, а Великобритания поддержала резолюцию, то в 2008 г. – США проголосовали «против», а Великобритания воздержалась. В 2010, 2011 и 2019 г. обе страны воздержались, а в 2013 г. проголосовали «против».

ductive Cloning of Human Beings. *Ad Hoc and Special Committees*. URL: <https://legal.un.org/committees/cloning/> (accessed 23.04.2022).

⁶⁶ Доклад Совета по правам человека. A/RES/62/219. Организация Объединённых Наций. 22.12.2007. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/62/219> (дата обращения 23.04.2022).

⁶⁷ Мораторий на применение смертной казни A/RES/63/168. Организация Объединённых Наций. 18.12.2008. URL: <https://www.undocs.org/ru/A/RES/63/168> (дата обращения 23.04.2022); Мораторий на применение смертной казни A/RES/65/206. Организация Объединённых Наций. 21.12.2010. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/65/206> (дата обращения 23.04.2022).

⁶⁸ В список важных для США резолюций за 2019 г. вошли две резолюции, принятые на 73 сессии ГА ООН; На пути к прекращению торговли товарами, используемыми в целях пыток: изучение вопроса об осуществимости установления, сфере применения и параметрах возможных общих международных стандартов A/RES/73/304. Организация Объединённых Наций. 28.06.2019. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/304> (дата обращения 23.04.2022).

⁶⁹ Борьба против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости и всеобъемлющее осуществление и последующие меры по выполнению Дурбанской декларации и Программы действий. A/RES/57/195. Организация Объединённых Наций. 18.12.2002. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/57/195> (дата обращения 23.04.2022).

⁷⁰ Декларация о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Организация Объединённых Наций. 2001. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/2002decl.shtml (дата обращения 23.04.2022).

⁷¹ Voting Practices in the United Nations 2010. 2011. U.S. Department of State. 40 р. Р. 17.

⁷² Доклад Совета по правам человека. A/RES/62/219. Организация Объединённых Наций. 22.12.2007. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/62/219> (дата обращения 23.04.2022); Доклад Совета по правам человека. A/RES/63/160. Организация Объединённых Наций. 18.12.2008. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/63/160> (дата обращения 23.04.2022); Доклад Совета по правам человека. A/RES/65/195. Организация Объединённых Наций. 21.12.2010. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/65/195> (дата обращения 23.04.2022); Доклад Совета по правам человека. A/RES/66/136. Организация Объединённых Наций. 19.12.2011. URL: <https://undocs.org/ru/%20A/RES/66/136> (дата обращения 23.04.2022); Доклад Совета по правам человека. A/RES/68/144. Организация Объединённых Наций. 18.12.2013. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/68/144> (дата обращения 23.04.2022); Доклад Совета по правам человека. A/RES/74/132. Организация Объединённых Наций. 18.12.2019. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/132> (дата обращения 23.04.2022).

⁷³ США отказались вступить в СПЧ из-за позиции Совета по Израилю и в связи с членством в нём государств, обвиняемых в нарушении прав человека.

Из вышеупомянутых резолюций по правам человека, по которым Великобритания голосовала «за», а США «против», американцы не остались в абсолютном меньшинстве по резолюциям «Мораторий на применение смертной казни»⁷⁴, «Факультативный протокол к Конвенции против пыток»⁷⁵, ходатайство об отсрочке рассмотрения «Международной конвенции против клонирования человека в целях воспроизводства»⁷⁶ и «На пути к прекращению торговли товарами, используемыми в целях пыток...»⁷⁷ (всего пять резолюций из списка важных за 2001 – 2019 гг.). Большинство стран политического Запада, а также Россия, Израиль, многие страны Латинской Америки и ряд африканских стран голосовали за мораторий на применение смертной казни, в то время как США, Индия, Китай, большинство стран Азии и Ближнего Востока голосовали против⁷⁸. Что касается «Факультативного протокола к Конвенции против пыток»⁷⁹, большинство стран политического Запада, ряд стран Латинской Америки и Африки, в том числе Бразилия и ЮАР, проголосовали «за», Россия, Индия, Китай были в числе воздержавшихся⁸⁰.

В 2003 г. в список важных для США резолюций было включено ходатайство об отсрочке рассмотрения «Международной конвенции против клонирования человека в целях воспроизводства»⁸¹ сроком на два года, выдвинутое в Шестом комитете делегацией Ирана от имени государств-членов Организации Исламская конференция. США проголосовали против отсрочки, а Великобритания поддержала её. США выступали против всех форм клонирования. В итоге на пленарном заседании ГА ООН было решено включить вопрос о клонировании человека в повестку дня следующей – 59-й сессии ГА ООН⁸². В вышеупомянутых случаях Великобритания голосовала со странами ЕС. Отметим, что резолюция A/RES/59/280 «Декларация Организации Объединённых Наций о клонировании человека»⁸³, содержащая призыв к государствам «запретить все формы клонирования людей в такой мере, в какой они несовместимы с человеческим

⁷⁴ Мораторий на применение смертной казни A/RES/63/168; Мораторий на применение смертной казни A/RES/65/206.

⁷⁵ Факультативный протокол к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. A/RES/57/199.

⁷⁶ Ad Hoc Committee on an International Convention against the Reproductive Cloning of Human Beings.

⁷⁷ На пути к прекращению торговли товарами, используемыми в целях пыток: изучение вопроса об осуществимости установления, сфере применения и параметрах возможных общих международных стандартов. A/RES/73/304.

⁷⁸ Moratorium on the use of the death penalty: resolution / adopted by the General Assembly. United nations Digital Library. 21.12.2010. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/700454?ln=ru> (accessed 23.04.2022).

⁷⁹ Факультативный протокол к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. A/RES/57/199.

⁸⁰ Optional Protocol to the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment: resolution / adopted by the General Assembly. United nations Digital Library. 18.12.2002. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/482408?ln=ru> (accessed 23.04.2022).

⁸¹ Ad Hoc Committee on an International Convention against the Reproductive Cloning of Human Beings.

⁸² Voting Practices in the United Nations, 2003. 2004. U.S. Department of State. 274 p. P. 121.

⁸³ Декларация Организации Объединённых Наций о клонировании человека. A/RES/59/280. Организация Объединённых Наций. 08.03.2005. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/59/280> (дата обращения 23.04.2022).

достоинством и защитой человеческой жизни» была принята на 59-й сессии ГА ООН (84-34-37), при этом США проголосовали за резолюцию, а Великобритания – против из-за расплывчатого характера формулировок (то есть репродуктивное клонирование не отделено от терапевтического – А.М.) и желания королевства проводить исследования в области стволовых клеток⁸⁴. Среди стран ЕС не было консенсуса. Сама резолюция не попала в список важных для США.

В 2019 г. Соединённые Штаты внесли в список важных резолюцию, обсуждавшуюся на 73-й сессии ГА ООН, «На пути к прекращению торговли товарами, используемыми в целях пыток: изучение вопроса об осуществимости установления, сфере применения и параметрах возможных общих международных стандартов» (A/RES/73/304)⁸⁵. США голосовали против неё, утверждая, что в резолюции упоминается смертная казнь и что страна не приемлет попытки регулировать торговлю со стороны ГА ООН. На это же указывали и другие оппоненты резолюции (в том числе Китай, Сингапур, Ямайка, Япония)⁸⁶. Великобритания вместе со странами ЕС поддержала резолюцию.

В рассматриваемый период было 15 важных для США резолюций **по палестинско-израильскому конфликту** (одна в 2012 г., четыре в 2017 г., семь в 2018 г. и три в 2019 г.), по которым Великобритания проголосовала «за», а США «против». Во всех случаях Соединённые Штаты не были в абсолютном меньшинстве.

В 2012 г. согласно докладу государственного департамента США и «Ежегоднику ООН-2012» Великобритания проголосовала за резолюцию в поддержку деятельности Специального комитета по расследованию затрагивающих права человека действий Израиля в отношении палестинского народа и других арабов на оккупированных территориях (A/RES/67/118)⁸⁷, хотя в другие годы воздерживалась (за исключением 2018 г., когда поддержала эту резолюцию вместе со странами ЕС). В 2012 г. страны политического Запада, в том числе ЕС, воздержались⁸⁸. Если данные верны, то у нас нет достоверного объяснения этого выбора. Но согласно публикации Представительства Постоянного наблюдателя от Палестины, Великобритания воздержалась при голосовании по этой

⁸⁴ General Assembly Adopts United Nations Declaration on Human Cloning by Vote of 84-34-37 GA/10333. *United Nations*. 8 March 2005. URL: <https://www.un.org/press/en/2005/ga10333.doc.htm> (accessed 23.04.2022).

⁸⁵ На пути к прекращению торговли товарами, используемыми в целях пыток: изучение вопроса об осуществимости установления, сфере применения и параметрах возможных общих международных стандартов. A/RES/73/304.

⁸⁶ General Assembly Adopts Texts on Torture-Free Trade, Assisting Terrorism Victims, Anniversary of Cairo Population Conference GA/12160. *United Nations*. 28.06.2019. URL: <https://www.un.org/press/en/2019/ga12160.doc.htm> (accessed 23.04.2022).

⁸⁷ Voting Practices in the United Nations 2012. 2013. U.S. Department of State. 61 p. P. 34; The Yearbook of the United Nations 2012. Vol. 66. xiv+1589 p. P. 395-397; Деятельность Специального комитета по расследованию затрагивающих права человека действий Израиля в отношении палестинского народа и других арабов на оккупированных территориях. A/RES/67/118. Организация Объединённых Наций. 24.08.2021. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/67/118> (дата обращения 23.04.2022).

⁸⁸ Work of the Special Committee to Investigate Israeli Practices Affecting the Human Rights of the Palestinian People and Other Arabs of the Occupied Territories : resolution / adopted by the General Assembly. 18.12.2012. URL: <https://digital-library.un.org/record/739991?ln=ru> (accessed: 23.04.2022).

резолюции⁸⁹. Таким образом, если в данные вкрадась ошибка, то совпадение по этой теме составило 50%, как в предыдущие и последующие годы.

В 2017 г. в списке важных для США было семь резолюций по палестино-израильскому конфликту, по четырём из которых они голосовали «против», а Великобритания «за» (по оставшимся трём воздержалась). После того, как Д. Трамп объявил о признании Иерусалима столицей Израиля, была созвана чрезвычайная сессия ГА ООН, на которой была принята резолюция «Статус Иерусалима». В ней подтверждалось, что любые действия по изменению статуса Иерусалима не имеют юридической силы и содержалось требование об их отмене⁹⁰. США и ещё восемь стран проголосовали против, 128 стран, в том числе Великобритания и большинство стран ЕС, поддержали резолюцию. Среди воздержавшихся были страны Карибского бассейна и островные государства Тихого океана, а также шесть «новых стран» ЕС: Венгрия, Латвия, Польша, Румыния, Хорватия и Чехия. Этот частный случай подтверждает гипотезу Н. Бурмestera и М. Янковски о влиянии США на голосование стран ЕС на ГА ООН: вероятность того, что отдельные страны ЕС будут голосовать вопреки общей позиции блока увеличивается, если ЕС и США занимают противоположные позиции по важной для США резолюции (Burmester, Jankowski 2018: 659).

Также Великобритания поддержала резолюцию «Иерусалим», согласно которой действия Израиля по установлению своей юрисдикции и прочие действия в Иерусалиме не имеют юридической силы⁹¹. Тогда же Великобритания вместе со странами ЕС поддержала резолюцию «Мирное урегулирование вопроса о Палестине» (A/RES/72/14)⁹², хотя в 2001 г. воздержалась, и резолюцию «Специальная программа информации по вопросу о Палестине Департамента общественной информации Секретариата» (A/RES/72/12)⁹³. Представитель Великобритании заявил, что королевство поддержало сбалансированные резолюции, в которых осуждались незаконные действия по строительству поселений⁹⁴.

В 2018 г. США усилили давление на палестинцев, прекратив в августе финансирование БАПОР. В сентябре 2018 г. представительство «Организации ос-

⁸⁹ The United Nations and the Question of Palestine. 67th Session of the General Assembly. 2013. *Permanent Observer Mission of the State of Palestine to the United Nations*. 98 p. P. 47. URL: <http://palestineun.org/wp-content/uploads/2013/08/March-2013-Final-Report-of-the-67th-Session-of-the-General-Assembly-on-the-Question-of-Palestine.pdf> (accessed: 23.04.2022).

⁹⁰ Статус Иерусалима. Резолюция Генеральной Ассамблеи A/RES/ES-10/19. Организация Объединённых Наций. 21.12.2017. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/ES-10/19> (дата обращения: 23.04.2022).

⁹¹ Иерусалим. Резолюция Генеральной Ассамблеи A/RES/72/15. Организация Объединённых Наций. 30.11.2017. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/72/15> (дата обращения: 23.04.2022).

⁹² Мирное урегулирование вопроса о Палестине. A/RES/72/14. Организация Объединённых Наций. 30.11.2017. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/72/14> (дата обращения 23.04.2022).

⁹³ Специальная программа информации по вопросу о Палестине Департамента общественной информации Секретариата. A/RES/72/12. Организация Объединённых Наций. 30.11.2017. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/72/12> (дата обращения 23.04.2022).

⁹⁴ Declaring Israel's Actions in Syrian Golan, East Jerusalem 'Null and Void', General Assembly Adopts Six Resolutions on Palestine, Middle East GA/11982. The UN. 30.11.2017. URL: <https://www.un.org/press/en/2017/ga11982.doc.htm> (accessed: 23.04.2022).

вобождения Палестины» (ООП) в Вашингтоне было закрыто⁹⁵, а у его главы Х. Зомлата и членов его семьи были отозваны визы. Президент Государства Палестины М. Аббас в 2018 г. заявил на сессии ГА ООН, что палестинцы больше не будут считать приемлемым исключительно американское посредничество, поскольку администрация президента США утратила на него право в связи с «недавними решениями»⁹⁶. В 2018 г. в списке важных было 11 резолюций по палестино-израильскому конфликту. По семи из них США голосовали «против», а Великобритания «за». Большинство резолюций, по которым США и Великобритания проголосовали противоположно, затрагивают положение палестинских беженцев, в том числе деятельность БАПОР.

В 2019 г. в списке важных оказалось шесть резолюций по палестино-израильскому конфликту. По всем США голосовали «против», но Великобритания поддержала три из них: «Помощь палестинским беженцам» (A/RES/74/83, также была в списке важных 2018 г.)⁹⁷, «Мирное урегулирование вопроса о Палестине» (A/RES/74/11)⁹⁸ и «Право палестинского народа на самоопределение» (A/RES/74/139)⁹⁹. Последняя резолюция не является ежегодной, все страны ЕС поддержали её, лишь Латвия не участвовала в голосовании¹⁰⁰. Она была принята 18 декабря 2019 г., за месяц до обнародования Д. Трампом второй (политической) части американского плана по ближневосточному урегулированию («Сделка века», 28 января 2020 г.), отвергнутого палестинцами (о содержании и оценке плана подробно написано в работе Л.В. Хлебниковой (Хлебникова 2020)). Тем не менее, после того как план был озвучен, стало заметно, что в Европейском Союзе нет единства по этому вопросу: премьер-министр Великобритании Борис Джонсон высказал осторожное одобрение, заявив, что у плана есть «свои достоинства», Австрия, Польша и Франция приветствовали инициативу Трампа, в то время как Ирландия и Люксембург его не одобрили. Но Жозеп Борель, Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности, осудил инициативу и высказался против возможной аннексии Израилем частей Западного берега р. Иордан¹⁰¹.

⁹⁵ Morris L. Palestinians slam U.S. ‘vicious blackmail’ as their Washington office is shuttered. *The Washington Post*. 10.09.2018. URL: https://www.washingtonpost.com/world/middle_east/palestinians-slam-usvicious-blackmail-as-their-washington-office-is-closed-down/2018/09/10/b49f613e-b4d1-11e8-94eb-3bd52dfe917b_story.html?utm_term=.70ee919eff9a (accessed: 23.04.2022).

⁹⁶ Abbas M. Statement by H.E. Mr. Mahmoud Abbas President of the State of Palestine United Nations General Assembly 73rd Session. *The General Assembly of the United Nations General Debate*. 27.09.2018. 9 p. P. 4. URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/73/ps_en.pdf (accessed: 23.04.2022).

⁹⁷ Помощь палестинским беженцам. A/RES/74/83. Организация Объединённых Наций. 13.12.2019. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/83> (дата обращения 23.04.2022).

⁹⁸ Мирное урегулирование вопроса о Палестине. A/RES/74/11. Организация Объединённых Наций. 03.12.2019. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/11> (дата обращения 23.04.2022).

⁹⁹ Право палестинского народа на самоопределение. A/RES/74/139. Организация Объединённых Наций. 18.12.2019. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/139> (дата обращения 23.04.2022)

¹⁰⁰ The right of the Palestinian people to self-determination: resolution / adopted by the General Assembly. *United Nations Digital Library*. 18.12.2019. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3840115?ln=ru> (accessed 23.04.2022).

¹⁰¹ Bermant A. Boris Johnson Bows to Trump on the Middle East. *Foreign Policy*. 06.02.2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/02/06/boris-johnson-bows-to-trump-on-the-middle-east/> (accessed 23.04.2022); Oppenheim B. The EU’s re-

США особенно пристально следят за тем, как другие страны голосуют по резолюциям, связанным с Израилем. Великобритания и ЕС стремятся участвовать в урегулировании палестино-израильского конфликта, поэтому на Генеральной Ассамблее они занимают позицию, позволяющую им не вступать в противоречие с США, но и не демонстрировать явный произраильский уклон. В большинстве рассмотренных случаев позиция Великобритании совпадает с голосованием группы Европейского союза. В вопросе урегулирования палестино-израильского конфликта Великобритания вынуждена балансировать между стратегической ориентацией на США и дипломатической ориентацией на ЕС (Rynhold, Spyer 2007). Ситуация в 2017–2018 гг., вероятно, вызвана попыткой Д. Трампа повлиять на статус-кво в пользу Израиля.

В рассматриваемый период было пять резолюций по **вопросам нераспространения ядерного оружия и безопасности** из списка приоритетных для США, по которым США проголосовали «против», а Великобритания – «за».

По трём из них США голосовали в незначительном меньшинстве. В 2001 г. Соединённые Штаты проголосовали против внесённой Египтом от имени стран Лиги арабских государств резолюции «Опасность распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке» (A/RES/56/27, 153-3-6)¹⁰², содержащей призыв к Израилю присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). США посчитали, что формулировка резолюции носит антиизраильский характер, и желали бы видеть в ней упоминания об Ираке и других государствах, не в полной мере соблюдающих ДНЯО¹⁰³. Страны ЕС голосовали в поддержку резолюции, в то время как среди воздержавшихся были Австралия, Канада и Индия. В следующем году резолюция вновь вошла в список важных для Соединённых Штатов (A/RES/57/97), США вновь голосовали «против», а Великобритания – «за». При этом противников резолюции стало ещё меньше. В 2006 г. США были единственной страной, проголосовавшей против резолюции «Незаконная торговля стрелковым оружием и лёгкими вооружениями во всех её аспектах» (A/RES/61/66, 176-1-0)¹⁰⁴. Хотя Вашингтон заявил, что полностью поддерживает борьбу с незаконной торговлей стрелковым оружием, США были против проведения обязательных обзорных конференций, поскольку, по их мнению, они не принесли ощутимых результатов¹⁰⁵.

sponse to Trump's peace plan has been pitiful – it is time for the bloc to speak up. *The Independent*. 10.02.2020. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/trump-israel-palestine-peace-plan-kushner-eu-josep-borrell-a9326676.html> (accessed 23.04.2022).

¹⁰² The risk of nuclear proliferation in the Middle East: resolution / adopted by the General Assembly. *United Nations Digital Library*. 29.11.2001. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/453748?ln=ru> (accessed 23.04.2022).

¹⁰³ Voting Practices in the United Nations for 2001. P. 46.

¹⁰⁴ Незаконная торговля стрелковым оружием и легкими вооружениями во всех её аспектах. A/RES/61/66. Организация Объединённых Наций. 06.12.2006. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/61/66&Lang=E> (дата обращения 23.04.2022).

¹⁰⁵ Voting Practices in the United Nations, 2006. 2007. U.S. Department of State. 310 p. P.138.

Тем не менее, по двум резолюциям по вопросам нераспространения США не были в абсолютном меньшинстве. Большие противоречия наблюдались по внесённой Японией резолюции «Путь к полной ликвидации ядерного оружия» (A/RES/57/78), вошедшей в список важных в 2002 г.: 156 стран, в том числе Россия, Франция и Великобритания поддержали её, две проголосовали против (США и Индия), 13 стран воздержались, в том числе Китай, КНДР, Израиль и Пакистан¹⁰⁶. Из стран ЕС воздержались Швеция и Ирландия, остальные поддержали резолюцию. Голосование показало существенное расхождение в позициях официальных и неофициальных членов ядерного клуба.

В 2006 г. США выступили против внесённого Великобританией проекта резолюции «На пути к договору о торговле оружием: установление общих международных стандартов в отношении импорта, экспорта и передачи обычных вооружений»¹⁰⁷ (A/RES/61/89, 153-1-24). Среди воздержавшихся стран были Россия, Индия, Китай, Саудовская Аравия, Иран, Ирак и Израиль.

При Б. Обаме позиция США изменилась¹⁰⁸. В 2012 г. после его избрания на второй президентский срок США выступили в роли соавтора резолюции, активно продвигаемой Великобританией. 2 апреля 2013 г. Генеральная Ассамблея большинством голосов поддержала «Договор о торговле оружием»¹⁰⁹ (154 за, 3 против (Иран, КНДР, Сирия), 23 воздержавшихся, в том числе Индия, Китай, Россия, Саудовская Аравия)¹¹⁰. Две вышеупомянутые резолюции продемонстрировали конкуренцию между США и другими странами Запада в стремлении влиять на повестку дня в области безопасности (Мамедова 2019).

По тематике **развития** в течение всего рассматриваемого периода, за исключением 2016 г., постоянное расхождение наблюдалось в голосовании по ежегодной резолюции о необходимости прекращения торгово-экономической блокады Кубы¹¹¹, введённой США в 1960 г. В 2001–2015 и 2017–2019 гг. США голосовали против неё. Великобритания же голосовала за снятие блокады вместе с абсолютным большинством стран-членов ООН. В 2016 г. на фоне улучшения

¹⁰⁶ A path to the total elimination of nuclear weapons : resolution / adopted by the General Assembly. *United Nations Digital Library*. 22.11.2002. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/479341?ln=ru> (accessed 23.04.2022).

¹⁰⁷ На пути к договору о торговле оружием: установление общих международных стандартов в отношении импорта, экспорта и передачи обычных вооружений. A/RES/61/89. Организация Объединённых Наций. 06.12.2006. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/61/89> (дата обращения 23.04.2022).

¹⁰⁸ Mohammed A. U.S. reverses stance on treaty to regulate arms trade. *Reuters*. 15.10.2009. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-arms-usa-treaty/u-s-reverses-stance-on-treaty-to-regulate-arms-trade-idUSTRE59e0q920091015> (accessed 23.04.2022).

¹⁰⁹ Договор о торговле оружием. A/RES/68/31. Организация Объединённых Наций. 05.12.2013. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/68/31> (дата обращения 23.04.2022).

¹¹⁰ Overwhelming Majority of States in General Assembly Say 'Yes' to Arms Trade Treaty to Stave off Irresponsible Transfers that Perpetuate Conflict, Human Suffering GA/11354. *The UN*. 02.04.2013. URL: <http://www.un.org/press/en/2013/ga11354.doc.htm> (accessed 23.04.2022).

¹¹¹ Необходимость прекращения экономической, торговой и финансовой блокады, введённой Соединёнными Штатами Америки против Кубы. A/RES/74/7. Организация Объединённых Наций. 07.11.2019. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/7> (дата обращения 23.04.2022)

американо-кубинских отношений США и Израиль впервые воздержались при голосовании по этому вопросу, а сама резолюция не вошла в список важных для США¹¹².

В 2004–2006 гг. в список приоритетных входила резолюция «Международная торговля и развитие»¹¹³. США голосовали против неё; в 2004 г. Великобритания проголосовала за, но впоследствии воздержалась. В 2004 г. проект резолюции был выдвинут группой 77 и Китаем. С точки зрения Соединённых Штатов, ООН не должна вмешиваться в вопросы, обсуждающиеся в рамках Всемирной торговой организации (ВТО)¹¹⁴.

В 2019 году США включили в список важных резолюцию «Сырьевые товары» (A/RES/74/204)¹¹⁵. Вашингтон оказался в изоляции, голосуя против неё. Представитель Соединённых Штатов раскритиковал язык резолюции, выступая во Втором комитете, и в очередной раз подчеркнул, что США не принимают указаний от ООН по вопросам внешней торговли и что ООН не должна пытаться формулировать повестку дня ВТО¹¹⁶. Таким образом, кроме вопроса о блокаде Кубы было всего два случая, когда позиции США и Великобритании по важным для Вашингтона резолюциям в области развития не совпали.

В вышеупомянутые четыре категории не вошла резолюция в поддержку «Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции» (A/RES/73/195)¹¹⁷ (152-5-12), против которой голосовали США, Израиль и три страны Евросоюза – Венгрия, Польша и Чехия. Великобритания вместе с большинством стран Европейского Союза проголосовала за, при 12 воздержавшихся, среди которых были члены ЕС – Австрия, Болгария, Италия, Латвия и Румыния. Словакия и вовсе не участвовала в голосовании. Голосование по этой резолюции вновь служит наглядным подтверждением гипотезы Н. Бурмистера и М. Янковски о влиянии США на голосование стран ЕС на ГА ООН. В данном случае раскол наблюдался не только по линии старых и новых членов Евросоюза. Так Италия, принадлежащая к шестёрке стран, стоящих у истоков ЕС, и

¹¹² US abstains for first time in annual UN vote on ending embargo against Cuba. *UN News*. 26.10.2016. URL: <https://news.un.org/en/story/2016/10/543832-us-abstains-first-time-annual-un-vote-ending-embargo-against-cuba> (accessed 23.04.2022).

¹¹³ Международная торговля и развитие. A/RES/59/221. Организация Объединённых Наций. 22.12.2004. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/59/221> (дата обращения 23.04.2022); Международная торговля и развитие. A/RES/60/184. Организация Объединённых Наций. 22.12.2005. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/60/184> (дата обращения 23.04.2022); Международная торговля и развитие. A/RES/61/186. Организация Объединённых Наций. 20.12.2006. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/61/186> (дата обращения 23.04.2022).

¹¹⁴ Voting Practices in the United Nations, 2004. 2005. *The U.S. Department of State*. 278 p. P. 117.

¹¹⁵ Сырьевые товары. A/RES/74/204. Организация Объединённых Наций. 19.12.2019. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/204> (дата обращения 23.04.2022)

¹¹⁶ Second Committee Statement on Agenda Item 17 (d) "Commodities". *United States Mission to the United Nations*. 26.11.2019. URL: <https://usun.usmission.gov/second-committee-statement-on-agenda-item-17-d-commodities/> (accessed 23.04.2022).

¹¹⁷ Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. A/RES/73/195. Организация Объединённых Наций. 19.12.2018. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/195> (дата обращения 23.04.2022).

ощущившая на себе всю тяжесть миграционного кризиса 2015 года, отложила подписание «Договора» до проведения по нему парламентских дебатов¹¹⁸.

* * *

Изучение согласованности голосования на Генеральной Ассамблее ООН началось ещё в 1950-е гг. В настоящее время наблюдается всплеск интереса исследователей к этой проблематике, в первую очередь за рубежом, однако постепенно появляются и публикации в российских научных журналах. К целям этих исследований относятся: определение уровня поддержки мировым сообществом внешнеполитического курса той или иной страны, в первую очередь, США; оценка влияния процесса интеграции на позиции стран ЕЭС/ЕС на ГА ООН; определение расстановки сил на ГА ООН и изменения повестки дня ГА ООН и предпочтений стран и групп стран (противостояние Восток – Запад, Север – Юг).

Проведённое нами исследование имело цель провести анализ голосования двух ближайших военных союзников – США и Великобритании на ГА ООН по наиболее важным для Соединённых Штатов резолюциям на протяжении достаточно длительного периода особых отношений. Анализ совпадения голосов США и Великобритании по важным для США резолюциям на Генеральной Ассамблее ООН показал, что в целом наблюдалось совпадение подходов по вопросам прав человека (91,9%) и нераспространения ядерного оружия и безопасности (84,5%), в то время как по палестино-израильскому конфликту (45,7%) и вопросам развития (31,5%) имелись различия, при том, что по ним США чаще всего оказывались в изоляции на ГА ООН. Они проявлялись, прежде всего, из-за разницы подходов Соединённых Штатов Америки и Европейского союза. Великобритания солидаризовалась с группой ЕС на ГА ООН по отдельным аспектам продвижения прав человека, в том числе по вопросу борьбы за введение моратория на смертную казнь, по вопросам, связанным с правами ребёнка, против односторонних действий США, подрывающих ближневосточный мирный процесс и по вопросу прекращения экономической блокады Кубы. В отдельные годы различия в голосовании по наиболее важным для американцев резолюциям были достаточно велики, однако во второй срок президентства Б. Обамы наблюдалось большее совпадение.

Наибольший интерес представляли случаи, когда вместе с США голосовало «против» или воздерживалось значительное меньшинство стран (больше 10). Две из этих резолюций были посвящены вопросам нераспространения ядерного оружия и безопасности («Путь к полной ликвидации ядерного оружия»

¹¹⁸ General Assembly Endorses First-Ever Global Compact on Migration, Urging Cooperation among Member States in Protecting Migrants GA/12113. *United Nations. Meetings Coverage and Press Releases*. 19.12.2018. URL: <https://www.un.org/press/en/2018/ga12113.doc.htm> (accessed 23.04.2022).

A/RES/57/78, 2002 г. и «На пути к договору о торговле оружием: установление общих международных стандартов в отношении импорта, экспорта и передачи обычных вооружений» A/RES/61/89, 2006 год)¹¹⁹. Голосование по первой резолюции показало существенное расхождение в позициях официальных и неофициальных членов ядерного клуба, по второй – конкуренцию между США и другими странами Запада в стремлении влиять на повестку дня в области безопасности. Различия при голосовании по пяти резолюциям по правам человека и одной из раздела «другое» («Глобальный договор о безопасной упорядоченной и легальной миграции»¹²⁰) объясняются тем, что Великобритания была ближе позиция ЕС с точки зрения права и ценностей. Что касается пятнадцати резолюций по палестино-израильскому конфликту, Великобритания также выступила со странами ЕС, поскольку эти резолюции соответствовали позиции Евросоюза и были нацелены на недопущение дестабилизирующих действий со стороны США и Израиля. Великобритания вынуждена балансировать между стратегической ориентацией на США и дипломатической ориентацией на ЕС по ближневосточному урегулированию.

Несовпадения при голосовании были особенно заметны в периоды, когда Соединённые Штаты склонялись к односторонним действиям на международной арене (правление республиканцев Дж. Буша-мл. и Д. Трампа).

Об авторе:

Мамедова Анастасия Октаевна – кандидат исторических наук, преподаватель Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76.

E-mail: mamedova.a.o@my.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

¹¹⁹ Путь к полной ликвидации ядерного оружия. A/RES/57/78; На пути к договору о торговле оружием: установление общих международных стандартов в отношении импорта, экспорта и передачи обычных вооружений. A/RES/61/89.

¹²⁰ Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. A/RES/73/195.

UDC: 94, 327
Received: March 12, 2021
Accepted: February 3, 2022

U.S.-UK Voting Cohesion in the United Nations General Assembly: Important Votes (2001 – 2019)

A.O. Mamedova
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-2-83-164-208](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-2-83-164-208)

MGIMO University

Abstract: The article analyzes US-UK voting cohesion in the United Nations General Assembly in 2001 – 2019 based on the annual lists of important votes drawn up by the US Department of State. Voting cohesion in the UNGA demonstrates the level of support for US policies in this representative international forum. Since most UNGA resolutions are not binding, countries have more room for maneuver compared to voting in the UN Security Council. Washington pays close attention to other countries' voting behavior in the UNGA, especially when it comes to Israel-related issues. Whereas the Anglo-American Special Relationship has been extensively studied with the focus on the military and political aspects, US-UK interaction in international organizations, especially in the UN, deserves greater attention. Both countries use their permanent membership of the Security Council to promote their interests. Nevertheless, US-UK voting cohesion in the UNGA has not attracted much attention yet, although it can help to objectively assess the interaction of these powers in the world arena. Four groups of important resolutions were identified for comparison: human rights, Israeli-Palestinian conflict, nuclear non-proliferation and international security, as well as sanctions and development. In 2001 – 2019 U.S.-UK voting cohesion on important resolutions was relatively high. Nevertheless, under Republicans George W. Bush and Donald Trump it was lower than during Barack Obama's presidency. Despite the special relationship, the UK often aligns itself with the EU countries when voting in the UNGA. We paid special attention to resolutions on which the countries diverged, although Washington did not vote in complete isolation. U.S.-UK cohesion was higher on non-proliferation and human rights. At the same time, there were differences regarding the Israeli-Palestinian conflict and development, especially in those cases when the US and the EU disagreed. Divergences were apparent when the US was prone to act unilaterally.

Keywords: US, UK, United Nations General Assembly, special relationship, voting behavior, voting cohesion, non-proliferation, human rights, Israeli-Palestinian conflict, development

About the author:

Anastasia O. Mamedova, Ph.D., is a lecturer at the School of International Relations, MGIMO University, 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.
E-mail: mamedova.a.o@my.mgimo.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Bailey M.A., Strezhnev A., Voeten E. 2017. Estimating Dynamic State Preferences from United Nations Voting Data. *Journal of Conflict Resolution*. 61 (2). P.430-456. DOI: 10.1177/0022002715595700
- Ball M.M. 1951. Bloc Voting in the General Assembly. *International Organization*. 5(1). P. 3-31.
- Beyle H.C. 1931. *Identification and Analysis of Attribute-Cluster-Blocs*. Chicago: The University of Chicago Press. 249 p.
- Burmester N., Jankowski M. 2014. The EU in the United Nations General Assembly: A Comparative Perspective. *The 4th European Union in International Affairs Conference, May 22nd – May 24th, 2014*. 25 p. URL: https://pure.au.dk/ws/files/81268927/Burmester_Jankowski_EUIA_2014.pdf (accessed 23.04.2021).
- Burmester N., Jankowski M. 2018. One Voice or Different Choice? Vote Defection of European Union Member States in the United Nations General Assembly. *The British Journal of Politics and International Relations*. 20(3). P. 652-673. DOI: 10.1177/1369148118768184
- Cimbala S.J. 2018. The Trump Nuclear Posture Review: Three Issues, Nine Implications. *Strategic Studies Quarterly*. 12(2). P. 9-16.
- Dee M., Smith K.E. 2017. UK Diplomacy at the UN after Brexit: Challenges and Opportunities. *The British Journal of Politics and International Relations*. 19(3). P.527-542. DOI: 10.1177/1369148117710208
- Dreher A., Nunnenkamp P., Thiele R. 2008. Does US Aid Buy UN General Assembly Votes? A Disaggregated Analysis. *Public Choice*. 136(1-2). P. 139-164. DOI: 10.1007/s11127-008-9286-x
- Dreher A., Sturm J.E., Vreeland J.R. 2009. Global Horse Trading: IMF Loans for Votes in the United Nations Security Council. *European Economic Review*. 53(7). P. 742-757. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2009.03.002
- Du Preez J. 2002. The Impact of the Nuclear Posture Review on the International Nuclear Nonproliferation Regime. *The Nonproliferation Review*. 9(3). P. 67-81. DOI: 10.1080/10736700208436904
- Ferdinand P. 2014. Rising Powers at the UN: an Analysis of the Voting Behaviour of BRICS in the General Assembly. *Third World Quarterly*. 35(3). P. 376-391. DOI: 10.1080/01436597.2014.893483
- Finger S.M. 2001. What Does the United States Really Owe the United Nations? *American Foreign Policy Interests*. 23(1). P. 31-33.
- Finkelstein L.S. 2006. The Rule of Law, the United States and the United Nations: An Ambiguous Record. *American Foreign Policy Interests*. 28(4). P. 297-303.
- Forman S. 2006. The United States and the United Nations: One Strand in a Multilateral Strategy. *American Foreign Policy Interests*. 28(4). P. 329-332.
- Gifkins J., Jarvis S., Ralph J. 2019. Brexit and the UN Security Council: Declining British influence? *International Affairs*. 95(6). P. 1349-1368. DOI: 10.1093/ia/iiz205
- Groom A.J.R. 2003. The United States and the United Nations: Some Revolting European Thoughts. *Journal of International Relations and Development*. 6(2). P. 120-138.
- Hill C. 2016. Powers of a Kind: the Anomalous Position of France and the United Kingdom in World Politics. *International Affairs*. 92 (2). P. 393-414. DOI: 10.1111/1468-2346.12556
- Holloway S.K., Tomlinson R. 1995. The New World Order and the General Assembly: Bloc Realignment at the UN in the Post-Cold War World. *Canadian Journal of Political Science*. 28(2). P. 227-254. DOI: 10.1017/S0008423900018825

- Holmes M., Rees N., Whelan B. 1992. Irish Foreign Policy and the Third World: Voting in the UN General Assembly in the 1980s. *Trócaire Development Review*. P. 67-84.
- Hoveyda F. 2006. The United States and the United Nations: From Close Relationship to Estrangement. *American Foreign Policy Interests*. 28(4). P. 333-336.
- Hurwitz L. 1976. The EEC and Decolonization: the Voting Behavior of the Nine in the UN General Assembly. *Political Studies*. 14(4). P. 435-447. DOI: 10.1111/j.1467-9248.1976.tb00126.x
- Hurwitz L. 1975. The EEC in the United Nations: the Voting Behavior of Eight Countries, 1948 – 1973. *Journal of Common Market Studies*. 13(3). P. 224-243. DOI: 10.1111/j.1468-5965.1975.tb01022.x
- Kim S.Y., Russett B. 1996. The new politics of voting alignments in the United Nations General Assembly. *International Organization*. 50 (4). P. 629-652. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818300033531>
- Kim A., Schaefer B. 2013. *Thirty Years of Voting in the U.N. General Assembly: The U.S. Is Nearly Always in the Minority*. The Heritage Foundation. URL: <http://www.heritage.org/global-politics/report/thirty-years-voting-the-un-general-assembly-the-us-nearly-always-the> (accessed 23.04.2022).
- Lijphart A. 1963. The analysis of bloc voting in the general assembly: A critique and a proposal. *The American Political Science Review*. 57(4). P. 902-917. DOI: 10.2307/1952608
- Luif P. 2003. EU Cohesion in the UN General Assembly. *Occasional Papers by the European Union Institute for Security Studies*. №49. 77 p.
- Meyers B. 1966. African voting in the United Nations General Assembly. *Journal of Modern African Studies*. 4(2). P. 213-227. DOI: 10.1017/S0022278X00013252
- Mosler M., Potrafke N. International Political Alignment During the Trump Presidency: Voting at the UN General Assembly. *International Interactions*. 46(3). P. 481-497. DOI: 10.1080/03050629.2020.1719405
- Onderco M. 2014. "Tell Me What You Want": Analyzing the Visegrád Countries' Votes in the UN General Assembly. *East European Politics & Societies*. 28(1). P. 63-83. DOI: 10.1177/0888325413484757
- Péczeli A. 2018. The Trump Administration's Nuclear Posture Review: Back to Great Power Competition. *Journal of Peace and Nuclear Disarmament*. 1(2). P. 238-255. DOI: 10.1080/25751654.2018.1530741
- Potrafke N. 2009. Does Government Ideology Influence Political Alignment with the U.S.? An Empirical Analysis of Voting in the UN General Assembly. *Review of International Relations*. 4(3). P. 245-268. DOI: 10.1007/s11558-009-9066-5
- Rice S.A. 1928. *Quantitative Methods in Politics*. New York: Alfred A. Knopf. P. xxii, 331
- Rynhold J., Spyer J. 2007. British Policy in the Arab-Israeli Arena 1973–2004. *British Journal of Middle Eastern Studies*. 34(2). P. 137-155.
- Sutterlin J.S. 2007. United Nations Relations with the United States: A Nettlesome Continuum Between Multifaceted Partners. *American Foreign Policy Interests*. 29(4). P. 257-265.
- Voeten E. 2000. Clashes in the Assembly. *International Organization*. 54(2). P. 185-215. DOI: 10.1162/002081800551154
- Voeten E. 2004. Resisting the Lonely Superpower: Responses of States in the United Nations to U.S. Dominance. *The Journal of Politics*. 66(3). P. 729-754. DOI: 10.1111/j.1468-2508.2004.00274.x
- Volgy T.J., Frazier D.V., Ingersoll R.S. 2003. Preference Similarities and Group Hegemony: G-7 Voting Cohesion in the UN General Assembly. *Journal of International Relations and Development*. 6(1). P. 51-70.

Young H., Rees N. 2005. EU Voting Behaviour in the UN General Assembly. *Irish Studies in International Affairs*. 16(1). P. 193-207.

Istomin A.A. 2018. Vox Populi, Vox Dei? Velikie derzhavy i golosovanie v Generalnoy Assamblee OON [Titans Jousting for the Mob: Great Powers and Voting in the UN General Assembly]. *Journal of International Analytics*. 2. P. 7-18. DOI: 10.46272/2587-8476-2018-0-2-7-18 (In Russian)

Khlebnikova L.R. 2020. Amerikansky plan palestino-izrail'skogo uregulirovaniya ("sdelka veka" D. Trampa) [U.S. Plan of Israeli-Palestinian Conflict Settlement (Donald Trump's Vision for Peace for Palestinians and Israelis)]. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 50(4). P. 92-109. DOI: 10.31857/S268667300008881-9 (In Russian)

Kurylev K.P., Semibratov Ye.V., Shablovskiy V.S. 2018. Vzaimodeistvie Ukrayny so stranami GUAM na primere golosovaniya na General'noi Assamblee [Ukraine's Interaction with GUAM Countries: the Case of Voting in the UN General Assembly]. *Diplomatic Service*. 3. P. 25-34. (In Russian)

Mamedova A.O. 2019. SShA i Velikobritaniya v OON: faktor osobykh otnosheniy (2001 – 2017 gg.) [The US and the UK in the United Nations: The Impact of the Special Relationship (2001 – 2017)]. *MGIMO Review of International Relations*. 64 (1). P. 83-106. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-1-64-83-106 (In Russian)

Prikhodko O.V. 2020. Konfliktuyushchie interesy v evropeyskoy politike D. Trampa i kolizii vo vzaimootnosheniakh soyuznikov [Conflicting interests in D. Trump's policy towards Europe and Collisions in the Transatlantic Relationship]. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 50(1). P. 32-54. DOI: 10.31857/S268667300008055-0 (In Russian)

Sindev A.A. 2020a. Poisk strategii: SShA i zapadnye soyuzniki v Sovete Bezopasnosti OON pri D. Trampe [Search for a strategy: the United States and Western Allies in the UN Security Council under D. Trump]. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 50(5). P. 39-53. DOI: 10.31857/S268667300009425-7 (In Russian)

Sindev A.A. 2020b. Printsypi i podkhody k resheniyu regionalnykh problem: SShA i zapadnye soyuzniki v Sovete Bezopasnosti OON pri D. Trampe [Principles and Approaches to Solving Regional Problems: the United States and its Western allies in the UN Security Council under D. Trump]. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 50(10). P. 26-44. DOI: 10.31857/S268667300011804-4 (In Russian)

Литература на русском языке:

Истомин А.А. 2018. Vox populi, vox dei? Великие державы и голосование в Генеральной Ассамблее ООН. *Междунородная аналитика*. №2. С. 7–18. DOI: 10.46272/2587-8476-2018-0-2-7-18

Курылев К.П., Семибраторов Е.В., Шабловский В.С. 2018. Взаимодействие Украины со странами ГУАМ на примере голосования в Генеральной Ассамблее ООН. *Дипломатическая служба*. №3. С. 25-34.

Мамедова А.О. 2019. США и Великобритания в ООН: фактор особых отношений (2001 – 2017 гг.). *Вестник МГИМО-Университета*. 64(1). С. 83-106. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-1-64-83-106

Приходько О. В. 2020. Конфликтующие интересы в европейской политике Д. Трампа и коллизии во взаимоотношениях союзников. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 50(1). С. 32–54. DOI: 10.31857/S268667300008055-0

Синдеев А.А. 2020а. Поиск стратегии: США и западные союзники в Совете Безопасности ООН при Д. Трампе. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 50(5). С. 39–53. DOI: 10.31857/S268667300009425-7

Синдеев А.А. 2020б. Принципы и подходы к решению региональных проблем: США и западные союзники в Совбезе ООН при Д. Трампе. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 50(10). С. 26–44. DOI: 10.31857/S268667300011804-4

Хлебникова Л.В. 2020. Американский план палестино-израильского урегулирования («сделка века» Д. Трампа). *США & Канада: экономика, политика, культура*. 50(4). С. 92–109. DOI: 10.31857/S268667300008881-9

Приложение 1. Список важных для США резолюций (на основе отчётов о практике голосования на ГА ООН за 2001–2019 гг.)

Important Votes

2019				
		US	UK	Topic
1	Status of internally displaced persons and refugees from Abkhazia, Georgia, and the Tskhinvali region/South Ossetia, Georgia (A/RES/73/298) 79-15-57-42	Y	Y	Human rights
2	Towards torture-free trade: examining the feasibility, scope and parameters for possible common international standards (A/RES/73/304) 81-20-44-48	N	Y	Human rights
3	Necessity of ending the economic, commercial and financial embargo imposed by the United States of America against Cuba: resolution (A/RES/74/7) 187-3-2-1	N	Y	Sanctions and development
4	Committee on the Exercise of the Inalienable Rights of the Palestinian People (A/RES/74/10) 92-13-61-27	N	A	Israeli-Palestinian conflict
5	Peaceful settlement of the question of Palestine (A/RES/74/11) 147-7-13-26	N	Y	Israeli-Palestinian conflict
6	Division for Palestinian Rights of the Secretariat (A/RES/74/12) 87-23-54-29	N	A	Israeli-Palestinian conflict
7	Problem of the militarization of the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol, Ukraine, as well as parts of the Black Sea and the Sea of Azov (A/RES/74/17) 63-19-66-45	Y	Y	Security
8	Advancing responsible State behavior in cyberspace in the context of international security (A/RES/74/28) 163-10-6-14	Y	Y	Security
9	Establishment of a nuclear-weapon-free zone in the region of the Middle East (A/RES/74/30) 175-2-3-13	N	A	Security
10	Further practical measures for the prevention of an arms race in outer space (A/RES/74/34) 131-6-45-11	N	N	Security
11	Implementation of the Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on Their Destruction (A/RES/74/40) 151-8-21-13	Y	Y	Security
12	Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons (A/RES/74/41) 123-41-16-13	N	N	Security
13	Nuclear disarmament (A/RES/74/45) 120-41-22-10	N	N	Security
14	Convention on the Prohibition of the Use of Nuclear Weapons (A/RES/74/68) 118-50-15-10	N	N	Security
15	The risk of nuclear proliferation in the Middle East (A/RES/74/75) 152-6-24-11	N	A	Security
16	Assistance to Palestine refugees (A/RES/74/83) 169-2-9-13	N	Y	Israeli-Palestinian conflict

17	Work of the Special Committee to Investigate Israeli Practices Affecting the Human Rights of the Palestinian People and Other Arabs of the Occupied Territories (A/RES/74/87) 81-13-80-19	N	A	Israeli-Palestinian conflict
18	Office of the United Nations High Commissioner for Refugees (A/RES/74/130) 179-2-5-7	Y	Y	Human rights
19	Report of the Human Rights Council (A/RES/74/132) 120-4-59-10	A	A	Human rights
20	Combating glorification of Nazism, neo-Nazism and other practices that contribute to fueling contemporary forms of racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance (A/RES/74/136) 133-2-52-6	N	A	Human rights
21	The right of the Palestinian people to self-determination (A/RES/74/139) 167-5-11-10	N	Y	Israeli-Palestinian conflict
22	Situation of human rights in the Islamic Republic of Iran (A/RES/74/167) 81-30-70-12	Y	Y	Human rights
23	Situation of human rights in the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol, Ukraine (A/RES/74/168) 65-23-83-22	Y	Y	Human rights
24	Situation of human rights in the Syrian Arab Republic (A/RES/74/169) 106-15-57-15	Y	Y	Human rights
25	Commodities (A/RES/74/204) 177-1-0-15	N	Y	Sanctions and development
26	Agricultural technology for sustainable development (A/RES/74/215) 154-2-26-11	Y	Y	Sanctions and development
27	Role of the United Nations in promoting development in the context of globalization and interdependence (A/RES/74/228) 134-2-44-13	N	A	Sanctions and development
28	Eradicating rural poverty to implement the 2030 Agenda for Sustainable Development (A/RES/74/237) 126-49-2-16	N	N	Sanctions and development
29	Situation of human rights of Rohingya Muslims and other minorities in Myanmar (A/RES/74/246) 134-9-28-22	Y	Y	Human rights
30	Countering the use of information and communications technologies for criminal purposes (A/RES/74/247) 79-60-33-21	N	N	Security

2018				
		US	UK	
1	Assistance to Palestine refugees (A/RES/73/92) 163-2-13	N	Y	Israeli-Palestinian conflict
2	Promotion and protection of human rights and fundamental freedoms, including the rights to peaceful assembly and freedom of association (A/RES/73/173) 154-0-35	Y	Y	Human rights
3	Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration (A/RES/73/195) 152-5-12	N	Y	Other
4	Judgement of the International Court of Justice of March 31, 2004, concerning Av-ena and other Mexican Nationals: need for immediate compliance (A/RES/73/257) 69-4-66	N	A	Other
5	Cooperation between the United Nations and the Organization for the Prohibition of Chemical Weapons (A/RES/73/258) 142-0-12	Y	Y	Security
6	Situation of human rights in the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol, Ukraine (A/RES/73/263) 65-27-70	Y	Y	Human rights
7	Advancing responsible State behavior in cyberspace in the context of international security (A/RES/73/266) 138-12-1	Y	Y	Security
8	Activities of Hamas and other militant groups in Gaza (Failed Draft A/73/L.42) 87-57-33	Y	Y	Israeli-Palestinian conflict
9	Necessity of ending the economic, commercial and financial embargo imposed by the United States of America against Cuba (A/RES/73/8) 189-2-0	N	Y	Sanctions and development
10	Committee on the Exercise of the Inalienable Rights of the Palestinian People (A/RES/73/18) 100-12-62	N	A	Israeli-Palestinian conflict
11	Division for the Palestinian Rights of the Secretariat (A/RES/73/21) 96-13-64	N	A	Israeli-Palestinian conflict
12	Persons displaced as a result of the June 1967 and subsequent hostilities (A/RES/73/93) 155-6-13	N	Y	Israeli-Palestinian conflict

13	Operations of the United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees in the Near East (A/RES/73/94) 159-5-12	N	Y	Israeli-Palestinian conflict
14	Palestine refugees' properties and their revenues (A/RES/73/95) 156-6-14	N	Y	Israeli-Palestinian conflict
15	Work of the Special Committee to Investigate Israeli Practices Affecting the Human Rights of the Palestinian People and Other Arabs of the Occupied Territories (A/RES/73/96) 78-10-84	N	A	Israeli-Palestinian conflict
16	Applicability of the Geneva Convention relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War, of 12 August 1949, to the Occupied Palestinian Territory, including East Jerusalem, and the other occupied Arab territories (A/RES/73/97) 158-6-14	N	Y	Israeli-Palestinian conflict
17	Israeli Settlements in the Occupied Palestinian Territory, including East Jerusalem, and the occupied Syrian Golan (A/RES/73/98) 154-6-15	N	Y	Israeli-Palestinian conflict
18	Israeli practices affecting the human rights of the Palestinian people in the Occupied Palestinian Territory, including East Jerusalem (A/RES/73/99) 152-8-13	N	Y	Israeli-Palestinian conflict
19	Situation of human rights in the Islamic Republic of Iran (A/RES/73/181) 84-30-67	Y	Y	Human rights
20	Situation of human rights in the Syrian Arab Republic (A/RES/73/182) 111-15-55	Y	Y	Human rights

2017				
		US	UK	
1	Agricultural technology for sustainable development (A/RES/72/215)	Y	Y	Sanctions and development
2	Compliance with non-proliferation, arms limitation and disarmament agreements and commitments (A/RES/72/32)	Y	Y	Security
3	Implementation of the Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on their Destruction (A/RES/72/43)	Y	Y	Security
4	Taking forward multilateral nuclear disarmament negotiations (A/RES/72/31)	N	N	Security
5	United action with renewed determination towards the total elimination of nuclear weapons (A/RES/72/50)	Y	Y	Security
6	Situation of human rights in Myanmar (A/RES/72/248)	Y	Y	Human rights
7	Strengthening the role of the United Nations in enhancing periodic and genuine elections and the promotion of democratization (A/RES/72/164)	Y	Y	Human rights
8	Situation of human rights in the Islamic Republic of Iran (A/RES/72/189)	Y	Y	Human rights
9	Situation of human rights in the Syrian Arab Republic (A/RES/72/191)	Y	Y	Human rights
10	Status of Jerusalem (A/RES/ES-10/19) 128-9-35	N	Y	Israeli-Palestinian conflict
11	Necessity of ending the economic, commercial and financial embargo imposed by the United States of America against Cuba (A/RES/72/4) 191-2-0	N	Y	Sanctions and development
12	Committee on the Exercise of the Inalienable Rights of the Palestinian People (A/RES/72/13) 103-10-57	N	A	Israeli-Palestinian conflict
13	Division for Palestinian Rights of the Secretariat (A/RES/72/11) 100-10-59	N	A	Israeli-Palestinian conflict
14	Jerusalem (A/RES/72/15) 151-6-9	N	Y	Israeli-Palestinian conflict
15	Peaceful settlement of the question of Palestine (A/RES/72/14) 157-7-8	N	Y	Israeli-Palestinian conflict
16	Special information program on the question of Palestine of the Department of Public Information of the Secretariat (A/RES/72/12) 155-8-8	N	Y	Israeli-Palestinian conflict
17	Work of the Special Committee to Investigate Israeli Practices Affecting the Human Rights of the Palestinian People and Other Arabs of the Occupied Territories (A/RES/72/84) 83-10-77	N	A	Israeli-Palestinian conflict

2016				
		US	UK	
1	Committee on the Exercise of the Inalienable Rights of the Palestinian People (A/Res/71/20) 100-9(US)-55	N	A	Israeli-Palestinian conflict
2	Division for Palestinian Rights of the Secretariat (A/Res/71/21) 98-9(US)-57	N	A	Israeli-Palestinian conflict
3	The Arms Trade Treaty (A/Res/71/50)	Y	Y	Security
4	Nuclear disarmament (A/Res/71/63)	N	N	Security
5	Implementation of the Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on Their Destruction (A/Res/71/69)	Y	Y	Security
6	Convention on the Prohibition of the Use of Nuclear Weapons (A/Res/71/75)	N	N	Security
7	Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty (A/Res/71/86)	Y	Y	Security
8	Work of the Special Committee to Investigate Israeli Practices Affecting the Human Rights of the Palestinian People and Other Arabs of the Occupied Territories (A/Res/71/95) 91-11(US)-73	N	A	Israeli-Palestinian conflict
9	Situation in the Syrian Arab Republic (A/Res/71/130)	Y	Y	Human rights
10	Extrajudicial, Summary, or Arbitrary Executions (A/Res/71/198)	Y	Y	Human rights
11	Situation of human rights in the Syrian Arab Republic (A/Res/71/203)	Y	Y	Human rights
12	Situation of Human Rights in the Islamic Republic of Iran (A/Res/71/204)	Y	Y	Human rights
13	Situation of human rights in the Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol (Ukraine) (A/Res/71/205) 70 (US)-26-77	Y	Y	Human rights
14	International, impartial and independent mechanism to assist in the investigation and prosecution of those responsible for the most serious crimes under international law committed in the Syrian Arab Republic since March 2011 (A/Res/71/248)	Y	Y	Human rights

2015				
		US	UK	
1	Necessity of ending the economic, commercial and financial embargo imposed by the United States of America against Cuba A/Res/70/5 191-2(US)-0	N	Y	Sanctions and development
2	Report of the International Atomic Energy Agency (IAEA) A/Res/70/10	Y	Y	Security
3	Committee on the Exercise of the Inalienable Rights of the Palestinian People A/Res/70/12 102-8(US)-57	N	A	Israeli-Palestinian conflict
4	Division for Palestinian Rights of the Secretariat A/Res/70/13 99-8(US)-59	N	A	Israeli-Palestinian conflict
5	The Arms Trade Treaty A/Res/70/58	Y	Y	Security
6	Comprehensive Nuclear Test- Ban Treaty (CTBT) A/Res/70/73	Y	Y	Security
7	Work of the Special Committee to Investigate Israeli Practices Affecting the Human Rights of the Palestinian People and Other Arabs of the Occupied Territories A/Res/70/87 92-9(US)-75	N	A	Israeli-Palestinian conflict
8	Strengthening the role of the United Nations in enhancing periodic and genuine elections and the promotion of democratization A/Res/70/168	Y	Y	Human rights
9	Situation of human rights in the Democratic People's Republic of Korea A/Res/70/172	Y	Y	Human rights
10	Situation of Human Rights in the Islamic Republic of Iran A/Res/70/173	Y	Y	Human rights
11	Unilateral economic measures as a means of political and economic coercion against developing countries A/Res/70/185 131-2(US)-49	N	A	Sanctions and development
12	Agricultural Technology for Sustainable Development A/Res/70/198	Y	Y	Sanctions and development
13	Situation of human rights in the Syrian Arab Republic A/Res/70/234	Y	Y	Human rights

2014				
		US	UK	
1	Necessity of ending the economic, commercial and financial embargo imposed by the United States of America against Cuba <i>A/Res/69/5 188-2(US)-3</i>	N	Y	Sanctions and development
2	Committee on the Exercise of the Inalienable Rights of the Palestinian People <i>A/Res/69/20 94-7(US)-56</i>	N	A	Israeli-Palestinian conflict
3	Division for Palestinian Rights of the Secretariat <i>A/Res/69/21 91-7(US)-59</i>	N	A	Israeli-Palestinian conflict
4	The Hague Code of Conduct against Ballistic Missile Proliferation <i>A/Res/69/44</i>	Y	Y	Security
5	United action towards total elimination of nuclear weapons <i>A/Res/69/52</i>	Y	Y	Security
6	Comprehensive nuclear test ban treaty (<i>CTBT</i>) <i>A/Res/69/81</i>	Y	Y	Security
7	Work of the Special Committee to Investigate Israeli Practices Affecting the Human Rights of the Palestinian People and Other Arabs of the Occupied Territories <i>A/Res/69/90 88-9(US)-79</i>	N	A	Israeli-Palestinian conflict
8	Extrajudicial, summary or arbitrary executions <i>A/Res/69/182</i>	Y	Y	Human rights
9	Situation of human rights in the Democratic People's Republic of Korea <i>A/Res/69/188</i>	Y	Y	Human rights
10	Situation of human rights in the Syrian Arab Republic <i>A/Res/69/189</i>	Y	Y	Human rights
11	Situation of Human Rights in the Islamic Republic of Iran <i>A/Res/69/190</i>	Y	Y	Human rights
12	Entrepreneurship for development <i>A/Res/69/210</i>	Y	Y	Sanctions and development
13	Towards a New International Economic Order <i>A/Res/69/227</i>	N	N	Sanctions and development

2013				
		US	UK	
1	Necessity of ending the economic, commercial and financial embargo imposed by the United States of America against Cuba (68/8) 188-2-3	N	Y	Sanctions and development
2	Committee on the Exercise of the Inalienable Rights of the Palestinian People (68/12) 110-7-56	N	A	Israeli-Palestinian conflict
3	Division for Palestinian Rights of the Secretariat (68/13) 108-7-59	N	A	Israeli-Palestinian conflict
4	Arms Trade Treaty (68/31)	Y	Y	Security
5	Transparency in armaments (68/43)	Y	Y	Security
6	United action toward total elimination of nuclear weapons (68/51)	Y	Y	Secuirty
7	Work of the Special Committee to Investigate Israeli Practices Affecting the Human Rights of the Palestinian People and Other Arabs of the Occupied Territories (68/80) 95-8-75	N	A	Israeli-Palestinian conflict
8	Report of the Human Rights Council (68/144) 94-71-23	N	N	Human rights
9	Situation of human rights in the Syrian Arab Republic (68/182)	Y	Y	Human rights
10	Situation of human rights in the Islamic Republic of Iran (68/184)	Y	Y	Human rights
11	Agricultural technology for development (68/209)	Y	Y	Sanctions and development

2012				
		US	UK	
1	Necessity of ending the economic, commercial and financial embargo imposed by the United States of America against Cuba (<i>Res. 4</i>) 188-3(US)-2	N	Y	Sanctions and development
2	Status of Palestine in the United Nations (<i>Res. 19</i>) 138-9(US)-41	N	A	Israeli-Palestinian conflict
3	Committee on the Exercise of the Inalienable Rights of the Palestinian People (<i>Res. 20</i>) 106-7(US)-56	N	A	Israeli-Palestinian conflict
4	Division for Palestinian Rights of the Secretariat (<i>Res. 21</i>) 103-7(US)-61	N	A	Israeli-Palestinian conflict

5	Work of the Special Committee to Investigate Israeli Practices Affecting the Human Rights of the Palestinian People and Other Arabs of the Occupied Territories (Res. 118) 98-8(US)-72	N	Y	Israeli-Palestinian conflict
6	Situation of Human Rights in the Islamic Republic of Iran (Res. 182)	Y	Y	Human rights
7	Situation of Human Rights in the Syrian Arab Republic (Res. 183)	Y	Y	Human rights
8	Entrepreneurship for development (Res. 202)	Y	Y	Sanctions and development

2011				
		US	UK	
1	Res. 6: U.S. Embargo of Cuba 186-2(US)-3	N	Y	Sanctions and development
2	Res. 12: Terrorist Attacks on Internationally Protected Persons	Y	Y	Security
3	Res. 14: Committee on the Exercise of the Inalienable Rights of the Palestinian People 115-8(US)-53	N	A	Israeli-Palestinian conflict
4	Res. 15: Division for Palestinian Rights of the Secretariat 114-9(US)-54	N	A	Israeli-Palestinian conflict
5	Res. 45: United actions toward total elimination of nuclear weapons	Y	Y	Security
6	Res. 76: Work of the Special Committee to Investigate Israeli Practices Affecting the Human Rights of the Palestinian People and Other Arabs of the Occupied Territories 86-9(US)-75	N	A	Israeli-Palestinian conflict
7	Res. 174: Situation of Human Rights in the Democratic People's Republic of Korea (D.P.R.K.)	Y	Y	Human rights
8	Res. 175: Situation of Human Rights in the Islamic Republic of Iran	Y	Y	Human rights
9	Res. 176: Situation of human rights in the Syrian Arab Republic	Y	Y	Human rights
10	Res. 136: Report of the Human Rights Council	A	A	Human rights

2010				
		US	UK	
1	Res. 6: U.S. embargo of Cuba 187-2(US)-3	N	Y	Sanctions and development
2	Res. 13 Committee on the Exercise of the Inalienable Rights of the Palestinian People 112-9(US)-54	N	A	Israeli-Palestinian conflict
3	Res. 14: Division for Palestinian Rights of the Secretariat 110-9(US)-56	N	A	Israeli-Palestinian conflict
4	Res. 72: United actions toward total elimination of nuclear weapons	Y	Y	Security
5	Res. 73: Hague Code of Conduct vs. Ballistic Missile Proliferation	Y	Y	Security
6	Res. 91: Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty	Y	Y	Security
7	Res. 102: Special Committee to Investigate Israeli Practices Affecting the Human Rights of the Palestinian People and Others 94-9(US)-72	N	A	Israeli-Palestinian conflict
8	Res. 206: Moratorium on use of the death penalty 109-41(US)-35	N	Y	Human rights
9	Res. 224: Combating Defamation of Religions	N	N	Human rights
10	Res. 225: Situation of Human Rights in the Democratic People's Republic of Korea	Y	Y	Human rights
11	Res. 226: Situation of Human Rights in the Islamic Republic of Iran	Y	Y	Human rights
12	Res. 240: Global Efforts for the Total Elimination of Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and Related Intolerance and the Comprehensive Implementation of and Follow-up to the Durban Declaration and Program of Action	N	N	Human rights
13	Res. 241: Situation of Human Rights in Myanmar	Y	Y	Human rights
14	Res. 195 Report of the Human Rights Council	A	A	Human rights
15	Res. 208 Extrajudicial, summary or arbitrary executions	A	Y	Human rights

2009				
		US	UK	
1	U.S. Embargo of Cuba A/Res/64/6 187-3(US)-2	N	Y	Sanctions and development
2	Committee on the Inalienable Rights of the Palestinian People	N	A	Israeli-Palestinian conflict
3	Division for Palestinian Rights of the Secretariat A/Res/64/16 109-8(US)-55	N	A	Israeli-Palestinian conflict
4	Toward the Total Elimination of Nuclear Weapons	Y	Y	Security
5	Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty	Y	Y	Security
6	Work of the Special Committee to Investigate Israeli Practices A/Res/64/91 92-9(US)-74	N	A	Israeli-Palestinian conflict
7	Global Efforts for the Total Elimination of Racism A/Res/64/148 128-13(US)-43	N	A	Human rights
8	Combating Defamation of Religions	N	N	Human rights
9	Human Rights in North Korea	Y	Y	Human rights
10	Human Rights in Iran	Y	Y	Human rights
11	Agricultural Technology for Development	Y	Y	Sanctions and development
12	Human Rights in Myanmar (Burma)	Y	Y	Human rights

2008				
		US	UK	
1	U.S. Embargo of Cuba A/Res/63/7 185-3(US)-2	N	Y	Sanctions and development
2	Committee on the Inalienable Rights of the Palestinian People A/Res/63/26 107-8(US)-57	N	A	Israeli-Palestinian conflict
3	Division for Palestinian Rights of the Secretariat A/Res/63/27 106-8(US)-57	N	A	Israeli-Palestinian conflict
4	Work of the Special Committee to Investigate Israeli Practices A/Res/63/95 94-8(US)-73	N	A	Israeli-Palestinian conflict
5	Human Rights in North Korea	Y	Y	Human rights
6	Human Rights in Iran (No Action Motion)	N	N	Human rights
7	Human Rights in Iran	Y	Y	Human rights
8	Moratorium on the Use of the Death Penalty A/Res/63/168 106-46(US)-34	N	Y	Human rights
9	Combating Defamation of Religions	N	N	Human rights
10	Toward a New International Economic Order A/Res/63/224 123-1(US)-52	N	A	Sanctions and development
11	Report of the Human Rights Council A/Res/63/160 121-7(US)-58	N	A	Human rights
12	Human Rights in Myanmar (Burma)	Y	Y	Human rights
13	Global Efforts to Eliminate Racism	N	N	Human rights

2007				
		US	UK	
1	U.S. Embargo of Cuba A/Res/62/3 184-4(US)-1	N	Y	Sanctions and development
2	Committee on the Inalienable Rights of the Palestinian People A/Res/62/80 109-8(US)-55	N	A	Israeli-Palestinian conflict
3	Division for Palestinian Rights of the Secretariat A/Res/62/81 110-8(US)-54	N	A	Israeli-Palestinian conflict
4	Work of the Special Committee to Investigate Israeli Practices A/Res/62/106 93-8(US)-74	N	A	Israeli-Palestinian conflict
5	Human Rights in North Korea	Y	Y	Human rights
6	Human Rights in Iran (No Action Motion)	N	N	Human rights

7	Human Rights in Iran	Y	Y	Human rights
8	Human Rights in Belarus	Y	Y	Human rights
9	International Trade and Development	N	N	Sanctions and development
10	Agricultural Technology for Development	Y	Y	Sanctions and development
11	Report of the Human Rights Council A/Res/62/219 150-7(US)-1	N	Y	Human rights
12	Human Rights in Myanmar (Burma)	Y	Y	Human rights
13	Questions on 2008-2009 budget A/Res/62/236 142-1(US)-0	N	Y	Other

2006				
		US	UK	
1	U.S. Embargo of Cuba A/Res/61/11 183-4(US)-1	N	Y	Sanctions and development
2	Human Rights in Uzbekistan	N	N	Human rights
3	Committee on the Inalienable Rights of the Palestinian People A/Res/61/22 101-7(US)-62	N	A	Israeli-Palestinian conflict
4	Division for Palestinian Rights of the Secretariat A/Res/61/23 101-7(US)-62	N	A	Israeli-Palestinian conflict
5	Illicit Trade in Small Arms and Light Weapons A/Res/61/66 176-1(US)-0	N	Y	Security
6	Towards an Arms Trade Treaty A/Res/61/89 153-1(US)-24	N	Y	Security
7	Work of the Special Committee to Investigate Israeli Practices A/Res/61/116 90-9(US)-81	N	A	Israeli-Palestinian conflict
8	Combating Defamation of Religions	N	N	Human rights
9	Human Rights in North Korea	Y	Y	Human rights
10	Human Rights in Belarus	Y	Y	Human rights
11	Human Rights in Iran	Y	Y	Human rights
12	International Trade and Development A/Res/61/186 129-2(US)-52	N	A	Sanctions and development
13	Human Rights in Burma	Y	Y	Human rights

2005				
		US	UK	
1	U.S. Embargo of Cuba A/Res/60/12 182-4(US)-1	N	Y	Sanctions and development
2	Human Rights in Sudan	N	N	Human rights
3	Committee on the Inalienable Rights of the Palestinian People A/Res/60/36 106-8(US)-59	N	A	Israeli-Palestinian conflict
4	Division for Palestinian Rights of the Secretariat A/Res/60/37 105-8(US)-59	N	A	Israeli-Palestinian conflict
5	Compliance with Non-Proliferation Agreements	Y	Y	Security
6	Follow-up to Nuclear Disarmament Obligations	N	N	Security
7	Work of the Special Committee to Investigate Israeli Practices A/Res/60/104 86-10(US)-74	N	A	Israeli-Palestinian conflict
8	Strengthening the Role of the United Nations in Elections	Y	Y	Human rights
9	Human Rights in Iran	Y	Y	Human rights
10	International Trade and Development	N	A	Sanctions and development
11	Unilateral Economic Measures A/Res/60/185 120-1(US)-50	N	A	Sanctions and development

2004				
		US	UK	
1	U.S. Embargo of Cuba A/Res/59/11 179-4(US)-1	N	Y	Sanctions and development
2	Human Rights in Sudan (No-action motion)	N	N	Human rights
3	Committee on the Inalienable Rights of the Palestinian People A/Res/59/28 104-7(US)-63	N	A	Israeli-Palestinian conflict
4	Division for Palestinian Rights of the Secretariat A/Res/59/29 103-8(US)-64	N	A	Israeli-Palestinian conflict
5	Fissile Material Cutoff Treaty A/Res/59/81 179-2(US, Palau)-2 (Israel, United Kingdom)	N	A	Security
6	Work of the Special Committee to Investigate Israeli Practices A/Res/59/121 84-9(US)-80	N	A	Israeli-Palestinian conflict
7	Elimination of all Forms of Religious Intolerance	Y	Y	Human rights
8	Enhancing the Role of Organizations to Promote Democracy	Y	Y	Human rights
9	Human Rights in Iran	Y	Y	Human rights
10	International Trade and Development A/Res/59/221 166-2(US)-6	N	Y	Sanctions and development

2003				
		US	UK	
1	U.S. Embargo of Cuba A/Res/58/7 179-3(US)-2	N	Y	Sanctions and development
2	International Convention Against Reproductive Cloning (Motion to delay) 80-79(US)-15	N	Y	Human rights
3	Division for Palestinian Rights of the Secretariat A/Res/58/19 98-6(US)-63	N	A	Israeli-Palestinian conflict
4	Illegal Israeli Actions in the Occupied Territories Res. ES-10/14 90-8(US)-74	N	A	Israeli-Palestinian conflict
5	Confidence Building Measures	N	N	Security
6	Transparency in Armaments	Y	Y	Security
7	Assistance to Palestine Refugees and Support for UNRWA	Y	Y	Israeli-Palestinian conflict
8	Work of the Special Committee to Investigate Israeli Practices	N	A	Israeli-Palestinian conflict
9	Rights of the Child A/Res/58/157 179-1(US)-0	N	Y	Human rights
10	Strengthening the Role of the United Nations	Y	Y	Human rights
11	Globalization and Human Rights	N	N	Human rights
12	Human Rights in Turkmenistan	Y	Y	Human rights
13	Human Rights in Iran	Y	Y	Human rights
14	Human Rights in the Democratic Republic of the Congo	Y	Y	Human rights
15	Committee 2 Provisional Program of Work Decision # 58/553 A/Dec/58/554 167-3(US)-0	N	Y	Other

2002				
		US	UK	
1	IAEA Report	Y	Y	Security
2	U.S. Embargo of Cuba A/Res/57/11 173-3(US)-4	N	Y	Sanctions and development
3	National Legislation on Transfer of Arms	Y	Y	Security
4	Total Elimination of Nuclear Weapons ¹	N	Y	Security

¹ В развернутом списке указана резолюция [A path to the] Total Elimination of Nuclear Weapons (**A/Res/57/78**) 156 (UK)-2(US)-13, в кратком списке указана как Nuclear Disarmament.

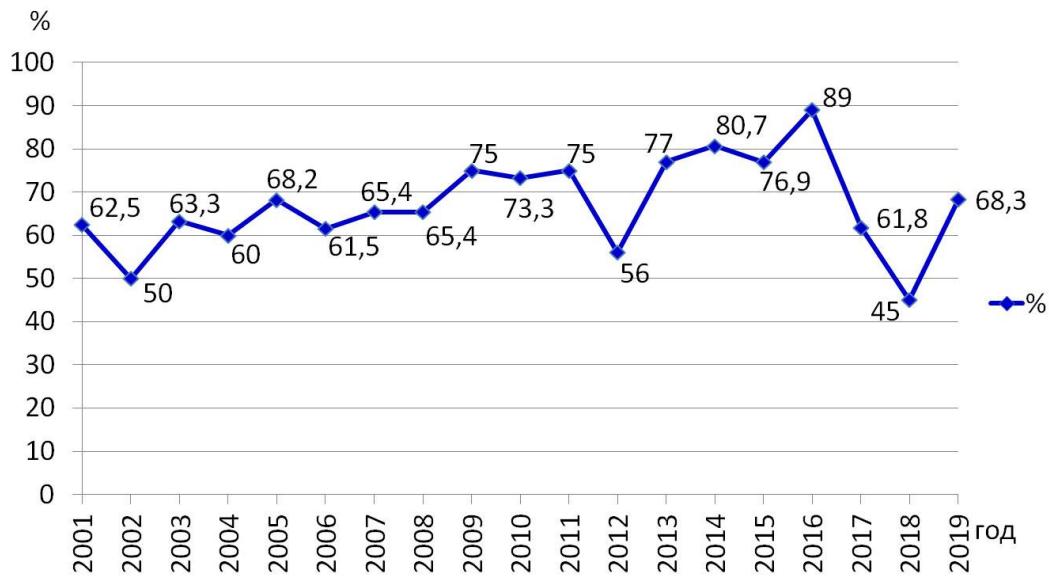
5	Risk of Nuclear Proliferation in the Middle East A/Res/57/97 158–3(US)–0	N	Y	Security
6	Work of the Special Committee to Investigate Israeli Practices A/Res/57/124 86–6(US)–66	N	A	Israeli-Palestinian conflict
7	Future Operations of INSTRAW	N	A	Human rights
8	Rights of the Child A/Res/57/190 175–2(US)–0	N	Y	Human rights
9	Elimination of Racism and Racial Discrimination A/Res/57/195 173–3(US)–2	N	Y	Human rights
10	Optional Protocol to the Convention Against Torture A/Res/57/199 127–4(US)–42	N	Y	Human rights
11	Globalization and Human Rights	N	N	Human rights
12	Human Rights in Sudan	Y	Y	Human rights
13	Human Rights in Iraq	Y	Y	Human rights
14	Human Rights in the Congo	Y	Y	Human rights

2001				
		US	UK	
1	Israeli Actions in Occupied Territories A/Res/ES-10/8 124–6(US)–25	N	A	Israeli-Palestinian conflict
2	Peaceful Settlement of the Question of Palestine A/Res/56/36 131–6(US)–20	N	A	Israeli-Palestinian conflict
3	U.S. Embargo of Cuba A/Res/56/9 167–3(US)–3	N	Y	Sanctions and development
4	Compliance with the Anti-Ballistic Missile (ABM) Treaty A/Res/56/24A 82–5(US)–62	N	A	Security
5	Nuclear Disarmament	N	N	Security
6	Risk of Nuclear Proliferation in the Middle East A/Res/56/27 153–3(US)–6	N	Y	Security
7	Effects of the Use of Depleted Uranium in Armaments	N	N	Security
8	Human Rights and Coercive Measures	N	N	Sanctions and development
9	Globalization and Human Rights	N	N	Human rights
10	Human Rights in Iran	Y	Y	Human rights
11	Human Rights in the Democratic Republic of the Congo	Y	Y	Human rights
12	Human Rights in Iraq	Y	Y	Human rights

Приложение 2.

Рисунок 1. Индекс согласованности голосования США и Великобритании на ГА ООН по важным для США резолюциям 2001–2019 гг.

Figure 1. U.S.-UK index of voting cohesion in the UNGA (important votes 2001 – 2019)

Источник: график построен автором на основе данных из ежегодных докладов Государственного департамента США о практике голосования в ООН и итогов голосования на ГА ООН в базе данных «Цифровой библиотеки Объединённых Наций».

Таблица 1. Тематика важных для США резолюций 2001–2019 гг.

Table 1. Important votes: key issue areas 2001 – 2019

Год	Кол-во важн. резолюций	Права человека (%)	Палестино-израильский конфликт (%)	Нераспространение (%)	Санкции и развитие (%)	Другое (%)
2019	30	30	20	33	17	-
2018	20	20	55	10	5	10
2017	17	23,5	41	23,5	12	-
2016	14	36	21	43	-	-
2015	13	31	23	23	23	-
2014	13	31	23	23	23	-
2013	11	27	27	27	19	-
2012	8	25	50	-	25	-
2011	10	40	30	20	10	-
2010	15	53	20	20	7	-
2009	12	42	25	16,5	16,5	-
2008	13	62	23	-	15	-
2007	13	46	23	-	23	8
2006	13	46	23	15,5	15,5	-

2005	11	27	27	19	27	-
2004	10	40	30	10	20	-
2003	15	44	31	13	6	6
2002	14	57	7	29	7	-
2001	12	33	25	25	17	-

Таблица 2. Голосование США и Великобритании на ГА ООН: резолюции, по которым страны проголосовали противоположно 2001–2019 гг.

Table 2. U.S. and UK votes in the UNGA: differences 2001 – 2019

1	На пути к прекращению торговли товарами, используемыми в целях пыток: изучение вопроса об осуществимости установления, сфере применения и параметрах возможных общих международных стандартов (A/RES/73/304)²: 80(ВБ)-20(США)-44³
2	Прекращение американской блокады Кубы (A/RES/74/7) ⁴ : 187(ВБ)-3(США)-2
3	Мирное урегулирование вопроса о Палестине (A/RES/74/11): 147(ВБ)-7(США)-13
4	Помощь палестинским беженцам (A/RES/74/83): 169(ВБ)-2(США)-9
5	Право палестинского народа на самоопределение (A/RES/74/139): 167(ВБ)-5(США)-11
6	Сырьевые товары (A/RES/74/204): 177(ВБ)-1(США)-0
2018	
1	Помощь палестинским беженцам (A/RES/73/92): 163(ВБ)-2(США)-13
2	Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (A/RES/73/195): 152(ВБ)-5(США)-12
3	Лица, перемещённые в результате военных действий в июне 1967 года и последующих военных действий (A/RES/73/93): 155(ВБ)-6(США)-13
4	Операции Ближневосточного агентства Организации Объединённых Наций для помощи палестинским беженцам и организации работ (A/RES/73/94): 159(ВБ)-5(США)-12
5	Имущество палестинских беженцев и получаемые за счёт него доходы (A/RES/73/95): 156(ВБ)-6(США)-14
6	Применимость Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года к оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим, и другим оккупированным арабским территориям (A/RES/73/97): 158(ВБ)-6(США)-14
7	Израильские поселения на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим, и оккупированных сирийских Голанах (A/RES/73/98): 154(ВБ)-6(США)-15
8	Затрагивающие права человека действия Израиля в отношении палестинского народа на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим (A/RES/73/99): 152(ВБ)-8(США)-13
9	Прекращение американской блокады Кубы (A/RES/73/8): 189(ВБ)-2(США)-0
2017	
1	Статус Иерусалима (A/RES/ES-10/19): 128(ВБ)-9(США)-35
2	Иерусалим (A/RES/72/15): 151(ВБ)-6(США)-9
3	Мирное урегулирование вопроса о Палестине (A/RES/72/14): 157(ВБ)-7(США)-8
4	Специальная программа информации по вопросу о Палестине Департамента общественной информации Секретариата (A/RES/72/12): 155(ВБ)-8(США)-8
5	Прекращение американской блокады Кубы (A/RES/72/4): 191(ВБ)-2(США)-0
2016	
	-

² В список важных для США резолюций за 2019 г. вошли две резолюции, принятые на 73 сессии ГА ООН.

³ За – против – воздержались.

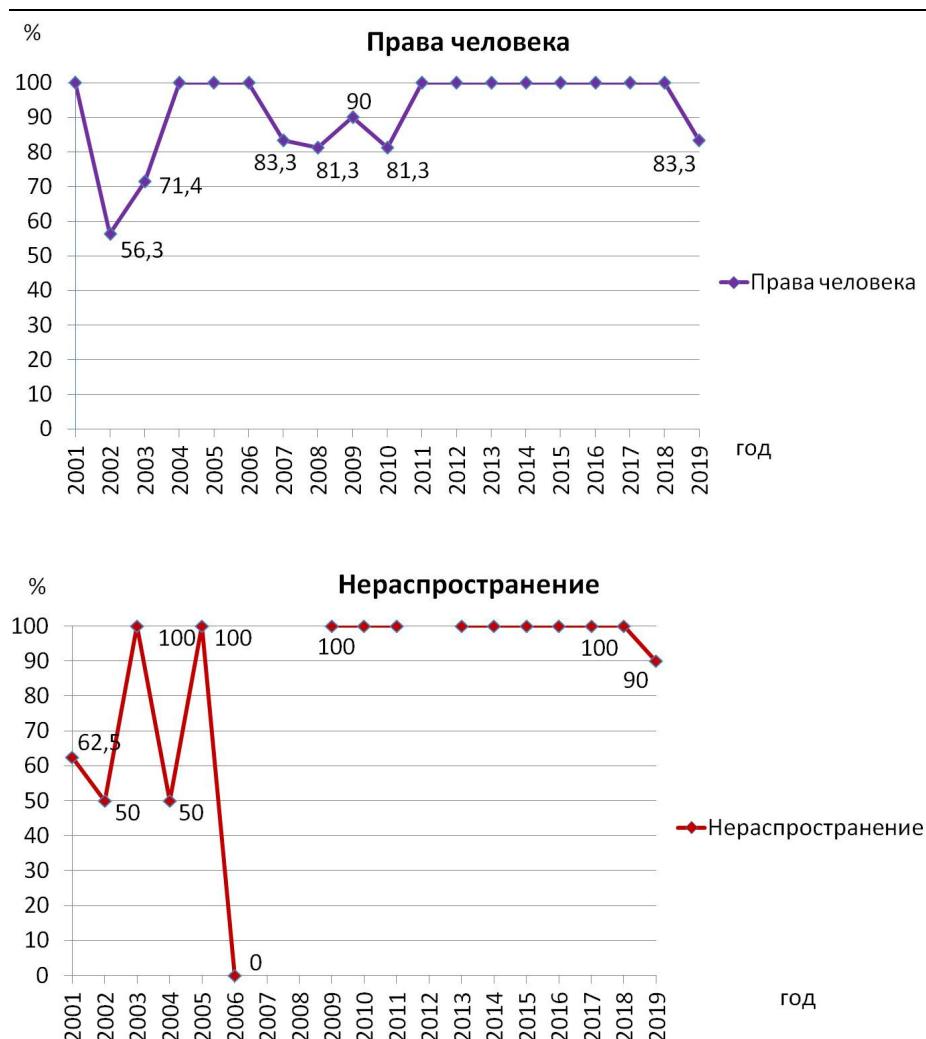
⁴ Полное название: «Необходимость прекращения экономической, торговой и финансовой блокады, введенной Соединёнными Штатами Америки против Кубы».

2015	
1	Прекращение американской блокады Кубы (A/RES/70/5): 191(ВБ)-2(США)-0
2014	
1	Прекращение американской блокады Кубы (A/RES/69/5): 188(ВБ)-2(США)-3
2013	
1	Прекращение американской блокады Кубы (A/RES/68/8): 188(ВБ)-2(США)-3
2012	
1	Деятельность Специального комитета по расследованию затрагивающих права человека действий Израиля в отношении палестинского народа и других арабов на оккупированных территориях (A/RES/67/118): 98(ВБ)-8(США)-72
2	Прекращение американской блокады Кубы (A/RES/67/4): 188(ВБ)-3(США)-2
2011	
1	Прекращение американской блокады Кубы (A/RES/66/6): 186(ВБ)-2(США)-3
2010	
1	Мораторий на применение смертной казни (A/RES/65/206):109(ВБ)-41(США)-35
2	Прекращение американской блокады Кубы (A/RES/65/6): 187(ВБ)-2(США)-3
2009	
1	Прекращение американской блокады Кубы (A/RES/64/6): 187(ВБ)-3(США)-2
2008	
1	Мораторий на применение смертной казни (A/RES/63/168):106(ВБ)-46(США)-34
2	Прекращение американской блокады Кубы (A/RES/63/7): 185(ВБ)-3(США)-2
2007	
1	Прекращение американской блокады Кубы (A/RES/62/3): 184(ВБ)-4(США)-1
2	Доклад Совета по правам человека (A/RES/62/219): 150(ВБ)-7(США)-1
3	Вопросы, связанные с предлагаемым бюджетом по программам на двухгодичный период 2008– 2009 годов (A/RES/62/236): 142(ВБ)-1(США)-0
2006	
1	На пути к договору о торговле оружием: установление общих международных стандартов в отношении импорта, экспорта и передачи обычных вооружений (A/RES/61/89): 153(ВБ)-1(США)-24
2	Прекращение американской блокады Кубы (A/RES/61/11): 183(ВБ)-4(США)-1
3	Незаконная торговля стрелковым оружием и легкими вооружениями во всех её аспектах (A/RES/61/66): 176(ВБ)-1(США)-0
2005	
1	Прекращение американской блокады Кубы (A/RES/60/12): 182(ВБ)-4(США)-1
2004	
1	Прекращение американской блокады Кубы (A/RES/59/11): 179(ВБ)-4(США)-1
2	Международная торговля и развитие (A/RES/59/221):166(ВБ)-2(США)-6
2003	
1	Международная конвенция против клонирования человека в целях воспроизведения (ходатайство отложить рассмотрение): 80(ВБ)-79(США)-15
2	Прекращение американской блокады Кубы (A/RES/58/7): 179(ВБ)-3(США)-2
3	Права ребёнка (A/RES/58/157): 179(ВБ)-1(США)-0
4	Предварительная программа работы Второго комитета на 2004 год (A/Dec/58/553): 167(ВБ)-3(США)-0
2002	
1	Путь к полной ликвидации ядерного оружия (A/RES/57/78): 156 (ВБ)-2(США)-13
2	Факультативный протокол к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (A/RES/57/199):127(ВБ)-4(США)-42
3	Прекращение американской блокады Кубы (A/RES/57/11): 173(ВБ)-3(США)-4
4	Опасность распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке (A/RES/57/97):158(ВБ)-3(США)-0
5	Права ребёнка (A/RES/57/190):175(ВБ)-2(США)-0
6	Борьба против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости и всеобъемлющее осуществление и последующие меры по выполнению Дурбанской декларации и Программы действий (A/RES/57/195): 173(ВБ)-3(США)-2

2001	
1	Прекращение американской блокады Кубы (A/RES/56/9): 167(ВБ)-3(США)-3
2	Опасность распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке (A/RES/56/27): 153(ВБ)-3(США)-6

Таблица 2. Голосование США и Великобритании на ГА ООН: резолюции, по которым страны проголосовали противоположно 2001–2019 гг.

Table 2. U.S. and UK votes in the UNGA: differences 2001 – 2019

Источник: графики построены автором на основе данных из ежегодных докладов государственного департамента США о практике голосования в ООН и итогов голосования на ГА ООН в базе данных «Цифровой библиотеки Объединённых Наций».

Новый «момент» для китайской диаспоры?

В.В. Сухомлинова

Московское отделение «Жэнъминьван»

Рецензия на книгу: Чань Ш. *Родина диаспоры: современный Китай в эпоху глобальной миграции.* 2018. Durham: Duke University Press. 281 с.

Ключевые слова: Китай, китайская диаспора, транснационализм, мировая политика, национальное государство, колониализм, глобализация, идентичность, темпоральность

Книга Шелли Чань, профессора Университета Калифорнии и признанного специалиста в области новейшей истории Китая – это многоаспектное, оригинальное исследование фактора диаспоры в современной истории, находящееся на перекрёстке постколониальной теории, исследований культуры и литературоведения и задействующее при этом транснациональную оптику. Исследуя также проблему «множества темпоральностей», Чань вводит новый концепт – «моменты диаспоры», периодические разрывы в линейной истории государства-нации, связанные с необходимостью учитывать особенности судьбы и картины мира членов диаспоры при формулировании собственной идентичности. Таким изящным образом Шелли Чань показывает, что образ Китая как современного национального государства, крупного субъекта мировой политики, – это своего рода калейдоскоп, отдельные элементы которого находятся далеко за пределами его исторической географии.

По мере нарастания глобальных миграционных потоков сохраняется потребность в концептуализации всего разнообразия форм движения через государственные границы: «отсюда» – «туда», обратного (в том числе виртуального) перемещения между «там» и «здесь», сохранением вовлечённости «здесь» во время пребывания «там» – и одновременно снятия жёсткого противопоставления внутри дихотомии «здесь» и «там». Роль диаспоры, как наиболее яркого транснационального актора, в международных отношениях неоднократно становилась предметом изучения учёных, принадлежащих к научной школе МГИМО (Лебедева 2013; Лошкарёв 2015). Транснациональные исследования

УДК 327.8

Поступила в редакцию: 12.02.2022 г.

Принята к публикации: 02.03.2022 г.

(Nation Unbound 1994; Кайзер, Бредникова 2004; Hong, van Dongen 2016) – это та область, в которой происходит осмысление многоаспектности миграционных процессов, институциональных связей мигрантов как с принимающей («hostland»), так и с родной («homeland») страной; и актуальность этого осмыслиения лишь нарастает.

Исследование Шелли Чань показывает, что феномены массовой эмиграции и последующей трансформации идентичности родины эмигрантов носят общий характер: «Благодаря массовой эмиграции китайцев появился современный Китай» (с. 2). Подобный подход – новое слово в исследованиях диаспоры, в целом, и исследований китайской диаспоры, в частности. Более традиционным является представление о «стране-эмитенте» эмигрантов как об абсолютном субъекте, где государство либо прямым образом воздействует на эмигрантов, «возвращая» им чувство принадлежности к земле предков взамен на их участие в обозначаемых им социально-экономических и информационных программах, либо, как минимум, регулирует дискурсивные рамки взаимодействия эмигрантов с родиной. Согласно этому подходу, за счёт работы с диаспорой правящие элиты стремятся расширить собственную власть за пределы государственных границ¹. Противоположный, но также имеющий свои недостатки подход используется в рамках конструктивистской теории международных отношений и утверждает, что эмигранты – это автономные акторы международных отношений, усиление субъектности которых сопровождается размыванием субъектности национальных государств (Shain, Barth 2003).

Шелли Чань же выдвигает тезис, согласно которому субъектность китайских эмигрантов и масштабность всего процесса эмиграции из Китая в 1840-х–1950-х гг. во многом сместили центр активности Китая за пределы его территории. В связи с чем она предлагает интегрировать «проблему китайцев за рубежом» («the overseas Chinese question») в поле современной истории Китая в качестве её полноправного фактора, а не лишь побочного эффекта тех или иных внутренних процессов.

Опираясь на результаты лингвистического анализа, Шелли Чань выявляет мировоззренческие и исторические основания помещения китайской диаспоры на смысловую периферию родной культуры. Аналогом понятия «диаспора» с конца XIX — начала XX вв. служило в Китае понятие «хуа цяо» (华侨, китайцы, пребывающие за рубежом). В имперские времена идеограмма «цяо» входила в состав наименований для образованных ханьцев – чиновников и учёных, – которые были вынуждены временно покидать пределы родины в связи с нашествиями варваров. Коннотация «временности» отличает понятие «хуацяо» от позже принятых прочих обозначений эмигрировавших китайцев – «хуа жэнь»

¹ Tan Y. China's diaspora engagement policy and its powerful effect outside its borders. 2021. *Melbourne Asia Review*. №8. URL: <https://melbourneasiareview.edu.au/chinas-diaspora-engagement-policy-and-its-powerful-effect-outside-its-borders/> (дата обращения: 20.04.2022)

(华人, китайцы, осевшие за пределами Китая, но сохраняющие связь с китайской культурой) и «хуа и» (华裔, этнические китайцы, полностью ассимилировавшиеся за пределами Китая и утратившие все прочие связи с ним), она же, по меткому замечанию Чань, обусловила принятие именно понятия «хуацяо» для обозначения массового потока китайских эмигрантов в 1840-х–1950-х гг.:

Изучив столетие массовой эмиграции из Китая, можно предположить, что идея «временной» диаспоры ... служила подспорьем национального строительства Китая. Понятие «хуацяо» заключало в себе не только смысл оседания на чужой земле (будь то временное или окончательное оседание), официально признанного родиной, – оно предполагало также тандемную связку с понятием «изуго» (祖国, «родина»). Нация и эмигранты продуктивным образом контрастировали друг с другом и дополняли друг друга. «Временность» эмиграции предполагала «постоянство» родины (с. 10).

Шелли Чань стремится показать, что вопреки коннотациям, заложенным в понятие «хуацяо», а также вопреки высочайшему проценту «возвращенцев» среди китайских эмигрантов (70%), историю китайской диаспоры не следует рассматривать исключительного в контексте её отчуждения от «большого китайского нарратива» или, наоборот, реинтеграции в него. История китайской диаспоры – это, во многом, и есть история современного Китая. Конечная цель Чань, таким образом, состоит не столько в том, чтобы наделить китайцев в эмиграции причитающимся им статусом за счёт попрания исторической субъектности «китайцев в Китае» или за счёт децентрализации Китая как нации, сколько пересмотреть устоявшиеся представления о том, что такое «Китай», или «современный Китай». Её «современный Китай» – это не некая монументальная целостность, а «фрагментированное и при этом сетевое (“fragmented and networked”) образование».

Наиболее интересной является оптика, посредством которой Шелли Чань доказывает равнозначность ролей «диаспоры» и «родины» в конституировании истории современного Китая, – это теория множественности темпоральностей («multiple temporalities»). Вслед за П. Дуарой (Duara 1996), Д. Чакрабарти (Chakrabarty 2000), и Г. Харутуняном (Harrotunian 2005), Чань предлагает реконцептуализировать феномен транснациональности с включением в него, помимо пространственного, временного аспекта. Национальное государство в русле подобных исследований перестаёт быть главной единицей анализа не только в связи с размытием понятия «национальная территория», но и в связи с выявлением множества хронологий, альтернативных национальной, – например, «хронологии диаспоры». Китайские эмигранты, пишет Чань, могли, ассимилировавшись, стать частью истории других стран, войти в их временную шкалу. В то же время сама массовая эмиграция была и остаётся признаком тесного переплетения многих локальных процессов в общих глобальных контекстах – капи-

тализма, колониализма, мирового разделения труда, – что создает вероятность столкновения темпоральностей с их последующей гибридизацией: к примеру, в виде вовлечения осевших в других странах эмигрантов в «линейную историю» своей родины – и модификации этой истории. В связи с чем теоретический срез «множества темпоральностей» особенно ярко высвечивается в эмпирических исследованиях диаспоры.

Шелли Чань вводит два новых понятия: «время диаспоры» (*«diaspora time»*) и «моменты диаспоры» (*«diaspora moments»*). Под «временем диаспоры» понимаются разнообразные виды непрерывного воздействия жизни в эмиграции на картину мира индивидуумов, семей и сообществ. Это некое условие повседневной жизни эмигрантов, наряду со всеми прочими условиями, которое устойчиво, но едва поддаётся фиксации. Напротив, «моменты диаспоры» – это единовременные вспышки, в которых время диаспоры сообщается с другими темпоральностями и которые имеют необычайно далекоидущие последствия в виде своеобразных «сбоев» в линейной истории страны-родины эмигрантов.

Пяти «моментам диаспоры» в современной истории Китая, выделенным Чань, соответствуют пять глав её книги. Первый «момент» – снятие в 1893 г. в Цинской империи запрета на эмиграцию, которое рассматривается не как запоздалая легитимация давно имеющейся практики, а как акт становления в Китае институтов защиты прав своих подданных, находящихся за рубежом, а значит – как переход архаичной империи к современному национальному государству. Во второй главе описан опыт группы шанхайских учёных из Университета Цзинань, которые собирали данные об истории китайских морских экспедиций в Юго-Восточную и Южную Азию. В 1920-х и 1930-х эти учёные сами селились в узловых точках древних маршрутов и интегрировались в господствовавшие на местах колониальные порядки; их цель состояла в том, чтобы доказать: китайский способ освоения лежащих к югу территорий – это не форма колониализма, а уникальный для Китая путь познания мира. Третий «момент диаспоры» – это история сингапурца Лим Бун Кёнга, дальнего потомка китайцев, осевших на Малайском полуострове, который получил образование в Эдинбурге, то есть имел богатый опыт жизни на просторах Британской империи в качестве представителя «колонизованной» культуры. Осмысление этого опыта позволило ему утверждать, что ключевым инструментом деколонизации мышления в современном Китае должно стать конфуцианство – вопреки распространённому среди китайских националистов убеждению, что влияние эпохи колониализма на Китай минимально, а конфуцианство – это лишь комплекс устаревших ритуальных практик. Четвёртый и пятый «моменты диаспоры» приходятся на первые десятилетия истории коммунистического Китая. По мере того, как власть Китайской Народной Республики проникала в районы южного Китая, возникала необходимость в определении правового статуса смешанных домашних хозяйств, в которых женщины трудились в районах, вошедших в состав КНР, а мужчины были задействованы на «зарубежных» рынках. С другой

стороны, установление в Китае власти КПК совпало с процессами деколонизации в Юго-Восточной Азии. Националистически настроенные новые элиты в этих странах поощряли распространение антикитайских лозунгов, что породило волну «возвращений» этнических китайцев в пределы границ КНР. Новый Китай оказался в трудном положении, в котором ему необходимо было сочетать образ революционной нации с образом «вновь обретённого дома».

Таким образом, Шелли Чань активно привлекает не только теоретические и кросс-дисциплинарные исследования современных глобальных процессов, но и внушительный корпус архивных материалов, комбинируя методы исторического исследования, базирующиеся на анализе, с синтезирующими методами политологии и отчасти – философии, так как она действует диалектический метод, помогающий ей выявить динамическое начало феномена «современного Китая», показать его развитие в процессе преодоления им системных кризисов. При работе с источниками Чань также использует метод герменевтического анализа.

Не наблюдаем ли мы в настоящее время некий шестой «момент diáspory» – точку, в которой темпоральность «китайцев за рубежом» могла бы видоизменить траекторию «стрелы времени», избранную действующим правительством Китая? Этот вопрос представляется тем более актуальным в связи с сохранением в государственном секторе Китая плановой экономики и ориентацией китайского руководства, особенно при председательстве Си Цзиньпина, на долгосрочные стратегии развития². Иными словами, локальная темпоральность нынешней Китайской Народной Республики представляется более устойчивой, чем когда бы то ни было, и в этой связи возрастает внимание к потенциальным факторам её «дестабилизации».

Исследование Шелли Чань, принимая во внимание необычный ракурс на популярную тему консолидации китайской нации, могло бы служить изложением одного из сценариев подобной дестабилизации. Однако, как было показано выше, Чань предпочитает не выстраивать свою аргументацию на основе раз и навсегда определённых дихотомий «постоянство [родины] – временность [диаспоры]», «стабилизация – дестабилизация», «сплоченность – разобщенность [нации]». В её представлении, современный Китай, вопреки его кажущейся монолитности, образование изначально «фрагментированное» («fragmented») и «расколотое» («split»), в котором уже существуют несколько темпоральностей: темпоральность среднего и высшего класса из крупных городов – и темпоральность внутренних мигрантов из сельских районов, гигантских международных

² Имеются в виду так называемые «две столетних цели» (лянгэ и бай нянь 两个一百年), провозглашённые Си Цзиньпином на XVIII съезде КПК в 2012 г. в рамках лозунга «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации». Первая «цель» подразумевала построение в Китае общества «малой зажиточности» к столетнему юбилею КПК в 2021 г., вторая – превращение Китая в «мощное, процветающее, демократичное, гармоничное социалистическое государство» к столетнему юбилею КНР в 2049 г.

корпораций – и малого бизнеса, правительства в Пекине – и администрации и элит на Тайване, в Гонконге и Макао.

В связи с подобной пролиферацией способов самоидентификации китайцев с «современным Китаем» сложно выделить очевидную линию разлома, в которой «время родины» встречалось бы с «временем диаспоры». Однако Шелли Чань не отрицает, что феномен шестимиллионной волны «новой эмиграции» из Китая с 1978 г. всё же нуждается в осмыслении в контексте её теории.

Вслед за исследовательницей Л. Рофель она вводит понятие «желающего Китая» (*«desiring China»*), обозначающего глобальные амбиции – но не столько Китая как целой нации, сколько китайских горожан – индивидуумов и семей, – ищущих нового опыта интеграции в глобальные практики, в том числе лучшего образования, трудоустройства или инвестиционных возможностей (Rofel 2007: 5). Эмиграция, подчёркивает Чань, исторически была в Китае активным выбором частных лиц, а не санкционированным государством механизмом обеспечения его мирового доминирования. Точек расхождения «времени родины» и «времени диаспоры» гораздо больше, чем точек их схождения, и Чань предупреждает читателей против ассоцирования «национальных интересов» Китая с интересами китайских эмигрантов. Патриотические настроения отдельных представителей диаспоры служат, скорее, их личным целям, нежели внешнеполитическим целям Китайской Народной Республики:

Имеются тревожные сюжеты, в которых Китай, сметая всё на своём пути, завоевывает мир. Тем не менее широкое и углубляющееся вовлечение Китая в глобальные контексты не столько поддерживает, сколько ограничивает его в осуществлении власти. В любом узле разветвлённой сети – коей является Китай сегодня – могут возникнуть неожиданные конфликты и очаги напряжения. Учитывая количество временных и пространственных контекстов, в которых действует китайское государство, их постоянная реорганизация может стать его пожизненным обязательством. И здесь важно то, какой способ взаимодействия со своей историей оно изберёт, не в смысле поиска колеи развития, а в смысле возможности новых интерпретаций своей целостности. И в этом отношении опыт китайской диаспоры может служить для него ориентиром (с. 193).

Диаспора у Шелли Чань, таким образом, предстаёт не просто одним из элементов идентичности современного Китая, но самой моделью поиска этой идентичности. Если всё же выделять возможные контуры очередного «момента диаспоры», его, пишет Чань, следует наблюдать в необходимости перехода китайского государства к новому способу самоидентификации. Если раньше государство видело свое предназначение (*«telos»*) в отправке сигналов на «периферию», то теперь ему следует существовать в реальности, где между «родиной» и «диаспорой», в том числе представленной элитами Тайваня, Гонконга и Макао, действуют отношения «дезинтеграции, и при этом – нарастающей взаимозависимости» (с. 194).

Кроме попыток сформулировать новые концепции времени и пространства у исследования есть ещё один аспект – проблематизация онтологического статуса государства.

«Родина диаспоры» – это удачный пример амбициозного междисциплинарного исследования, кропотливой, в большой степени архивной работы по объединению независимых полей гуманитарной науки с ярким авторским взглядом. Оно будет интересно не только специалистам в области истории Китая и исследователям процессов глобализации и транснационализации, но и широкому кругу читателей, интересующихся способом взаимодействия современной культуры со своим прошлым.

Тем не менее одним из возможных замечаний к книге Шелли Чань может служить недостаточная конкретизация её предмета, а именно, того измерения «современного Китая», которое подвергается устойчивой модификации по мере столкновения с «временем диаспоры». Фрагментированность всего современного Китая предстаёт у Чань в виде зеркальной фрагментированности институциональных связей внутри пары «родина – диаспора». Китай, разумеется, не монолитен, однако в нём едва ли господствует лишь один тип центробежных, как и лишь один тип центростремительных сил. И какое разнообразие устойчивых институтов и моделей взаимодействия ни предлагала бы диаспора, это разнообразие останется секторальным, а не пройдёт красной нитью сквозь все стратегии самоидентификации, которые использует Китай в современном мире.

Таким образом, Чань оказывается в шаткой позиции, где судит о сущности действующей стратегии интеграции Китая в глобальные процессы на основании данных полувековой давности, относящихся к, без сомнения, одному из наиболее активных и изобретательных, но всё же весьма ограниченному сегменту представителей китайской культуры. Последний из описанных ею «моментов диаспоры» датируется 1958–1969 гг. С тех пор в модели китайского осуществления власти произошли грандиозные изменения: Китай стал, по сути, второй сверхдержавой, во многом далеко превосходящей формат «современного национального государства», бывшего недавно для него желанным ориентиром. Вероятно, это уже не только и не столько тот Китай, который появился благодаря феномену массовой эмиграции 1840-х–1950-х гг., несмотря на то что именно диаспора была основным спонсором реформ и открытости.

С другой стороны, помещая рассуждения о характере современного китайского государства в раздел «Заключение и эпилог», Чань придаёт им рамочный характер, не относящийся к основному корпусу её аргументов и не ставящий под вопрос корректность её методологии. Главный мотив её работы – зафиксировать, что явление массовой эмиграции из Китая меняет не только принимающие мигрантов сообщество, но и сам Китай. Ракурс «множества темпоральностей» остаётся её неоценимым вкладом в исследование истории транснационализма и, что не менее важно, в осмысление транскультурной гибридности (или, с традиционной китайской точки зрения – «организмичности»). Если исходить

из убеждения, что интерпретация «современного Китая», которую даёт ему китайская диаспора (и сама Чань, как её яркий представитель), в смысловом и ценностном отношении равнозначна интерпретации «современного Китая», которую даёт ему действующая правящая элита КНР, то и вышеприведённые замечания к книге можно оставить за скобками. Это открывает перспективы применения результатов работы Шелли Чань не только в исследованиях международных отношений, но и в области культурной антропологии.

Об авторе:

Виктория Владимировна Сухомлинова – сотрудник московского отделения «Жэнъминьван». Россия, 119049, г. Москва, 4-й Добрининский переулок, 8, R108. Email: pavlenko1993@gmal.com

UDC 327.8
Received: February 12, 2022
Accepted: March 02, 2022

A new Chinese “Diaspora Moment”?

V.V. Sukhomlinova

[DOI 10.24833/2071-8160-2022-2-83-209-217](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-2-83-209-217)

“Renminwang” Moscow office

Book review: Review of the book by Shelly Chan. *Diaspora's Homeland: Modern China in the Age of Global Migration*. 2018. Durham, Duke University Press. 281 p.

Keywords: China, Chinese diaspora, transnationalism, world politics, nation-state, colonialism, globalization, identity, temporality.

About the author:

Victoria V. Sukhomlinova – member of staff at “Renminwang” Moscow office. 4th Dobrininski lane, 8, room 108, Moscow, Russian Federation, 119049. Email: pavlenko1993@gmal.com

References:

- Chakrabarty D. 2000. *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton: Princeton University Press. 336 p.
- Duara P. 1996. *Rescuing History from the Nation*. Chicago: University of Chicago Press. 286 p.
- Harrotunian H. 2005. Some Thoughts on Comparability and the Space-Time Problem. *Boundary 2*. 32(2). P. 23–52. DOI: 10.1215/01903659-32-2-23.

Liu H., van Dongen E. 2016. China's Diaspora Policies as a New Mode of Transnational Governance. *Journal of Contemporary China*. 102(25). P. 805–821. DOI: 10.1080/10670564.2016.1184894.

Nation Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States. 1994. L. Basch, N.G. Schiller, C.S. Blanc (ed.). New York: Routledge. 356 p.

Rofel L. 2007. *Desiring China: Experiments in Neoliberalism, Sexuality, and Public Culture*. Durham: Duke University Press. 264 p.

Shain Y., Barth A. 2003. Diasporas and international relations theory. *International Organization*. 57(3). P. 449–479. DOI: 10.1017/S0020818303573015.

Smart A., Hsu J. Y. 2004. The Chinese diaspora, foreign investment and economic development in China. *The Review of International Affairs*. 3(4). P. 544–566. DOI: 10.1080/1475355042000241511.

Kayzer M., Brednikova O. 2004. Transnatsionalizm i translokal'nost' (kommentarii k terminologii). [Transnationalism and Translocality (Commentaries on Terminology)]. *Migratsiya i natsional'noye gosudarstvo*. Saint-Petersburg: TSNSI. P. 133–146. (In Russian)

Lebedeva M.M. 2013. Aktory sovremennoy mirovoy politiki: trendy razvitiya. [Actors of Contemporary World Politics: Trends of Development]. *MGIMO Review of International Relations*. 1(28). P. 38–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-1-28-38-42. (In Russian)

Loshkariov I.D. 2015. Rol' diaspor v sovremennoy mirovoy politike. [The Role of Diasporas in the Current World Politics]. *MGIMO Review of International Relations*. 2(41). P. 120–126. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-2-41-120-126. (In Russian)

Литература на русском:

Кайзер М., Бредникова О. 2004. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии). *Миграция и национальное государство*. Санкт-Петербург: ЦНСИ. С. 133–146.

Лебедева М. М. 2013. Акторы современной мировой политики: тренды развития. *Вестник МГИМО-Университета*. 1(28). С. 38–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-1-28-38-42.

Лошкарёв И.Д. 2015. Роль диаспор в современной мировой политике. *Вестник МГИМО-Университета*. 2(41). С. 120–126. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-2-41-120-126.

Внешняя политика и деглобализация

Т.Н. Калугина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Рецензия на книгу: Fred Aja Agwu. 2021. *Foreign Policy in the Age of Globalization, Populism and Nationalism. A New Geopolitical Landscape.* Springer. 485 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-16-3372-0>

Ключевые слова: глобализация, популизм, национализм, защита государственного суверенитета, гибридная экспансия, инициатива «Один пояс – один путь», неоколониальная политика

Фред А. Агву, автор книги «Внешняя политика в эпоху глобализма, популизма и национализма. Новый geopolитический ландшафт», опубликованной в 2021 г. издательством Springer, пытается определить, как глобализация, популизм и национализм повлияли на внешнюю политику наций: Соединённых Штатов Америки, Европы, Китая и региона Африки, входящего в Континентальную зону свободной торговли Африки (AfCFTA), и Экономическое сообщество западноафриканских государств (ECOWAS). Опираясь на результаты теоретического исследования внешней политики и мнения экспертов в сфере международных отношений, автор рецензируемого исследования утверждает, что, хотя внешняя политика руководствуется национальными интересами государства, последние, как правило, обнаруживают (в дополнение к другим политическим и социокультурным соображениям) единодушие в международных интересах, которые обусловлены экономическими соображениями. Но по мере того как происходило сближение наций через экономические связи и развитие информационных технологий, всё большее количество людей стало высказывать обеспокоенность, что платой за доступ к разнообразию товаров стал более высокий уровень международной конкуренции, «утечка мозгов» и сокращение рабочих мест (Docquier, Rapoport, 2011). Хотя глобализация создала социально-экономические и политические возможности, включающие как победителей, так и проигравших, автор рецензируемого издания подчёрки-

УДК: 327.8

Поступила в редакцию: 11.02.2022 г.

Принята к публикации: 02.03.2022 г.

вает, что существуют расхождения и противоречия во многих траекториях современного порядка. Вызов традиционным ценностям и образу жизни в пользу либеральных ценностей стал ещё одним следствием культурной глобализации. На международном уровне бенефициары настаивают, например, на осуществлении демократизации как условия для значимых обязательств с помощью стратегии «мягкой силы». Фред А. Агву утверждает, что навязывание всему миру западных либеральных ценностей как обязательного условия глобализации вынуждает политиков прибегать к тактике популизма для утверждения и возвращения суверенитета своей стране (с. 19).

Постепенные проявления противоречий глобализирующегося мира вместе с растущим глобальным неравенством выявили частичную инклузивность глобализации. Подробно рассматривая неоимперскую политику Франции в её бывших африканских колониях и внешнюю политику США, в том числе и с применением инструментов «мягкой силы» для защиты своих национальных интересов, Фред Агву приходит к выводу, что сегодня существующему международному взаимопониманию между странами явно угрожают западные страны, которые, используют свой экономико-политический потенциал для продвижения собственных экономических интересов и настаивают на развитие сотрудничества на своих условиях и в соответствии со своими ценностями (с. viii). Последнее, в свою очередь, провоцирует рост антиглобализма, популизма и национализма как в западных странах, так и в государствах других континентов.

Продолжая анализировать вызовы, с которыми сталкивается глобализация сегодня, исследователь приходит к выводу, что мир раскололся, формируется новый геополитический порядок, подпитываемый популизмом и национализмом; «товаром в торговле» стали «демагогия, обман, ложь и всевозможные геополитические интриги» (с. xi). Новый геополитический ландшафт изобилует торговыми войнами и политическими противоречиями, способными разжечь очаги напряжённости. Незначительные просчёты в этих условиях могут спровоцировать региональные и даже глобальные конфликты.

Книга состоит из десяти глав, особое внимание учёный из Нигерии уделил трём направлениям: а) иллюстрации становления нового национализма на примере Brexit и изменений во внешней политике США с приходом Трампа; б) усилию позиций Китая на Африканском континенте благодаря расширению инвестиционных программ в рамках трансконтинентальной инициативы «Один пояс – один путь»; в) неоколониальной политике Франции по отношению к своим бывшим африканским колониям.

Исследование опирается на предположение, что современная глобализация и либеральный порядок требуют переосмысления (Hu 2017; Nye 2017; Pappas 2016). Реальным вызовом глобализации к концу 2016 г. стало изменение направления международной политики и стратегических целей США. Выход в одностороннем порядке из международных договоров и соглашений, ограничение иммиграционных потоков, использование экономических санкций для продви-

жения собственных товаров на зарубежные рынки и защиты экономических интересов, развязывание торговых войн – всё это закрепило рост национализма, популизма и антиглобалистских настроений во всём мире (с. 146). Фред А. Агву солидарен с теми международными аналитиками, которые считают, что президентство Дональда Трампа ускорило распад международного порядка, возглавляемого США (Almadi 2020; Pappas 2016).

Вместе с тем Френсис Фукуяма призывает не ставить знак равенства между национальной идентичностью и нетерпимым этнонационализмом, утверждая, что национальная идентичность также может быть построена на либеральных и демократических политических ценностях и на общем опыте различных сообществ (Fukuyama 2018). Объединяющее чувство национальной идентичности остаётся критически важным для поддержания успешного современного политического порядка.

Постепенный переход Соединённых Штатов от глобального лидерства к националистической идеологии предполагает неизбежность поиска альтернативного глобального лидерства. В данном контексте Китай демонстрирует готовность вкладывать деньги в крупномасштабные международные проекты по развитию инфраструктуры и содействию торговли. Последнее включает совершенствование существующих и создание новых торговых путей, транспортных, а также экономических коридоров, связывающих более чем 60 стран Центральной Азии, Европы и Африки, которая будет способствовать новому уровню торговых отношений между ними и Китаем. В рамках данной инициативы Фонд шёлкового пути (Silk Road Fund) осуществляет сотрудничество с многосторонними учреждениями и платформами, в том числе и с Европейским банком реконструкции и развития. Им установлены обширные контакты с правительствами более 30 стран и развёртываются партнёрские отношения с ведущими национальными и международными предприятиями в ключевых областях¹.

В своей книге Фред Агву уделяет большое внимание укреплению влияния Китая в Евразии и на Африканском континенте в ходе расширения совместных инвестиционных проектов. Он придерживается мнения, что Китай использует инициативу «Один пояс – один путь» для усиления своих позиций путём создания «сетевых связей» в сфере торговли, инвестиций, финансов, туризма и образования, то есть включения инструментов «мягкой силы» и, следовательно, осуществления геополитической перестройки регионов. Опираясь на ряд публикаций, Фред Агву утверждает, что расширение инвестиционной политики Китая и его активное участие в развитии инфраструктуры в Африке, которое он характеризует как «вмешательство», привело к тому, что многие африканские страны оказались в долговой ловушке Китая. В результате китайской экономической экспансии, внешняя и внутренняя политика ряда африканских стран

¹ Фонд шёлкового пути <http://www.silkroadfund.com.cn/enweb/23775/23780/index.html> (accessed 26.04.2022)

ныне поддерживает интересы Китая. В описании экономической экспансии Китая в Африке проведены параллели с действиями Запада на заре колониализма, когда тоже строилась инфраструктура с целью экспорта ресурсов и развития европейской колониальной торговли.

Оценивая самостоятельность западноафриканских государств, Фред Агву отмечает, что бывшим колониям так и не удалось стать в полной мере суверенными государствами. На сегодняшний день Экономическое сообщество западноафриканских государств остается неэффективным, в то время как Франция по-прежнему придерживается политики неоколониализма. В книге приводится подробное описание становления политики неоимпериализма Франции по отношению к бывшим колониям, подавление попыток африканских государств приобрести суверенитет, а также рассматриваются перспективы изменений в механизме валютной зоны западноафриканского франка как инструмента сокращения финансовых связей с Францией и уменьшения её влияния, а также сохранения финансовой стабильности в регионе. Особого внимания, по его мнению, заслуживает *Francafrique* – «уникальное и совершенно завораживающее политическое явление» (своего рода неоколониальная схема), которые Франция использовала для лимитирования независимости франкоязычных африканских стран. По сути, это символическое «джентльменское соглашение», которое требует «постоянного подчинения этих якобы независимых африканских государств, таких как Кот-д'Ивуар, Сенегал и Габон» (с. 345) и учёта интересов Франции при принятии большинства ответственных решений или подписания перспективных законопроектов. Таким образом, Фред Агву весьма пессимистичен в своих оценках, что Франция будет готова отказаться от своей «неоколониальной сокровищницы» (с. 343).

Несмотря на фундаментальность исследования и внушительный список научных работ, к которым обращается Фред Агву, ряд его выводов представляется недостаточно обоснованными. Описывая период президентства Трампа, автор постоянно использует термины «трампизм» и «трампокалипсис». Словарь Collins English Dictionary трактует «трампизм» как «политику, проводимую Дональдом Трампом, особенно когда это касается неприятия нынешнего политического эстеблишмента и преследования американских национальных интересов»². Разумеется, Дональд Трамп, будучи президентом США, выстраивал внешнюю политику страны с учётом национальных интересов. Но какой американский президент был готов жертвовать интересами своей страны? Характерно, что на фоне торговой войны с Китаем национализм и протекционизм внешней политики США стали заявляться открыто. Вместе с тем утверждение, что именно Трамп запустил тренд национализма и популизма в Европу или

² Словарь Collins English Dictionary <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/trumpism> (accessed 26.04.2022)

спровоцировал Брегзит, автору рецензии представляется несколько опрометчивым. Тем более что голосование по выходу Великобритании из Евросоюза состоялось в июне 2016 г., то есть за пять месяцев до избрания Дональда Трампа президентом США. Не исключено, что Фред Агву активно поддерживает весьма популярные движения в защиту гендерного равенства и искоренения превосходства белой расы и поэтому назначил Дональда Трампа виновным по всем статьям. По мнению автора рецензируемой книги, победа Трампа над Хилари Клинтон в президентской гонке уничтожила идею гендерного политического равенства, а его внутренняя политика не способствовала искоренению сексизма и уж тем более обеспечению стандартов на уровне расовых отношений. В совокупности названные тренды привели к отказу США от утверждения перспективности глобализации и вместе с тем к потере США лидерских позиций в развитии мировых глобализационных процессов.

В главах, посвящённых экономической экспансии Китая в Африке, поднимается вопрос: является ли инициатива «Один пояс – один путь» исключительно экономической конструкцией для расширения международного сотрудничества, или это geopolитический инструмент для усиления глобального влияния КНР? По мере развёртывания довольно подробного описания усиления влияния Китая на африканском континенте, Фред Агву склоняется к последней точке зрения. Он подчёркивает односторонний характер инициативы Китая, отсутствие прозрачности и подотчётности его перед африканскими странами. Равно как и отсутствие проектов, приносящих непосредственную пользу местным жителям.

Большое внимание уделено финансовой ловушке, в которую попадают африканские страны, неспособные погасить свою задолженность перед Китаем. Книга ставит знак равенства между «*Francafrique*» и «*Chinafrique*», рассматривая их как метафоры эксплуатации и обнищания континента. Финансирование из западных стран или учреждений обычно сопровождается строгими условиями, что неудобно для более бедных африканских стран. Для сравнения, финансовая стратегия Китая — за счёт сочетания грантов, помощи и кредитов (бесплатных или под низкие проценты) с щедрым графиком возврата, особенно по инфраструктурным проектам, — является привлекательным вариантом для африканских государств. Вместе с тем невозможно отрицать, что многие из них (Кения, Эфиопия и другие) сталкиваются с трудностями с выплатой задолженностей по кредитам Китаю. При этом уместно упомянуть, что Китай не раз списывал долги наименее развитым африканским странам. В 2018 г. на саммите ФОКАК в Пекине взял на себя обязательства поступать также и в будущем (Дейч 2018). Более того, в отличие от западных стран, которые предпочитают иметь дело с прозрачными и подотчётными демократиями, Китай придерживается подхода, не основанного на тех или иных социально-политических ценностях. Он демонстрирует готовность вести дела с африканскими режимами без каких-либо заранее установленных условий. Поскольку Китай в своих отношениях с афри-

канскими режимами не вмешивается в их внутренние дела, китайским компаниям удавалось вести себя сдержанно и не становиться мишенью внутриполитической борьбы. Вместе с тем деятельность китайских компаний продолжает вызывать недовольство со стороны местных жителей (Venkateswaran 2020).

Не ограничиваясь экономической и инвестиционной деятельностью, Китай участвует в проектах мира и безопасности в Африке, а именно, в пяти миротворческих миссиях ООН на африканском континенте. Он является вторым по величине финансовым спонсором миротворческих миссий ООН, включая вклад в Миссию Африканского союза в Сомали (АМИСОМ) и посредничество ИГАД в Южном Судане. Фред Агву проигнорировал, к сожалению, участие Китая в африканских проектах образования, медицины и культуры.

Фред Агву, подчёркивая отрицательные стороны китайской деятельности в Африке, не обращает внимания на позитивные результаты сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Односторонний подход может создать впечатление о неоколониальной политике Китая в Африке.

Несмотря на изложенные критические замечания, книга Фреда Агву *«Внешняя политика в эпоху глобализма, популизма и национализма. Новый геополитический ландшафт»* будет интересна вниманию специалистов. Она отразила характерные критические позиции по отношению к глобализации. Это типичный взгляд для достаточно широкого круга исследователей, представляющих новую генерацию учёных, вышедших из кругов молодой интеллигенции африканского континента.

Несомненным достоинством книги является также детальное рассмотрение особенностей внешней политики США, Китай и Франция на африканские страны. На примере Нигерии и Марокко Фред Агву демонстрирует с какими вызовами сталкивается Африка в условиях многосторонних международных отношений, как в ходе геополитической борьбы крупнейших мировых лидеров, так и в процессе усиления тенденций национализма и популизма. Уместно отметить и важность попытки автора описать пандемию коронавируса на африканские страны, оценить социально-экономические последствия закрытия границ в условиях локдауна, и в попытках утверждения навязанного Западом неолиберализма.

Об авторе:

Татьяна Николаевна Калугина – старший преподаватель кафедры английского языка №8 МГИМО МИД России. 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: t.kalugina@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327.8
Received: February 11, 2022
Accepted: March 02, 2022

Foreign Policy and the Age of Globalization

T.N. Kalugina
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-2-83-218-225](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-2-83-218-225)

MGIMO-University

Book review: Fred Aja Agwu. 2021. *Foreign Policy in the Age of Globalization, Populism and Nationalism. A New Geopolitical Landscape*. Springer. 485 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-16-3372-0>

Keywords: globalization, populism, nationalism, protection of state sovereignty, hybrid expansion, the "One Belt– One Road" initiative, neocolonial politics

About the author:

Tatiana N. Kalugina – senior lecturer at the Department of English №8 of the MGIMO Ministry of Foreign Affairs of Russia. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.
E-mail: t.kalugina@inno.mgimo.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Almadi, L. 2020. Globalization and the Changing Liberal International Order: A review of the literature. *Research in Globalization*, Vol. 2. DOI: 10.1016/j.resglo.2020.100015
- Docquier F, Rapoport H. 2011. Globalization, Brain Drain and Development. *Journal of Economic Literature*. March 2011. DOI: 10.1257/jel.50.3.681
- Fukuyama F. 2018. Why National Identity Matters. *Journal of Democracy*. 29(4). P. 5-15. DOI: 10.1353/jod.2018.0058.
- Hu F, Spence M. 2017. Why Globalization Stalled: And How to Restart It. *Foreign Affairs*. 96(4). P. 54-63.
- Nye, Jr., Joseph S. 2017 "Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea." *Foreign Affairs* 96(1). P. 10-16.
- Pappas T. 2016. The Specter Haunting Europe. Distinguishing Liberal Democracy's Challengers. *Journal of Democracy*. 27(4). P. 22-36. DOI: 10.1353/jod.2016.0059
- Venkateswaran L. 2020. China's Belt and Road Initiative: Implications in Africa. *ORF Issue Brief*. №395. Observer Research Foundation.
- Deych T. 2018. Kitaj v Afrike: «neokolonializm» ili «win-win» strategija? [China in Africa: Neo-Colonial Power or "Win-Win" Strategy?] *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 11(5). P. 119–141. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141 (In Russian).

Список литературы на русском языке

Дейч Т.Л. 2018. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия?
Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 11(5). С. 119–141.
DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-11

Роль культурного наследия в современной мировой политике

Т.М. Балматова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Рецензия на книгу: Christofoletti R., Botelho M. L. (ed.) 2021. *International Relations and Heritage. Patchwork in Times of Plurality*. Springer Nature Switzerland AG. 468 p.
DOI: 10.1007/978-3-030-77991-7

Ключевые слова: «мягкая сила», культурная дипломатия, культурное наследие, Иbero-Америка, международные отношения, geopolitika, исторический ревизионизм

Вопросы международных отношений и культурного наследия плотно переплетены. На протяжении последних лет прогрессирует исторический ревизионизм, следствием которого явились акты вандализма во многих странах обеих Америк и Европы. Процветает незаконная торговля предметами искусства и древности. Объекты мирового культурного наследия становятся жертвами международных вооружённых конфликтов (Пальмира). Заложники политических противоборств становятся музейные коллекции, удерживаемые за границей (коллекция скифского золота). Эти и множество подобных проблем делают актуальными исследования роли культурного наследия в современной мировой политике. Рецензируемый труд «Международные проблемы и культурное наследие. Пэчворк в эпоху многообразия» позволяет сформировать достаточно объективное представление о наработках культурологии и дипломатии по широкому кругу вопросов, связанных с историей и современной проблематикой культурного наследия на различных континентах – от Латинской Америки до Африки и Океании.

Рецензируемое исследование представляет собой сборник статей, написанных специалистами в области истории, права, международных отношений, социологии, антропологии, искусства и культуры из стран Европы (Испания, Португалия, Франция) и Латинской Америки (Бразилия). Несомненная

УДК 327.8

Поступила в редакцию: 12.02.2022 г.

Принята к публикации: 02.03.2022 г.

заслуга составителей сборника – Родриго Кристофолетти и Марии Леонор Ботельо – состоит в том, что разнообразный по содержанию материал объединяют основные тематические доминанты, которые придают определённую динамику представленным в нём исследованиям – от применения культурной дипломатии как одного из инструментов «мягкой силы» в политическом процессе через переосмысление истории и культурного наследия к восприятию последнего как механизма для осуществления политического давления.

Как отмечают составители, в условиях постковидного миропорядка «международные отношения не будут прежними, вследствие чего изменится понимание и управление культурным наследием», которое «приобретает всё больший вес в многосторонних дискуссиях» (с. 2). Метафора «пэчворк» – лоскутное одеяло – в названии сборника призвана подчеркнуть, что сохранение культурного наследия является вызовом глобального масштаба, целью, ради достижения которой может «соединиться разделённое и восстановиться разобщённое» (с. 2). Главная задача сборника по мысли составителей состоит в том, чтобы «показать, как приданье приоритетного значения сохранению культурного наследия и межкультурной коммуникации в международной повестке открывает широкие возможности для решения других вопросов» (с. 2). Помимо первой главы «Представление: изменится ли отношение к сохранению культурного наследия на международной арене в постковидном мире?», в которой составители знакомят читателя с кратким содержанием книги, в структуре сборника выделены три части, позволяющие систематически изложить материал: 1) «Междомостями и границами» (2–8 главы); 2) «Печальные происшествия с предметами культуры» (9–14 главы); 3) «“Мягкая сила” – это ключ?» (15–22 главы). В Заключении приводятся интервью с Ириной Боковой, занимавшей пост генерального директора ЮНЕСКО с 2009 по 2017 г., и Франческо Бандарином – специальным советником ЮНЕСКО, экспертом в области градостроительства и сохранения памятников архитектуры.

Во второй главе «*Damnatio Memoria* или *Damnatio Consensus*. Проблема колониального наследия в портовых городах Латинской Америки. Проект в действии: СоопМар – трансатлантическая коопeração, государственная политика и Иbero-Американское социокультурное сообщество» поднимается сложная проблема поиска баланса между интересами бизнес-сообществ, работающих в туристической индустрии, местных жителей и организаций по охране памятников культуры. Проекты с международным участием, такие, как СоопМар, призваны помочь различным общественным группам достичь взаимопонимания, когда речь идёт о реконструкции городского пространства, включающего объекты культурного наследия. Ввиду того что портовые города Латинской Америки располагают многочисленными памятниками колониального периода, диалог осложняется еще и претензиями националистически настроенных социальных групп. Рассуждая о *damnatio consensus* – отсутствии согласия – авторы приводят в качестве примеров последствия признания объектами всемирного

наследия ЮНЕСКО крепостей и замков в Гане, исторического центра чилийского города Вальпараисо и Памятника первооткрывателям в Лиссабоне. При всей сложности и многогранности рассматриваемой в статье проблемы, приходится признать недостаток последовательности и логики в изложении материала: остаётся непонятным, почему речь идёт о портовых городах Африки и Европы, если в названии заявлена Латинская Америка?

Федерик Лериче в статье «Региональные активы, промышленный рост, глобальный охват: исследование кинематографической индустрии в Области залива Сан-Франциско» (третья глава) рассказывает о формировании и развитии кино компаний, расположенных в Области залива (American Zoetrope, Lucasfilm, Pixar, Netflix), историю их конкуренции и сотрудничества с Голливудом. Интересна информация о вкладе культурного кластера Области залива Сан-Франциско в экономику соответствующих графств и фильмография кинокомпаний с 1936 по 2017 г. Вместе с тем описываемое явление является локальным, по причине чего включение этого материала в сборник не представляется обоснованным.

В четвёртой главе «Культурное наследие и глобализация: траектория, проекты и стратегии фонда Санта Мария ла Реаль (Агилар-де-Кампо, Кастилия и Леон, Испания)» директор фонда Хайме Ниньо Гонсалес делится опытом создания и развития реставрационного проекта и фонда, начало которым положило восстановление монастыря, до 1977 г. лежавшего в руинах в местечке под названием Агилар-де-Кампо. Статья представляет чрезвычайный интерес как практический пример культурной дипломатии. В ней описывается механизм привлечения гражданского общества к делу восстановления культурных памятников, кроме того, автор подчёркивает, что в реставрационных работах участвуют молодые специалисты, выпускники и студенты, для которых это является прекрасной возможностью применения на практике полученных знаний и профессионального совершенствования. Тесный контакт с музеями и научными центрами, необходимый в процессе реставрации, позволил накопить и систематизировать ценные сведения об архитектурных памятниках, что привело к открытию в 1988 г. Центра исследования романского искусства. С этого времени издаётся Энциклопедия романского искусства, включающая не только информацию о памятниках Испании, но и о культурных объектах за пределами страны. Помимо научно-исследовательской деятельности, фонд принимает активное участие в реставрации архитектурных объектов за пределами Испании, а также в целом ряде международных проектов по развитию культурного туризма.

Бруно до Вале Новайс посвятил своё исследование «Культурная дипломатия: от праксиса к возможному концепту» (пятая глава) поиску ответа на вопрос «Что такое культурная дипломатия?» Стоит отметить высокий уровень владения историко-теоретическим материалом, продемонстрированный автором в этой работе.

В шестой главе «Цифровая культура и цифровые СМИ как объект культурного наследия: инновационные подходы в работе с информацией и науч-

ной коммуникацией в эпоху больших данных и иммерсивных интерактивных технологий. Новый контекст международных отношений» затрагивается очень популярная и актуальная проблематика, связанная с переходом в виртуальный мир и переносом в «не-бытие» культурных реалий. Многочисленные преимущества цифрового наследия, возможность применения виртуальной «мягкой силы», доступ не только к большим, но и к гигантским данным (massive data) являются бонусами цифрового образования и науки – «ключевого аспекта и первого шага в построении общества» (с. 107). В статье предлагается красочно оформленная инфографика, к сожалению, не доступная для понимания даже после внимательного прочтения текста. Стоит отметить, что о недостатках и опасностях цифрового мира автор умалчивает, лишь вскользь отмечая, что «цифровые технологии коренным образом изменили отношения между индивидуумом (пользователем, гражданином) и его окружением» (с. 104).

Седьмая глава – «“Национальный фактор” и разработка понятия “культурное наследие” Законодательным собранием Бразилии (1887–1988)». Отправным пунктом исследования стала опубликованная в 1980 г. книга Жан-Пьера Бабелона и Андре Шастеля «Понятие наследия» (Babelon 1994). Интересна мысль авторов статьи о трёхмерности культурного наследия и этапах, ознаменовавших приобретение каждого измерения: 1) Французская революция, 2) мировые войны XX в. и 3) «разрушение национальных государств и культурная критика вестернизации мира» (с. 116). Последний начался в XXI в. и привнёс понятия нематериального, постколониального наследия и культурного разнообразия.

В последней восьмой главе первой части «“Бездна истории достаточно глубока, чтобы поглотить всех нас” начальные строки Афинского письма 1931 г. и предложения к определению понятия Всемирное наследие» Маркос Олендер, описывая катастрофические последствия Первой мировой войны как для общественного сознания, так и для памятников архитектуры, отмечает, что трагические события стали тем контекстом, который заставил интеллектуальные элиты сперва учредить Лигу Наций, а потом (1922 г.) создать при ней «Международную комиссию по интеллектуальному сотрудничеству». В свою очередь эта организация провела Первую международную конференцию по сохранению памятников искусства в Афинах (1931 г.), о которой подробно рассказывается в статье.

Вторую часть открывает исследование «Политические вопросы глобализации Лувра» (девятая глава). С 2000 г. этот крупный объект культурного наследия продвигает бренд Франции далеко за её границами, в частности, в статье идёт речь о Лувре Абу Даби – совместном проекте МИДа и Минкультя Франции и Отдела по культуре и туризму ОАЭ. Являясь ярким примером культурной дипломатии, этот проект позволяет «удовлетворить экономические интересы Франции и самого Лувра; осуществлять французскую geopolитическую стратегию в Персидском заливе; усилить влияние и привлекательность ОАЭ в мире; продвигать международное партнёрство Лувра» (с. 158). Рассуждая об «экспор-

те репутации», автор проводит параллель с музеем Гугенхайма, который, являясь частной организацией, уже имеет опыт «распространения своей франшизы». Использование применительно к культурным процессам лексики из сферы бизнеса симптоматично и указывает на переоценку культурного наследия, связанную с его коммерциализацией.

Хорхе Элисес Окон в статье «Видео, снятое ДАИШ¹ в музее Мосула: разрушение или созидание культурного наследия?» (глава 10), расценивая как перформанс видео, зафиксированное разрушение террористами бесценных памятников древних культур, пытается представить этот акт преступного вандализма как «переосмысление, которое, сохраняя традиционную ценность объекта культурного наследия, подразумевает новый взгляд на его форму, функцию, значение и состояние» (с. 173). Выставляя само понятие «культурное наследие» как «продукт западного капитализма», автор в традициях софизма изображает убийство террористами памятников культуры как борьбу «народов Востока» за национальную идентичность против западного колониализма. Занимаемая Х. Элисес Оконом позиция цинична и лишена оригинальности, поскольку является не более, чем репликой комплементарной риторики западных элит относительно варварских действий БЛМ, якобы боровшихся за свою национальную идентичность.

В 11-й главе «Гаагская конвенция 1954 г. о защите культурных ценностей» Фернандо Фернандес да Сильва прослеживает изменение законодательства о защите во время военных действий объектов культурного наследия от римского права до наших дней, уделяя пристальное внимание преобразованиям, имевшим место в XIX-XX вв. Автор заключает, что «лишь создав ЮНЕСКО международное сообщество установило чёткие требования, для обеспечения международной безопасности культурной собственности во время войны» (с. 204).

Непростой судьбе культурных ценностей народа маори посвящена статья Мануэля Бурона «От создания к возвращению: некоторые пути культурного наследия Новой Зеландии» (12-я глава). Это глубокое и чрезвычайно интересное междисциплинарное исследование предлагает пример постколониального развития народа, который, применяя культурную дипломатию, смог добиться реституции значительного числа памятников культуры, среди которых основную роль играют *мокомокай* – мумифицированные головы с татуировками *та-моко*, вывезенные европейцами в XIX-XX вв. Ещё одним примером уважения к собственной культуре и защиты культурного наследия является эпизод с птицей киви – символом Новой Зеландии, которую планировали отправить в подарок У. Черчиллю, однако, под давлением общественности от этой идеи пришлось отказаться (с. 221).

13 глава «Требование реституции культурного наследия в международных афро-европейских отношениях» продолжает тему возврата вывезенных пред-

¹ Запрещённая в России террористическая организация.

метов материальной культуры. Карине Лима да Коста в своей статье подчёркивает роль международных организаций и лично президента Франции Э. Макрона в этом вопросе, а также ставит акцент на том, что проблема возврата предметов культурного наследия может решаться не только их передачей в вечное пользование, но и на временной основе или путём культурного обмена – то, чем занимаются уже давно многие музеи. Автор справедливо заключает, что «реституция и/или репатриация подразумевает изменение отношения и восприятия культурного наследия, но в этом процессе, похоже, не принимается во внимание главное: его общественная значимость» (с. 240).

Заключительная статья этого раздела называется «Картирование культурного наследия в двусторонних отношениях между Европой и Латинской Америкой: тематические исследования» (14-я глава). Витория дос Сантос Асерби анализирует совместные трансатлантические проекты: «EULAC-museums: концепты, опыт и устойчивое развитие в Европе, Латинской Америке и странах Карибского бассейна»; «URB-AL: сохранение культурного наследия в городской среде»; «URBELAC: сеть городов Европы, Латинской Америки и стран Карибского бассейна». Автор приходит к заключению, что в отношениях Европы и Латинской Америки в сфере культурного наследия отсутствует долгосрочная стратегия, а имеющиеся программы не привели к выработке определённого направления внешней политики, поскольку «дипломатия культурного наследия и международные отношения в сфере культуры не являются приоритетом в деятельности оси Европа – Латинская Америка» (с. 255).

Третий раздел открывает статья редактора сборника Родриго Кристофолетти «Три темы в действии: мягкая сила, незаконный оборот культурных ценностей и картографирование мест всемирного наследия» (15-я глава). Несмотря на то, что заявлено три темы, основное внимание уделяется «мягкой силе», автор задаётся вопросом, что такое «мягкая сила»? и рассматривает её роль в современном мире. Неуклонно проводя мысль о необходимости изучения любого явления культуры в историческом контексте, автор даже сопровождает соответствующим эпиграфом одну из частей статьи: «В эру глобальной информации, победу обеспечивает не повержающая армия, а поверженная история» (с. 272 цит. по Macclory 2018). В том что касается незаконного трафика, Р. Кристофолетти объективно освещает вопрос, отмечает огромную роль сети Интернет в этом многомиллионном бизнесе и указывает, что по сведениям Интерпола наиболее пострадавшими странами являются Германия, Франция, Италия и Россия (с. 277).

В 16-й главе «Военные трофеи и дипломатические отношения» Бруно Мирандо Зетола предлагает взгляд на военные трофеи как на место коллективной памяти (Nora 1984), что делает их исключительным объектом культурного наследия. Основывая своё исследование на эпистемологическом, правовом и историческом подходах, он подробнейшим образом анализирует историю вопроса, связь материальных объектов культуры с идеологией, различием восприятия трофеиных предметов побеждённым и победителем, сменой смысловой нагрузки

ки предмета при превращении в трофеи и многие другие аспекты этой много-гранной темы.

В 17-й главе «“Мягкая сила” Минас-Жерайс: Программа Circula Minas (2015-2018) – охрана и распространение культуры и наследия Минас-Жерайс на национальном и международном уровнях» проводится анализ результатов программы, включавшей культурный обмен и финансовую поддержку деятельности в различных сферах культуры (исследования, театр, кино и т.д.), направленной на продвижение наследия бразильского штата Минас-Жерайс. Авторы приходят к логичному выводу, что «создание и укрепление “мягкой силы” является медленным процессом, который зависит от взаимоотношений между государством и обществом; требует материальных и смысловых вложений, привлечения участников; поддержки внутри страны и за её пределами» (с. 328).

Восемнадцатая глава «Историческое наследие как инструмент мягкой силы в Новом государстве Жетулиу Варгаса» Фелипе Кейроса де Кампоса посвящена анализу деятельности Службы национального исторического художественного наследия (SPHAN), созданной в Бразилии в 1937 г. в период диктаторского режима Жетулиу Варгаса. Помимо широкого спектра издательских программ как внутри страны, так и за её пределами, Новое государство «прилагало систематические дипломатические усилия для участия в панамериканском проекте культурного обмена» (с. 332), что, по мнению автора, позволило Бразилии стать пионером в культурной дипломатии на всём Американском континенте. Служба SPHAN, подчинявшаяся Министерству образования и общественного здоровья, обслуживала нужды внутренней и внешней политики. Ф. Кейрос де Кампос утверждает, что отношения между этими двумя измерениями позволяют понять, что у Ж. Варгаса был принципиально новый культурно-политический проект, который не ограничивался лишь стремлением показать величие Бразилии.

Карлос Густаво Нобрега де Хесус в статье «Университет Коимбры и включение его в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО» (19-я глава) изучает, как повлияло на развитие португальского города Коимбры включение расположенного в нём Университета в список всемирного наследия. Отмечая улучшение экономических, социальных, культурных и образовательных перспектив, К.Г. Нобрега де Хесус подчёркивает, что образовательные учреждения, расположенные в «местах памяти», могут считаться привилегированными, поскольку имеют в своём распоряжении «ценные инструменты для интеллектуального, культурного и гуманистического созидания своего сообщества, а также могут использовать эти активы для продвижения на международном уровне и вследствие этого получить наилучшее экономическое, политическое и культурное развитие по законам мира, являющегося заложником капитала и глобализации» (с. 370).

В 20-й главе «Поворот Бразилии спиной к “мягкой силе”: невежество или безразличие к культурным ценностям?» предпринимается попытка разобраться, отвечает ли правовая система Бразилии в сфере охраны культурного наследия требованиям, зафиксированным в подписанных международных

соглашениях. Авторы изучают предусмотренные государственным законодательством инструменты для борьбы с незаконным оборотом культурных ценностей, положения Конституции, касающиеся защиты культурного наследия, а также наказания, предусмотренные за преступления против него. Тщательное исследование вопроса приводит их к неутешительным выводам: «несмотря на разнообразие созданных ресурсов, их влияние на историческую реальность не позволяет утверждать, что проблема нашла адекватное и эффективное решение поскольку результат оказался плачевным» (с. 395). Неожиданным и даже шокирующим является то, что причину подобного положения авторы усматривают в «культурном и идеологическом ревизионизме, осуществляемом правительством Жайра Болсонару, которое в настоящий момент является одним из главных приверженцев крайне правых взглядов с ярко выраженными неофашистскими чертами во всём мире» (с. 396).

В статье «Тимбила Мозамбика в концерте наций» (21-я глава) Сара Мораис рассказывает историю признания объектом культурного наследия тимбили – национального музыкального инструмента народа чопи, проживающего в Мозамбике. Хроника процесса включает события с 1940 г. по настоящее время, поскольку помимо самого инструмента нематериальным культурным достоянием являются манера исполнения, музыкальные произведения, фестивали и их атмосфера – «музыкальное самовыражение, существовавшее столетиями на территории под названием Завала, которая позволяет самоидентифицироваться её обитателям, народу чопи (территория = народ = музыка» (с. 418).

Последняя, 22-я глава сборника написана Марией Леонор Ботельо «Саласар, пропаганда и культурное наследие: дизайн “быть португальцем” как инструмент мягкой силы в 40-е гг.». В эпоху Нового государства в Португалии доминировала идея «национального возрождения», во многом определявшая разработку культурной политики. Рассматривая различные культурные явления того периода, автор останавливает своё внимание на деятельности Службы национальной пропаганды (SPN), пытаясь понять механизмы взаимодействия культурного наследия, созданного в тот период, и «мягкой силы».

Приводящиеся в конце книги интервью с видными деятелями ЮНЕСКО Ириной Боковой и Франческо Бандарином представляют не только значительный интерес, но и являются ценным историческим документом, позволяющим лучше понять исторический контекст и тенденции в сфере охраны объектов культурного наследия.

Рецензируемый труд важен для формирования целостного представления о векторах развития культурной дипломатии, охраны культурного наследия, а также понимания проблематики, над которой размышляют в настоящее время зарубежные исследователи в Европе и Латинской Америке. Многообразие подходов и богатая тематическая палитра, представленные в сборнике, являются несомненной заслугой его редакторов. С большим интересом ознакомившись с этим исследованием, полагаю, что оно будет благосклонно принято специали-

стами в сфере международных отношений, культурологии, истории искусств, а также всеми небезразличными к судьбам культурного достояния.

Об авторе:

Татьяна Михайловна Балматова – старший преподаватель МГИМО МИД России, г. Москва, 119454, Проспект Вернадского, 76. E-mail: blmt@ya.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 327.8
Received: February 12, 2022
Accepted: March 02, 2022

The Role of Cultural Heritage in Modern World Politics

T.M. Balmatova

[DOI 10.24833/2071-8160-2022-2-83-226-234](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-2-83-226-234)

MGIMO-University

Book review: Christofoletti R., Botelho M. L. (ed.) 2021. *International Relations and Heritage. Patchwork in Times of Plurality*. Springer Nature Switzerland AG. 468 p. DOI: 10.1007/978-3-030-77991-7

Keywords: soft power, cultural diplomacy, cultural heritage, Ibero-America, international relations, geopolitics, historical revisionism

About the author:

Tatiana M. Balmatova – Senior lecturer of Spanish language department, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (MGIMO-University), 76, Vernadskogo Prospekt, Moscow, 119454, Russian Federation.

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- MacLroy J. 2018. *Soft Power 30. A global Ranking of Soft Power 2018*. URL: <https://softpower30.com> (accessed 27.03.2022).
- Babelon J.-P., Chastel A. 1994. *La notion de patrimoine*. Paris: Liana Levi. 142 p. (In French)
- Nora P. 1984. *Entre Mémoire et Histoire: la problématique des lieux*. Paris: Gallimard. 674 p. (In French)